ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1927. АПРЕЛЬ 4

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО, Н. А. КОВАЛЕВСКОГО,
С. Г. СТРУМИЛИНА, А. С. МЕНДЕЛЬСОНА
и Р. Е. ВАЙСБЕРГА

№ 4

АПРЕЛЬ

1927 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

принимают участие:

Аквила (Германия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А., Баранский Н. Н., Бернацкий Л. Н., Бернштейн-Коган С. В., Бессонов С. А., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е. (Германия), Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишневский Н. М., Владимирский М. Ф., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дмитров (Болгария), Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Иоффе А. А., Каменев Л. Б., Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Квиринг Э. И., Килевиц С. С. Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Крицман Л. Н., Кржижановский Г. М., Кричевский С. И., Круг К. А., Кукель-Краевский С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лежава А. М., Лерман И. Е., Лозовский А., Лосицкий А. Е., Людвиг (Германия), Мамченко Н. С., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осадчий П. С., Осинский В. В., Первушин С. А., Петров А. И., Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Пятаков Г. Л., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рой М. Н. (Индия), Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Скобелев М. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков З. Г., Тальгеймер А. (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Тян-Пин-Сян (Китай), Фалькнер С. А., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шахновская С. В., Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Эвентов Л. Я., Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А. и др.

Главлит № 81.847. Типография „Искра Революции“ Мосполиграф, Арбат, Филипповский, 11.
Тираж 6.070.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

	Стр.
Н. А. Ковалевский. На новую ступень	VII
Н. Д. Кондратьев. Критические заметки о плане развития народного хозяйства	1
Н. К. Мекк. О перспективах железнодорожного транспорта	34
С. Г. Струмилин. Железнодорожное хозяйство СССР	43
А. Д. Пергамент. Иностранный капитал и строительные концессии	67
А. Е. Лосицкий. Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе	79
Н. Н. Виноградский. Болезни хлебного рынка	92
А. Леонтьев. К вопросу о природе хозяйства СССР	108
М. Гольман. Монополистический капитализм в России к 1914 г. и строительство социализма в СССР	127

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

Л. Фрейман. Мировая безработица в 1926 году	151
Г. А. Фельдман. К характеристике хозяйственной кон'юнктуры С. Ш. А.	166

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

А. М. Терпигорев. Об эксплоатации курских железных руд	175
Н. В. Красовский. Достижения и перспективы в использовании энергии ветра в СССР	183

ОТДЕЛ IV

По районам

А. Е. Ходоров. Западный Китай и Семиреченская железная дорога	197
В. И. Лавров. Основные капиталы государственной промышленности по районам СССР	206
Б. В. Волков. Влияние железнодорожной тарифной политики в области хлебных тарифов (экспортных и внутренних) на возможность развития зернового хозяйства в районе ж. д. Петропавловск-Акмолинск при сверхмагистрализации Сибирской ж. д.	224
И. А. Фатьянов. Итоги районирования Киргизии	247

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Экономическая пресса областей и республик Союза

I. Эконом. журналы Центр.-Пром. области 257
II. Северо-Западная область 262
III. Центр.-Черноземная область 265
IV. Украина . . . . . —
V. Западная область 267
VI. Северный Кавказ 272
VII. Эконом. журналы Закавказья . . . . . —
VIII. Нижне-Волжская область 275
IX. Средне-Волжская область 276
X. Вятско-Ветлужская область 278
XI. Эконом. журналы Сев.-Вост. области 279
XII. Урал . . . . . —
XIII. Казакстан 281
XIV. Средняя Азия 282
XV. Западная Сибирь . . . . . —
XVI. Якутия 283
XVII. Дальне-Восточная область 284

ОТДЕЛ VI

Статистика

С. Розентул. Проблемы труда в перспективном плане 289
Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 28 303
Динамика мирового хозяйства. Бюллетень № 3 (23) 319

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Н. А. Ковалевский

На новую ступень

1. О методе

В строительстве новой экономики мы достигли уже такого этапа, таких организационно-экономических завоеваний, которые требуют от нас постоянной активности в области хозяйственного руководства. Страна, в которой около 80 % товарооборота проходит через государственный и кооперативный сектор, в которой 97 % средств производства города обобществлено, в которой 99 % крупной промышленности находится в руках пролетарского государства, не может уже полагаться на стихийный „разум“ рынка.

Еще меньше она может полагаться на него в области капитальных затрат на строительство новых фабрик и заводов, шахт, железнодорожных и водных путей, портовых сооружений и т. п. по той простой причине, что они... уже не подвластны этой рыночной стихии, и вложение капиталов в эти решающие отрасли хозяйства происходит уже не на основе закона средней нормы прибыли и не в результате конкурентной борьбы об'единенных в тресты капиталистических группировок, а на основе постановлений руководящих органов пролетарского государства. Именно этим путем прежде всего идет теперь распределение народного дохода и, в частности, накоплений, поступающих на расширение производства.

Шесть лет тому назад В. И. Ленин в своем письме Госплану[1] писал: „Надо попытаться рассчитать общегосударственный хозяйственный план на три случая: 1) 200, 2) 250 и 3) 300 милл. пудов хлеба в руках государства на год (1 сентября 1921 г.—1 сентября 1922 г.). Может-быть, если трудности провести до конца все расчеты на три случая окажутся велики, рациональнее будет ограничиться одним подробным расчетом на случай получения 250 милл. пуд. с тем, чтобы излишек (300—250) считать запасом на черный день, а на случай полной нехватки хлеба (200 милл. пуд.) разработать лишь приблизительно (столько-то прикупить из-за границы, так-то в общем

---

[1] 16 мая 1921 г.

„сократиться“ по части промышленности, транспорта, армии и т. д.)“. Однако, тогда даже это скромное пожелание, даже 200 милл. пуд. хлеба, оказалось трагически недосягаемым пожеланием. Теперь речь идет о распределении на пятилетие 18 миллиардов рублей одних только капитальных вложений, которые должны оказать решающее влияние на направление экономического развития нашей страны.

Между тем, отсутствие общепринятых планов влечет к растрате средств, к строительному грюндерству, грозящему поставить нас перед совершившимся фактом в области приступа к фундаментальному строительству.

При таких условиях понятна острота потребности в перспективной народнохозяйственной ориентировке, которую ощущает страна. Понятна также и та срочность, с которой Центральная комиссия по пятилетнему перспективному плану должна была закончить его первоначальный вариант.

В настоящее время этот том в качестве материалов к будущему плану предложен вниманию общественного мнения страны, и экономическая мысль ее имеет возможность высказать о нем свое суждение еще прежде, чем работы ведомств по критическому рассмотрению этих материалов будут закончены, и Госплан, опираясь на них, сможет приступить к синтетическому завершению этой работы.

Сосредоточить внимание экономической и общественной мысли страны на этой работе тем более необходимо, чем шире круг захватываемых ею вопросов и чем больше будет ее значение для направления экономического развития нашей страны. Значение же это поистине колоссально. Тов. Рыков был неоспоримо прав, когда закрывая расширенное заседание СНК с представителями республик — делегатами IV С'езда Советов СССР, на котором было заслушано предварительное сообщение о „пятилетке“, — и обращая внимание делегатов на важность этой работы, сказал: „Ее конкретное значение таково, что это программа, то что соответствует программе партии на 5 лет“...

Настоящей статьей мы хотим лишь обратить внимание на некоторые из основных проблем „пятилетки“, в особенности те из них, которые представляются наиболее дискуссионными.

Прежде всего несколько слов о методологии.

Как всегда, колоссальная спешка при окончательной компановке плана и его литературном выражении не могла не сделать своего дела и внешнее выражение плана не вскрывает, а скорее скрывает методы его построения.

И это уже породило ряд недоразумений, выразившихся, в первую очередь, в спорах с представителями ведомств в процессе работы, а затем и в прениях на II С'езде плановых органов Союза. Мы остановимся на наиболее ярких из имевших место возражений.

С наиболее законченно формулированными методологическими замечаниями выступил проф. Н. Д. Кондратьев.[1] Не отрицая, в общем, применения балансового метода при разработке плана, проф. Кондратьев замечает, что, в сущности, балансовый метод призван гарантировать лишь увязку различных частей плана между собою, их внутреннюю согласованность. Однако, внутренняя согласованность плана еще не обеспечивает его обоснованности. Таких внутренне согласованных планов можно построить n-ное количество и все они могут быть при этом совершенно необоснованы, а потому нереальны и невыполнимы.

Обоснован ли анализируемый план, предложенный Центральной комиссией?

Прослеживая обоснование различных частей плана, проф. Кондратьев пришел к следующему выводу. Построение перспективного плана было начато, по словам С. Г. Струмилина, „с установления перспектив промышленности. При чем темп роста производства средств широкого потребления определялся в зависимости от размеров капитальных вложений, а эти капитальные вложения в зависимости от прироста емкости потребительского рынка“. Емкость рынка в свою очередь исчислена. „Ясно, что она определяется, в свою очередь, ростом городов и городского населения, ростом благосостояния городского и сельского населения, ростом его потребительского спроса именно на предметы индустриального производства. Но ведь рост городов, рост благосостояния населения и т. д. определяется темпом развертывания производства, и, в частности, промышленного производства, и другими условиями. Таким образом,— пишет Н. Д. Кондратьев, — следуя чисто формальным указаниям автора, в поисках обоснования темпа развертывания производства средств потребления, мы наталкиваемся либо на цифры, совершенно не мотивированные (накопление), либо оказываемся в порочном кругу, так как убеждаемся, что искомый темп развертывания производства средств потребления, по крайней мере частично, определяется темпом роста производства этих же средств потребления“ (названная статья, гл. III).

---

[1] См. стенограммы названного с'езда и статью проф. Кондратьева, „Критические заметки о плане развития народного хозяйства“, помещаемую ниже, в этом же номере „Планового Хозяйства“.

Такой порочный круг, по мнению Н. Д. Кондратьева, выступает еще отчетливее, когда мы прослеживаем основания принятого темпа производства средств производства. Емкость рынка средств производства в интересах бескризисного развития берется в соответствии с ресурсами капитальных вложений. Эти последние базируются на накопления, но накопления также исчислены без всяких оснований. А что до емкости рынка, средств производства, то, по словам плана, „рынком является прежде всего сама промышленность“ (там же).

Перспективы развития сельского хозяйства... определяются в зависимости от развития промышленности, по крайней мере, в части технических и трудоемких культур и т. д., и т. п.

По мнению Н. Д. Кондратьева, все попытки углубиться в условия развития различных элементов народного хозяйства „приводят нас или к условиям, которые сами взяты без достаточного обоснования, или к порочному кругу“ (там же).

Правда, ниже Н. Д. Кондратьев вынужден признать, что основанием этого „порочного круга“ до известной степени является... цепная зависимость всех элементов народного хозяйства...

Однако, наличие ее, разумеется, не лишает необходимости обоснования всего построения.

Выходом из „порочного круга“, поскольку отправным моментом в построении плана была промышленность с необходимыми для ее развития капитальными вложениями, могло бы быть обоснование этих вложений путем определения народнохозяйственных н а к о п л е н и й. Однако, и этот элемент плана, по мнению проф. Кондратьева, не обоснован.

Таким образом, весь план лишен какого бы то ни было обоснования.

Таково то тяжкое обвинение, которое пред'явлено проф. Кондратьевым составителям проекта перспективного плана. При первом взгляде, в особенности для человека, не имеющего отношения к составлению этого плана, оно может показаться убедительным.

Однако, присмотримся к делу ближе.

Каковы в действительности единственно-правильные методы построения перспективного плана?

Элементы для его построения даны нам в результате нашего хозяйственного опыта. Они представляют собою те посылки, которые ложатся в основание всего построения.

Что нам таким образом дано? Это прежде всего:

I. Демография СССР, как хозяйствующего суб'екта, с его классовыми и национальными группировками, с одной стороны, и как носителя живой энергетики страны — ее рабочей силы — с другой, и

II. Противостоящий этому коллективному хозяйствующему суб'екту внешний мир, на который он воздействует и который в экономическом смысле слагается из:

1) определенной территории, занимаемой СССР;

2) естественных богатств ее, в общем практически достаточно изученных, чтобы вести на этой территории народное хозяйство;

3) производительных сил страны, слагающихся из определенной освоенной части естественных богатств, выступающих здесь в качестве природных „условий труда“, и средств производства, созданных руками человека, представляющих собою накопленный продукт труда предшествовавших поколений, приводимый в движение определенными, известными нам техническими способами и приемами.

Затем нам даны:

III. Производственные отношения людей, как они сложились на сегодняшний день в итоге предшествовавших циклов воспроизводства и, наконец,

IV. Тот хозяйственный эффект, который является результатом приложения народного труда в этих условиях.

Вот те данные, которыми мы практически в достаточной степени располагаем в результате девяти лет руководства народным хозяйством.

Как же формулируется задача, которая перед нами стоит?

В самой общей формулировке она такова.

Построить оптимальный при данных условиях план организации народного труда на 5 лет, по типу расширяющихся циклов воспроизводства. [1]

При этом предполагается плавность народнохозяйственной динамики (в смысле отсутствия кризисов) и максимально-возможный темп развития, при чем, разумеется, не безразлично какого развития, а движения в сторону все большей индустриализации страны и максимально-возможного за данный отрезок времени приближения всей системы к социализму.

Посильна ли такая задача? И есть ли достаточные условия для ее разрешения? Задача эта для нас безусловно посильна именно потому, что необходимые и достаточные для ее разрешения условия

---

[1] Беря термин „воспроизводство“ в его широком, марксовом смысле, т.-е. со включением в него не только процессов непосредственного производства, но и процессов „распределения“ продукции и процессов воспроизводства рабочей силы в широком смысле слова, включая сюда потребление (а стало быть и материальные условия быта) и народное образование, как процесс создания квалифицированной рабочей силы всех ступеней и т. д., и т. п.

перечисленные нами выше, в практически достаточной для ее разрешения степени — налицо.

Именно наличностью этих условий и степенью осознанности их и определяется обоснованность перспективного построения.

Отрицать наличие этих условий или обвинять составителей проекта в незнакомстве с ними, это значит:

1) обвинять коллектив, работавший над составлением плана, в незнакомстве с демографией Союза;

2) в неучете элемента территории;

3) наличных естественных богатств;

4) обвинять ВСНХ в незнании производительных сил, сосредоточенных в промышленности, которой он руководит десятый год, и незнакомстве с его „конкурентами"—частным производителем и кустарем;

5) обвинять НКЗемы республик в незнакомстве с динамикой сельского хозяйства их;

6) НКПС в невежестве в области учтенного до мельчайших деталей транспорта;

7) Наркомпочтель в неосведомленности по части состояния связи и ее хозяйства;

8) Наркомвоен в неведении состояния дела обороны и т. д., и т. п.

Неужели же Н. Д. Кондратьев серьезно думает, что эти условия построения плана нам не даны в результате девяти лет хозяйствования.

Нам на это могут возразить известным афоризмом:

„Вес и достоинство этой монеты нам хорошо известны, но скажите: есть ли она у Вас?"

Однако, во-первых, такой вопрос прежде всего знаменовал бы собою признание того положения, что „наличие этой монеты" гарантирует обоснованность построения и ни о каком порочном круге говорить не приходится; а во-вторых, к сожалению, мы должны признать, что „пятилетка" скорее страдает от избытка такой „монеты" и чрезмерной „согласованности" с ведомствами, нередко в ущерб творческому реконструирующему воздействию на них, чем от недостатка использования их материалов. Примером может служить хотя бы глава о транспорте.

После этого мы спрашиваем: о каком же порочном круге может итти речь?.. Ваш „порочный круг", тов. Кондратьев, превращается... в ту самую цепную связь, наличие которой в плане Вы не без смущения принуждены были констатировать.

Но именно потому, что план опирается на опыт прошлого, с одной стороны, на элементы настоящего — с другой, и вынужден при

этом решать уравнение со многими неизвестными — он вынужден также опираться на экспертизу и ставить прогноз. При чем, поскольку в числе неизвестных целый ряд подчинен нам в качестве элементов экономической политики, мы вынуждены давать не только предвидение, но и решать вопрос о направлениях экономической политики, т.-е. строить план также и как директиву, вне выполнения которой он не может быть реален.

Возможностью *n*-ного количества вариантов сочетаний подчиненных нашей воле элементов и определяется множественность возможных вполне реальных планов, многие из которых могут быть не плохими планами, но оптимальным из которых может быть только один.

В данном случае вопрос прежде всего и заключается в том, представляет ли собою предложенный план лучший тип нашего движения к социализму, или здесь нужны поправки, изменения или дополнения.

2. Накопление и финансирование

Накопление — лишь функция производства, а финансовая сторона дела — лишь форма выражения протекающих экономических процессов. Поэтому вполне правильно, не фетишизируя в этих вопросах, Комиссия пошла по пути проработки вопросов динамики производства во всех отраслях народного хозяйства, условий обмена (политика цен и пр.) и затем уже, на основе развертывающегося производства и накопления в отдельных отраслях хозяйства, построила финансовый план народнохозяйственного целого.

Мы здесь, разумеется, не имеем никакой возможности воспроизводить его обоснования, да это и не входит в задачи нашей статьи. Интересующихся мы отсылаем к соответствующим главам тома материлов пятилетнего плана. Материалы эти не были известны критикам, выступавшим до сих пор по этому вопросу, так как они по понятным причинам, в виду их громоздкости, не были опубликованы ни в № 3 „Планового Хозяйства", ни оглашены на С'езде. Лишь с выходом тома трудов Комиссии критика получает возможность проверить свои сомнения по этому вопросу.

Здесь мы остановимся только на некоторых моментах финансового плана, качественно характеризующих динамику народного хозяйства и ту оценку финансовых возможностей, с которой авторы подходили к составлению плана.

1) Удельный вес неналоговых доходов, т.-е. доходов, поступающих в бюджет из социалистического сектора, на протяжении всего пятилетия сохраняется в общем стабильным

(49,7%) с некоторым ростом местных неналоговых доходов и падением государственных.

2) Тяжесть налогового обложения не возрастает, в то время как внутренняя структура его несколько меняется: промысловый налог остается стационарным, удельный вес подоходного налога растет с 3,4% до 4,3,%, удельный вес с.-х. налога падает с 6,1% до 5,4%.

3) Удельный вес поступлений от косвенного обложения остается стабильным, в то время как в предшествовавшие годы он стремительно возрастал (с 1923/24 по 1925/26 гг. он вырос вдвое). Намеченная стационарность об'ясняется запроектированным снижением акцизов на предметы широкого потребления: запроектирована отмена акцизов на соль, крахмальный сахар и патоку, папиросную бумагу и гильзы, и резкое снижение на свекловичный сахар, спички, чай, махорку, папиросы и вина.

4) Прибыль госпромышленности определяется по годам на пятилетие (от 1926/27 г. к 1930/31 г.) в следующих цифрах: 580 милл. руб., 655 милл. руб., 713 милл. руб., 763 милл. руб. и 800 милл. руб., из которых половина остается в распоряжении самой промышленности, а другая половина передается в бюджет, распадаясь на 25%, идущих в местный бюджет, и 10%, уплачиваемых по подоходному налогу, остальное поступает непосредственно в госбюджет.

Амортизационные отчисления за пятилетие: 363 милл. руб., 400 милл. руб., 437 милл. руб., 477 милл. руб. и 516 милл. руб., а всего за 5 лет 2.193 милл. руб.

5) Доходы транспорта намечены в 9.845 милл. руб. и распределяются по годам пятилетия следующим образом: 1.675 милл. руб., 1.834 милл. руб., 1.973 милл. руб., 2.110 милл. руб., 2.252 милл. руб.

6) Удельный вес государственного кредита запроектирован стабильным.

7) Эмиссионные возможности запроектированы в жестком соответствии с ростом товарооборота:

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	Итого за 5лет
Годовой % роста товарооборота (в ценах реализации)	42,2	43,3	10,8	8,5	5,7	6,9	6,0	44,0
Годовой % роста денежной массы в обращении . .	93,0	53,7	10,9	8,8	6,2	6,0	6,0	44,0
Абсолютный рост денежной массы в милл. руб. . . .	388	433	136	121	92	95	102	545

Эти цифры говорят о том, с какой осторожностью проектировался финансовый план.

Некоторую ориентировку в этом отношении может дать нам и довоенный опыт. За пятилетие 1904—1908 гг., на которое приходится русско-японская война и первая революция, бюджет царской России, потрясенной в своих основах, дал всего лишь 3,8% прироста. В следующее, более спокойное пятилетие, на которое падает два урожая, темп роста составил уже 7,4%, а в следующий затем 1913 год дал 10% роста.

В рассматриваемой нами пятилетке на 1926/27—1930/31 гг., учитывая потухающий, незавершенный еще в области финансов процесс восстановления, динамика госбюджета запроектирована в обратном направлении:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
Годовой прирост в %%. . . .	35,7	24,1	9,7	8,5	7,6	7,6

Это сравнение с довоенными темпами развития, как и анализ приведенных выше основных статей, имеющих решающее значение в характеристике доходной части бюджета, для экономиста достаточно говорят сами за себя, чтобы их еще комментировать.

Однако, и здесь дело не обходится без сомнений и критики. При чем с наибольшей настойчивостью борется против этой проектировки все тот же проф. Н. Д. Кондратьев.

Прежде всего он ссылается на производственно-финансовый план ВСНХ, по которому промышленное накопление с амортизацией составляет для 1925/26 г. не 889 милл. руб., как значится в „пятилетке", а меньше: оно определяется цифрой в 747 — 814 милл. руб. Таким образом, проф. Кондратьев стремится показать, что цифра накоплений по исчислениям ВСНХ меньше, чем по исчислениям Комиссии Госплана. Однако, кого же он этим хочет удивить? Вот если бы цифра ВСНХ оказалась больше Струмилинской — это было бы в самом деле удивительно. Однако же, этого нет.

Видимо все же не полагаясь в этом деле на цифру ВСНХ, Н. Д. Кондратьев пытается побочным методом исчислить, опираясь на данные „пятилетки", возможное накопление. При этом он идет следующим путем. Он принимает годовую сумму (1925/26 г.) накоплений государственного сектора, равную, по исчислениям С. Г. Струмилина, 1.868 милл. руб., за все накопление страны, рассуждая следующим образом: „Что касается сектора частного хозяйства, то относительно него С. Г. Струмилин развивает принципиально ту мысль, что этот сектор может дать для накопления в государственном секторе (курсив наш. Н. Ков.) очень немного через бюджет, кредит и банкнотную эмиссию (стр. 47—50,

„Плановое Хозяйство“, № 3). И все, что он может дать в этой области, автором (т.-е. С. Г. Струмилиным) уже учтено и включено в приведенные цифры“.[1] Этого замечания для проф. Кондратьева оказывается достаточно, чтобы принять названную сумму накоплений государственного сектора за все накопление страны. Совершив такое „допущение“, он затем проделывает следующее простейшее исчисление. Все годовое накопление страны 1.868 милл. руб. Остальная часть народного дохода потребляется. Так как весь народный доход 1925/26 г. составляет 21.541 милл. руб., то, следовательно, потребляется 19.673 милл. руб., или 138,6 руб. на душу. Народный доход 1930/31 г. 29.328 милл. руб. Реальное благосостояние всего населения на душу возрастет к этому году на 31%, и душевое потребление составит, следовательно, уже не 138,6 черв. руб. на душу, а на 31% больше, т.-е. 181,6 черв. руб. Так как население к этому году возрастет на 11,2% и определится цифрой в 157,7 милл. человек, то оно и потребит 181,6 черв. руб. × 157,7, т.-е. 28.638 милл. руб. при народном доходе в 29.328 милл. руб. И на долю всего народнохозяйственного накопления останется лишь 690 милл. руб. В то время как по данным той же пятилетки (проф. Кондратьев ссылается на таблицу о накоплении на стр. 48 № 3 „Планового Хозяйства“) годовое накопление одного только государственного сектора в 1930/31 г. должно было составить 3.693 милл. руб. (Между прочим: откуда эти цифры? На стр. 48 „Планового Хозяйства“, № 3, соответствующие цифры годового накопления 1.652 милл. руб. и 3.184, а не 1.863 и 3.693 милл. руб.)

„Различие этих цифр,—пишет Н. Д. Кондратьев,—настолько значительно, что здесь не может быть и речи о случайном и ничего не значащем несовпадении, не может быть и речи о частичных поправках“ (упомянутая статья, гл. IV).

Да. Повидимому „что-то гнило в царстве датском“, если возможны такие прорехи.

В чем же, однако, дело? А дело в том, что по пятилетнему плану запроектировано повышение покупательной способности червонца на 11%. Проф. Кондратьев совершенно правильно отмечает в своем расчете, что, согласно построений плана, „реальное благосостояние (курсив наш. Н. Ков.) всего населения на душу возрастет к 1930/31 г. на 31% (там же). И в 1930/31 г. оно, действительно, будет выражаться в 181,6 черв. руб. на душу населения, но только... по ценам 1925/26 года. Цены же эти, согласно предположениям плана, понизятся на 11%. Поэтому в червонных

[1] Печатаемая ниже статья Н. Д. Кондратьева, гл. IV.

рублях 1930/31 года повысившееся на 31% на душу реальное благосостояние населения несмотря на всю свою реальность будет выглядеть на 11% скромнее и составит 161,62 черв. рубля.

А 161,62 черв. руб. × 157,7 дают цифру 25.487 милл. руб. народного потребления. Таким образом, на долю накопления остается сумма не в 690 милл. руб., а 29.328—25.487, т.-е. 3.841 милл. руб.

Мы совершенно отказываемся понимать, как такой видный экономист, как Н. Д. Кондратьев мог попасть в такой просак, непростительный даже для студента экономического отделения ВУЗ'а.

Стоит ли после этого останавливаться на следующем утверждении того же автора: „Трудно допустить, чтобы в стране, где реальный народный доход стоит ниже довоенного (что видно из исчисления самого С. Г. Струмилина, стр. 46), где доходы весьма нивеллированы, где частное накопление идет явно замедленным темпом,— процент накопления был выше довоенного. Трудно допустить, что при условии, когда почти все другие элементы народного хозяйства стоят еще ниже довоенного уровня, именно процент накопления превзошел этот уровень“.

Не ясно ли прежде всего, что именно то обстоятельство, что народный доход еще не достиг довоенного, обусловливает собою более быстрый темп развития и, в частности, накопления, поскольку речь идет о завершении восстановительного процесса.

А во-вторых, утверждать, что нивеллировка доходов и препятствия к частному накоплению являются факторами, задерживающими накопление в стране,— не значит ли это соскользнуть с народнохозяйственной точки зрения на обывательскую, на точку зрения вульгарного экономиста. И не значит ли это отдавать качественное предпочтение дореволюционным формам хозяйства и не принимать, или, в лучшем случае, не понимать качественного превосходства организационных форм, принесенных революцией.

Неужели еще не ясно всякому в советской стране, что одно только устранение класса тунеядцев и связанных с их существованием faux frais производства уже дает нам такие преимущества, которые не могут не отразиться на темпе накопления. А что-нибудь еще нужно отнести и на счет рационального начала в руководстве хозяйством, и на счет уменьшения стихийности, уменьшения конкуренции, увеличения „плавности“ развития и сокращения связанных с кризисами растрат рабочего времени и накопленного труда...

Мы положительно отказываемся разделять высказанный критиками „пятилетки“ пессимизм в вопросах темпа предстоящего накопления и развития народного хозяйства.

Тем более у нас для этого нет основания, что даже в лагере противников этой компановки нет единомыслия. Так, например, не кто другой, как тов. Сокольников, выступая на С'езде плановых органов, заявил, что, по его мнению, при правильной политике возможен и еще больший темп хозяйственного развития. В частности, по вопросу о денежном обращении он возражал против намеченного темпа эмиссии, считая его недостаточным („Нельзя ставить крест на программе роста денежной массы")[1] и подчеркивая, что по плану к 1930 году денежная масса в обращении достигнет лишь, примерно, 50% реального довоенного денежного обращения.

Если его соображения верны, то здесь мы имеем еще одну гарантию, еще одну перестраховку прочности и не преувеличенности всего построения.

Таким образом, если мы сопоставим соображения, высказанные относительно темпа накопления и реальности финансового плана, и учтем к тому же все растущую роль и удельный вес бюджета, как фактора перераспределения народного дохода, если учтем также частично происшедшую уже и продолжающуюся реконструкцию всей нашей финансовой системы в соответствии с новыми переворотными формами хозяйствования, то станет ясно, что, запроектировав рассмотренные нами темпы роста бюджета и народнохозяйственного накопления, авторы пятилетки скорее могли совершить ошибку в сторону преуменьшения темпов развития, чем преувеличения их.

3. О вопросах энергетики

Прежде чем перейти к анализу дискуссионных проблем различных отраслей хозяйства мы хотим здесь остановиться и еще на одном вопросе.

Приступая к капитальному строительству, которое послужит подлинным фундаментом, на котором затем будут развиваться социально-хозяйственные отношения, мы должны не только дать себе отчет в том, какие типы производственных отношений мы будем культивировать, но и ответить себе на вопрос о технических типах хозяйствования, на которых мы останавливаемся в том или ином случае, в том или ином районе, или, может-быть, в той или иной отрасли хозяйства.

Имея перед собой материальные элементы плана, о которых мы говорили выше, прежде чем приступить к его компановке, мы

[1] См. выходящий в скором времени том, посвященный II С'езду плановых органов.

должны отдать себе отчет в том, какими техническими методами, с применением каких новейших достижений техники нам необходимо оперировать, чтобы получить оптимальный народнохозяйственный эффект, способный не только противостоять, но и побеждать в конкурентной борьбе социалистических методов организации труда с капиталистическим миром.

Мы должны себе поставить вопрос: не заложено ли в современной технике какого-либо организующего принципа, который, монистически пронизывая все отрасли хозяйства и все трудовые процессы, давал бы нам руководящую нить в вопросах нашего строительства.

И мы должны признать, что такой принцип есть, что он существует и независимо от нашей воли пронизывает собою все отрасли народного хозяйства, все трудовые процессы. Речь идет о форме применения энергии в трудовых процессах.

Пользуется ли человек для воздействия на внешний мир только энергией своего собственного тела, применяет ли он энергию животных, базируется ли он на силу пара, применяет ли двигатели внутреннего сгорания, или, наконец, он располагает энергией в форме электричества,—в каждом из этих случаев производительность среднего народнохозяйственного часа человеческого труда настолько различна, народнохозяйственные коэффициенты эффективности трудовых затрат всего общества настолько отличаются в зависимости от модуса применения энергии, что эти различные типы использования энергии характеризуют собою различные эпохи в истории человечества.

И мы обязаны ответить себе на вопрос: какую же из этих форм применения энергии кладем мы в основу для будущего реконструированного хозяйства, принимаем как ведущее начало, определяющее собою и весь тип производственного процесса. Будет ли это лошадь—один тип производства, будет ли это двигатель внутреннего сгорания — другой тип производства, будет ли это провод от районной электроцентрали—совершенно иной тип хозяйства и культуры.

Мы, разумеется, должны отдавать себе отчет в том, что наша страна слишком обширна и слишком разнообразна в экономическом отношении, чтобы можно было привести все ее хозяйство к какому-либо одному техническому типу. Наоборот, нам приходится говорить о применении различных технико-экономических типов. Но это отнюдь не упрощает проблемы, ни на иоту не уменьшая в то же время и нашей ответственности за плановое руководство хозяйством в смысле

направления его в каждом данном случае по линии оптимума. Такая постановка вопроса неизбежно приводит нас к районному принципу в хозяйственном строительстве.

К сожалению, с этой точки зрения проект плана еще весьма далек от совершенства. Наиболее отрадное впечатление в этом отношении оставляют план топливоснабжения и план электрификации. Начинает вступать в права гражданства районный принцип и в области товарооборота (районы заготовок, потоки грузов, их направление, спецификация районов товаропроизводящих и районов потребления и т. п.). Но основные отрасли народного хозяйства—промышленность и сельское хозяйство — в этой привычной компановке плана остались еще непроработанными в районном разрезе. Слишком много сделано Госпланом в области насаждения идей экономического районирования, слишком много усилий приложено к его осуществлению, чтобы здесь была какая-нибудь надобность говорить о необходимости применения районного метода при построении перспективных планов сельского хозяйства и промышленности. Дефект этот единодушно подчеркивался на С'езде плановых органов как докладчиками, так и рядом делегатов. Однако, причину его приходится искать за пределами коллектива, компановавшего эту пятилетку, ее приходится искать в постановке дела в тех плановых органах, от которых Комиссия черпала материалы для своих синтетических построений. Необходимо, однако, чтобы дефект этот, если не в ближайшие месяцы, то в течение ближайшего года — к рассмотрению „пятилетки" на 1927/28 — 1931/32 гг.— был устранен.

Если план электростроительства приходится признать наиболее глубоко продуманным и принципиально выдержанным как в смысле энергетическом, так и в смысле последовательного проведения принципа экономического районирования, то относительно внедрения идеи электрификации в отрасли народного хозяйства и проникновения ею планов этих отраслей этого еще далеко нельзя сказать.

Так, например, в области транспорта в пятилетнем плане мы находим только проект электрификации некоторых пригородных участков и перевального участка железной дороги Тифлис—Батум (Сурамский перевал).

Между тем, по основным направлениям мы уже подходим к пределу возможного использования существующего железнодорожного транспорта, и уже в это пятилетие вопросы реконструкции его будут давить на нас, ибо транспорт грозит превратиться в элемент, тормозящий развитие народного хозяйства. Электрификация перегруженных направлений является в этом случае прямым выходом

из затруднений, ибо она увеличивает пропускную способность, разрешает в положительную сторону вопрос о профилях наших железных дорог, в значительной степени устаревших для современного движения, резко сокращает расход топлива, а в связи с применением районными станциями местного топлива, намеченным в плане электрификации, разгружает дороги от топливных перевозок. Наконец, проблема железнодорожных узлов, превратившихся в настоящее время, в виду того, что движение давно уже переросло их нормальную пропускную способность, в поистине узкие места нашего народного хозяйства,— вместо экстенсивного архаического расширения их получила бы совершенно иное решение с электрификацией, приводя вместе с тем к резкому повышению производительности труда в узловых операциях и повышению эффективности капитальных затрат.

В настоящее время можно считать уже вполне назревшим вопрос об электрификации Октябрьской дороги, связывающей два крупнейших центра страны. Проблема эта прежде всего чрезвычайно облегчается экономически тем обстоятельством, что вполне исправные и доброкачественные паровозы Октябрьской дороги могут быть с успехом использованы на других направлениях с устаревшим паровозным парком, где еще будет продолжаться применение паровой тяги.

Особенностями этого железнодорожного участка, решающими дело, являются следующие моменты. Во-первых, отпадает надобность в 25 милл. пуд. нефти и угля и их транспортировании с юга, так как дорога будет питаться электроэнергией за счет сжигания 18 милл. пудов местного торфа. Во-вторых, для снабжения дороги энергией пришлось бы поставить лишь пару добавочных машин. Об'ясняется это, с первого взгляда совершенно невероятное, обстоятельство тем, что благодаря огромному удельному весу пассажирского движения на Октябрьской дороге, главный спрос на энергию она пред'являет ночью (время движения этих поездов). Между тем, потребление энергии в столицах ночью падает втрое. Таким образом, здесь обнаруживается возможность своеобразного транспортно-энергетического комбината, чрезвычайно упрощающего и облегчающего реконструкцию.

Затем заслуживает по своей экономической важности исключительного внимания проблема электрификации Курской дороги. Связь ЦПО и потребляющего индустриального севера с основной топливной и металлургической базой — Донбассом—становится с каждым годом все более недостаточной. В ближайший же год на очередь

станет вопрос об ее усилении. Здесь конкурируют два проекта: электрификация Курской железной дороги и постройка сверхмагистрали по новой трассе с меньшими уклонами. Не вдаваясь в рассмотрение обоих вариантов, в смысле непосредственного экономического эффекта довольно равноценных, мы хотим здесь лишь обратить внимание на крайнюю нерациональность с точки зрения дальнейших перспектив развития — вложения колоссальных капиталов (порядка 900 милл. руб.) в предприятие, которое по своему техническому типу (паровая тяга) является детищем прошлого. Через некоторый срок, когда оно будет еще в расцвете своих „физических" сил, оно будет уже смотреть на нас с немым укором из-за своей „моральной" устарелости. Между тем, электрификация Курской дороги будет грандиозным толчком для технического прогресса, станет очагом новой культуры, рассадником необходимейшего нам опыта в деле строительства подлинной технической базы социализма.

Ссылки работников НКПС на отсутствие опыта и тот консерватизм в отношении выбора тяги, который установился у них в результате многодесятилетней привычной работы с паровозом, не может для нас служить аргументом в вопросах социалистического строительства.

С вопросами электрификации промышленности дело обстоит несколько лучше (удельный вес промышленности в ряду потребителей энергии равен 75%, в то время как удельный вес транспорта равен 1,5%). Но и здесь к возможностям реконструктивного применения электричества, к внедрению его в производственные процессы, мы еще только подходим.

Несравненно хуже обстоит дело с электрификацией в области сельского хозяйства. (Удельный вес его в потреблении энергии 0,2%, а к концу пятилетия 0,6%). Здесь мы, несомненно, не нашли еще даже подступов к этому делу. Та мелкая электрификация (для осветительных целей), увлечение которой наблюдалось в течение ряда лет, по самому существу своему не могла не привести к разочарованию. Осветительная нагрузка всегда очень дорогая вещь по причине огромной удельной стоимости сооружения и содержания осветительной сети по сравнению с ничтожным потреблением энергии для световых целей. У американцев это выражается в тарифах на 1 квтч. на осветительные цели порядка 20 коп., при 3—4 коп. тарифа на крупную промышленную нагрузку.[1] Осветительная нагрузка становится посильной для электрических станций, когда она базируется на обильное промышленное потребление энергии. В этом ключ к разрешению проблемы электрификации деревни.

[1] См. гл. о тарифах в книге „Северо-американские электрические станции", инж. Ловин и Барсуков. М. 1927 г.

В этой же работе мы находим данные о том, что в 1922 г. из 40 милл. квтч. энергии, отпускавшейся станциям С.-А.С.Ш., 95% шло на промышленное потребление.

Тов. А. А. Горев на С'езде плановых органов приводил пример с Лихославльской станцией — комбинатом по обработке льна, которая отапливается отбросами производства и использует пар для тепловых надобностей и для получения электроэнергии. В этой комбинации и топливо и электрическая энергия являются „отбросами" в процессе обработки льна. Естественно, что даже при маленькой станции это дает энергию более дешевую, чем на крупных центральных станциях. При этом станция должна быть, повидимому, кооперативного происхождения, или, во всяком случае, должна вступить в кооперацию с крестьянским населением, чтобы обеспечить за собой снабжение сырьем без спекулятивного вздувания на него цен, которое могло бы подорвать ее „энергетическую" базу.

Подобные примеры нужно было бы всячески пропагандировать.[1]

Таким образом, путь индустриализации деревни на правильной энергетической базе в качестве побочного продукта может дать и ее освещение, которое экономически будет тем более осуществимо, чем больше производственная нагрузка и чем населеннее данный пункт.

В этом отношении заслуживает внимания то обстоятельство, что в С.-А. С. Ш., при всей грандиозности их электрификации, применение электроэнергии в сельском хозяйстве встречает препятствия из-за разрозненности ферм. И в этой „стране больших чисел" не более 20% фермеров пользуются услугами электричества.

А у нас, можно сказать „не бывать бы счастью, да несчастье помогло": сельские поселения нашего юга и юго-востока — районов товарного сельского хозяйства — насчитывающие сплошь и рядом от 10 до 20 тыс. жителей, в этом отношении представляют собою прекрасный об'ект для комбинирования индустриализации первичной обработки продуктов сельского хозяйства и электрификации деревни.

Недоучет этого обстоятельства мы должны определенно поставить в вину товарищам, работающим по линии сельского хозяйства.

[1] Мы пользуемся случаем, чтобы обратиться к читателям „Планового Хозяйства", в особенности местным работникам, с призывом освещать на страницах „Планового Хозяйства" конкретный опыт подобного рода шагов по электрификации деревни, связанных с индустриализацией процессов сельского хозяйства и первичной обработкой его продуктов, так как эти первые шаги имеют исключительное значение.

В пятилетнем плане этот дефект должен быть исправлен, так же, как должен быть выправлен недоучет реконструктивных моментов и в других отраслях народного хозяйства, если мы не хотим, чтобы пятилетний план нашего развития был простым помножением на пять или суммированием в какой-то прогрессии того, что было в предшествовавшие годы.

Было бы непростительной ошибкой, если бы мы теперь, при начале капитальных работ, упустили возможности более эффективно вооружить нашу страну в целях максимального повышения производительности народного труда. Это было бы потерей темпа в нашем хозяйственном строительстве.

(Окончание в следующем номере)

Н. Д. Кондратьев

Критические заметки о плане развития народного хозяйства [1]

В третьем номере „Планового Хозяйства“ за 1927 г. опубликован ряд статей, в которых излагаются основные данные пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства СССР. [2] Опубликованные материалы перспективного плана еще далеко неполны и не позволяют в достаточной мере уяснить все содержание огромной работы, произведенной Госпланом, а также все приемы и основания предлагаемого построения. Вероятно, в ближайшее время Госплан опубликует более подробный материал к построению плана. И нужно думать, что тогда некоторые недоуменные вопросы, возникающие при чтении опубликованных статей, выяснятся. [3] Тем не менее, основные положения перспективного плана, выдвигаемого Госпланом, уже наметились. С другой стороны, вопросы, затронутые этим построением, настолько существенны, что представляется целесообразным остановиться на них, не дожидаясь выхода более подробных материалов.

Данная статья и посвящена разбору построений Госплана. [4] Однако, мы не имеем в виду входить в ней в исчерпывающий разбор этих построений. Едва ли кто будет спорить, что основной проблемой развития нашего народного хозяйства на ближайшее время является проблема взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства, города и деревни и, соответственно, рабочего класса и крестьянства. Ос-

---

[1] В дискуссионном порядке. Ред.

[2] Мы имеем в виду статьи: Г. М. Кржижановского, „К построению перспективной пятилетки“; С. Г. Струмилина, „К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27—1930/31 гг.“; В. Р. Чернышева, „К вопросу о методологии планирования“; Г. М. Кржижановского и А. А. Горева, „Перспективный план электрификации на ближайшие пять лет“; И. А. Калинникова, „Основные элементы и показатели развертывания промышленности на пятилетие 1926/27—1930/31 гг.“; М. И. Боголепова, „Финансовые перспективы пятилетия 1926/27—1930/31 гг.“; Н. М. Вишневского, „К вопросу о развитии сельского хозяйства СССР“; С. В. Бернштейн-Когана и И. К. Либина, „Основные положения перспективного плана транспорта на 1926/27—1930/31 гг.“.

[3] Когда эта статья поступила в редакцию, том материалов Центральной Комиссии под ред. С. Г. Струмилина, посвященный перспективам развертывания народного хозяйства СССР на пятилетие, заканчивался печатанием. В настоящее время он уже вышел из печати. Ред.

[4] При составлении ее автору весьма большую помощь оказали Я. П. Герчук, Г. И. Михайлов и П. М. Анциферов.

новное и руководящее значение этой проблемы с полной определенностью было подчеркнуто как во вступительной речи Председателя Госплана Г. М. Кржижановского на недавно закончившемся С'езде Президиумов Госпланов, так и в развернувшихся на с'езде прениях по вопросу о перспективном плане.

Исходя из этого, кроме некоторых методологических вопросов, в данной статье мы намерены затронуть преимущественно те элементы построения Госплана, которые имеют ближайшее отношение к проблеме взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства. Так как наиболее общей статьей из всех опубликованных материалов Госплана является статья С. Г. Струмилина, то в дальнейшем мы будем иметь в виду, главным образом, ее, привлекая другие материалы лишь в меру необходимости. [1]

I

Для того, чтобы сделать дальнейшие критические замечания возможно более ясными, представляется необходимым остановиться предварительно на некоторых исходных методологических положениях.

Прежде всего, как понимается существо перспективного плана его авторами и в частности С. Г. Струмилиным? Нельзя сказать, чтобы его мнение по этому вопросу было вполне ясно. Оно во всяком случае двойственно. Действительно, на стр. 21 С. Г. Струмилин пишет: „И если всякий план представляет собою известную комбинацию из элементов предвидения об'ективно неизбежного и проектировки целесообразного с точки зрения наших суб'ективных социально-классовых устремлений, то в годовых планах первое место принадлежит предвидениям, а в многолетних — предуказаниям".

Таким образом, С. Г. Струмилин утверждает, что наши планы неизбежно содержат в себе, с одной стороны, элементы предвидения, с другой — элементы проектировки заданий или директив. Почему же те или другие элементы неизбежно присущи плану? Чтобы выяснить это, необходимо понять, в каком отношении друг к другу стоят указанные элементы. Тот же С. Г. Струмилин на стр. 22 пишет: „Конечно, эти задания должны быть... в достаточной степени реальны, для чего их необходимо во всех частях согласовать между собою цепной связью взаимной их зависимости и строго сообразовать с наличными ресурсами страны и реальными возможностями ее развития". Таким образом, ясно, что, по мнению автора, наши задания или директивы не могут быть совершенно произвольными, что они должны быть достаточно связаны между собою и строго

[1] Эти другие статьи являются развитием статьи С. Г. Струмилина. Естественно было бы ожидать, что поэтому приводимые в них расчеты не могут расходиться с расчетами С. Г. Струмилина. К сожалению, это требование выдержано не всегда, что затрудняет критический анализ построений.

согласованы с реальными ресурсами страны, с реальными возможностями ее развития.

Но что значит согласовать наши задания с реальными ресурсами страны, с реальными возможностями ее развития? С. Г. Струмилин не анализирует этого вопроса. Но на этот вопрос можно дать только один ответ. Наши задания относятся к будущему. Они указывают, в каком направлении должны развиваться наши сознательные усилия и мероприятия. Наши усилия и мероприятия для реализации заданий могут сделать многое. Но все же они не всесильны. Они будут развиваться в конкретной об'ективной обстановке будущего, в которой огромное значение имеют чисто стихийные процессы. И действительный результат, к которому приведут наши усилия и мероприятия, определится сочетанием нашего действия и действия об'ективной среды, в которой они будут протекать. Но если это так, то наши задания будут реальны лишь в том случае, если они отобразят в себе именно эти действительные результаты, которые могут быть достигнуты нашими усилиями, протекающими в конкретной об'ективной обстановке. При каких же условиях мы можем отобразить в наших плановых заданиях именно эти действительные результаты наших действий? Очевидно, что мы можем отобразить их лишь в том случае, если, формулируя задания, мы примем во внимание не только наши цели, но с максимальной полнотой учтем: 1) об'ективное положение окружающих хозяйственных условий, 2) вероятные тенденции их развития, 3) вероятные ресурсы и возможности нашего воздействия на процесс хозяйственного развития, 4) наконец, вероятные результаты нашего воздействия на него. Но что значит учесть вероятные тенденции изменения условий, вероятные ресурсы и возможности нашего воздействия на процесс хозяйственного развития и, наконец, вероятный результат такого воздействия? Это значит, что в указанных направлениях мы должны располагать не только знанием настоящего, но и известным предвидением будущего, так как только при наличии некоторого предвидения мы можем говорить о вероятных тенденциях развития хозяйства, о вероятных возможностях нашего воздействия на него и о вероятных результатах такого воздействия. Отсюда ясно, что наши плановые задания, если они хотят быть реальными (а только о таких заданиях и стоит серьезно говорить), действительно, органически связаны с элементами некоторого предвидения и его предполагают. [1]

И если С. Г. Струмилин действительно думает, что наши задания, как он говорит, должны быть реальными, то у него, очевидно, нет оснований возражать против сделанных нами выводов.

[1] См. об этом нашу статью „План и предвидение" („Пути сельского хозяйства", № 2 за 1927 г.).

И, однако, это, повидимому, не совсем так. Дело в том, что его представление о плане, которое было выявлено выше и по которому план неизбежно содержит в себе элементы как предвидения, так и заданий или директив, очень скоро вытесняется другим представлением, существенно отличным от первого.

Почти на тех же и частью именно на тех же страницах своей статьи С. Г. Струмилин проводит аналогию между плановым строительством и обычным строительным искусством. Многие задачи строительного искусства, пишет С. Г. Струмилин, теоретически не разрешимы, между тем, практически они разрешаются с достаточным для жизни приближением. При чем всякая задача строительного искусства может получить несколько решений: „Всегда может притти другой инженер и дать новый проект, еще более эффективно и изящно разрешающий ту же задачу“ (стр. 17). Это зависит от его творческих способностей. Нечто аналогичное, полагает С. Г. Струмилин, мы имеем и при построении планов или, как он выражается, в социальной инженерии. Здесь также задача планового хозяйственного строительства может иметь не одно, а несколько решений. Здесь также многие задачи представляются строго-теоретически неразрешимыми, но практически они разрешаются достаточно удовлетворительно, если мы, подобно инженерам, встанем на путь методов „инженерной проектировки новых социальных конструкций“... (22). В прямой связи с этим С. Г. Струмилин, далее, пишет: „Наши планы строятся не для более или менее беспочвенных гаданий и знахарских предсказаний о том, что будет через пять или десять лет, а прежде всего для создания определенной системы хозяйственных заданий в области социалистического строительства“ (ibid.). И эти наши задания „все же... только задания, а не предсказания“ (ibid.). Таким образом, признав, что во всяком плане есть не только проектировка задания, но и предвидение, буквально на тех же страницах, увлеченный аналогиями строительства планов с инженерным искусством, С. Г. Струмилин определенно разделяет плановые задания и предвидение и прямо противупоставляет их друг другу. Совершенно ясно, что это уже совсем другое направление в понимании плана, чем то, которое им же было формулировано выше. Что же означает это другое направление в понимании плана?

Проводя аналогию между плановым строительством и искусством инженерно-технического строительства, С. Г. Струмилин до известной степени прав. Но только до известной степени. Верно, что различные инженеры-техники ту же строительную задачу могут разрешить различно. Но как бы она ни разрешалась ими, во всех случаях различие решений задачи будет касаться лишь способов комбинации элементов строительных материалов и средств, которые потребуются для осуществления строительства. Инженеру-технику при этом не приходится решать самому задачу о том, будут ли и если

будут, то в каком количестве элементы строительных материалов и денежные средства: эти величины он берет или как данные или как заданные. Именно этого нет при хозяйственно-плановом строительстве. При плановом строительстве нам приходится решать задачу не только о наилучшей комбинации имеющихся хозяйственных элементов, но и вопрос о том, в каких размерах и в каком виде эти элементы будут даны или могут быть обеспечены в настоящее время и в будущем (например, накопление, емкость рынка и т. д.). Эти элементы построения мы не можем и не имеем права брать как данные или заданные. Мы должны их еще определить по совокупности условий. Определить же их без понимания реальных условий и без всякого прогноза будущего мы не в состоянии. Вот почему, если мы хотим, чтобы наши задания или наши конструкции нового будущего были действительно реальными, мы не можем оторвать их от предвидения.

И если С. Г. Струмилин, увлекаясь аналогией с инженерно-техническим искусством, такой разрыв провозглашает, если он призывает к использованию „методов инженерной проектировки“ при построении планов, то это значит, что он упрощает задачу построения планов, это значит, что он готов считать данными или заданными такие элементы, которые таковыми считать никак нельзя и которые еще предстоит определить. Это значит, что он разрубает нить между своими проекциями и действительностью. Отсюда остается уже только один и при том небольшой шаг к построению совершенно произвольных плановых конструкций.

Из предыдущего ясно, что разобранное другое понимание плана, выдвигающее в планах только момент заданий, проектировки и противополагающее его предвидению, может легко стать основой для падения интереса к вопросу о реальности, осуществимости этих заданий и проектов. Из предыдущего видно, что мысль С. Г. Струмилина о сущности плановых построений действительно идет как бы по двум различным линиям. Впрочем, он на этом не успокаивается и скоро делает усилие снова встать на одну линию. Действительно, непосредственно за приведенными выше словами, что наши задания есть „все же... только задания, а не предсказания“, он уже пишет: „В процессе строительства мы в любой момент сможем в случае нужды сманеврировать сообразно обстановке момента и изменить их (т.-е. задания. Н. К.) в той или иной части. Вот почему в этом предвидении мы отнюдь не гарантируем стопроцентного выполнения наших перспективных планов в заранее установленные календарные сроки“.[1] Таким образом, ясно, что в последних словах автор говорит о заданиях уже просто как о предвидении, т.-е. говорит даже больше, чем нужно. Но как бы то ни было здесь он уничтожает разрыв заданий и предвидения и тем возвращается к своей

[1] Курсив наш.

первой позиции в понимании сущности плана. При этом, конечно, он прав, что, говоря о предвидении в планах, мы не можем гарантировать точности этого предвидения на сто процентов.

Итак, с одной стороны, как будто ясно, что план является системой заданий, но сама система этих заданий строится на основе известного предвидения хода действительности, протекающего при условии наших сознательных воздействий на нее.

С другой стороны, не менее ясно, что С. Г. Струмилин готов к чисто инженерной проектировке нового социально-экономического будущего, готов формулировать систему плановых заданий, отрывая их от „гаданий и предсказаний о том, что будет", т.-е. в конечном счете готов пройти мимо вопроса обоснования реальности своих построений. И если в пределах вводных замечаний статьи автора трудно решить, какое же направление его мысли является господствующим, если мы готовы сказать, что здесь побеждает в конце концов первое, т.-е. верное направление ее, то приходится признать, что в дальнейшем, когда он переходит к действительному построению плана, господствующее значение приобретает именно второе „инженерное" направление в его понимании плана.

II

Спрашивается теперь, какие же общие задачи и какие общие критерии мы должны иметь в виду, когда строим перспективные планы и формулируем ту систему заданий, природу которых мы только-что выясняли? На этот вопрос автор отвечает следующим образом: „В наиболее общей форме задача построения перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована, как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма" (17).

В этих словах общая задача построения перспективного плана сформулирована автором достаточно отчетливо. Формулируя ее, он тем самым с полной определенностью дает и те критерии, которым должен удовлетворять перспективный план, в том числе, очевидно, и прежде всего план, построенный им самим. Согласно приведенной формулировке этот план, во-первых, должен обеспечить бескризисное расширенное воспроизводство производительных сил народного хозяйства; во-вторых, он должен обеспечить максимальный темп их развития; в-третьих, он должен обеспечить максимум удовлетворения текущих потребностей масс; в-четвертых,

он должен обеспечить скорейшее приближение к переустройству общества на началах социализма и коммунизма. Чтобы вести свою критику имманентно построениям автора, в дальнейшем мы будем оперировать при оценке выдвинутого Госпланом проекта плана именно этими критериями.

Но если общая задача построения перспективного плана такова, как она была только что очерчена, то какое же перераспределение производительных сил С. Г. Струмилин считает наиболее целесообразным и возможным на ближайшие пять лет? Он считает наиболее целесообразным такое перераспределение производительных сил, которое обеспечило бы наибольшую возможность индустриализации страны в ближайшее время (24). Против ставки на индустриализацию, как таковой, конечно, не может быть никаких возражений. Индустриализация страны, — и это подтверждается исторически, — является необходимой предпосылкой повышения производительности всего народного хозяйства и повышения уровня благосостояния масс. Неоспоримо прогрессивное значение индустриализации в особенности должно быть подчеркнуто в аграрно-перенаселенных странах, к числу которых до известной степени можно отнести и СССР, так как индустриализация таких стран является важнейшим методом преодоления аграрного перенаселения. Значение индустриализации у нас вытекает также из особенностей нашего социального строя и нашего международного положения.

Однако, при построении плана вопрос сводится не к тому, чтобы провозгласить ту или иную ставку, а к тому, чтобы, как справедливо указывает сам С. Г. Струмилин, дать ей конкретное выражение (22).

Какое же конкретное выражение дает этой ставке автор? Ответ на этот вопрос мы получаем из следующих немногих цифр. Согласно проекту С. Г. Струмилина, физический об'ем с.-х. производства, включая лесное хозяйство, рыболовство и охоту, возрастает за 5 лет на 24,1%. В то же время физический об'ем промышленного производства, включая сюда и кустарно-ремесленную промышленность, возрастает на 69,3%, а физический об'ем производства фабрично-заводской промышленности возрастает даже на 76,7%. Новые постройки и капитальный ремонт без сельского строительства расширяются на 184,7%. Соответственно со всем этим процент городского населения увеличивается с 17,5% в 1926 г. до 18,8% в 1931 г. Производительность индустриального труда вырастает на 49%. Общий реальный народный доход возрастает на 45,2%, доход от сельского хозяйства — на 24,3%, а от промышленности — на 74,5%. Уровень благосостояния всего населения в среднем возрастает на 31%, уровень благосостояния рабочего класса — на 50%, всего городского населения — на 37,5%, а сельского — на 30%. Общая сумма накопления в народном хозяйстве по государственному сектору возрастает на 93%, новые вложения и капитальный ремонт расширяются на 146%,

а вся сумма вложений с оборотными фондами—на 107,3%. Из общей суммы капитальных вложений за 5 лет в 17,6 млрд. руб.—на долю промышленности падает 32,3%, на долю транспорта 28,2%, на долю электрификации 7,6%, на долю сельского хозяйства 6,8%. Эти немногие суммарные цифры дают общее представление о намечаемом размахе развития народного хозяйства и о проектируемом перераспределении производительных сил.

Они позволяют признать, что проект плана достаточно резко проводит ставку на индустриализацию страны.

III

Выше мы выяснили исходные положения в понимании сущности плана, охарактеризовали словами самого автора основные задачи плана и наметили в общих и основных чертах конкретное содержание выдвигаемых им перспектив. Обращаясь теперь к критическим замечаниям по адресу предлагаемых построений, прежде всего, подчеркнем следующее. В проекте плана, выдвигаемого Госпланом, все перспективы даны в точных числовых выражениях. Здесь даются цифровые характеристики не только продукции через пять лет, но и числовые же характеристики накопления, вложений, емкости рынка, перенаселения, эмиссии и т. д. При чем многие числовые характеристики выражены не только в сумме за 5 лет, но и погодно.

Против числовой характеристики перспектив принципиально возражать, конечно, не приходится. Но совершенно ясно, что такие числовые характеристики имеют значение, полезны и их следует давать лишь при том условии, если они скрывают за собой определенный экономический смысл, если они экономически действительно достаточно обоснованы, если при их обосновании был использован правильный метод. При отсутствии этих условий стройный ряд цифр остается только рядом цифр, не больше. И если при отсутствии этих условий мы придаем цифрам бóльшее значение, то нам угрожает опасность „статистического фетишизма", который может весьма дорого обойтись той практике планирования, которая попыталась бы так или иначе опереться на цифры перспективного плана.

Подходя с этой точки зрения к построениям Госплана, нужно определенно признать, что все опубликованные материалы, за небольшими исключениями, почти совершенно не дают тех методов и оснований, по которым задания на будущее рисуются именно приведенными в плане, а не иными цифрами. Так, они не дают оснований, почему промышленная продукция возрастет на 69,3%, а сельскохозяйственная на 24,1%. Они не дают оснований, почему накопление возрастает на 93%, а производительность промышленного труда поднимается на 49% и т. д. Правда, некоторые производные цифры плана легко понять из других, основных цифр. Так, легко

понять, почему при взятом темпе роста продукции, народного дохода и населения, доход на душу будет именно тот, который рисуется планом, а не другой. Но дело заключается в том, что не ясны основания расчетов как-раз основных цифр, из которых получаются эти производные расчеты. Опубликованные материалы скорей декретируют эти цифры, не обосновывая их.

На это нам могут указать, что в опубликованных материалах все же имеются некоторые указания на метод и основания построения плана. Так, мы находим там указания на отказ от метода экстраполяции на основе установленных статических и динамических коэффициентов. Мы имеем также заявление о том, что при построении плана был использован метод последовательных приближений и что первое приближение перспектив по отдельным отраслям хозяйства проектировалось путем экспертных оценок возможностей развития этих отраслей специалистами. Однако, из материалов мы не знаем, какие же стадии последовательного приближения прошло построение плана. Нам дано лишь одно приближение, то, которое опубликовано, и никакого метода последовательных приближений из него не видно. Мало того, принципиально не ясно и спорно, почему последовательные приближения построения плана возводятся здесь в особый метод. Метод все же лежит не в том, что строится один вариант плана, потом он уточняется, потом еще раз уточняется и т. д., а в тех приемах, при помощи которых строится первый вариант, в тех приемах, на основании которых он потом уточняется и т. д., т.-е. в тех приемах, о которых в материалах не говорится ни слова.

Именно поэтому метода построения плана и приемов последующего уточнения его мы и не знаем. Мы не знаем также, какими основаниями руководились эксперты при установлении перспектив развития отдельных отраслей народного хозяйства. Конечно, метод экспертных оценок дает значительный простор их авторам. Но и эксперты при своих оценках все же руководствуются теми или иными основаниями. Именно на эти основания мы не имеем никакого намека в материалах.

Поскольку речь идет об отдельных отраслях хозяйства, то все, что мы находим в опубликованных материалах и все, что может быть приведено в них, как попытка обоснования выдвинутых перспектив, сводится, в сущности, к формальному указанию на те условия, которые учитывались при построении заданий по этим отраслям. Но такие указания недостаточны.

Так, С. Г. Струмилин пишет, что построение перспективного плана было начато с установления перспектив промышленности. При чем темп роста производства средств широкого потребления определялся в зависимости от размеров капитальных вложений, а эти капитальные вложения в зависимости от прироста емкости потребительского рынка.

Таким образом, общие формальные указания на условия, с которыми будто бы соразмерялся темп роста производства средств потребления, сделаны. Согласно этих указаний, для определения темпа роста производства средств потребления нужно было бы иметь данные о размерах вложений в эти отрасли (а следовательно, и данные о размерах необходимых накоплений) и данные о емкости рынка на предметы широкого потребления. Действительно, в опубликованных материалах мы находим цифры вероятного накопления, но зато не находим никаких данных, обосновывающих возможность самого этого накопления. Что же касается емкости рынка, то она исчислена, но, в свою очередь, совершенно не мотивирована. Ясно, что она определяется в свою очередь ростом городов и городского населения, ростом благосостояния городского и сельского населения, ростом его потребительского спроса именно на предметы индустриального производства. Но ведь рост городов, рост благосостояния населения и т. д. определяется темпом развертывания производства и, в частности, промышленного производства и другими условиями. Таким образом, следуя чисто формальным указаниям автора в поисках обоснования темпа развертывания производства средств потребления, мы наталкиваемся либо на цифры, совершенно не мотивированные (накопление), либо оказываемся в порочном кругу, так как убеждаемся, что искомый темп развертывания производства средств потребления, по крайней мере, частично определяется темпом роста производства этих же средств потребления.

Такой порочный круг выступает еще яснее, когда мы обращаемся к вопросу об основаниях принятого темпа производства средств производства. По этому вопросу мы находим следующее указание: „Учет емкости рынка на продукцию предприятий, занятых воспроизводством оборотного и в особенности основного капитала, должен быть в интересах бескризисного развития промышленности уже заранее дан с достаточной точностью в полном соответствии с учтенными ресурсами для капитальных вложений“ (стр. 25). Таким образом, здесь в качестве оснований принятого темпа указывается на размеры капитальных вложений и на учет емкости рынка. Но как было указано выше, размеры накоплений, а следовательно, и вложений, исчислены без всякого обоснования. Что же касается емкости рынка, то оказывается, что для продукции средств производства „рынком является прежде всего сама промышленность“ (25). Иначе говоря, в этой части искомый темп развития промышленного производства определяется прежде всего именно тем же искомым темпом роста промышленности.

Что касается теперь перспектив развития сельского хозяйства, то относительно построения их С. Г. Струмилин пишет: „Перспективы сельского хозяйства при наличии плана промышленности уже в известной мере им предопределены“. По его мнению, во всяком случае, перспективы развития технических, трудоемких культур „уже

даны планом промышленности“ (25). По этому поводу приходится сказать, во-первых, поскольку выше не были конкретно выяснены условия, определяющие темп роста самой промышленности, постольку, очевидно, теряет основание и определяемый им темп развития технических культур; во-вторых, ужели темп развития этих культур действительно дан темпом роста индустрии? А куда же исчез экспорт продуктов хотя бы некоторых из этих культур? Он, очевидно, забыт? Во всяком случае о нем ничего не говорится при определении условий развития технических культур. Как отразилось такое отношение к проблеме экспорта на всем плане—это мы увидим ниже.

Наконец, в отношении основных зерновых культур и животноводства С. Г. Струмилин пишет: „Прогноз их развития под влиянием весьма медленного нарастания потребительского внешнего и внутреннего рынка, при чрезвычайно отсталой земледельческой технике и ограниченной естественными пределами площади пашни,—не может представить слишком больших затруднений“ (25). Таким образом, оказывается, что построение перспектив этих отраслей сельского хозяйства просто не представляет особых трудностей. Вот и все основания для принятого темпа роста зернового хозяйства и животноводства. Правда, указывается еще, что на их развитие будут влиять капитальные вложения. Но как именно они будут влиять—это остается неизвестным. Насколько простым вопросом представляется для автора вопрос о развитии зернового хозяйства и животноводства видно хотя бы из того, что во всех опубликованных материалах даже нет данных о развитии продукции сельского хозяйства по этим важнейшим отраслям отдельно. Правда, на С'езде Президиумов Госпланов была роздана таблица, характеризующая развитие полеводства по отраслям и рост количества скота. Но каким образом была исчислена эта таблица, какие основания были положены при определении принятых в ней темпов, это не стало более ясным как из таблицы, так и из доклада Н. М. Вишневского по сельскому хозяйству.

Разобранными положениями, в сущности, исчерпываются те моменты работы, в которых имеются некоторые отдаленные и не вполне ясные указания, на каких основаниях были получены опубликованные перспективы. Из предыдущего ясно, во-первых, что эти указания имеют действительно формально-декларативный характер, так как в них содержится формальный перечень условий, учитывавшихся при определении перспектив различных элементов народного хозяйства, но совершенно отсутствует анализ этих условий по существу; во-вторых, что попытка углубиться в эти условия приводит нас или к условиям, которые сами взяты без достаточного обоснования, или к порочному кругу.

Таким образом, в итоге, поскольку речь идет о перспективах по отдельным отраслям хозяйства, нужно признать правильность выставленного выше положения, что проектируемые перспективы предложены без какого-либо серьезного их

обоснования. И приходится удивляться, почему центр тяжести построения плана был так прямолинейно и поспешно перенесен на цифровые подсчеты, почему вместе с тем почти совершенно исключены элементы обоснования. Казалось бы, наоборот, именно постановка и анализ основных экономических проблем нашего развития и обоснование тех или иных перспектив должно было стать в начале центром построения плана, ибо цифры должны были бы явиться лишь конечной конкретизацией выводов из этого анализа. Мы не знаем, имеются ли и если имеются, то какие именно обоснования предложенных построений у Госплана. Пока мы не знаем, поэтому, имеем ли мы здесь дело с явным увлечением цифровыми расчетами или просто с запозданием Госплана в отношении публикации материалов, обосновывающих его проект. Если верно последнее, то, скажут, дело легко поправить: стоит опубликовать подробные материалы. Но даже и в этом случае ошибка Госплана состоит в том, что он поспешил опубликовать цифровые результаты, игнорируя их обоснования. Однако, дело может обстоять и не так просто.

И невольно вспоминается та „случайная“ оговорка, в которой С. Г. Струмилин открыто об'явил, что перспективные задания — все же задания, а не предвидения. Мы показали выше, что если задания не имеют никакой связи с предвидением, то они не могут быть и реальными, не могут быть и обоснованными. Опять-таки, невольно возникает сомнение, что, может быть, мысль упомянутой „оговорки“, как мы видели, чрезвычайно быстро и даже излишне энергично ликвидированной С. Г. Струмилиным, фактически уже приобрела свои права, как только автор, перестав рассуждать, опять приступил к построению самого плана и, может быть, он, действительно, формулирует в плане задания, оставляя в стороне вопрос о предвидении и, следовательно, об обосновании реальности этих заданий.

Мы хорошо знаем трудность обоснования перспектив развития хозяйства. Не менее хорошо известно нам и то, что абсолютно строгого обоснования их, быть может, вообще дать невозможно. Но это не значит, что невозможно и не следует заниматься таким обоснованием вообще. Именно потому, что оно трудно, именно потому, что без него невозможно построить серьезный реальный план, мы и вправе были бы настаивать, чтобы внимание авторов плана было сосредоточено прежде всего на основаниях их построения.

Выше мы упрекали составителей в порочном круге, к которому ведут их указания на путь, каким шло построение плана по отраслям. Но нам хорошо известно, что основания этого круга лежат до известной степени в самой хозяйственной действительности, так как все элементы ее взаимно связаны между собой. Однако, это не снимает с составителей плана обязанности попытаться преодолеть порочность круга в их построении. В этом состоит огромная трудность построения народнохозяйственного плана, но без этого, как и без некоторого предвидения, удовлетворительного плана построить вообще нельзя.

На это могут указать, что попытка преодолеть порочный круг составителями в действительности была сделана. Могут указать, далее, что все предыдущие критические замечания не основательны как раз потому, что они не учитывают этой попытки. Могут указать, что эти критические замечания относятся к вопросу об обосновании перспектив по отдельным отраслям хозяйства, между тем в виду их взаимной связи такого обоснования дать вообще невозможно. Свое обоснование принятые перспективы по отраслям получают в том, что они в конечном счете увязаны между собой балансовым методом. Именно в методе балансовой увязки, скажут, и следует видеть как преодоление того порочного круга, о котором говорилось выше, так и конечное обоснование намеченных перспектив. На то, что балансовая увязка перспектив различных отраслей хозяйства производилась, С. Г. Струмилин определенно указывает в своей статье (стр. 23—24).

К сожалению, мы не разделяем той абсолютной веры в балансовую увязку, которая не чужда у нас многим. Сам по себе балансовый метод в применении к перспективам, и то, если он применен верно, гарантирует лишь одно, а именно то, что проектируемые темпы развития отдельных отраслей между собой согласованы. Но балансовый метод совершенно не гарантирует, что спроектированная при его помощи модель будущего народного хозяйства в какой-либо мере осуществима, а не произвольна. Формально, арифметически можно построить очень много таких моделей. Но вопрос о том, какая или какие из этих моделей могут быть реальны и какая из последних в то же время является наилучшей,—эти вопросы балансовым методом решить уже нельзя. Для этого необходимо опять-таки проанализировать те основания, которые определяют реализабельность именно той, а не другой модели хозяйства.

Мы не спорим против того, что в предложенном проекте плана необходимость применения балансового метода прокламирована. Но из только что сказанного видно, что это не устраняет замечаний о необходимости анализа оснований, в силу которых принята за желательную и в то же время за реальную данная, а не другая модель народного хозяйства. Именно этого обоснования в опубликованных материалах и не дано.

Кроме того, мало прокламировать балансовый метод. Его нужно применить и применить правильно. Выполнено ли и это требование в разбираемом проекте — это мы увидим ниже.

IV

Выше мы уже указывали, что по плану предполагается повышение физического об'ема продукции промышленности на 69,3%, а фабрично-заводской—на 76,7%. На ряду с этим предполагается расширение нового строительства и капитального ремонта на 184,7%.

Одновременно предполагаются некоторые реконструкции в области транспорта и в других отраслях хозяйства.

Совершенно очевидно, что все это расширение промышленности, транспорта, строительства и т. д. предполагает определенные условия и в числе этих условий, прежде всего, определенные капитальные вложения. Действительно, общая сумма вложений в основные капиталы определяется планом за 5 лет в 15,9 млрд. черв. руб., а вместе с вложением в оборотные капиталы даже в 17,6 млрд. руб. Но чтобы осуществить эти вложения, необходимо соответствующее накопление. С. Г. Струмилин дает исчисление накопления и притом в погодно-цифровой форме. Он дает исчисление накопления, включая в него как чистое накопление, так и амортизацию. Общая сумма накоплений с амортизацией вырастает у него за 5 лет на 93,0% и в итоге, с включением накопления по кредитным операциям,[1] дает 18,3 млрд. руб. Если теперь выделить амортизацию (по данным самого же С. Г. Струмилина), то чистое накопление выразится приблизительно такими суммами:

Годы	Чистое накопл. в милл. руб.
1925/26	1.868
1930/31	3.693
Прирост в %%	97,7
Всего за пятилетие . . .	14.530

Таким образом, общая сумма чистого накопления по годам поднимается с 1,9 до 3,7 млрд. руб. и в итоге за 5 лет дает 14,1 млрд. руб. Но это накопление лишь по государственному сектору хозяйства. „Накопление по всему народному хозяйству, — пишет С. Г. Струмилин,—выразилось бы в иных, более крупных цифрах“ (47).

С. Г. Струмилин, как уже отмечалось выше, не приводит никакого обоснования своих цифр накопления. Но насколько вероятны его цифры? Полагают, что в довоенное время в России накопление составляло около 8,5% от народного дохода.[2] На стр. 46 С. Г. Струмилин приводит исчисление народного дохода. Если теперь взять приведенные выше его цифры накоплений, то они составят следующий процент от этого народного дохода:

[1] Поскольку кредитные операции (проектируемый 8% заем) в некоторой части являются лишь формой мобилизации накоплений в государственном секторе, уже учтенных по другим статьям, постольку присоединение их к общей сумме накоплений в этом секторе приводит к двойному счету их. Но так как в другой части эти операции являются формой использования накоплений в секторе частного хозяйства, то было бы правильнее их присоединить к общей сумме накопления. Но, во всяком случае, присоединение их совершенно не меняет общей картины, так как за 5 лет эти операции спроектированы лишь в сумме 421 милл. руб.

[2] Ср. А. Л. Вайнштейн, „О контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1926/27 г.“ („Соц. Хозяйство“, книга IV, 1926 г., стр. 8).

Годы	Доход	Накопление	Нак. в %% к доходу
	В миллионах черв. рублей		
1925/26	21.541	1.868	8,7
1930/31	29.328	3.693	12,6

Если принять во внимание, что в таблице не учтено накопление частное, то фактически процент всего накопления должен будет еще повыситься. Во всяком случае окажется, что процент накопления в 1925/26 г. к народному доходу будет уже значительно выше довоенного. Это представляется нам мало вероятным. Трудно допустить, чтобы в стране, где реальный народный доход стоит ниже довоенного (что видно из исчисления самого С. Г. Струмилина, стр. 46), где доходы весьма нивеллированы, где частное накопление идет явно замедленным темпом,—процент накопления был выше довоенного. Трудно допустить, чтобы при условии, когда почти все другие элементы народного хозяйства стоят еще ниже довоенного уровня, именно процент накопления превзошел этот уровень.

Нам кажется, что С. Г. Струмилин явно преувеличил исходные цифры накопления, т.-е. накопление в 1925/26 г. Это можно показать на примере промышленного накопления и иным путем. Промышленное накопление с амортизацией он определяет в 889 милл. руб. Между тем, другими источниками[1] оно определяется цифрой, приблизительно, в 747—814 милл. руб. Преувеличив исходные цифры, уже в силу одного этого он должен был, далее, преувеличить и накопление в следующие годы.

Но дело не только в этом. Принятый С. Г. Струмилиным темп и размеры накопления находятся в резком несоответствии с другими его построениями. Действительно, допустим, что исчисление накопления С. Г. Струмилина на 1925/26 г. в сумме 1.868 милл. руб. абсолютно верно.

Он говорит только о накоплении в государственном секторе. Что касается сектора частного хозяйства, то относительно него С. Г. Струмилин развивает принципиально ту мысль, что этот сектор может дать для накопления в государственном секторе очень немного через бюджет, кредит и банкнотную эмиссию (стр. 47—50). И все, что он может дать в этой области, автором уже учтено и включено в приведенные цифры как за 1925/26 г., так и за 1930/31 г. В виду этого с точки зрения государственного сектора, которым здесь только и интересуется С. Г. Струмилин, мы имеем полное право допустить, что указанная выше цифра в 1.868 милл. руб. для 1925/26 г. исчерпывает все накопление и что вся остальная часть народного дохода как бы потребляется. Но если накапливается 1.868 милл. руб., а народный доход в 1925/26 г. составляет, по С. Г. Струмилину, 21.541 милл. руб., то очевидно, что из него потребляется 19.673 милл.

[1] Исчисление Об'яснит. записки к бюджету 1926/27 г. и Производ.-финанс. плана ВСНХ.

руб. или 138,6 руб. на душу. Народный доход на 1930/31 г., по С. Г. Струмилину, будет равен 29.328 милл. руб. Чтобы знать, как велико при этих условиях может быть накопление в 1930/31 г., необходимо определить, сколько ценностей из этого дохода будет потреблено населением. С. Г. Струмилин дает основания для исчисления развития потребления дохода в 1930/31 г. Согласно его построениям, реальное благосостояние всего населения на душу возрастет к 1930/31 г. на 31%. Таким образом, если в 1925/26 г., как мы условно приняли, население потребляло 138,6 черв. руб. на душу, то в 1930/31 г. оно будет потреблять уже на 31% более, или 181,6 руб. Население к этому времени, по С. Г. Струмилину, возрастет на 11,2% и определится цифрой в 157,7 милл. человек. Тогда все это население потребит $181{,}6 \times 157{,}7 = 28.638$ милл. руб. Так как народный доход в 1930/31 г. С. Г. Струмилиным определен в 29.328 милл. руб. то ясно, что накопление государственного сектора, возможное для 1930/31 г., по данным самого же С. Г. Струмилина, определится цифрой всего в 690 милл. руб. вместо 3.693 милл. руб., как на это указывает его специальная таблица о накоплении (48 стр.) и как было отмечено выше нами.

Различие этих цифр настолько значительно, что здесь не может быть и речи о случайном и ничего незначащем несовпадении, не может быть и речи о частичных поправках. С. Г. Струмилин может сказать, что после повышения уровня благосостояния население не все будет потреблять, а часть будет сберегать. Возможно. Но это будет частное накопление. Между тем, С. Г. Струмилин говорит только о государственном накоплении и мы показали, что частного накопления, за исключением учтенного автором в его цифрах, с точки зрения государственного сектора вообще нет.

К изложенным соображениям необходимо присоединить следующее. Анализ цифр народного дохода, исчисленного С. Г. Струмилиным, показывает, что исчисление это произведено без учета проектируемого снижения промышленных цен. Именно поэтому у С. Г. Струмилина различные составные части дохода растут в общем тем же темпом, как и соответствующие части валовой продукции. Именно поэтому у него отношение дохода от промышленности к валовой промышленной продукции в 1925/26 г., так и в 1930/31 г. составляет те же 39—40%. Между тем, разбираемый план проектирует снижение промышленных цен на 17,5%. При стабильности с.-х. цен это будет обозначать снижение общего уровня цен приблизительно на 11%. Если учесть такое снижение цен, то цифры народного дохода соответствующим образом понизятся. Что касается цифр накопления, то, приводя их, С. Г. Струмилин определенно заявляет, что при их исчислении проектируемое снижение цен уже учтено (49). Следовательно, они остаются в тех же размерах, в каких показаны выше. Но в таком случае совершенно ясно, что в действительности отмеченное нами несоответствие между исчисленными С. Г. Струмилиным цифрами накопления и остатками дохода, идущими в накопление, по данным самого же С. Г. Струмилина еще более вырастает. В таком случае, вся внутренняя необоснованность цифр накопления и отсутствие их внутренней балансовой увязки с данными о доходе и потреблении предстанет в еще более резком виде.

В связи с изложенным, мы совершенно не понимаем, каким образом С. Г. Струмилин, отметив, что народный доход на душу населения за 5 лет вырастает на 30,7% и что уровень благосостояния населения повысится на 31%, затем пишет: „Это значит, что доля народного дохода, изымаемого для накопления, будет за данное пятилетие возрастать в том же темпе, как и доля, необходимая для текущего потребления трудящихся классов". Мы показали выше, что такой вывод из данных С. Г. Струмилина совершенно не вытекает, что по его же данным (даже без учета снижения цен при исчислении дохода) доля накопления от дохода с 1925/26 к 1930/31 гг. не только не возрастет на 31%, а неизбежно и резко упадет; что, вместе с тем, по абсолютным размерам накопление за то же время не только не увеличится на 97,7%, как полагает автор (см. выше), а почти в три раза упадет. Если же при исчислении дохода учесть снижение цен, то эти выводы еще более усилятся. В таком случае очевидно, что или С. Г. Струмилин преувеличил темп роста благосостояния населения, или преуменьшил темп роста дохода. Но, как бы то ни было, в настоящем виде его построения внутренне противоречивы и необоснованы. И если он сам требовал, чтобы план был рассчитан на бескризисное и оптимальное развитие производительных сил (17), чтобы все наши предуказания были внутренне связаны и сообразованы с ресурсами (22), то его перспективы накопления этим требованиям не удовлетворяют. За его исчислением накопления, несмотря на всю смелость этого исчисления, мы не видим достаточных оснований.

Если же все это так, то отсюда проистекают огромные последствия для всего проекта перспективного плана. Выше мы отмечали, что проектируемые накопления являются базой для соответствующих капитальных вложений, а последние служат одной из необходимых предпосылок той огромной реконструкции, которая намечена в промышленности, в строительстве, в транспорте и т. д. Теперь оказывается, что предпосылка эта недостаточно обоснована и по совокупности других построений плана совершенно не гарантирована. Тем самым ставится в критическое положение и план реконструкций. Во всяком случае, ясно, что в этой области жизнь не может пойти по тому плану, который мы разбираем.

V

Но допустим, что перспективы накопления у С. Г. Струмилина даны правильно.

Обеспечивают ли эти накопления намеченные реконструкции промышленности, транспорта и т. д.? В известной мере—несомненно.

Однако, ясно, что для проведения намеченных реконструкций, и прежде всего в промышленности, просто накопления недостаточно. Предлагаемый Комиссией Госплана план предполагает, что известная часть этих накоплений должна быть превращена в иностранную валюту, которая пойдет на оплату импорта орудий и средств производства. Согласно статьи И. А. Калинникова, этот импорт на пятилетие предполагается в следующих размерах:

Статьи импорта	Всего за 5 лет в милл. черв. руб.	Прирост (+) или убыль (—) за 5 лет в %
Сырье	1.948,0	+ 21
Полуфабрикаты	523,6	— 30
Оборудование	1.044,5	+ 297
Итого . .	3.516,1	+ 41,5

Таким образом, импорт для нужд промышленности, возрастая с 526,7 милл. руб. в 1925/26 г. до 745,0 милл. руб. в 1930/31 г., дает за пятилетие 3,5 млрд. руб. Импорт для нужд промышленности проектируется в таких размерах, что при современном размере нашего ввоза (импорт за 1925/26 г. составит 673,7 милл. руб.) он берет подавляющую его часть. И так как импорт для промышленности по плану сильно возрастает, так как будут, конечно, несколько возрастать и другие категории импорта, то ясно, что осуществление намеченного плана импорта, а следовательно, и реконструкций промышленности, предполагает соответствующее развитие и экспорта.

Проблема экспорта встает тем острее, что, казалось бы, некоторые отрасли нашего сельского хозяйства не могут сколько-нибудь значительно развиваться без развития экспорта.

Каковы же перспективы экспорта по разбираемому плану? Как это ни странно — план не дает почти никакого ответа на этот вопрос. Все, что мы находим в нем, сводится к следующему. В статье проф. Калинникова без всякого обоснования и анализа приведены цифры возможного экспорта продуктов технических культур. В статье же С. Г. Струмилина имеется лишь пессимистическое заявление, сделанное попутно при разборе вопроса о снижении цен, о том, что нашему экспорту мешает разрыв между покупательной силой червонца и его внешне-валютным курсом и что проблему ликвидации этого разрыва тем или иным путем необходимо решить (44). Наконец, согласно табличных приложений к докладу Н. М. Вишневского с.-х. экспорт за пятилетие увеличивается на 166%, при чем основания этого расчета остаются неизвестными.

Едва ли стоит отмечать, что между пессимистическими заявлениями С. Г. Струмилина и заявлениями Н. М. Вишневского нет полного соответствия. Дело не в этом. Приходится изумляться тому пренебрежению к вопросу об экспорте, которое обнаруживается в опубликованных и оглашенных материалах плана. Мы отмечали выше, что при определении темпа роста продукции технических культур С. Г. Струмилин тоже забыл об экспорте. Может быть здесь продолжается та же линия игнорирования проблемы экспорта? Но если составители плана, в сущности, обошли проблему экспорта, то ее необходимо поставить и проанализировать на основании их же данных в других областях плана, связанных с возможностями экспорта. Ведь все эти данные, по заявлению С. Г. Струмилина, внутренне согласованы балансовым методом.

Обращаясь к такому анализу мы условно предположили, что все исчисления авторов плана, в частности, С. Г. Струмилина и В. Р. Чернышева, относительно 1925/26 г. правильны. Исходя отсюда и опираясь на их данные, мы взяли исчисленный ими реальный доход от сельского хозяйства и его товарную часть, т.-е. то, что сельского хозяйства отчуждает за пределы деревни: в город, в промышленность, на экспорт.

Далее, мы вычислили остаток с.-х. дохода, за вычетом упомянутой товарной части его. Очевидно, что этот остаток в подавляющей части идет в потребление и в какой-то небольшой части в натуральное накопление. При чем он состоит как из предметов продовольствия, так и других с.-х. продуктов, как лен, пенька и т. д. Мы делим этот остаток на количество сельского населения и получаем, таким образом, потребление и накопление различных с.-х. продуктов на душу с.-х. населения в 1925/26 г. в ценах производителя. Так как эмпирически мы знаем, что новое натуральное накопление по отношению к общей массе потребления с.-х. продуктов с.-х. населением составляет все же ничтожную часть, то полученную душевую норму можно считать весьма близкой к душевой норме потребления. В таком случае с этой оговоркой сумма потребления с.-х. продуктов на душу с.-х. населения в 1925/26 г. получается в 59,37 руб. Для 1924/25 г. С. Г. Струмилин дает цифру потребления с.-х. населением сел.-хоз. продуктов в 47,2 руб. Но если учесть, что 1924/25 г. был неурожайным, а также то, что в нашу цифру 59,37 руб. входят и непродовольственные продукты, то мы можем считать ее достаточно близкой к действительности.

От 1925/26 г. мы сделали, далее, переход к 1930/31 г. и притом двумя путями. Во-первых, мы произвели по данным С. Г. Струмилина и В. Р. Чернышева за 1930/31 г. те же расчеты, что и по данным за 1925/26 г. Иначе говоря, мы взяли исчисленный ими доход сельского хозяйства, вычли из него товарную часть, идущую за пределы деревни, и остаток разделили на количество возросшего с.-х. населения в 1930/31 г. В результате мы должны были получить норму потребления с.-х. населением с.-х. продуктов по ценам производителя в 1930/31 г. Оказалось, что эта норма будет равна 58,98 р. В 1925/26 г., как мы видели, она была равна 59,37 руб. Значит, к 1930/31 г. она понизится на 0,4 руб., или на 0,7%. Этот результат совершено противоречит текстовым построениям С. Г. Струмилина. С. Г. Струмилин утверждает, что благосостояние сельского насе-

ления за пять лет возрастет на 30%. При этих условиях очевидно, что потребление им с.-х. продуктов должно возрасти достаточно сильно. Между тем, оказалось, что при принятом темпе роста с.-х продукции, при принятом темпе роста дохода от с.-х. и товарного отчуждения с.-х. продуктов за пределы деревни, потребление сельского населения не только не растет, а даже падает.

Тогда мы пошли вторым путем. Для 1930/31 года доход сельского хозяйства, товарная часть его и количество с.-х. населения дано в разбираемых работах. Но так как по С. Г. Струмилину благосостояние сельского населения к 1930/31 г. повышается на 30%, то в соответствии с этим мы предположили, что и его потребление, равное в 1925/26 г. 59,37 руб., повысится на 30%. Иначе говоря, на этом втором пути мы приняли за отправной пункт тезис С. Г. Струмилина о росте благосостояния и, следовательно, потребления сельского населения. Тогда его норма потребления на душу в 1930/31 г. оказалась 77,18 руб. Помножая ее на количество с.-х. населения, мы получили общую сумму потребления сельского населения в 9.879 милл. руб. Между тем, остаток для потребления у него в 1930/31 г. оказывается всего 7.549 милл. руб. Иначе говоря, мы получаем дефицит потребления в 2.330 милл. руб. Таким образом, получается вывод: если считать правильными построения авторов о росте сельского населения, с.-х. продукции, с.-х. дохода и товарного отчуждения с.-х. продуктов, то становится неверным тезис о росте благосостояния и потребления с.-х. населения; если же считать верным тезис о росте благосостояния и потребления с.-х. населения, то становятся неверными данные о продукции, доходе и товарном отчуждении, так как образуется огромный дефицит с.-х. продуктов для потребления их сельским населением. Так как нет оснований думать, что сельское население при росте его благосостояния будет отчуждать продукты на сторону при наличии дефицита в потреблении, то очевидно, что при таких условиях, мы не только не сможем вывозить с.-х. товары, не только не могли бы увеличивать с.-х. экспорт, а должны были бы даже ввозить с.-х. товары в страну, так как размер дефицита в потреблении сельского населения явно превосходит размеры проектируемого экспорта.

Нам могут возразить, что если благосостояние сельского населения возрастает к 1930/31 г. на 30%, то это не значит, что оно увеличит потребление с.-х. товаров в такой же пропорции. Вероятнее, что оно увеличит их потребление меньше, чем на 30%, и, наоборот, увеличит потребление городских товаров более чем на 30%. Мы готовы с этим согласиться. По С. Г. Струмилину выходит, действительно, что сельское население увеличивает потребление индустриальных товаров не на 30%, а на 36%. В таком случае, потребление сельских продуктов оно может увеличить (учитывая удельный вес потребления тех и других в бюджете сельскохозяйственного населения), примерно, на 28%.

Но ради осторожности, мы сделали еще другой вариант исчисления, исходя из посылки, что сельское население увеличит потребление с.-х. продуктов даже не на 28%, а всего на 15%, т.-е. как раз в той же пропорции, в какой, по С. Г. Струмилину, растет физический об'ем с.-х. производства на душу сельского населения (32 стр.). Тем не менее, и в этом случае дефицит между остатком с.-х. дохода для потребления и общим потреблением с.-х. продуктов деревенским населением определяется в 1.190 милл. руб. Иначе говоря, и при этих условиях, если верны построения плана, наша страна в ближайшие годы должна обратиться в страну, импортирующую с.-х. товары. Все изложенные расчеты приведены в следующей таблице:

Доход от сельского хозяйства, потребление сельского населения и перспективы экспорта

	1925/26 г.	1930/31 г.	В %% 1930/31 г. к 1925/26 г.
Доход от сельского хозяйства, исчисленный по реальному методу (без лесного хоз.)[1]	9.477[2]	11.661[2]	123,0
Товарная часть (без лесного хоз.)	2.524[3]	4.112[3]	162,9
Остаток дохода за вычетом товарной части	6.953[4]	7.549[4]	108,6
Сельское население (милл. душ)	117,1[5]	128,0[5]	109,3
Остаток дохода на 1 душу населения	59,37[6]	58,98[6]	99,3
I вариант дальнейших расчетов			
Считая полученный остаток дохода на душу за потребление сельского населения и увеличивая данные 1925/26 г. на 30%, получаем в 1930/31 г.:			
на 1 душу в руб.	—	77.18	—
на все сельское население в милл. руб.	—	9.879	—
Дефицит с.-х. продуктов у сельского населения в милл. руб.	—	2.330	—
II вариант дальнейших расчетов			
Считая полученный остаток дохода на душу за потребление сельского населения и увеличивая данные 1925/26 г. на 15%, получаем в 1930/31 г.:			
на 1 душу в руб.	—	68.28	—
на все сельское население в милл. руб.	—	8.740	—
Дефицит с.-х. продуктов у сельского населения в милл. руб.	—	1.190	—

[1] Доход от лесного хозяйства не включен, так как товарная часть дана авторами плана без лесного хозяйства.

[2] Стр. 46, исключая доход от лесного хозяйства.

[3] Стр. 70. Товарная часть с.-х. продукции дается авторами без внутрикрестьянского оборота и, следовательно, включает только ту часть с.-х. товаров, которая уходит за пределы деревни (см. стр. 68). Эти данные взяты из ст. В. Р. Чернышева. Но, как показывает анализ, его расчеты продукции сельского хозяйства совпадают с данными, приведенными у С. Г. Струмилина.

[4] Разность между доходом и товарной частью.

[5] Стр. 26.

[6] Стр. 37.

В виду весьма важного значения только что полученного вывода об отсутствии согласованности между потреблением, экспортом и производством с.-х. продуктов для критики плана, мы подошли к проверке вывода еще и другим методом, а именно, мы попытались выяснить соотношение между производством продовольственных с.-х. продуктов и потреблением их, опираясь на данные плана и бюджетные материалы.

По С. Г. Струмилину (39) душевая норма потребления с.-х. товаров (без дров) городским населением в 1925/26 г. по ценам потребителя определяется в 102,4 руб. Так как с.-х. продукция выражена автором в ценах производителя, то указанную стоимость душевого потребления необходимо выразить тоже в ценах производителя. Для этого необходимо сбросить с 102,4 руб. сумму, соответствующую разнице цены производителя и розничной цены с.-х. товаров в 1925/26 г. По имеющимся данным эта разница составляла в 1925/26 г. в среднем около 50% к цене производителя. В таком случае, душевое городское потребление с.-х. продуктов, исчисленное по ценам производителя, будет 68,3 руб. По С. Г. Струмилину (39 стр.), эта сумма к 1930/31 г. возрастет на 30% и, следовательно, при стабильности с.-х. цен выразится цифрой в 88,8 руб.

Что касается деревенского душевого потребления, то по С. Г. Струмилину в 1924/25 г. оно составляло по бюджетам в среднем 47,2 руб. По имеющимся в нашем распоряжении бюджетным данным оно было 48,4 руб. Мы принимаем цифру С. Г. Струмилина. Эту цифру стоимости потребления с.-х. населения следует считать выраженной в ценах производителя. Против этого могут возразить, указав на то, что различные с.-х. районы получают с.-х. продукты из других районов и, следовательно, покупают эти продукты по ценам потребителя. Однако, это возражение не имеет силы. Например, крестьянское население Тверской губернии, производящее рожь в недостаточном количестве, ввозит ее из производящих районов и, таким образом, платит за нее не только цену этих производящих районов, а также и торговые накидки. Это верно. Но верно и то, что Тверская губ. в каких-то количествах производит рожь и что в ней имеются группы крестьянских хозяйств, которые рожь продают. Спрашивается, по какой цене они ее продают или какова будет цена производителя ржи в Тверской губ.? Очевидно, что цена производителя ржи в Тверской губ. будет в общем как раз равна цене тех производящих районов, из которых Тверская губ. ввозит недостающее количество ржи, плюс торговые накидки. И если мы исчисляем продукцию ржи по ценам производителя, то для Тверской губернии ценой производителя будет именно указанная только что цена. Изложенное рассуждение можно применить по существу к любому с.-х. продукту потребления. Отсюда ясно, что приведенную выше стоимость потребления с.-х. населением продуктов питания в 1924/25 г. следует считать выраженной в ценах производителя.

От 1924/25 г., который был неурожайным, мы должны перейти к 1925/26 г. Мы должны определить стоимость душевого потребления с.-х. населением с.-х. продуктов питания в 1925/26 г. За 1925/26 г. мы еще не имеем сведений бюджетов полностью. Однако, такая сводка имеется для потребления хлеба, мяса с салом и молока, т.-е. для главнейших статей, составляющих в потреблении сельского населения около 75%. Если учесть изменение от 1924/25 г. к 1925/26 г. душевого потребления этих продуктов в натуре, а также изменение цен производителя, то оказывается, что в общем стоимость душевого потребления с.-х. продуктов с.-х. населением в 1925/26 г. увеличилась не менее, чем на 8,5%. В таком росте стоимости крестьянского потребления нет ничего удивительного. Заметим, что по данным Контрольных цифр Госплана на 1926/27 г. индекс заготовительных цен с.-х. товаров в 1925/26 г. вырос на 3,6% (стр. 306), а доход с.-х. населения в червонном выражении даже на 20% (стр. 210).

Распространяя теперь полученный коэффициент 8,5% на все потребление с.-х. продуктов с.-х. населением, мы получаем стоимость душевого потребления его в 1925/26 г. в ценах производителя в 51,2 руб.

По С. Г. Струмилину благосостояние деревни к 1930/31 г. вырастает на 30% (стр. 32). По его же данным (стр. 40) потребление деревней индустриальных товаров возрастает за 5 лет, даже при неизменных ценах, на 36%. При этих условиях потребление с.-х. товаров (если учесть их вес в бюджете деревни) должно было бы возрасти процентов на 28. Однако, промышленные цены по С. Г Струмилину понизятся на 17,5%. В таком случае ту же и даже большую сумму индустриальных товаров деревня сможет купить в 1930/31 г. за меньшее количество средств и, следовательно, сможет обратить на потребление с.-х. товаров большую сумму их, чем при неизменных промышленных ценах. Примем поэтому,что потребление деревней с.-х. предметов питания вырастет за пять лет как раз на 30%, т.-е. в соответствии с допущенным С. Г. Струмилиным ростом ее благосостояния. В таком случае, душевая норма потребления с.-х. населения в 1930/31 г. будет равна 66,6%. Определив душевые нормы потребления продуктов питания с.-х. производства и зная население, мы можем определить общие размеры потребления этих продуктов в стране как для 1925/26 г., так и для 1930/31 г.

Так как нашей задачей является проверка баланса производства, потребления и экспорта с.-х. товаров, то далее нам необходимо выяснить размеры с.-х. продукции предметов питания и при том не валовой, включающей переходящие статьи, а чистой продукции предметов питания. В этих целях мы применили следующий прием и использовали следующие данные С. Г. Струмилина и контрольных цифр. На ряду с валовой продукцией сельского хозяйства (земледелие, животноводство, рыболовство и охота) С. Г. Струмилин по тем же отраслям дает исчисление реального дохода от сельского

хозяйства в ценах соответствующих лет (стр. 46). Очевидно, что потребление с.-х. населением с.-х. предметов питания идет именно за счет этого дохода. Однако, в состав этого реального дохода входят не только продукты питания, а и др. продукты, например, лен, пенька и т. д. В связи с этим, по данным Контрольных цифр, мы определили, какой процент статьи, не идущие в потребление, но входящие в реальный доход сельского населения (льняное волокно, пенька, хлопок, махорка, табак, кожи, шерсть, прирост скота и товарная часть сена и соломы), составляют от дохода. Полученный процент мы затем исключили из реального дохода сельского хозяйства, исчисленного С. Г. Струмилиным для 1925/26 и 1930/31 гг. В итоге мы получили массу (по ценности) сельскохозяйственных продуктов питания, могущих пойти на потребление с.-х. населения. Необходимо отметить, что эта масса определена нами с преувеличением, так как некоторые с.-х. продукты, например, масличные семена, картофель идут не только для человеческого питания. Однако, они отнесены нами целиком к предметам питания. Кроме того, по плану, к 1930/31 г. удельный вес технических непродовольственных культур возрастает, что нами не учитывается при расчете. Итоги расчета приводятся в следующей таблице:

	1925/26 г.	1930/31 г.
1. Душевые нормы городского потребления с.-х. прод. питания по ценам производит. в черв. руб. .	68,3	88,8
2. Городское население в милл. . . .	24,8	29,7
3. Все потребление городского населения в милл. черв. руб. по ценам производит.	1.694	2.637
4. Душевые нормы деревенского потребления с.-х. предметов питания по ценам производ. в руб.	51,2	66,6
5. С.-х. население в милл.	117,1	128,0
6. Все потребление деревенск. населения с.-х. прод. питания по ценам производ. в милл. руб.	5.996	8.525
7. Общая сумма деревенского и городского потребления в милл. руб.	7.690	11.162
8. Чистая продукция с.-х. предметов питания по ценам производ. в милл. руб.	8.008	9.854
9. Избыток (+) или дефицит (—) продукции против потребления в милл. руб.	+318	—1.308

Отсюда ясно, что если в 1925/26 г. мы имеем некоторый избыток с.-х. продуктов питания, которые могут итти на экспорт или в запас, то в 1930/31 г. по предполагаемому плану мы будем иметь уже дефицит этих предметов питания.

Нам могут заметить, что потребление предметов питания сельского населения при росте его благосостояния на 30% вырастет в меньшей степени, чем 30%. Это возражение мы предусматривали выше, при анализе вопроса первым приемом. Предусмотрим его и теперь. Допустим, что потребление сельского населения к 1930/31 г. вырастет всего в меру роста физического об'ема с.-х. продукции, т.-е. на 15%. Этот прирост, очевидно, уж не преувеличен. Но и в этом случае, произведя те же расчеты, которые показаны в таблице, мы получаем в 1930/31 г. дефицит с.-х. предметов питания в стране на сумму 320 милл. рублей.

Мы совершенно не настаиваем на том, чтобы все расчеты плана педантично совпадали до единицы включительно. Но если разногласие расчетов достигает крупных размеров, если оно подтверждается двумя использованными приемами, то мы имеем все основания утверждать, что в предлагаемом плане, несмотря на указания его авторов, что отдельные его данные сбалансированы, обстоит не все благополучно. Очевидно, что или с.-х. продукция растет по плану слишком медленно или темп прироста благосостояния населения принят слишком высокий. Но как бы то ни было, в 1930/31 г. по плану СССР ставится в необходимость не только отказаться от увеличения положительного баланса во внешней торговле с.-х. продуктами, а даже перейти к отрицательному балансу, т.-е. превратиться по существу в страну импортирующую, как с.-х. товары вообще, так и с.-х. предметы питания в частности.

Очевидно также, что этот вывод, не делаемый и даже не замечаемый С. Г. Струмилиным, но вытекающий из его построений, делает нереальными приведенные выше расчеты на развитие импорта промышленного оборудования и сырья, а следовательно, и на выполнение намеченной планом программы индустриального развития страны.

VI

Таким образом, мы вскрыли, что намеченный план развития народного хозяйства оказывается нереальным и внутренне несогласованным при разборе его с двух чрезвычайно важных сторон: со стороны обеспечения необходимого накопления и необходимого развития с.-х. экспорта. В чем же лежат причины внутренних противоречий предложенного построения перспектив? Причины таких противоречий, по нашему мнению, очевидно, лежат, во-первых, в неправильном понимании соотношения индустрии и сельского хозяйства в их развитии, во-вторых, в неправильной проекции роста благосостояния населения, так как она не соответствует намеченному темпу роста продукции. Остановимся здесь на первом вопросе, на вопросе о соотношении сельского хозяйства и индустрии, для уяснения которого предыдущее изложение дает достаточный материал.

Как смотрит С. Г. Струмилин на положение нашего сельского хозяйства и как он понимает его перспективы? С. Г. Струмилин исходит из положения, что наше сельское хозяйство страдает от перенаселения. Перенаселение деревни он понимает, повидимому, чисто статистически. Исходя из существующих норм затраты труда в различных отраслях хозяйства, он исчисляет, что в 1925/26 г. наше сельское перенаселение определится в 6,82 миллиона рабочих лет или проще милл. человек (стр. 34). При этих условиях С. Г. Струмилин справедливо озабочен вопросом, что же будет с перенаселением деревни через пять лет, когда с.-х. население еще вырастет? Согласно плана, до 3 миллионов человек с.-х. населения передвинется в города (35). Около 8 милл. человек С. Г. Струмилин размещает в сельском хозяйстве в связи с повышением в нем относительной роли трудоемких культур и отраслей сельского хозяйства (трудоинтенсификации сельского хозяйства). При этом С. Г. Струмилин исходит из той же стабильной производительности с.-х. труда. И все же оказывается, что через пять лет,—пишет автор,—„аграрное перенаселение деревни... в лучшем случае лишь не возрастет против нынешних его размеров“ (35). Этот вывод явно угнетает С. Г. Струмилина и толкает его к чрезвычайно характерным построениям. Прежде всего, С. Г. Струмилин боится повышения производительности с.-х. труда. „Если,—пишет он,—исходить даже из весьма скромной цифры прироста производительности (труда. Н. К.) за пять лет в 5%, то этот прирост может сразу повысить избыточное население деревни на 3 миллиона душ“ (35). И если С. Г. Струмилин считает, что „в лучшем случае“ аграрное перенаселение не возрастет, то этот его „лучший случай“ состоит именно в условиях стабильности производительности с.-х. труда.

Далее, боясь роста производительности с.-х. труда, С. Г. Струмилин естественно боится машинизации сельского хозяйства, так как она очевидно, повышает производительность с.-х. труда. Из текста не видно, что С. Г. Струмилин боится и повышения урожайности (35). Но это, очевидно, не вполне последовательно, так как повышение урожайности есть другая сторона повышения все той же производительности с.-х. труда. При таких построениях, естественно вообще, „не увлекаться“ мероприятиями, которые могли бы повысить производительность с.-х. труда и, следовательно, темп роста с.-х. продукции. И мы уже знаем, что таких „увлечений“ в плане действительно нет. Из всех сумм капитальных вложений на с.-х. отводится всего 6,8%.

Но если все это так, то не ясно ли, что обратной стороной именно таких построений и является то, что темп роста с.-х. продукции при намеченном темпе роста индустрии и благосостояния населения является явно недостаточным. Не ясно ли, что в связи с этим, констатированный выше разрыв продукции сельского хозяйства и потребления, с одной стороны, необеспеченность экспорта и импорта—с другой, при условии принятого темпа индустриализации и роста благосостояния масс является следствием того же относительно-недостаточного темпа роста сельского хозяйства.

Всю систему указанных построений в отношении сельского хозяйства при взятом курсе на индустриализацию мы считаем не только теоретически спорной, но и практически опасной. Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов. Не обеспечивая программы накопления и вложений, не обеспечивая достаточного экспорта, а следовательно, и импорта, она не обеспечивает и принятой программы индустриализации и реконструкций. В то же время она, по собственному признанию С. Г. Струмилина, не подвигает нас и по пути решения проблемы аграрного перенаселения. Это достаточно ясно из предыдущего изложения и не требует дальнейшего развития.

Но почему эта система построения в отношении сельского хозяйства спорна и теоретически? В основе ее лежит чисто статистическое неправильное понимание сущности аграрного перенаселения. С. Г. Струмилин рассуждает, очевидно, так: существуют нормы продолжительности рабочего дня в деревне; существует норма затраты труда в разных отраслях сельского хозяйства, при этих нормах требуется такое-то количество рабочего населения в деревне и оно имеет такой-то уровень жизни; отсюда, если вторгаются условия, которые повышают производительность с.-х. труда, то ясно, что труда потребуется меньше, ясно, что даже при том же, а тем более при растущем с.-х. населении аграрное перенаселение возрастает. Но вот это-то именно и не ясно, именно это-то и не верно. Думать так, значит бояться прогресса и роста производительных сил сельского хозяйства; думать так, значит утверждать, что при повышении производительности с.-х. труда деревня, имея ту же продукцию с меньшей затратой труда, сейчас же вытолкнет часть населения из сельского хозяйства, как будто специально для того, чтобы сохранить прежний уровень своей жизни, прежнюю длительность рабочего дня и прежние нормы затрат труда в различных отраслях сельского хозяйства. В действительности же, повышение производительности с.-х. труда, давая в руки деревни большую массу ценностей, как раз и создает необходимую предпосылку для переоборудования сельского хозяйства, для интенсификации его, для расширения спроса на промышленные товары и т. д. При этих условиях единственно прогрессивного развития сельского хозяйства как раз и создаются предпосылки не для меньшей, а для большей емкости территории в отношении к населению. Иначе говоря, перенаселение есть чисто экономическое и относительное явление. Оно далеко не определяется статистическим расчетом, исходящим из количества населения, размеров территории и соответствующих норм затраты труда.

Перенаселение зависит не только от количества населения на единицу территории, но также и от того, сколько производит это население на данной территории. С.-х. население Германии, Дании, Голландии гораздо более плотно, чем наше, и тем не менее эти страны не страдают от перенаселения. Но если это так, то очевидно, что мы должны принять в экономической политике по отношению к сельскому хозяйству направление иное, чем то, которое положено в основание плана. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы повысить производительность с.-х. труда, так как это на ряду с индустриализацией страны есть верный путь к интенсификации хозяйства, к преодолению перенаселения и к повышению темпа развития сельского хозяйства.

С такой точки зрения провозглашенная правительством политика на интенсификацию, индустриализацию и машинизацию сельского хозяйства, ведущая к технической реорганизации его основ, является вполне правильной. С такой точки зрения те меры, и, в частности, те вложения средств, которые план намечает в отношении сельского хозяйства, являются совершенно недостаточными. И это тем более, что, как было показано выше, намеченный план индустриализации страны срывается, между прочим, именно на недостаточном темпе развития с.-х. производства.

Однако, против усиления ассигнований сельскому хозяйству при явной ограниченности наших средств С. Г. Струмилин, быть может, возразит. Он может указать, что при недостатке наших средств мы не можем делать вложений в сельское хозяйство, так как эти вложения относительно менее эффективны. В обоснование этого возражения С. Г. Струмилин мог бы выдвинуть прежде всего свои соображения о весьма низкой производительности с.-х. труда по сравнению с промышленным трудом, которые он развивает в статье. С. Г. Струмилин приводит в ней (51) данные о народном доходе в сельском хозяйстве и промышленности по расчету на работника в 1925/26 и 1930/31 гг. по ценам 1913 г. Из этих данных оказывается, что в то время как в сельском хозяйстве доход на работника выражается суммой в 229 руб., в городе он выражается суммой в 693 руб. Опираясь на эти цифры, С. Г. Струмилин сравнивает абсолютный уровень производительности с.-х. и промышленного труда и пишет: „Производительность городского труда раза в три выше сельского“ (51—52). В связи с этим он, далее, утверждает, что деревня, которая „живет на пороге физиологических норм существования... не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления“ (52); что, в частности, по государственному и местному бюджету деревня больше получает, чем отдает, что „основным источником для бюджетных из'ятий и для социалистического накопления может служить лишь более производительный, неземледельческий труд“ (52).

Мы не будем останавливаться на вопросе о том, какая группа населения является основным источником бюджетных из'ятий и социалистического накопления. Это завело бы нас слишком далеко. Но считаем необходимым решительно отвергнуть приведенные соображения С. Г. Струмилина о сравнительной производительности сельскохозяйственного и промышленного труда. С. Г. Струмилин хочет доказать значительно более низкую производительность с. х. труда по сравнению с трудом промышленным. Но все, что он доказал своими приведенными данными, это то, что доход сельского хозяйства по расчету на работника значительно ниже, чем доход городского населения тоже по расчету на работника. Иначе говоря, он просто подменил понятие производительности труда понятием его доходности. Между тем, это явления, как будто, совершенно различного порядка. Вот если бы С. Г. Струмилин доказал, что в 1913 г. цены на товары вполне совпадали с трудовыми стоимостями последних, тогда он мог бы по данным о доходе судить о сравнительной производительности труда. Но именно это-то доказать и невозможно, именно эта-то посылка, если ее принять, и неверна. В литературе существует прочное убеждение в невозможности разрешить задачу сравнения абсолютного уровня производительности труда в различных отраслях хозяйства. Это мнение поддерживалось многими авторитетными исследователями. Один из таких авторитетных исследователей вопроса, например, пишет: „Производительность труда в самом общем и в то же время точном смысле слова определяется количеством продукта, т.-е. суммой потребительских благ в натуральном их выражении, создаваемых рабочими в единицу времени“.

Отсюда, вполне последовательно тот же автор продолжает: „Измерять производительность труда ценностью создаваемого рабочим продукта невозможно“... Для измерения производительности труда нужно было бы соизмерить количество производимых продуктов в различных отраслях хозяйства на единицу времени в натуре. Но оказывается, что „соизмерять производительность рабочих, изготовляющих продукты различного качества мы пока не умеем“. Отсюда в качестве результата следует: „Собственно говоря, для измерения абсолютного уровня производительности труда в сложных производствах у нас вообще нет и не может быть никакого измерителя, ибо такой уровень можно было бы измерить лишь количеством продукта или суммой полезностей, им представляемых. А сумму полезностей разного качества мы получить не умеем“.

Мы просим извинить за то, что привели довольно длинные цитаты. Мы решили сделать это в виду высокой авторитетности в данной области цитируемого автора, а также в виду того, что этим автором является никто иной, как сам С. Г. Струмилин (см. С. Г. Струмилин, „К методологии изучения заработной платы и производи-

тельности труда", „Плановое Хозяйство", № 8, 1925 г., стр. 41, 43, 52 и 54).

Таким образом, С. Г. Струмилин сам решительно убежден, что измерить абсолютную производительность труда в отраслях, производящих различные продукты, ценностью продуктов нельзя. С. Г. Струмилин, далее, убежден, что методом непосредственного измерения абсолютной производительности труда мы не располагаем. Тем не менее, в разбираемой работе о плане он без всяких оговорок, во-первых, сравнивает абсолютный уровень производительности сельского хозяйства и промышленного труда, во-вторых, сравнивает его именно по ценности чистой продукции на работника. Иначе говоря, он делает две ошибки и притом против своих же методологических положений.

Таким образом даже по С. Г. Струмилину мы не знаем, в какой степени производительность с.-х. труда ниже производительности его в других отраслях хозяйства. Мы знаем лишь, что с.-х. труд значительно менее доходен, чем труд индустриальный.

Но допустим даже, что производительность с.-х. труда значительно ниже, чем производительность труда городского. Отсюда вовсе не вытекает, что увеличение вложений в сельское хозяйство с народнохозяйственной точки зрения относительно менее эффективно; отсюда вовсе не вытекает, что одной из основных задач нашего времени не является задача повышения производительности с.-х. труда, повышения темпа роста сельского хозяйства.

На анализе предложенного плана мы убедились, что одной из основных причин его неосуществимости, одной из основных причин срыва выдвинутой программы индустриализации является именно недостаточный темп роста с.-х., так как отсюда, при прочих указанных планом условиях, проистекает невозможность как необходимого накопления, так и экспорта-импорта. Таким образом, повышение производительности сельского хозяйства требуется прежде всего задачей быстрого роста самой индустрии. Это во-первых.

Во-вторых, как бы то ни было в сельском хозяйстве занята подавляющая масса народного труда. Сельское хозяйство страдает от перенаселения. При этих условиях, помимо задачи отвлечения труда из деревни путем индустриализации, перед страной стоит неотложная задача огромной хозяйственно-политической важности — повысить степень использования деревенского труда, повысить его производительность и тем самым увеличить общую продукцию народного хозяйства, смягчить перенаселение, используя для этого все другие доступные пути, помимо индустриализации. План недостаточно учитывает серьезность этой проблемы. План учитывает, в сущности говоря, лишь стихийный рост степени использования деревенского труда путем интенсификации при почти пассивной позиции государства. Между тем, некоторое увеличение вложений в сельское хозяйство (на землеустройство, колонизацию, мелиорацию, на с.-х. индустрию и т. д.) при наших условиях может дать значительный толчок росту сельского хозяйства и повышению его продукции, может подвести более прочный базис под индустриальное развитие страны и смягчить перенаселение. Это не только целесообразно, но, как ясно из предыдущего, это необходимо.

Однако, затронутый вопрос о расширении капитальных вложений в сельское хозяйство, естественно, приводит к вопросу об источнике этих средств. Мы видели выше, что намечаемый планом темп накоплений при проектируемом росте потребления отнюдь не обоснован. Но если даже допустить, что он реален, и в этом случае вопрос о расширении ассигнований сельскому хозяйству может быть решен или путем перераспределения ожидаемых накоплений в иной, более благоприятной для сельского хозяйства пропорции и, следовательно, путем некоторого снижения темпа роста промышленной продукции, или путем увеличения резервов накопления. Если встать на второй путь, то здесь опять возможны две линии.

Можно пойти по линии увеличения накопления в государственном секторе и усиления воздействия на сельское хозяйство путем государственных вложений.

Но эта линия возможна, очевидно, на первых порах, лишь при условии более медленного роста личного потребления населения. Мы уже указывали выше, что при намеченном темпе роста продукции принятые нормы роста благосостояния и потребления населения не обеспечивают и того накопления, которое проектируется. Мы указывали, далее, что они не обеспечивают и необходимых избытков для с.-х. экспорта. Действительно, согласно плану, например, рост реальной заработной платы берет, в сущности, почти все, что дает намеченный рост производительности индустриального труда. Очевидно, что ставить себе задачу максимального роста благосостояния населения, не обеспечивая других условий, в частности, соответствующего роста с.-х. продукции и экспорта, значит ставить неразрешимую задачу, как бы не представлялось ее разрешение привлекательным.

Другая линия — принятие программы вложений в сельское хозяйство, выдвинутой комиссией Госплана, т.-е. линия отказа от сколько-нибудь значительных вложений в сельское хозяйство со стороны государства. Но эта линия может быть совмещена с одновременным усилением вложений в сельское хозяйство и обеспечением его достаточного роста, очевидно, лишь в том случае, если одновременно будут налицо условия необходимого накопления у самого с.-х. населения, В таком случае нужно усовершенствовать товарный оборот, нужно поощрить накопление в деревне, нужно, даже при стабильных ценах на с.-х. товары, пойти на более значительное снижение промышленных цен, чем это предполагает проект. Нужно дать не 17,5% их понижения за 5 лет, а, примерно, около 25.

Мы не будем входить здесь в специальный анализ всех этих путей решения вопроса. Заметим лишь, что решение его представляется абсолютно необходимым и, по нашему мнению, решение это лежит в плоскости известного сочетания трех намеченных путей.

VII

Заканчивая анализ проекта плана по существу, подчеркнем, что даже независимо от проблемы накопления и вложений в с. х. нам представляется проектируемое снижение промышленных цен недостаточным. Постановка вопроса о ценах, данная проектом, стремится разрешить лишь одну задачу—задачу сближения с.-х. и промышленных цен. Но она почти совершенно не затрагивает проблемы общего снижения цен. Она исходит из стабильного уровня с.-х. цен. При этих условиях 17,5% снижения цен промышленных товаров обеспечивает снижение общего уровня цен приблизительно на 11%. И это не разрешает проблемы снижения общего уровня цен в целях приближения его к мировому уровню цен, в целях повышения внутренней покупательной силы нашей валюты и облегчения экспорта. Между тем, эта проблема столь же настоятельна, как и проблема сближения с.-х. и промышленных цен. Разрешение ее мыслимо лишь при постепенном снижении и цен с.-х. товаров. Однако, снижение последних при обеспечении сближения их с ценами промышленных изделий, предполагает, очевидно, более значительное снижение цен промышленных товаров. При чем, так как снижение промышленных цен труднее, то, во избежание результатов опыта 1926 г., необходимо, чтобы инициатива снижения цен в дальнейшем лежала на стороне промышленности.

VIII

Подведем итоги. В своей статье мы сознательно ставили себе лишь критическую, а не конструктивную задачу. Но, разумеется, за нашими критическими замечаниями лежат и известные положительные взгляды на построение перспективного плана. В предыдущем изложении мы далеко не исчерпали всех вопросов, возбуждаемых предложенным проектом плана. Но и разбор затронутых, нам кажется, важнейших вопросов позволяет сделать некоторые выводы:

1. Предлагаемый план в том виде, как он дан, страдает статистическим формализмом построений. За многочисленными и чрезвычайно смелыми и рискованными цифровыми расчетами пока не видно достаточных экономических оснований.

2. Но если даже взять план, как таковой, и рассмотреть его, так сказать, „извнутри“, то обнаруживается, что несмотря на прокламированный принцип балансовой „увязки“ всех его элементов, такой „увязки“ на самом деле в нем нет. Между проектируемой динамикой

продукции, потребления, накопления, экспорта и т. д. нет необходимой согласованности. В силу этого рост одних из перечисленных элементов делает невозможным принятый рост других.

3. В особенности серьезный пробел во внутреннем согласовании динамики различных отраслей хозяйства обнаруживается в отношении сравнительного темпа развития сельского хозяйства и др. отраслей, что связано с неправильным диагнозом положения и значения сельского хозяйства.

4. При таких условиях, если вспомнить те задачи, которые С. Г. Струмилин ставил хорошему плану и те критерии оценки предлагаемого плана, которые из этих задач вытекают, то нужно признать, что осуществление предлагаемого плана, если бы оно было возможно, не обеспечивало бы нам оптимальный и бескризисный путь развития производительных сил народного хозяйства, не обеспечило бы реально максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и в силу этого едва ли особенно приблизило бы наше народное хозяйство к существенной реконструкции. Наоборот, осуществление плана неизбежно привело бы к росту хозяйственных затруднений.

5. Основная ошибка, допущенная при построении плана, лежит в том, что при составлении его хотели одновременно в максимальной степени разрешить ряд задач, указанных выше (т.-е. и максимального и бескризисного роста производительных сил и максимального удовлетворения текущих потребностей и т. д.), без достаточного учета того, что эти частные задачи при своем крайнем выражении вступают друг с другом в коллизию. Необходимо было найти наилучшее и в то же время совершенно реальное сочетание этих задач. Такое реальное сочетание задач в плане заменено формальным балансированием различных расчетов, которое делает план внешне на первый взгляд стройным. Однако, внутренне, экономически он является противоречивым.

Н. К. Мекк

О перспективах железнодорожного транспорта [1]

В октябре 1926 года профессор С. В. Бернштейн-Коган сделал в Бюро правлений доклад о „Перспективном плане развития железнодорожного транспорта на 1926/27—1930/31 гг.". Доклад этот, или вернее перспективный план, возбуждает целый ряд вопросов, в которых мы и хотим попробовать разобраться.

Прежде всего надлежит указать, что докладывался не „план", а „планы", именно—было доложено три варианта плана и каждый вариант в финансовых результатах разбит еще на четыре группы. В виду такого положения приходится начать рассмотрение этих „планов" с выбора одного какого-либо „плана", а так как фундаментом в каждом плане является задаваемая предприятию работа, то мы и начнем наше ознакомление с перспектив грузооборота.

В докладе говорится, что Комиссия по перспективным планам остановилась на среднем варианте грузооборота, а именно: [2]

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
Грузооборот в милл. руб.	7.127	8.000	8.900	9.600	10.300	11.000
% роста к 1925/26 г. .	100	112,2	124,9	134,7	144,5	154,3
% роста к 1926/27 г. .	—	100	111,3	120,0	128,8	137,5
% роста года к году	—	112,2	111,3	107,9	107,3	106,8

Прежде всего следует сказать, что в настоящее время количество подлежащего перевозке груза на 1926/27 г. принято по смете в 8.000 милл. пуд., от каковой цифры мы и будем исходить в дальнейших подсчетах.

Приняв указанную цифру за исходную, получаем, что 1930/31 г. дает по сравнению с первым годом по вариантам следующие результаты: первый вариант +156,2%, второй +136,6% и третий +125,0% от 1926/27 г., или средний процент роста для первого варианта составляет кругло 11%, для второго—7,2% и для третьего — 5%.

Довоенный размер роста перевозок за последние пять лет составлял 140,2%.

[1] В порядке обсуждения пятилетнего перспективного плана. Ред.

[2] См. „Проблемы планирования", стр. 39 — 46, изд. „План. Хоз.", 1926 г.

Основываясь на этих цифрах, мы останавливаемся на цифрах среднего варианта, наиболее приближающегося к последним довоенным годам, хотя надлежить сказать, что все же этот рост перевозок может оказаться несколько преувеличенным, так как дальнейшее развитие нашей экономической жизни зависит в очень большой степени от развития кредитных возможностей, а таковые, несомненно, ныне очень сложны. Кроме того, не следует забывать, что более интенсивный рост перевозок грузов в довоенное время совпадал всегда с более усиленным строительством железных дорог, какового в истории не имеется. Влияние же новых линий в отношении развития перевозок по существующим дорогам весьма значительно, как это видно из работы Н. Д. Рудакова (Сборник Моск.-Казанской железной дороги, № 9), из которой явствует, что пробег грузов новой линии на существующих линиях в полтора раза больше, чем на первой дороге.

Обратимся к составным частям грузооборота.

Средний пробег груза. Таковой принят в 540 верст для 1926/27 г. и далее, понижаясь, он в последний год дает цифру 525 верст.

Прежде всего мы полагаем, что в 1926/27 году пробег будет более 540 верст, так как в конце 1925/26 г. он равняется 585 верстам, а в последующие годы, если не будут изменены условия пользования железными дорогами, едва ли можно ожидать понижения величины пробега. Но следует сказать, что так как нынешняя система пользования железными дорогами совершенно ненормальна и крайне убыточна для народного хозяйства, то, несомненно, надо будет принять меры к изменению таковых и тогда средний пробег понизится.

Указывая на ненормальность использования железных дорог, мы имеем в виду неправильное распределение снабжения СССР и встречные перевозки. Эти две неправильности по подсчетам инж. А. Ф. Величко увеличивают перевозки и их дальность весьма значительно. Принимая это увеличение для дальности в 10% от общей длины пробега и введя этот корректив, мы будем иметь пробег к концу периода в 475 верст вместо 525 верст. Но есть еще одно обстоятельство, оказывающее влияние на длину перевозок, а именно наша тарифная схема, которая особенно усиленно поощряет длинные перевозки, что видно из прилагаемой таблицы, извлеченной нами из работы М. Кислика и И. Малецкого (см. табл. на след. стр.).

Эта схема тарифов кроме того, что поощряет дальние перевозки, понижает также и ставки грузовых перевозок, а следовательно, и доходность железных дорог. Поэтому получается, что несмотря на поднятие тарифов соответственно выручка дорог не подымается, она повышается в гораздо меньшей степени, чем производимое повышение тарифов, благодаря тому, что одновременно дальность пробегов грузов увеличивается.

Но принимая во внимание, что в первые годы перспективные пробеги больше, чем это предвидено по плану, что на проведение

Годы	Имущ. ж. д. (основ. кап.) за вычет. износа	Доход эксплоатации	Расход эксплоатации	Чистый доход	% к основн. капиталу	Аморт. (1,75%) от основн. капит.	Чист. приб.		Капит. влож.		Остаток Дефицит	Увелич. оборот. капитала	На жилстр. добав.	Оконч. результат
							абсолютн.	% к основн. капит.	абсолютн.	% к основн. капит.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1926/27	7.362	1.620	1.362	258,0	3,5	129	129,0	1,75	198	2,7	—69	—	—	—69
1927/28	7.460	2.181	1.344,8	836,2	11,2	131	705,2	9,45	600,9	8,1	104,3	90,0	30,0	—15,7
1928/29	8.240,4	2.332	1.400,7	931,3	11,3	144,2	787,1	9,55	618,4	7,5	168,7	90,0	80,0	— 1,3
1929/30	9.130,9	2.515	1.459,0	1.056,0	11,6	160	896,0	9,81	620,4	6,7	275,6	90,0	80,0	105,6
1930/31	9.904,9	2.596,7	1.518,7	1.078,0	10,9	173	905,0	9,14	628,5	6,4	276,5	90,0	80,0	106,5
Итого . . .	—	11.244,7	7.085,2	4.159,5	—	737,2	3.422,3	—	2666,2	—	756,1	360	270,0	126,1

1913 год							1926 год						
Классы	500-верстные пояса						Классы	500-километровые пояса					
	1	2	3	4	5	6		1	2	3	4	5	6
I	100,0	87,7	69,0	59,7	28,7	28,7	II	100,0	79,2	61,6	52,0	42,8	33,0
II	100,0	80,0	69,4	62,5	45,1	34,7	IV	100,0	78,1	60,3	59,5	38,5	31,0
III	100,0	85,2	76,4	69,2	60,1	51,0	VI	100,0	80,2	59,2	45,8	37,6	30,6
IV	100,0	86,5	78,3	69,9	54,0	51,1	VIII	100,0	77,0	52,3	43,4	35,6	26,4
V	100,0	80,4	73,8	67,8	62,8	62,8	XI	100,0	63,4	45,7	35,8	24,9	22,0
VI	100,0	84,6	76,8	71,6	67,6	67,6	XIII	100,0	65,4	44,5	31,4	18,1	13,6
VII	100,0	86,6	82,1	68,6	63,5	79,2	XVI	100,0	65,8	38,2	21,8	18,0	18,0
VIII	100,0	87,4	80,1	63,5	65 2	71,0	XVIII	100,0	53,6	25,1	21,9	21,9	21,7
IX	100,0	87,6	80,6	64,5	63,6	70,6	XX	100,0	47,0	28,1	28,1	27,1	28,0
X	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	XXII	100,0	42,7	39,0	39,0	39,0	39,0
XI	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	XXV	100,0	66,6	66,6	66,6	66,6	66,6
XII	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	XXXVIII	100,0	85,1	85,1	85,1	85,1	85,1
Хлеб . . .	100,0	56,1	39,1	35,9	35,9	42,9	Хлеб . . .	100,0	27,3	22,1	22,1	20,0	18,9

Примечание: До войны действовали тарифы, разделенные на 12 основных классов; ныне действуют тарифы, разделенные на 28 классов. Для сравнения за 1926 год приняты те классы (из числа 28), которые отвечают по своим схемам довоенным классам (из числа 12).

снижения длины пробега потребуется продолжительное время, мы в дальность пробегов корректива не вносим.

Доходы железных дорог

В перспективном плане предвидены ставки с пассажиро-версты в 1,427 коп., с грузов малой скорости 0,02525. По поводу первой надлежит сказать, что таковую надо признать скорее высокой, поднимать же тариф на перевозку пассажиров едва ли будет возможно, по крайней мере последнее поднятие с 1 июня пригородного на 20% и общего на 30% сказалось довольно резким снижением темпа роста пассажирских перевозок.

Рост этих перевозок в 1926 г. по сравнению с 1925 г. был следующий. Пригородные: май — 120,4, июнь — 125,3, июль — 112,3, август — 107,1, сентябрь — 105,7, октябрь — 101,3. Дальнее и местное сообщение: май — 132,5, июнь — 121, июль — 112,3, август — 107,1, сентябрь — 102,5, октябрь — 95,9.

В виду такого положения с пассажирскими перевозками, мы полагаем, что осторожнее было бы несколько снизить ставку, примерно, до 1,40 коп., тем более, что ставка июля месяца сего года равна 1,39 коп., т.-е. ниже на 2%.

По поводу грузовой ставки следует сказать, что таковая в том же июле была лишь 0,02213, т.-е. много ниже намечаемой по плану. Допустив, что все же мы подойдем к ставке в 0,02525, таковая все-таки много ниже ставки 1913 г., составившей 0,0208 в довоенной валюте или в червонной 0,038. Ставка 1926 г. (июль) составляет 58,2% от ставки 1913 г., а поэтому надлежит повысить перспективную ставку по грузовым перевозкам хотя бы до 0,030, т.-е. до размера ставки, составляющей, примерно, 80% от 1913 г., но надо прибавить, что следует не только ввести несколько повышенную ставку в перспективный план, но и провести таковую в жизнь.

Это повышение даст увеличение доходов по грузовым перевозкам, дополнительным сборам и прочим статьям кругло на 20%, по пассажирским же следует уменьшить ставку на 2% и в результате кругло мы получим увеличение доходов железных дорог за все пятилетие на 1.700 милл. рублей.

Расходы эксплоатации

По поводу таковых надлежит прежде всего отметить, что так как всякий план на будущее время основан прежде всего на экономических предпосылках, то и его выполнение должно измеряться как в доходной, так и в расходной частях экономическими измерителями, чего мы в рассматриваемом плане по отношению к расходам не видим, а поэтому мы полагаем, что в качестве измерителя надлежит пользоваться пудо-верстой не только грузовой, но общей, т.-е. приведенной. Приводя расходы эксплоатации, указанные

на стр. 29, по среднему варианту, без изменения цен и заработной платы, мы имеем по годам следующую ставку на приведенную пудоверсту:

1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
0,02121	0,02085	0,02068	0,02061	0,02049

Эти цифры дают нам понижение расходов за эти годы только на 3,4%. Такое понижение представляется нам недостаточным по основаниям нижеизложенным. Для понижения расходов более чем на 15% за весь период, повидимому нет оснований, так как стоимость предметов снабжения дорог едва ли даст большее понижение, чем на 15%.

Зарплата, если осуществится предполагаемое увеличение движения, повысится вследствие увеличения производительности труда. Наконец, следует отметить, что так как уменьшение расходов зависит в очень большой степени от улучшения оборудования и улучшения обстановки работы, на каковые нужды предвидены ассигнования, а на проведение же в жизнь того и другого необходим продолжительный сравнительно срок, то эти два обстоятельства могут сказаться преимущественно на последних годах периода. В виду этого мы по расходам останавливаемся на варианте третьем, дающем в 1930/31 г. 90,0% расходов от 1926/27 г., т.-е. уменьшение на 10,0%. Это уменьшение расходов кажется нам наиболее приемлемым.

Что же касается вариантов с более высокими расходами, то принятие таковых означало бы, по нашему мнению, введение в планирование известной бесхозяйственности, так как известно, что с ростом работы железных дорог расходы на измеритель падают и, например, в годы 1909 по 1913 расходы на приведенную пудоверсту выразились в соответственные годы в золотой валюте 0,01486, 0,01380, 0,01241, 0,01186 и 0,01151, т.-е. последний год дал 77,5% от первого, или за эти годы уменьшение на 22,5%.

В виду сказанного, перспективные расходы могут быть оставлены в предположенных размерах по третьему варианту, т.-е. с изменением цен и зарплаты за счет повышения производительности труда, но при непременном условии фактического ассигнования сумм на капитальные работы, предвиденные по плану, так как только при условии получения таковых железные дороги будут в состоянии привести свое оборудование в такой вид, чтобы оно соответствовало размерам работы дорог и, следовательно, железные дороги получат возможность интенсифицировать свою работу и понизить ее себестоимость.

Перейдем теперь к рассмотрению весьма существенного вопроса всякого хозяйства в нашей современной обстановке, а именно к амортизации.

В этом отделе перспектив говорится, что „правильное хозяйство требует производства отчисления на амортизацию“, а в конце указывается, что „если не установить на жел.-дор. транспорте немедленно отчислений в амортизационный фонд, то, во всяком случае,

вести учет необходимо, но по сделанным амортизационным затратам, чтобы в конце пятилетия можно было установить — в какой мере новые работы были действительно расширительными, а в какой мере они только заменяли амортизацию“. Указывается также, что „капитальные вложения в хозяйство железных дорог производились в столь незначительных размерах, что они не покрывали даже естественного износа основного капитала“.

Все то, что нами приведено из перспектив железных дорог, указывает на какое-то смешение понятий о капитальных вложениях с амортизационными отчислениями.

Говоря об амортизации, перспективный план имеет, повидимому, в виду отчисления в размере 1,75% от основного капитала, каковые отчисления покрывают только естественный и моральный износы основного капитала, но никаким образом не расходы по восстановлению имущества, на что требовалось бы еще отчислить от 1,75% до 2% от основного капитала с соответственным уменьшением расходов эксплоатации. Капитальные же вложения ассигнуются на увеличение оборудования дорог и их переустройство, что видно из титулов, на которые за годы 1923/24/25/26/27 ассигновывались средства на новые работы, а именно на восстановительные, ликвидацию запущенности, на улучшение быта рабочих и служащих и т. д.

Как видно из перечисленных титулов капитальных работ, таковые ничего общего с амортизацией не имеют. Поэтому крайне странными являются рассуждения перспективного плана о том, что капитальные вложения не покрывали естественного износа, что надо вести им учет, дабы установить, в какой мере новые работы были расширительными, в какой мере заменяли амортизацию и, в конце концов, притти к „девятнадцатому тезису докладчика“, в котором откровенно допускается мысль о возможности не производить в предстоящее пятилетие амортизационных отчислений, при чем по подвижному составу предполагается, что это не должно ухудшить его положения, так как не предвидится выхода из эксплоатации значительных групп подвижного состава. Приняв это предположение, хотя оно не совсем верно, ибо уже в 1925 году средний возраст паровозов достиг 19 лет и был больше такового же в 1913 г. (17,4) на 1,6 лет, мы никоим образом не можем присоединиться к мысли об отказе от амортизационных отчислений в 1,75% и переносе их на будущее. Проведение в жизнь такого предложения равносильно нарушению основного хозяйственного принципа покрытия всех расходов из доходов того времени, когда происходит пользование благами, получаемыми от данной отрасли народного хозяйства, и получается совершенно неправильная конструкция хозяйства предприятия и толкание предприятия на совершенно беспорядочное, граничащее с анархическим способом ведение хозяйства, на ведение хозяйства чисто спекулятивного типа, сры-

вание в данный момент возможного максимума эффекта, а что, мол, будет в дальнейшем — нам до этого дела нет, т.-е. на ведение хозяйства по такому методу, который не имеет основанием планирующе-социалистического начала, а потому является недопустимым. Мы видим, куда зашли железные дороги в своем хозяйственно-финансовом положении благодаря тому, что не производились амортизационные отчисления; поэтому предлагать и в дальнейшем держаться этого метода было бы более, чем неправильно.

Несколько слов надлежит сказать и об оборотных капиталах.

До войны размеры оборотных капиталов составляли на версту от 2.000—3.000 руб., что уже в последние годы было недостаточно, и признавалось необходимым перейти к цифре 4.000—5.000 рублей.

Превращая эту цифру в современную стоимость по оптовому индексу Госплана, мы получим 7.200—9.000 руб. с версты и вся сумма оборотного капитала должна будет составить 600—645 милл. рублей вместо 325 милл. руб., предвиденных по перспективе, и, следовательно, так как увеличение оборотного капитала введено в план, то надо еще увеличить сумму расходов на 300 милл. кругло.

По жилстроительству цифры также недостаточны. Удовлетворяются квартирой только те служащие, которые по роду обязанностей должны жить на станциях, а для остальных сотрудников не предвидено сооружение квартир. В виду всесоюзного квартирного кризиса необходимо развить жилстроительство весьма значительно и предвидеть на эту потребность суммы раза больше в полтора.

В виду всего сказанного, я бы предложил переконструировать перспективу, при чем считаю нужным повторить, что мной вводится понижение пассажирского тарифа на 2% и повышение грузовых на 20% в течение 1927/28, 1928/29 и 1929/30 гг. и понижение от повышенного в 5% грузовых на 1930/31 г. Это понижение мной вводится в предположении, что, вследствие приведения железных дорог и их дооборудования в соответствие с размерами и характером работы, себестоимость начнет понижаться и поэтому явится возможность положить начало постепенному снижению тарифов.

Особых пояснений цифры приводимой ниже сводной таблицы не требуют. Укажем только, что себестоимость работы железных дорог при этом единственном, по нашему мнению, правильном учете составит вместе с амортизацией на приведенную пудо-версту по годам:

Годы	Расход эксплоат.	То же с амортизац.	%% от 1926/27 г.
1926/27	0,0230	0,0252	—
1927/28	0,0208	0,0228	—
1928/29	0,0204	0,0224	—
1929/30	0,02006	0,0223	—
1930/31	0,01973	0,0220	86,0

Что по сравнению с довоенной цифрой, в которой отчисления на проценты и погашение капитала ныне заменены амортизацией, составляет на ту же приведенную пудо-версту по годам без амортизации, но с уплатой процентов и погашения, или без погашения, но с амортизацией, понижение в первом случае на 20,1%, а во втором — на 21,02%.

Капитальные работы нами предвидены в размере перспективного плана с введением одной поправки, а именно: мы исключаем из цифр капитальных работ стоимость подвижного состава для новых железных дорог, которые почему то по плану включены в эксплоатационные работы. С такой поправкой размер капитальных вложений в процентах к основному капиталу составит от 2,7 до 6,4, что по сравнению с 1909—1913 гг., получавшими на капитальные работы от 3,53 до 3,07, может дать к концу пятилетия улучшение состояния железных дорог.

Следует в заключение по поводу капитальных работ отметить, что не по всем титулам работ мы согласны с планом и что мы распределили бы суммы по наименованиям работ иначе.

Наконец, последнее, на чем надлежит остановиться, это — новое строительство. Таковое по плану делится на две группы (годы 1926/27—1930/31): а) достройка 5.097 верст и б) постройка новых 5.550 верст, т.-е. кругло намечается к открытию по 2.000 верст ежегодно, но необходимо подчеркнуть, что из них половина достраиваемых, которые строятся уже помного лет.

Размеры этого строительства должны быть признаны совершенно недостаточными и, оглядываясь на прошлое, а именно на последние довоенные годы, следует признать, что наша точка зрения совершенно правильная.

Дело заключается в том, что с начала нынешнего столетия до 1909—1910 гг., вследствие ведомственных несогласий, строительство у нас бы замедлено, с указанных же годов оно пошло усиленным темпом, и мы видели, как стала развиваться экономическая жизнь.

В настоящее время, когда мы подходим к довоенным масштабам нашей народнохозяйственной жизни, когда та же жизнь повелительно требует дальнейшего развития строительства железных дорог, надлежит обратить на него особое внимание, пойти на максимальные жертвы и во что бы то ни стало строить и строить много железных дорог. К этому моменту транспортной жизни особо приложимы слова Ф. Э. Дзержинского: „Я думаю, что гораздо лучше нам меньше размахнуться в целом ряде отраслей, но помнить, что транспорт должен будет в будущем бюджете занимать довольно почтенное место для того, чтобы он своей дезорганизацией не ударил нас с другой стороны“.

Когда с 1910 года масштабы народнохозяйственной жизни начали расти более бурно, то жизнь тоже выставила повелительное

требование увеличить нашу железнодорожную сеть, и к ее более интенсивному развитию и было приступлено. Покойный проф. Н. П. Петров, специально изучивший вопрос о размерах нашей потребности в железнодорожном строительстве, пришел к заключению, что нам по размерам нашей экономической жизни необходимо строить ежегодно по 8.000 верст. Во сколько же раз больше потребность в развитии путей сообщения ныне, когда в сферу культурной экономической жизни вовлечены народные массы и поэтому во сколько раз в большем размере необходимо удовлетворять эту потребность!

Но наши средства на строительство ограничены. По перспективному плану предвидено на сооружение новых линий всего на 5 лет 986,5 милл. руб., считая в том числе и подвижной состав, и выходит, что на версту сооружения ассигнуется по 178 тыс. руб., т.-е. цифра, за которую можно выстроить линию магистрального типа, т.-е. того типа, который во всяком случае не нужен на первое время, так как размеры грузооборота будут скромные, а поэтому надлежит строить эти линии по упрощенным техническим условиям, и, полагая очень осторожно стоимость таких дорог по 80.000 руб. с версты, мы могли бы выстроить уже 11.000 верст, т.-е. удовлетворить более полно нашу насущнейшую потребность в железных дорогах.

Попутно необходимо отметить еще одно обстоятельство, а именно, что по плану предполагается из всего списка сооружения построить в Европейской части Союза 62%, а в Азиатской — 38%.

В виду того, что экономический эффект от сооружения путей сообщения получается в Азиатской части несравненно быстрее и интенсивнее, полагаем, что следовало бы из всего строительства предвидеть для Азиатской части Союза 70%, а для Европейской — не больше 30%.

Мы рассмотрели перспективный план только по его крупным составным частям, так как полагаем, что его уточнение будет происходить ежегодно в зависимости от меняющейся экономической конъюнктуры.

Сводя все сказанное, мы получаем, что по эксплоатационной части плана, как результат наших исправлений, мы получаем за все годы остаток в 126,1 милл. руб., но, кроме того, необходимо ассигнование на строительство 986,5 милл. руб., каковую сумму необходимо найти вне эксплоатационных средств железных дорог, принимая во внимание, что отнесение стоимости сооружаемых железных дорог на средства эксплоатации совершенно недопустимо и необходимо изыскать таковые вне внутренних средств железных дорог. В виду того, что перспектива эксплоатации нами сведена с плюсом, и если таковая осуществится, то думается, что найти в течение пяти лет 986,5 милл. руб. не представит затруднений, так как такую, сравнительно незначительную цифру, можно будет, в крайнем случае, получить и путем займа.

С. Г. Струмилин

Железнодорожное хозяйство СССР

За время мировой и гражданской войн железнодорожное строительство шло довольно энергичным темпом. Правда, в качественном отношении новые дороги строились прежде всего в удовлетворение военных нужд, т.-е. крайне спешно и в общем весьма неудовлетворительно, но по количеству верст, сдаваемых ежегодно в эксплоатацию, представляли довольно значительную величину. Затем, в первые годы новой экономической политики темп нового строительства резко замедляется, так как все ресурсы обращаются на восстановление нормальной работы старой сети. И лишь ныне с более или менее полным завершением восстановительного периода мы снова стоим перед проблемой расширения нового строительства.

Нужно сказать, что отчетность железных дорог за время войны страдает большими пробелами и многими другими дефектами. Источники познания за первые годы революции тоже довольно скудны и противоречивы. Но насколько нам удалось овладеть ими, развитие железнодорожной сети за последние годы может быть изображено в следующих цифрах (см. табл. 1).

Эксплоатационная длина сети дана нами здесь по всей территории России, не захваченной военными действиями. Как видно, за время мировой и в особенности гражданской войны в распоряжении нашего Ведомства путей сообщения оставалось в худшие моменты менее 40% наличной в стране сети. А если бы от средних годовых мы перешли к месячным показателям, то за октябрь 1918 года мы нашли бы даже цифру 22,1 тыс. верст в эксплоатации, что дает едва 34% всей сети. Что же касается строительной длины, то она все время возрастала. При этом от 1914 г. до 1917 г. было вновь выстроено 10.006 верст, что дает в среднем по 2,5 тысяч верст новой сети в год, в то время как за 1903—1913 гг. мы строили ежегодно всего около 1.000 верст, т.-е. в 2,5 раза меньше. За 1918—1926 гг. темп строительства значительно упал. За 9 лет мы достроили из ранее начатых дорог 6.072 версты, что дает едва 67% довоенной нормы. Но если учесть все разрушения на транспорте за время гражданской войны, которые пришлось ликвидировать за те же годы, то вышеуказанное сокращение нового строительства будет гораздо понятнее.

Общее протяжение участков железнодорожной сети, разрушенных за время гражданской войны, не менее одного раза, по данным

Таблица 1

Динамика жел.-дор. сети общего значения в России (без Финляндии) за 1914—1926 гг.[1]

Годы	Средняя годовая эксплоатационная сеть в тыс. верст	Строительн. длина сети к концу года в тыс. верст в границах		Новое строительство			Средн. срок службы сети СССР в годах (к концу года)
				сдано в эксплоатацию		Оставалось в постройке верст	
		б. импер.	СССР	верст	на сумму милл. руб.		
1	2	3	4	5	6	7	8
1913	63,7	64,1	54,0	—	—	13.469	22,2
1914	63,3	65,0	54,9	892	52	17.089	22,7
1915	59,9	68,1	58,0	3.082	274	15.853	22,5
1916	51,8	71,9	61,7	3.756	394	14.247	22,1
1917	59,3	74,1	64,0	2.276	171	12.495	22,3
За 4 года . .	—	—	—	10.006	891	—	—
1918	25,1	не существует	64,5	483	нет сведений	12.416	23,1
1919	29,5		65,8	1.291		11.802	23,6
1920	53,3		66,9	1.136		11.341	24,2
1921	64,1		68,0	1.070		?	24,8
1922	65,2		68,3	354		?	25,7
1923	66,2		68,6	289		?	26,6
1924	69,4		68,9	251		8 162	27,5
1925	69,9		69,1	199		8.723	28.4
1926	(70,4)		(70,1)	(999)		?	29,0
За 9 лет . . .	—	—	—	6.072	(487)	—	—

НКПС, достигает 47.638 верст, а по два и более раз подвергалось порче 22.386 верст.[2] За один 1920 г. нам пришлось восстановить и открыть вновь для движения 21.250 верст пути.[3] Одних железнодорожных мостов было разрушено в СССР за время военных действий 4.497, протяжением в 97.314 метров, из которых к 1 октября 1924 г. восстановлено было капитально 59.760 метров., временно — 33.058 и оставалось разрушенными 4.496 погонных метров.[4] Гражданских

[1] В графах 2 и 3 учтены все дороги, широкой и узкой колеи, кроме подъездных путей местного значения. За 1918—1920 гг. дороги узкой колеи, повидимому, оставались вне учета. Графы 3 и 4 получены исчислением, прибавляя ежегодный прирост сети (гр. 5) и исключая для гр. 4 по сети общего значения 10.121 версту, оставшихся на отошедшей от СССР территории. Ср. „Материалы по Стат. П. С.“, в. I, М. 1921 год, стр. 5—7 и 35. Данные граф 5—7 заимствованы по 1922 г. у инж. Б. П. Белоцерковца „Железнодорожное строительство“, изд. ВСНХ, М. 1923 г., а новейшие — из неопубликованных материалов НКПС. С 1924 г. строительная длина в нашей таблице меньше эксплоатационной. Очевидно, либо строительство было больше учтенного, либо в эксплоатационную сеть включена часть местных линий, ранее не учитывавшихся в сети общего значения. Данные за 1926 г. предварительные.

[2] Проф. Н. Н. Любимов. „Баланс взаимных требований СССР и держав согласия“, М. 1924 г., стр. 83 и сл.

[3] „Материалы по Стат. П. С.“, в. I. М. 1921, стр. 42.

[4] Там же, вып. 36. М. 1925 г., стр. 41.

построек было разрушено около 5.000, с площадью в 124 тыс. кв. саж., телефонных и телеграфных проводов — 175 тыс. верст и т. д., и т. д.[1] Общий ущерб, причиненный транспорту военными разрушениями по очень приблизительному подсчету НКПС оценивается им по современным ценам строительства в 1.074 милл. рублей золотом.

В свете этих цифр представляет огромный интерес вопрос о том, какую же ценность представляет собою та сеть, которой мы ныне располагаем?

Военные разрушения к настоящему моменту мы можем считать почти полностью ликвидированными. Что же касается запущенности в ремонте за годы войны и революции, то до последнего времени она была весьма значительной. К октябрю 1923 г. она оценивалась одним из знатоков транспорта П. С. Янушевским в 307 милл. рублей довоенных.[2] Но к октябрю 1926 г. и она исчислялась уже всего в 89,2 милл. черв. руб.[3] Из этого можно заключить, что проделанная на транспорте за последние 5—6 лет работа была не шуточная.

Капиталы сооружения железных дорог общего значения к концу 1913 г. с учетом износа мы оцениваем, включая землю, всего по сети в 64,1 тысяч верст, суммой 4.756 милл. довоенных рублей, а без земли — 4.668 милл. рублей.[4] Начальная же стоимость их сооружения, без земли, составляла 4.717 милл. рублей,[5] откуда следует, что текущий их износ к концу 1913 г. был почти целиком восполнен дополнительными вложениями. Оставшиеся за пределами СССР 10.121 верст сети общего значения по своей полной строительной стоимости оказались процента на 4 дороже средней нормы, и в общем мы их оцениваем без земли всего в 763 милл. руб. с учетом износа, или в 761 милл. руб. по начальным затратам. Таким образом, оценка капиталов сооружения 53.977 верст, расположенных в границах нынешнего СССР, с учетом износа должна составить около 4.668—763 = 3.905 милл. руб., а по начальной стоимости—3.956 милл. руб. Учитывая за последующие годы новые вложения и нормальный износ, получим такую картину (см. табл. 2).

[1] В. Фомин, „Пятилетие советского транспорта 1917 — 1922 гг. и его ближайшие перспективы“, „Библ. Экон. Жизни“. М. 1923 г., стр. 10.

[2] П. Янушевский, „Перспективы железнодорожного хозяйства РСФСР“. Изд. НКПС. М. 1923 г., стр. 29—30. Из них на погашение запущенности по сооружениям и пр. 236 милл. руб., по подвижному составу — 64,4 милл. руб. и по службе телеграфа 7 милл. руб.

[3] См. „Перспект. план развит. жел.-дор. транспорта на 1926/27 — 1930/31 гг.“, стр. 54 и 62. Подвижной состав не учтен в этой цифре.

[4] См. „Жел.-дор. строительство до 1913 г.“, табл. 6 и 4. Земли, считая по 6,4 дес. на версту, было отчуждено всего для жел. дор. 64,1 × 6,4 = 410 тыс. дес., на сумму около 88 милл. руб., из которых на СССР надо отнести до 73 милл. руб. (83%).

[5] С поправкой на потери реализации (17%) и скидкой на стоимость земли — 1,58% от номинальной суммы начальных затрат, включая сюда и 943 милл. рублей затрат на постройку Сибирской и некоторых других дорог, строившихся иждивением казны.

Таблица 2

Капиталы сооружения железных дорог СССР [1]

Дороги общего значения. Исчисление

Годы	Строител. длина к концу года в верстах	Капиталы к концу года в милл. довоенных рублей						Изношенность сети	
		Начальная стоимость	Амортизация		Вложения		Реальная стоим. с учет. износа	В милл. руб.	В % к гр. 3
			в % к нач. стоим.	В милл. рубл.	В нов. дороги	В старую сеть			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	53.977	3.956	1,74	—	—	—	3.905	51	1,3
1914	54.869	4.052	1,74	69	52	(113)	4.001	51	1,3
1915	57.951	4.427	1,74	70	274	(171)	4.376	51	1,2
1916	61.707	4.957	1,74	77	394	(213)	4.906	51	1,0
1917	63.983	5.179	1,74	86	171	(137)	5.128	51	1,0
1918	64.466	5.218	0,84	54	39	—	5.113	105	2,0
1919	65.757	5.322	0,81	52	104	—	5.165	157	3,0
1920	66.893	5.413	0,90	59	91	—	5.133	280	5,2
1921	67.963	5.499	0,91	61	86	—	5.108	391	7,1
1922	68.317	5.527	0,91	62	28	—	5.074	453	8,2
1923	68.606	5.550	0,97	66	23	—	5.031	519	9,3
1924	68.857	5.570	1,03	71	20	33	5.013	557	10,0
1925	69.057	5.586	1,12	78	16	36	4.987	599	10,7
1926	(70.056)	5.692	1,32	93	80	119	5.093	599	10,5

В приведенном расчете много условного. С одной стороны, мы, принимаем здесь весь военный ущерб за последние годы целиком погашенным, что, конечно, не совсем верно, но, с другой стороны, допускаем, что за целых шесть лет (1918—1923 гг.) в старую сеть не было сделано ни гроша новых капитальных вложений, что, конечно, тоже неверно, ибо, скажем, новые паровозы и вагоны строились все время. Даже за 1918 г. на сеть поступило 214 паровозов а всего за 1918—1923 гг. их поступило 1.606 штук, не говоря уже о других вложениях.

Для проверки приведенного теоретического расчета мы имеем, однако, и некоторые отчетные данные. На 1 октября 1923 г. в НКПС была произведена инвентаризация железнодорожного имущества почти по всей наличной сети, давшая следующие результаты. На протяжении 64.679 верст сети по 26 железным дорогам инвентаризована была с учетом износа по довоенным ценам следующая масса имущества (в милл. руб):

Виды имущества	По 26 ж. д. (64.679 в.)	По ост. 2 ж. д. [1] (4882 в.)	Итого (69.561 в.)
Сооружения и оборуд. . .	3.379,2	319,1	3.698,3
Подвижной состав	1.617,2	37,1	1.755,3
Разный инвентарь	54,4	2,8	57,2
Колесный парк	40,4	3,0	43,4
Итого в милл. руб. . . .	5.091,2	362,0	5.453,2
На 1 версту в руб. .	78,6	74,0	78,4

Как видим, результат получился довольно неожиданный. Фактический учет железнодорожного имущества показал, что состояние его даже много лучше, чем это вытекало из наших теоретических расчетов. В среднем на каждую версту мы имеем с учетом износа не менее 78,4 тыс. руб. имущества, в то время как для 1913 г. мы имели по нашему подсчету для всей сети не больше 73 тыс. руб. годного имущества на версту. За 1913 г. было закончено постройкой 1.402 версты сети, при чем обошлись они всего в 115 милл. руб., что вместе с потерями по реализации заемных средств, оплатой земли и пр. дает едва 82 тыс. руб. на версту, а без земли всего около 80 тыс. руб. Исходя, стало-быть, даже из этой несомненно преувеличенной—за счет реализационных потерь—оценки, мы должны заключить, что к 1923 г. наша сеть, несмотря на изношенность, была дороже новых дорог 1913 г. Это едва ли правдоподобно. И во всяком случае наша теоретическая оценка железнодорожного имущества оказалась на целых 420 милл. руб., или 7,7%, менее того, что дала инвентаризация 1923 г.

В чем же дело?

Вероятнее всего, конечно, что первый опыт инвентаризации, проведенный в 1923 г., дал преувеличенные результаты. В настоящее время подготовляется новая переоценка имущества железных дорог. И надо надеяться что она внесет существенные поправки к первому подсчету. Но возможно искать об'яснения и в других моментах. Возможно, что износ на деле был меньше нами исчисленного.[2] А возможно, что и учтенные нами дополнительные вложения в старую сеть за годы мировой войны были значительнее, чем мы предположили.[3]

[1] В начальную стоимость не включена земля и финансовые потери реализации и пр. (17%). Износ за 1914 — 17 гг. принят нормальный, а за последующие годы в части амортизации, независящей от движения (0,5%), тоже нормальный, а в остальной — пониженный пропорционально движению — по числу паровозо-верст. Вложения в новые дороги определены по строительной стоимости сданных в эксплоатацию участков за данный год. С 1918 г. стоимость одной сданной версты принята равной 80 тыс. руб.

Вложения в старую сеть за 1914 — 17 гг. исчислены условно из соотношения с 1913 г. учтенной переписью 1918 г. продукции подвижного состава за разные годы. Ср. „Труды ЦСУ", т. XXVI. Москва, 1926 г., в. I, стр. 176. Вложения за последние 3 года перечислены из червонных по индексу 1,6.

[1] За отсутствием по Читинской и Уссурийской ж. д. данных на 1 октября 1923 г., приводим балансовые данные на 1 октября 1924 г.

[2] В самом деле, по вышеуказанному подсчету П. С. Янушевского запущенность по амортизации оценивалась к октябрю 1923 г. всего в 307 милл. руб., а по нашим нормам износа она с 51 милл. руб. в 1913 г. поднялась до 519 милл. руб. к концу 1923 г., т.-е. на 468 милл. Иначе говоря, мы как будто преувеличили изношенность сети миллионов на 160 или около того.

[3] За 1908—1913 гг. они процентов на 25 превысили вложения в новое строительство, а за 1914—1917 гг. по нашей прикидке они едва достигают 71% вложений в новую сеть. А между тем, нам известно, что за 1913 г. на сеть поступило новых паровозов всего 517 штук, а за следующие годы их поступило: за 1914 г.—816, за 1915 г.—903, за 1916 г.—999 и за 1917 г.—895 паровозов. Ср. В. Фомин, назв. соч., стр. 5.

Изношенность сети по данным инвентаризации к 1923 г. достигала 16,3%. По отдельным видам имущества она, конечно, колеблется довольно значительно. Инструкция устанавливала довольно сложный порядок скидки на износ в зависимости от срока службы, характера необходимого ремонта и других обстоятельств.[1] Для сопоставления результатов оценки изношенности по целым группам имущества мы приводим здесь только средние сроки службы, проектируемые НКПС для исчисления амортизации[2] (см. табл. 3).

Начальная стоимость наличной сети по приведенному расчету превышает 6,5 миллиардов, т.-е. почти на целый миллиард больше нашей теоретической оценки. Однако, возможная точность подобных расчетов вообще не слишком велика. Достаточно сказать для примера, что изношенность Донецких дорог по инвентаризации 1923 г. определилась в 11,95%. Но на ряду с этим мы имеем по той же дороге и на тот же срок еще два расчета, произведенных на основе данных той же инвентаризации, при чем по расчету дороги изношенность ее имущества выражается цифрой 16,38%, а по исчислению, произведенному в центре, она повышается даже до 33,98%.[3] Все зависит от того, для какой цели и какими методами производятся такого рода расчеты.

Инвентаризация все наличное имущество заносит в рубрику основного капитала и потому износ его должен получится довольно изрядный. Мы же пытаемся учесть в основном капитале лишь то имущество, какое соответствует полной стоимости новой дороги, полагая, что все дальнейшие вложения капитала в целях восстановления износа, поскольку они не превышают его, должны производиться за счет амортизационных фондов, не увеличивая основного капитала. И потому у нас средний процент износа основных имущественных фондов должен быть ниже. Поясним это примером. Допустим, что для нашей дороги в момент постройки достаточно было сотни паровозов. Через 20 лет службы паровозы износились, скажем, на 40%, стали часто попадать в ремонт и не менее 20 из них хронически числятся больными. Тогда для нормальной работы сети, помимо ремонта старых, необходимо докупить 20 новых паровозов за счет амортизационных фондов. И тогда по инвентаризационному методу средний износ 120 паровозов будет $40/120 = 33{,}3\%$. Технический износ паровозов именно таков. Но экономическое обесценение начальной стоимости по нашей оценке определится в $100 - (60 + 20) = 20\%$ первоначального итога, т.-е. значительно меньше технического износа.

[1] См. „Инвентаризация имущества железных дорог", Приказ № 1443 с приложениями. Изд. НКПС. Москва, 1923 г. стр. 159.

[2] „Материалы по вопросам о восстановлении основного капитала железных дорог", Москва, 1925 г., стр. 7—8 и 146—151.

[3] Там же, стр. 151.

Таблица 3

Состояние имущества железных дорог СССР на 1/X 1923 г.

В милл. рублей по ценам 1913 г.

Виды имущества	Имущество по инвентаризации			Нормы ремонта и возобновления за год		Амортизационный срок службы в годах	
	Начальная стоимость	С учетом износа: В милл. рублей	С учетом износа: % износа	В милл. рублей	В % к гр. 2	Полный	Оставшийся
1	2	3	4	5	6	7	8
По 23 жел. дор. (59.358 верст)							
1. Верхн. и нижнее строение пути[1]	1.783,8	1.473,5	17,4	59,75	3,35	29,9	24,6
2. Искусств. сооружения	631,4	579,6	8,2	12,50	1,98	50,5	46,4
3. Здания жилые и проч. гражданские сооружения	840,3	674,0	19,8	23,51	2,80	35,7	28,7
4. Устройство водоснабжения (без оборудования)	103,5	59,7	42,3	3,45	3,33	30,0	17,3
5. Устройство сигнализации и блокиров	12,10	8,11	33,0	0,48	4,00	25,0	16,9
6. Устройство телегр. линии[1]	30,26	19,90	34,3	1 87	6,20	16,2	10,7
Итого по строен. и сооруж.	3.401,5	2.814,8	17,2	101,6	2,99	33,4	27,7
7. Оборудован. водоснабжен.	17,76	13,63	23,4	0,46	2 58	38.7	29,6
8. Оборудование главных мастерских тяги	42,70	34,51	19,4	2,51	5,88	17,0	13,8
9. Оборудование проч. мастер. и предприятий	15,93	12,39	22,2	0,94	5,88	17,0	13,2
10. Оборудов. мастерск. связи	1,88	1,34	28 8	0,07	4 00	25.0	19,2
11. Оборудов. электростанций.	7.82	5,57	28 8	0,31	4.00	25,0	18.0
12. Генераторы тока	1,15	0,81	29.6	0,05	4,00	25.0	16,2
13 Осветительные приборы[1]	3,08	1,99	35 4	0,21	6 67	15,0	9,5
14. Телеграфное имущество[1]	2,97	2,10	29,3	0,17	5,88	17,0	12,4
15. Телефонное имущество	2,47	1.78	28,0	0,10	4,00	25,0	17,8
Итого по оборудованию	95,7	74,1	22,6	4,82	5,04	19,9	15,4
16. Инвентарное имущество[1]	61,27	45,84	25,2	4.09	6,67	15,0	11.2
17. Нераспредел. имущество	3.90	2,78	28,7	0,11	3,10	32.3	25,3
Итого по 1—17	3.662,3	2 937,5	19,8	110,6	3,06	32,8	62,9
18. Колесный парк	49.97	38 46	23.0	2,5	5,00	20.0	15.4
Итого по 1—18	3.612,3	2 976,0	17,6	113,1	3,13	32,0	26,3
Подвижной состав							
19. Паровозы и тендеры	780,7	696,8	10,8	31.22	4,00	25,0	22.3
20. Вагоны пассажирские	214,3	180,9	15 6	8.55	4 00	25 0	21,2
21. „ товарного парка	647.5	542.9	16.2	25,85	4.00	25.0	21,0
Итого по подвижн. составу	1.642,5	1.420,6	13,5	65.62	4,00	25,0	21,7
Всего по 23 дорогам	5.254,8	4.396,6	16,3	178,7	3,40	29,4	24.7
Остальные дороги	(1.260,2)	1 056,4	(16,3)	(42,8)	(3,40)	(29,4)	(24.7)
По всей сети (69.561 верст)	6.515,0	5.453,0	16,3	221,5	3,40	29,4	24,7

[1] Отмеченные статьи целиком восстанавливаются за счет эксплоатационных кредитов. Верхнее строение пути по нормам проф. Михальцева должно амортизироваться в 6% ежегодно, но прибавляя сюда затраты на ремонт земляного полотна и балластных слоев (около 8% по 1913 г.) и раскладывая всю сумму этих затрат на верхнее и нижнее строение пути, получаем в среднем 3,35%. Необходимо помнить, что в приведенном расчете учтен таким образом весь поддерживающий ремонт и возобновление имущества.

В нашей таблице приведены для сопоставления и „амортизационные" сроки службы и нормы износа. Они опять-таки имеют самостоятельный интерес и значение. Сроки службы разного вида имущества, условно применяемые для амортизационных расчетов, отнюдь не следует смешивать с фактическими сроками службы того же имущества, определяемыми техническими и экономическими условиями оптимального их использования. В самом деле, как известно из опыта, даже деревянные жилые строения фактически — при условиях нормального ремонта — могут служить лет 80, смешанные — 120, а каменные — 150.[1] А на транспорте предлагается по всем зданиям на круг исчислять амортизацию из расчета 36 лет службы. Разумеется, этот срок несравненно ниже каких-угодно технических и экономических норм. Точно также паровозы, как показывает опыт наших дорог, фактически служат, при среднем годовом пробеге около 25 тысяч паровозо-верст, не менее 40 лет, а для расчета амортизации предлагается в НКПС считать только 20—25 лет, т.-е. вдвое меньше. Но для этого имеются известные основания.

Амортизационные нормы должны, по общему правилу, обеспечить не только восстановление имущества после окончательного его разрушения или исключения из списков за невыгодностью дальнейшего использования, но и периодический капитальный ремонт в течение нормального срока службы.[2] Иначе говоря, нормы износа должны здесь покрывать не только начальную стоимость предмета, но и добавочную сумму затрат по капитальному ремонту. И если мы затем выражаем их все же в процентах одной лишь начальной стоимости, то, конечно, они будут больше, а соответствующие им сроки службы ниже, чем это соответствовало бы средним статистическим срокам службы тех же предметов.

В нашем случае в среднем по всем видам железнодорожного имущества годовой „износ" в вышеуказанном смысле определился в 3,4%, а „полный срок службы" этого имущества — в 29,8 года. Конечно, это весьма условные нормы. Железные дороги, при условии нормального ремонта и своевременной замены отживших элементов, могут служить сколько угодно. И по существу исчисленная норма должна служить лишь меркой тех ежегодных капитальных вложений в сеть, которые необходимы для того, чтобы она могла, не обесцениваясь и не ветшая, нормально продолжать свою работу. В итоговую норму 3,4% входит не только полная замена отслуживших паровозов, вагонов и т. п., но и весь поддерживающий ремонт сооружений и подвижного состава, который, согласно практике железных дорог, в значительной своей части покрывается за счет эксплоатационных кредитов. Эту практику лучше бы отменить для единообразия

[1] Ср. „Инструкцию для работников по инвентаризации зданий города Москвы", Изд. МУНИ, 1926 г., ч. I, стр. 101.

[2] Поддерживающий ремонт, требующийся ежегодно, обычно производится за счет эксплоатационных расходов.

с методами амортизации в промышленности и других отраслях хозяйства. Если же она сохранится, то придется процент износа, погашаемого за счет амортизационного фонда, соответственно понизить.

Кстати сказать, амортизационный износ, исчисленный в табл. 3, следует считать заведомо преувеличенным и по другой причине. По расчетам, исходящим из расценочной ведомости Вологодской линии, полный коэффициент амортизации определился в 2,81%, а с учетом затрат из эксплоатационных кредитов — 1,74% от начальной стоимости. У нас он получился выше прежде всего потому, что по инвентаризации 1923 г. процент тех видов имущества, какие изнашиваются, а стало-быть и возобновляются быстрее других, оказался выше, чем он выражается в расценочных ведомостях новых дорог. Например, подвижной состав у нас превышает ныне 31% общей начальной стоимости сети, а для новых дорог он по расценочным ведомостям не достигал 16—17%. Но, разумеется, изнашиваемость подвижного состава при одной и той же работе не увеличивается только от того, что на сети имеется известный резерв вагонов и паровозов, заменяющих собою те из них, какие находятся в ремонте. Если часть старых паровозов уже заменена новыми, то амортизировать еще раз старые паровозы только потому, что они еще годны к работе и не исключены из списка, нет оснований. Поэтому, на наш взгляд, амортизационные отчисления для современной сети не следует исчислять при нормальной нагрузке выше той нормы (1,74%), которая исчислена в НКПС для новых дорог, достаточно обеспеченных подвижным составом и всеми другими элементами имущества. А поскольку реальная стоимость этой сети даже с учетом износа уже превзошла строительную стоимость той же сети в новом виде, исчислять амортизацию следует только от этой реальной стоимости, так как в полной „начальной" оценке всего наличного по инвентарю имущества в этом случае, несомненно, учтены и такие части, какие уже амортизированы в 100% и заменены новыми, а потому подлежали бы исключению из баланса.

Не имея возможности останавливаться здесь подробнее на этом вопросе, мы ограничимся только еще одним замечанием. Конечно, норма амортизации в 1,74%, принятая нами выше на веру, недостаточно обоснована имеющимися в НКПС расчетами. Основной грех всех относящихся сюда работ заключается в том, что ни одна из специальных норм износа, из которых складывается общий коэффициент, не подтверждена никакими отчетными данными, а целиком зиждется на экспертных оценках специалистов. В дальнейшем этот порядок придется, несомненно, изменить. Отчетность дорог следует поставить так, чтобы мы данными документальной отчетности за ряд лет о фактических размерах имущества, выбывающего из инвентаря (в начальной оценке), и о фактических затратах на его поддерживающий ремонт и возобновление могли обосновать любую частную норму

износа и средний взвешенный коэффициент амортизации по всей сети.

Техническая изношенность имущества железных дорог по инвентаризации 1923 г. оказалась в наибольшем проценте (42,3%) на водокачках и т. п. устройствах, наименьшая (8,2%) — по мостам и прочим искусственным сооружениям. Последнее, очевидно, об'ясняется большим числом мостов, заново перестроенных и восстановленных после разрушений гражданской войны.

В „Балансе народного хозяйства СССР 1923/24 г.", исчисленном ЦСУ, имеется еще один подсчет имущества железных дорог, который по сравнению с данными инвентаризации на ту же дату представляется в следующем виде[1] (см. табл. 4).

Как видим, и подсчет ЦСУ в общем итоге дает цифру порядка пяти миллиардов. Но в отдельных слагаемых этот подсчет обнаруживает довольно наглядно свою дефектность. Прежде всего поражает огромная цифра „прочего" имущества, нерасшифрованного в подсчетах ЦСУ. По инвентарям НКПС, где она подробно расчленена, эта цифра раза в три-четыре меньше. Повидимому, пользуясь довоенными нормами, авторы подсчета включили в рубрику „прочего" имущества и те финансовые потери по реализации железнодорожных займов и т. п., какие обычно сопутствовали довоенному строительству. Но, к сожалению, эти биржевые потери ровно ничего не прибавляли к реальной величине железнодорожного имущества и потому не находят себе никакого отражения в инвентаризации НКПС. Зато всякого рода зданий и подвижного состава по инвентарям даже с учетом износа оказалось в натуре значительно больше, чем в подсчете ЦСУ по первоначальной их оценке в новом виде. Отчасти это об'ясняется определенными погрешностями в подсчетах ЦСУ. Так, например, при оценке подвижного состава в этом подсчете вовсе не учтен парк узкой колеи. Да и по широкой колее допущены грубые промахи. Например, по отчетности НКПС товарных вагонов на широкой колее числилось в октябре 1923 г. 433 тысячи, а у ЦСУ учтено всего только 367 тысяч.[1] Такого же рода просчеты нами обнаружены и по ряду других цифр. Но наиболее спорными в этом подсчете являются коэффициенты изношенности различных частей имущества.

Таблица 4

Имущество железных дорог СССР на 1/X 1923 г.

В милл. довоенных рублей

Виды имущества	1. По подсчетам ЦСУ						2. По инвентаризации НКПС		
	Начальная стоимость		Годовой износ при нормальн. ремонте в % к гр. 3	Общий износ и запущенность ремонта		Реальная стоимость с учетом износа в милл. рублей	На 64.679 верст с учетом износа	На всю сеть (69.561 в.)	
	На 1 версту в тыс. руб.	На всю сеть (69.945 в.)		В % к гр. 3	В милл. руб.			Начальная стоимость	С учетом износа
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Земляное полотно. .	16,04	1.122	0,0	1,2	13,2	1.109	?	?	?
2. Верхнее строение. .	15,80	1.105	0,0	8,9	98,0	1.007	?	?	?
Итого по 1—2 . .	31,84	2.227	0,0	5,3	111,2	2.116	1.782	2.217	1.831
3. Искусств. сооруж. .	13,07	914	2,0	48,5	443,0	471	646	785	721
4. Гражданск. здания .	3,82	267	2.0	57,8	154,6	113	?	?	?
5. Жилища	4,00	280	2,0	57 5	161,1	119	?	?	?
Итого по 4—5 . .	7,82	547	2,0	57,7	315,7	232	755	1.042	837
6. Прочие непоимен. .	15,88	1.111	0,0	7,1	78,4	1.032	291	444	309
Итого по 1—6 .	68,61	4.799	0,61	19,8	948,3	3.851	3.474	4.044	3.698
7. Паровозы и тендеры.	12,28	858	2,5	38,2	328,1	530	776	(964)	(860)
8. Вагонный парк . . .	10,06	703	2,0	35,8	252,4	451	841	(1.243)	(895)
Итого по 7—8 . .	22,34	1.561	2,28	37,2	580,5	981	1.617	2.027	1.755
Всего	90,95	6.360	1,01	24,0	1.529	4.832	5.091	6.515	5.453

[1] „Труды ЦСУ", т. XXIX, ч. I, стр. 107 и след., ч. II, стр. 40—42.

Средний срок службы железнодорожного имущества к концу 1923 г., исходя из сроков открытия движения на дорогах, определяется нами теоретически в 26,6 лет. Срок порядочный. Но не надо забывать, что и к концу 1913 г. этот срок достигал уже в пределах сети СССР 22,2 года. А между тем обесценение сети, благодаря значительным дополнительным вложениям выражалось к 1914 г. ничтожной цифрой—1,3% начальной стоимости. В каком смысле это надо понимать? Очевидно, дополнительные вложения играли двоякую роль. Во-первых, благодаря им старые сооружения, паровозы, вагоны и т. д. заменялись новыми и средний возраст их понижался, отнюдь не совпадая со средним сроком службы всей сети. Приведем, к примеру, следующий факт. В 1894 г. средний возраст паровозов по всей бывшей империи достигал, примерно, 18,9 лет, а через 20 лет, к началу 1914 г., он понизился до 16,3 года, хотя средний срок службы сети за те же годы повысился на 5,7 года. А, во-вторых, дополнительные вложения на ряду с омоложением сети ведут и к ее техническому усилению. Например, за те же 20 лет число паровозов на 100 верст сети увеличилось с 24,6 до 32,0 штук, т.-е. на 30%. Вес среднего паровоза повысился с 34,3 до 47,0 тонн, т.-е. на 37%, а средняя инвентарная его оценка с 25,7 до 34,2 тысяч рублей, т.-е. на 33%. Точно такое же и количественное и качественное усиление сети происходит и с каждой новой сменой рельс, скреплений, мостов и всяких других сооружений.

[1] Ср. „Матер. по Стат. П. С.", вып. 36, М. 1925 г., стр. 62 и „Труды ЦСУ", т. XXIX, ч. II, стр. 41.

В результате обоих указанных процессов, т.-е. относительного омоложения и технического усиления сети, она, несмотря на постоянную наличность весьма изношенных в отдельных элементах сооружений, паровозов и т. п., может оказаться в целом более мощной и ценной, чем была в момент постройки. Вот почему нас не удивляет, что к концу 1913 г. реальная оценка имущества железных дорог с учетом износа оказалась равной 98,7% начальной строительной их стоимости. Правда, за годы гражданской войны наша сеть без ремонта сильно изнашивалась, но мера этой запущенности нам известна. Военные действия нашу сеть несколько лет подряд разрушали. Но поскольку эти разрушения уже восстановлены, огромная часть мостов и других сооружений заново перестроена, то тем самым мы получили такое омоложение сети, которое должно сказаться известным снижением изношенности, а не увеличением ее. Все это, однако, недооценено в подсчете ЦСУ, и поэтому сооружения оказались в нем изношенными на 48%, постройки на 57% и т. д. А в результате инвентарная оценка внесла в эти исчисления поправки на целые сотни процентов.

Ошибка работников ЦСУ здесь, повидимому, заключалась в том, что к теоретической изношенности, исчисленной по нормальным процентам амортизации, они прибавили еще в качестве „сверх-изношенности“ те суммы, какие необходимы по расчетам НКПС для ликвидации накопившейся запущенности. Но накопившаяся запущенность по амортизации ровно ничем не отличается от накопившегося износа и ее незачем удваивать. Если она будет полностью ликвидирована, то мы будем иметь такое же состояние транспорта, какое имело место в 1913 г. и раньше, когда износ сети отнюдь не накоплялся, выражаясь в чрезвычайно скромных цифрах.

Тем не менее итоги первой инвентаризации имущества дорог, пожалуй, чересчур оптимистичны. Достаточно вспомнить, что процент „больных“ вагонов за 10 лет с 1913 г. повысился к моменту инвентаризации с 6% до 30%, а больные паровозы за то же десятилетие увеличились с 17% до 56% общего наличия. Правда, одни лишь количественные показатели этой запущенности недостаточно показательны. В самом деле, если судить по процентажу больного парка, то за пятилетие с 1920 по 1925 гг. мы могли бы отметить лишь самое незначительное улучшение. В 1920 г. у нас числилось 59% больных паровозов, а по августовской генеральной переписи паровозов 1925 г. этот процент снизился до 49%. Но что именовалось „больными“ паровозами за оба эти срока, вот вопрос? Наиболее об'ективной характеристикой для этого понятия, как известно, может служить толщина бандажей. И вот по этому признаку мы имеем за указанное пятилетие такие сдвиги:[1]

[1] Ср. В. Фомин, назв. раб., стр. 26 и „Материалы по Стат. П. С.“, выпуск 53, стр. XIII.

Состояние бандажей операционного паровозного парка в мм

	К концу 1920 г.	В авг. 1925 г.
Здоровых	50,8	59,5
Больных	47,4	54,8
Всех . . .	49,6	58,4

Как видим, нынешний „больной“ паровоз много здоровее прежнего „здорового“. К сожалению, для 1913 г. у нас нет соответствующих показателей, а потому сказать, в какой мере мы отстали в этом отношении от довоенной нормы, невозможно.

О темпе, каким развертывались за последние годы ремонтные работы на железных дорогах, можно судить по следующей справке (см. табл. 5):

Таблица 5

Ремонт железных дорог общего значения

Годы	Паровозы				Товарн. вагоны в тыс.				Смена за год		
	Общее наличие (средне-суточное)	Из них больные		Выпущено из рем. капит. и среднего[1]	Общее наличие	Из них больные		Выпущено из ремонта (конвенц. осм.)	Рельс в верстах	Шпал в милл. шт.	Скреплений в милл. пуд.
		Абс.	В %% к гр. 2			Абс.	В %% к гр. 6				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1913 год (вся сеть)	20.030	3.418	17,0	?	457	27,4	6,0	?	?	?	?
1920/21	18.757	10.932	58,3	9.400	444	107,4	24,2	126,9	331	6	0,13
1921/22	19.067	11.755	61,6	8.396	422	126,3	29,9	110,8	519	9	0,47
1922/23	19.507	10.999	56,4	10.228	405	124,6	30,8	135,6	496	15,4	1,23
1923/24	20.222	11.032	54,5	8.658	437	129,7	29,6	82,5	758	17,5	1,73
1924/25	20.300	10.585	52,1	10.747	445	109,2	24,6	138,9	1.233	16,5	2,59

Из этой справки можно увидеть, что ремонтируется у нас ежегодно паровозов и вагонов чрезвычайно много. За пять лет каждый вагон товарного парка прошел через ремонт в среднем 1,38 раза, а каждый паровоз — 2,42 раза. И тем не менее процент больных вагонов и паровозов весьма высок по сравнению с 1913 г. Устарелостью и изношенностью парка это об'яснимо лишь в небольшой части. Средний возраст паровоза в 1913 г. равнялся 16,3 года, а в 1925 г. около 20 лет, но если учесть, что новые мощные паровозы раза в полтора сильнее старых, то средний возраст наличных паровозов

[1] См. „Жел.-дор. транспорт за 1924/25 г.“ и более ранние годы. „Материалы по Стат. П. С.“, вып. 53, стр. IX — X, вып. 36, стр. VII — IX и др. Ремонт паровозов в гр. 5 показан в единицах среднего ремонта.

с учетом их мощности будет не выше 18 лет.[1] Работы этим паровозам значительно меньше, чем было в 1913 г. И потому, казалось бы, оздоровление парка могло бы итти значительно быстрее, чем это отражается в проценте больных вагонов и паровозов. Но во всяком случае это оздоровление имеется. Только пока оно сказывается больше в качественных, чем в количественных характеристиках.

Интересно отметить, что для полного восстановительного ремонта всех больных паровозов, по данным последней переписи в августе 1925 г., потребовалось бы затратить не свыше 85,1 милл. черв. рублей, или 51,7 милл. рублей довоенных, что составляет едва 6,6% всей стоимости наличного паровозного парка по инвентаризации 1923 г. При номинальной цифре около 50% больных паровозов это совсем не много, тем более, что за вычетом заведомо устарелых паровозов, подлежащих исключению из инвентаря, эта цифра будет еще раза в два — три ниже.[2]

Общее наличие вагонов и паровозов по инвентарю у нас сейчас еще не выше довоенной нормы. Но если учесть, что благодаря увеличению числа большегрузных вагонов и мощных паровозов средний вагон 1925 г. заменяет собою фактически на круг 1,11 вагонов 1913 г., а паровоз — 1,21 старых паровозов, то и эти соотношения окажутся для нас гораздо благоприятнее. Качество и здесь вносит весьма существенные реконструкционные поправки в количественные сравнения.

Наиболее скромными цифрами выражается в нашей таблице работа по ремонту пути — смена рельс, шпал и скреплений. Но и здесь необходимо иметь в виду кое-какие поправки. Дело в том, что официальная текущая отчетность НКПС страдает изрядными пробелами. За 1924/25 г. мы получили впервые сколько-нибудь обстоятельный „Сводный годовой отчет по ж.-д. транспорту". Из него при внимательном анализе не трудно установить, что, скажем, скреплений за 1924/25 г. на деле было сменено не 2,59 милл. пуд., как явствовало из ранее опубликованных данных, а 3,33 милл. пуд., т.-е. на 29% больше, а рельс сменено не 1.233 версты, а около 2.470, т.-е. вдвое больше.[3] Об'ясняются такие огромные просчеты тем, что одна дорога учитывает, скажем, смену рельс верстами, другая — пудами, третья — по стоимости, а авторы сводки, отнюдь не смущаясь этим, только суммируют то, что им дано, нигде не пытаясь заполнить зияющие пробелы путем перехода от пудов к верстам или обратно.

Как бы то ни было, считаясь с указанными приемами железнодорожной отчетности, нужно думать, что не только за 1924/25 г., но и за прежние годы, быть может, в еще большей степени, официальный учет затрат по ремонту за счет эксплоатационных кредитов довольно далек от действительности.

[1] Точнее 17,8 года, при чем для мощных паровозов (38%) этот возраст понижается до 10,3, а для слабых (62%) повышается до 24,7 года.

[2] См. „Материалы по Стат. П. С.", вып. 53, стр. XIV.

[3] „Сводный отчет по ж.-д. транспорту", М. 1926 г., стр. 276 и сл.

Хуже всего, однако, то, что мы не имеем надежнаго материала, чтобы судить о достаточности или недостаточности этих затрат. Сравнения с 1913 г. в этом отношении и вообще мало надежны, а, кроме того, наличная отчетность не дает по интересующему нас вопросу таких сравнений в натуральных единицах. Если же обратиться к ценностным сопоставлениям затрат, то здесь большие трудности возникают из-за изменения цен и значения нашей валютной единицы. Ниже мы приводим все же такое сопоставление по индексам, специально нами исчисленным для настоящей работы[1] (см. табл. 6).

Как видим, некоторые работы и материалы, например, земляные работы, балласт, шпалы обходятся и ныне на транспорте не слишком дорого, но в общем индекс ремонтных работ здесь раза в полтора выше довоенного. Конечно, обычная условность таких индексных исчислений не позволяет делать слишком категорических выводов. Но поскольку они все же дают известную ориентировку, можно сделать один вывод. По расчету на версту эксплоатационной длины нынешние расходы транспорта на ремонт за счет эксплоатационных кредитов значительно ниже довоенных. Но если отнести их на 1000 поездо-верст, то они ровно вдвое превзойдут нормы 1913 года.

В данной таблице мы использовали итоговые данные „Сводного годового отчета за 1924/25 год", в котором приведены и сравнительные данные за 1913 и 1923/24 гг. Это наиболее полная и детально разработанная сводка ремонтных расходов железных дорог. Но и в ней целый ряд статей явно преуменьшен. Обращаясь от общих итогов отчета о затратах на смену рельс и скреплений к специальным приложениям, их обосновывающим, мы нашли, например, что в 1924/25 году эти затраты надо оценивать не в 22,0 милл. рублей, как подсчитано в отчете, а, примерно, в 29,5 милл. рублей или около того, т.-е. на 34% больше, потому что целый ряд затрат, показанных натурой из старых запасов, а частью даже из новых приобретений вовсе не подверглись денежной оценке. Того же характера дефекты отчетности можно указать и по целому ряду других статей.

А это значит, что при более полном учете производимый ныне ремонт за счет эксплоатационных кредитов несомненно оказался бы значительно выше учтенной цифры. А главное он больше той нормы

[1] Индекс для гражданских зданий и пр. мы заимствовали из „Контр. цифр" Госплана СССР на 1926/27 г., для искусственных сооружений и технических устройств — из материалов по переоценке имущества трестов ВСНХ, остальные получены путем самостоятельного расчета, пользуясь индексами отпускных цен ВСНХ для транспорта, данными о зарплате транспортников и другими материалами.

Таблица 6

Стоимость ремонта по 27 дорогам СССР

В тысячах рублей

Статьи ремонта	1913 г. (СССР)	1923/24 г.			1924/25 г.			Индексы (1913 = 1.000)	
		В черв. валюте	В довоен. цен		В черв. валюте	В довоен. ценах			
			Абс.	В %% к гр. 2		Абс.	В %% к гр. 2	1923/24 г.	1924/25 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Путь и строения									
1. Земляное полотно	2.207	1.417	1.840	83,3	1.948	1.846	83,4	770	1.055
2. Балласт	2.435	1.600	2.252	92,3	2.852	3.580	147,0	710	797
3. Шпалы	18.547	25.420	25.220	135.7	27.271	23.780	128,3	1.011	1.147
4. Рельсы и скрепления	13.675	16.050	8.630	63.2	22.017	13.310	97,4	1.860	1.660
Итого по 1—4	36.864	44.487	37.942	100,3	54.088	42.516	112,4	1.172	1.272
5. Искусств. сооружения	2.385	2.793	1.818	76,2	3.670	2.599	109,0	1.536	1.411
6. Граждан. здания и службы	18.390	21.838	12.851	69,9	28.423	15.650	85,2	1.700	1.819
7. Технич. устройства связи	1.571	5.623	3.905	248,8	7.526	5.125	326,4	1.441	1.470
Итого по 5—7	22.346	30.254	18.574	83,1	39.619	23.374	104,5	1.631	1.698
Б. Подвижной состав									
8. Паровозы:									
а) пассажирские	10.115	10.438	7.113	70,4	13.903	9.000	88,7	1.465	1.546
б) товарные	30.492	34.864	23.717	77,8	45.953	29.710	97,5	1.465	1.546
Итого	40.607	45.302	30.830	75,8	59.856	38.710	95,3	1.465	1.546
9. Вагоны:									
а) пассажирские	13.878	14.770	10.080	72,7	17.494	11.310	81,6	1.465	1.546
б) товарные	22.954	34.860	23.790	103,6	48.722	31.520	137,4	1.465	1.546
Итого	36.832	49.630	33.870	91,9	66.216	42.830	116,3	1.465	1.546
10. Оси, колеса и бандажи	2.563	2.146	1.465	57,2	3.889	2.516	98,1	1.465	1.546
Итого по 8—10	80.002	97.078	66.165	82,7	129.961	84.056	105,2	1.465	1.546
Всего в тыс. руб.	139.212	171.819	122.681	88,1	223.668	149.946	107,8	1.400	1.493
То же на 1 версту пути в руб.	2.510	2.490	1.781	70,8	3.220	2.162	86,2	—	—
„ „ на 1.000 поездо-верст в руб.	369	1.040	743	201	1.100	737	200	—	—
В том числе завис. от движен. в тыс. руб.	47.877	53.029	36.095	75,3	80.529	52.051	108,7	—	—
То же на 1.000 поездо-верст в руб.	126,8	321,5	217,2	173	396,2	256,4	202	—	—
Длина сети в тыс. верст	55,5	—	68,9	124	—	69,3	125	—	—
Работа сети в милл. поездо-верст	377,5	—	165,2	44	—	203,1	54	—	—
То же в тысячах поездо-верст на 1 версту	6.780	—	2.400	35	—	2.930	43	—	—

поддерживающего имущество на одном и том же уровне технической годности ремонта, какой соответствует понятию „текущего". Даже в отношении тех статей, какие по расчету самого НКПС полностью определяются размерами движения, нынешние затраты из расчета на 1000 поездо-верст, вдвое больше довоенных.

Помимо затрат на ремонт и возобновление имущества в пределах эксплоатационных кредитов за 1924/25 г., по „Сводному отчету" всех 27 дорог СССР, было произведено на 59,7 милл. черв. руб. дополнительных вложений „по усилению и улучшению дорог". Из них на постройку и восстановительный ремонт подвижного состава на заводах ВСНХ истрачено было 20,98 милл. руб., на другие „новые работы" в пределах старой сети—22,98 милл. руб., на жилищное строительство—2,59 милл. руб., на „постройку новых линий и ветвей"—1,63 милл. руб., на „ликвидацию запущенности" по ремонту—993 тыс. руб. и т. д.[1] Казалось бы, что суммы в 59,7 милл. руб. новых вложений при оценке всего амортизируемого имущества к началу этого года в 8.772 милл. черв. рублей и норме амортизации 1,74% совершенно недостаточно для остановки обесценения сети. Теоретически для этого новые вложения в старую сеть сверх эксплоатационных расходов должны достигать по меньшей мере 152 милл. черв. рублей. Но если учесть совместно все затраты на ремонт и возобновление, то получим минимально $223{,}7 + 59{,}7 = 283{,}4$ миллиона червонных или около 189 милл. довоенных рублей, что составляет около 3,44% от довоенной оценки имущества дорог по балансу на 1 октября 1924 г. с учетом износа (5.502 милл.), или до 2,88% от полной восстановительной его оценки (6,580 милл. руб.). Мы уже указывали, что правильнее было бы исчислять эти проценты не от восстановительной стоимости старого имущества, а от начальной строительной, которая будет значительно меньше. Но и 2,88% с избытком покрывают собою те 2,81%, которые по теоретическим расчетам НКПС вполне достаточны для ежегодного ремонта и полного амортизационного возобновления имущества сети. И притом даже в условиях полной нагрузки сети. А в 1924/25 году эта нагрузка не достигала еще 50% довоенной нормы. Отсюда ясно, что общая сумма вложений в старую сеть у нас уже превышает теоретические нормы износа. Только благодаря этому, разумеется, и могло получиться то оздоровление всей сети, какое мы отмечаем за последние годы по всем коэффициентам. Но в то же время это означает, что границы между поддерживающим и восстановительным ремонтом на транспорте сплошь и рядом стираются, и под именем текущего ремонта нередко производятся работы восстановительного значения. А это в свою очередь об'ясняет, почему

[1] „Сводный отчет", стр. 321—322. Это только „денежные расходы", сверх того, старыми материалами" израсходовано 7,87 милл. руб. и „за счет особых кредитов"—4,52 милл. руб. Ср. „Материалы по Стат. П. С.", вып. 53. М., 1926 г., стр. 206.

эксплоатационные расходы транспорта за последние годы так велики, а коэффициенты эксплоатации и рентабельности железных дорог более чем скромны.

По балансам двух последних лет рентабельность нашей железнодорожной сети выявляется в следующем виде (см. табл. 7).[1]

В отношении приведенных балансов нужно заметить, что имущество и основной фонд выражены в них в довоенной оценке, в то время как все остальные статьи—в червонной валюте. Для сопоставимости их между собою и с основными фондами последние следовало бы перевалютировать на современную валюту. Основываясь на результатах аналогичной работы по промышленности, мы считаем возможным сделать это для 1923/24 г. по индексу 1,6. В таком случае дооценка к имуществу железных дорог на октябрь 1923 г. составит 3.270 милл. руб., а чистый доход от эксплоатации за 1924/25 г., выведенный по балансу в 91,4 милл. рублей, составит всего 0,1% от основного фонда в 8.772 милл. черв. рублей к 1 октября 1924 г. За 1923/24 год по балансу ни прибыли, ни дефицита не показано. Бухгалтерия НКПС нашла, что определение их для этого года по ряду причин „не являлось показательным".

Впрочем из других источников видно, что и за 1923/24 год по железным дорогам имелось уже некоторое превышение доходов над эксплоатационными расходами в размере 26,3 милл. черв. рублей.[2] Пользуясь этой статистической отчетностью и вводя поправку на амортизацию по нормам, соответствующим работе сети, мы получили бы такую картину (см. табл. 8).

Итоги приведенной справки едва ли особенно точны и достоверны. Доход от эксплоатации за 1924/25 год, показанный выше по балансу в 91,4 милл. руб., значится здесь в сумме 156,9 миллионов. Можно было бы указать и другие расхождения с бухгалтерской отчетностью. Но какая из них — бухгалтерская или статистическая отчетность — достовернее, сказать трудно. Амортизационный износ, исчисленный нами, тоже представляется в достаточной степени спорным. Известно, например, что уже в 1923/24 году железнодорожный транспорт не получал дотаций, мало того, он вынужден был еще из своих доходов покрывать изрядную сумму по содержанию водопутей и водного транспорта. Поэтому совершенно загадочным является факт, что из дохода в 26,3 милл. рублей он мог не только финансировать водный транспорт, но и вложить на усиление и улучшение железных дорог 37,2 милл. рублей, не считая еще затрат по достройке новых дорог. Как из 26 миллионов выкроились эти 37 миллионов, да еще с большим гаком, судить не беремся. Надо думать, однако, что фактически чистый доход был выше учтенного. А если железные дороги из своих собственных ресурсов „усилива-

[1] Ср. „Сводный баланс ж. д. и др. учр. ж.-д. транспорта за 1923/24 г.". Изд. НКПС, М., 1925 г. и то же изд. за 1924/25 г. М., 1926 г.

[2] См. „Материалы по Стат. П. С.", вып. 53, М., 1926 г., стр. 206—207.

Таблица 7

Баланс железных дорог СССР (ЦУЖЕЛ'а)

В милл. рублей.

Статьи баланса \ Даты	1 октября 1924 г.	1 октября 1925 г.
1	2	3
Актив		
1. Постройки и сооружения	3.710,1	3.711,8
2. Подвижной состав	1.655,6	1.701,9
3. Инвентар. имущество	69,1	80,2
4. Колесный парк	52,1	52,8
5. Неокон. постройки и сооружен.	15,5	14,7
Итого основного имущества	5.502,2	5.561,5
6. Имущ. и материалы спец. учета	68,8	61,9
7. Топливо	?	39,9
8. Проч. материалы	?	169,3
Итого по 7—8	199,5	209,3
9. Касса	1,6	1,3
10. Ценные бумаги	2,3	0,8
11. Текущие счета в банках	7,0	29,1
12. Денежн. средства в кассах НКФ	0,1	0,2
Итого наличных средств (9—12)	11,0	31,4
13. Ссуды	0,5	5,3
14. Под'отчетн. учрежд. и лица	8,7	15,0
15. Дебиторы	104,4	194,6
16. Векселя	8,2	6,0
17. Расчеты	—	168,8
Баланс	5.903,3	6.193,7
Пассив		
1. Основной фонд	5.502,2	5.561,5
2. Спец. имущественные фонды	68,8	61,9
3. Оборотный фонд	170,8	187,4
4. Фонды специальн. назначения	3,8	28,7
5. Займы у банков	4,1	45,9
6. Кредиторы	143,2	202,6
7. Векселя	10,4	14,3
8. Чистый доход	—	91,4
Баланс	5.903,3	6.193,7
Поправка на недооценку имущества	3.270	3.270

Таблица 8

Рентабельность железных дорог общего значения

В милл. рублей [1]

Годы	Имущество ж. д. к началу года			Валовой доход (без Цутранпроса)	Эксплоатационные расходы	Чистый доход от эксплоат.		Амортиз. износ		Чистая прибыль		Дополнит. вложен. в старую сеть
	Основной фонд	Оборотный	Итого			в милл. руб.	в % к гр. 4	в милл. руб.	в % к гр. 2	в милл. руб.	в % к гр. 4	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1913 г. (вся сеть)	4.644	161	4.805	1.176	696	480	10,0	81	1,74	399	8,3	88
1922/23	(8.700)	(200)	(8.900)	372	373	—1,1	0,00	86	0,97	—87	—0,98	?
1923/24	8.723	(208)	(8.931)	692	666	26,3	0,29	95	1,03	—68,7	—0,77	37
1924/25	8.772	210	8.983	953	797	156,9	1,75	98	1,12	+58,9	+0,65	72
1925/26	8.832	241	9.073	1.335	1.100	235,0	2,59	116	1,32	+119	+1,31	160

лись" и „улучшались" настолько, что имущественные фонды их возрастали ежегодно на десятки миллионов рублей, то следует ли исчислять износ сети в размерах, превышающих новые вложения. Очевидно, нет. Поэтому мы думаем, что исчисленные нами проценты износа явно преувеличены, или, говоря точнее, этот износ в очень значительной степени, если не целиком, следует считать погашенным ремонтными и возобновительными затратами за счет эксплоатационной сметы.

Во всяком случае, если приведенные цифры и не очень точны, то в качестве динамических показателей заслуживают глубочайшего внимания. Они показывают, каким быстрым темпом за последние три — четыре года шло оздоровление транспорта, хотя в общем он и сейчас очень еще далек в отношении своей рентабельности от норм 1913 г.

Выше мы рассматривали издержки дорог на ремонт и возобновление изношенных элементов имущества. Это весьма важная статья в общем итоге издержек производства железнодорожных перевозок, но не важнейшая. Общая структура затрат по всему счету производства представляет собой такую картину (см. табл. 9).

Эта справка охватывает собою для 1913 года и современных лет одну и ту же территорию современного Союза ССР и в общем дает довольно сравнимые итоги. Правда, в „Сводном отчете" за 1924/25 г., откуда мы, главным образом, заимствовали приведенные

[1] За 1913 г. в довоенной валюте, за остальные — в червонной. Данные 1925/26 г. по графам 5—13 предварительные. В скобках показаны величины предположительные.

Таблица 9

Счет производства перевозок по 27 жел. дор. СССР

В милл. рублей [1]

Показатели	1913 г.		1923/24 г.		1924/25 г.	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
1	2	3	4	5	6	7
I. Общие измерители						
1. Эксплоат. сеть, сред. год, верст	54.736	100	68.903	126	69.335	127
2. Реальная стоимость сети в м. р.	(4.000)	100	5.456	136	5.502	138
а) в довоенн. оценке к нач. года	—	—	8.723	—	8.772	—
б) в червонной оценке к нач. года	703	100	793)	113	801	114
3. Персонал по эксплоатации в тысячах	3.607	100	1.943	54	2.728	76
4. Работа сети						
а) грузы — в млрд. пудо-верст	1.400	100	862	61	1.070	76
б) пассажиры — в привед. пудо-версет						
Итого в млрд. привед. п/в.	5.007	100	2.805	56	3.798	76
То же на 1 работн. в милл. п/в.	7,12	100	3,54	50	4,74	67
II. Счет производства						
1. Зарплата						
а) основного персонала	—	—	256,0	35,7	347,5	35,5
б) временного (случ. поден.)	—	—	41,0	5,7	51,6	5,2
Итого	(283)	29,2	297,0	41,4	399,1	40,7
2. Соцстрах	—	—	(29,7)	4,1	40,6	4,1
3. Местком и культнужды (1,5%)	—	—	3,8	0,5	5,2	0,5
4. Другие расх. в пользу рабоч.	(10,7)	1,1	(21,8)	3,1	29,3	3,0
5. Школьное дело (Цутранпрос)	3,7	0,4	19,5	2,7	26,8	2,8
6. Врачебная помощь	6,9	0,7	1,4	0,2	2,6	0,3
Итого по 2—6	21,3	2,2	76,2	10,6	104,5	10,7
7. Топливо и энергия	113,9	11,7	112,5	15,7	121,6	12,4
8. Материалы	(108,0)	11,2	138,4	19,3	154,2	15,7
9. Канцелярские расходы	4,9	0,5	6,3	0,9	6,3	0,6
10. Погрузка и выгрузка	17,8	1,8	9,0	1,2	16,0	1,6
11. Подати и налоги	2,3	0,3	—	—	—	—
12. Разные расходы	47,5	4,9	(43,6)	6,1	(19,3)	2,0
13. Внутр. расчеты	4,0	0,4	2,6	0,4	2,9	0,3
Итого по 1—13	602,7	62,2	685,6	95,6	823,9	84,0
14. Амортизация	(70,0)	7,2	(95,0)	13,2	(98,0)	10,0
15. Прибыль или убыток	+297,4	+30,6	—63,0	—8,8	+58,5	+6,0
Всего (валовая выручка)	970,1	100,0	717,6	100,0	980,4	100,0
III. Перенесенная ценность (8—10 и 14)	296,8	30,6	352,2	49,1	380,1	38,8
IV. Добавленная ценность	669,3	69,0	362,8	50,6	601,0	61,3
В том числе оплаченный труд (1—6)	284,3	29,3	373,2	52,0	503,6	51,4

[1] За 1913 г. в золотой валюте, за 1923/24—1924/25—в червонной. В приход и расход последних лет включена смета Цутранпроса. Ряд статей для 1913 г., отмеченных скобками, получен по СССР путем экстраполяции, исходя из данных по всей б. империи, а не прямым подсчетом по каждой дороге и участку. Налоги и сборы за 1924/25 г. составили 10,2 милл. руб., но они учтены в особой смете.

итоги, можно найти по ряду статей и другие довольно разноречивые цифры как для 1913 г., так и для новейших лет. [1] Но это уж общий дефект наличной отчетности. И если не гнаться за слишком большой точностью и пренебречь некоторыми погрешностями, то из приведенной справки можно извлечь довольно поучительные выводы.

Причины низкой рентабельности дорог за последние годы, по-видимому, определяются, главным образом, низкой нагрузкой сети. В самом, деле работа сети к 1924/25 г. едва достигает 76% от довоенной, а персонал — 114%. Неудивительно, что доля затрат на оплату труда возросла при этом на 75%. Независящие от движения расходы, составляющие ныне по расчетам НКПС около 62%, давят всей своей тяжестью на эффективность работы транспорта и понижают ее до совершенно ничтожных норм. Вследствие пониженной рентабельности железных дорог вновь создаваемая на транспорте ценность, подлежащая включению в народный доход страны, понизилась с 69% валовой выручки дорог в 1913 г. до 50,6% в 1923/24 г. Но уже в 1924/25 г., в связи с повышением нагрузки сети, она возрастает до 61,3%. И можно с уверенностью сказать, что с дальнейшим повышением нагрузки она скоро возвратится к довоенным масштабам.

Из расчета на 1000 приведенных пудо-верст валовая выручка и эксплоатационные затраты дорог по всей сети изменялись следующим образом:

Годы	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1. Выручка				
а) в копейках	19,4	24,3	24,6	25,0
б) в %%.	100	126	127	129
2. Затраты				
а) в копейках . . .	11,6	23,4	20,5	20,5
б) в %%	100	201	177	177

Как видим, индекс тарифный, по которому до сих пор продавались услуги железнодорожного транспорта, был довольно низким по сравнению с общим уровнем товарных цен. И даже с тем специальным индексом, по которому транспорт снабжается всякого рода материалами. Это несомненно тоже одна из причин пониженной рентабельности железных дорог. Но тарифы с 1925/26 г. уже значительно подтянуты, а затраты из расчета на пудо-версту, наоборот, заметно снижаются.

Однако, есть еще одна причина низкой рентабельности наших железных дорог, на которую следует обратить особо серьезное внимание. Это перегруженность сети занятой на ней рабочей силой. Если сопоставить работу сети и численность занятого персонала с нормами 1913 г., то получим такую картину (см. табл. 10).

[1] Например, валовой доход 1913 г. на стр. 18 показан в 970 м. р., а на стр. 75 значится 985 милл., расход фигурирует в цифрах 558,6 и 602 м. р. (стр. 75 и 103), расход материалов за 1924/25 г. на стр. 93 показан в 154,2 м. р., а на стр. 256 значится, что одних лишь новых материалов „израсходовано" за указанный год на 427,7 м. р. (!), в том числе 206,8 милл. за счет эксплоатац. расходов и т. д., и т. д.

Таблица 10

Работа железнодорожной сети СССР [1]

Годы	Длина сети средн. за год в тыс. верст	Занятый персонал в тыс. челов.	Работа сети за год									Производительность 1 раб. в милл. пудо-верст
			Паровозо-версты во главе поездов в милл.	Отправлено		Приведенн. пробег в млрд. п/в				Средний пробег в верстах		
				Грузов всех скоростей в милл. пуд.	Пассажиров платных милл. челов.	Грузов всех скоростей	Пассажиров платных	Итого		Грузов	Пассажиров	
								Абс.	на 1 вер. в милл. пуд.-вер.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
А. Абсолютн. велич.												
1913												
Быв. империя	66,1	(858)	439	9.702	244,3	4.406	1.649	6.055	91,6	455	112	7,05
СССР	54,7	(715)	(376)	(8.280)	213,5	3.607	1.400	5.007	91,6	436	109	7,00
1921/22	65,1	919	115	2.445	(77,6)	954	(503)	(1.457)	22,4	390	108	1,59
1922/23	65,2	836	141	3.556	121,8	1.400	782	2.182	33,5	394	107	2,61
1923/24	69,2	858	165	4.148	154,4	1.978	868	2.846	41,2	477	94	3,32
1924/25	69,7	869	205	5.134	211,8	2.810	1.072	3.882	55,7	548	85	4,47
1925/26	69,9	1.042	269	7.127	262,7	4.032	1.315	5.347	76,5	566	83	5,14
Б. Относит. велич.												
По СССР												
1913	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1921/22	119,0	127,3	30,6	29,6	36,4	26,4	35,9	28,1	24,5	89,4	99,0	22,7
1922/23	119,2	117,0	37,5	43,0	57,1	38,1	55,9	43,6	36,6	90,4	98,1	37,3
1923/24	126,6	120,0	43,9	50,1	72,4	54,8	62,0	56,8	45,0	109,3	86,2	47,4
1924/25	127,5	121,6	54,5	62,0	99,1	77,8	76,6	77,5	60,9	122,8	78,0	63,8
1925/26	127,8	145,8	71,6	86,2	123,2	111,8	93,9	106,8	83,6	129,8	76,1	73,5

[1] При исчислении приведенного пробега одна пассажиро-верста принята равной 60 пудо-верстам.

В приведенной таблице учтен весь персонал — постоянный и случайно поденный, кроме лиц, занятых новыми и восстановительными работами.[1] А в работе сети учтены все перевозки — коммерческие, воинские и хозяйственные, в поездах коммерческого движения и багаж. Не учтены лишь хозяйственные грузы в хозяйственных поездах.

Как видим, по общим размерам сети к 1925/26 г. мы уже на 28% превзошли норму 1913 г. в границах СССР, а по работе, выраженной в пудо-верстах, только на 7%. И то, главным образом, за счет удлинения пробегов, а не за счет возрастания грузооборота. При этих условиях совершенно нецелесообразным является увеличение персонала на целых 46%. В результате производительность труда не достигает и 74% довоенной. Правда, отчасти это может быть об'яснено сокращением рабочего дня с 9,9 ч. до 7,7 часов. Но в промышленности рабочий день тоже был сокращен с 9,85 до 7,7 часов, т.-е. на целых 22%, и все же все это сокращение уже целиком уравновешено соответствующим возрастанием производительности труда. К сожалению, на транспорте в силу ряда причин мы не имеем еще таких достижений. Идя по линии наименьшего сопротивления, НКПС каждый год вместо рационализации труда увеличивает свои контингенты рабочей силы в такой пропорции, какая не оставляет достаточного простора ни для сколько-нибудь крупного повышения оплаты труда, ни для необходимого нам в виду запущенности транспорта повышения его рентабельности.

Эту линию нам придется рано или поздно пересмотреть. И нужно надеяться, что при дружных усилиях хозяйственников и профработников нам скоро удастся разрешить удовлетворительно и эту задачу. Производительность труда на транспорте не должна отставать от других отраслей труда.

[1] В табл. 9 цифры персонала ниже, так как там для сравнимости с данными о зарплате „за счет эксплоатационных кредитов" учтены не все категории ж.-д. работников и несколько иная длина сети (без ветвей местного значения). В итоги 1913 г. внесена поправка на число поденных рабочих, исчисленных нами из фактической современной нормы 268 выходов в год вместо 300 дней, условно принятых в довоенной отчетности.

А. Д. Пергамент

Иностранный капитал и строительные концессии[1]

В концессионной практике СССР строительные концессии являются сравнительно новой формой приложения иностранного капитала. До настоящего времени концессионная политика основной своей задачей ставила привлечение иностранного капитала, главным образом, для развития промышленности и использования наших сырьевых ресурсов. Необходимость продолжения этой же политики и в дальнейшем не подлежит сомнению. Однако, на ряду с общим поступательным движением хозяйства СССР, характеризующегося восстановлением довоенного уровня и переходом к новым капитальным затратам, концессионная политика ставит перед собой соответственно и новые задачи. Так, в последнее время начинают приобретать большое значение договора с иностранными фирмами о технической помощи, необходимой для осуществляемого на средства самого Союза нового строительства.

Строительные концессии в части подрядно-строительных работ являются по существу своеобразной технической помощью иностранцев.

На разворачивающееся фабрично-заводское, коммунальное и жилищное строительство ассигнуются ежегодно значительные средства. Естественно, что эти средства необходимо употребить с максимальным эффектом. Между тем, удается это нам далеко не полностью, строим мы дорого и в техническом отношении скверно. Основная причина этого лежит в более отсталой по сравнению с западными странами технике строительства в СССР. Немалую роль в этом играют также организационные дефекты государственных строительных контор, благодаря которым удорожается строительство и не обеспечивается выполнение работ в поставленный срок.

Нужно поставить себе задачей новые фабрики, заводы, дома и проч. сооружать быстро, прочно и дешево. Иными словами, необходимо добиться рационального использования средств, ассигнуемых на строительство.

Осуществление указанного должно пойти, главным образом, по линии улучшения работы и организации государственных строительных предприятий. Но на ряду с этим следует признать целесообразным привлечение иностранных строительных фирм в качестве под-

[1] В порядке обсуждения. Ред.

рядчиков, которые своей конкуренцией немало помогут оздоровлению деятельности государственных строительных контор.

Основным стимулом концессионной политики в подрядно-строительном деле должно быть не столько привлечение капиталов, сколько использование иностранного технического и организационного опыта для строительства, осуществляемого на собственные средства СССР.

Вопросы кредитования подрядчиком-концессионером тех или иных сооружений должны разрешаться при конкретных переговорах заказчиков (преимущественно, государственных органов) с иностранцами. Несомненно, что такое кредитование будет иметь место, в особенности при заключении крупных подрядных договоров с государственными, кооперативными и коммунальными учреждениями.

Строительство жилых домов, с последующей их эксплоатацией, предполагает обязательное инвестирование капиталов.

Усиление жилищного строительства признано в настоящее время неотложной задачей. Потребность в жилищах и степень ее удовлетворения характеризуются следующими несколькими данными: [1]

1) Ежегодная потребность в сооружении жилищ только для удовлетворения прироста городского населения, хотя бы „сверхголодной" нормой в 12 кв. арш. на человека и в возмещение естественного износа существующих домов, исчисляется в 3 милл. куб. саж.

2) Для достижения „голодной" нормы жилой площади, установленной нашим законодательством в 16 кв. арш. на человека, потребовалось бы соорудить 38,4 милл. куб. саж.

3) Для удовлетворения той категории рабочих, на коих приходится в настоящее время лишь 9,5 кв. аршин на человека, хотя бы средней городской площадью в 12 кв. арш., необходимо вновь построить около 8 милл. куб. саж.

4) Между тем, программа жилищного строительства различных государственных органов, кооперации и частных лиц на 1926/27 г. намечена в размере 2.100.000 куб. саж., т.-е. 70% потребности, указанной в пункте первом.[1] Таким образом, не только в текущем году, но, вероятно, и в ближайшие два — три года жилищное строительство не дойдет даже до той нормы, которая необходима для удовлетворения ежегодного прироста городского населения и стабилизации средней жилой площади.

Совершенно ясно, что удовлетворение колоссальной жилищной нужды только на государственные средства, при отсутствии крупных частных капиталов, невозможно. Разрешение жилищного кризиса возможно лишь при условии массового кооперирования населения. Привлечение иностранного капитала для строительства жилых

[1] Ст. Л. Н. Бернацкого в „Плановом Хозяйстве", № 9 за 1926 г.

домов является крайне желательным, при чем, конечно, этот капитал не сможет устранить жилищный кризис, а будет только одним из путей ослабления его.

В мае прошлого года опубликовано постановление СНК СССР „О льготных условиях допущения иностранного капитала к производству строительных работ на территории СССР". Это постановление допускает следующие формы работы иностранного капитала:

а) Концессии на право производства подрядным способом строительных работ.

б) Концессии на жилищное строительство, с последующей его эксплоатацией.

в) Организация смешанных строительных обществ.

г) Регистрация иностранных фирм на право ведения переговоров о получении строительных подрядов и на право исполнения этих конкретных подрядов.

Условия работы иностранного капитала по каждой из указанных форм мы и разберем в дальнейшем.

1. Концессии на право производства подрядно-строительных работ

Деятельность иностранных фирм, заключивших с правительством концессионные договоры, будет основываться на следующих условиях.

Иностранная фирма получает право производства на территории СССР всякого рода строительных работ, для чего она может участвовать в соревнованиях на получение подрядов от государственных, кооперативных, коммунальных учреждений и организаций, а также частных лиц, наравне с государственными строительными предприятиями. Такое приравнение конкретно означает, что иностранная строительная контора: а) освобождается от внесения залогов при заключении подрядных договоров; б) при прочих равных условиях она имеет преимущественное перед частными и одинаковое с государственными подрядчиками право на получение данного подряда; в) размер аванса, выдаваемого заказчикам, может превышать установленные законодательством СССР 25% с суммы подряда.

Концессионеру разрешается устраивать всякого рода подсобные мастерские; арендовать карьеры местных строительных материалов (камня, глины и т. п.); получать на одинаковых основаниях с государственными стройконторами лесосеки; ввозить из-за границы, а по миновании надобности вывозить обратно — машины и другое оборудование, небходимое для организации строительных работ, без оплаты таможенных пошлин и лицензионных сборов; привлекать из-за границы иностранный административно-технический персонал и квалифицированных рабочих в определенном процентном отношении к остальным рабочим и служащим — гражданам СССР.

Серьезного внимания заслуживает вопрос о строительных материалах. Как общее правило — работы должны выполняться концессионером из строительных материалов, производимых в СССР. Однако, учитывая современный острый их недостаток, желательно связывать концессии на подрядно-строительные работы с организацией в СССР концессионного производства строительных материалов. В этом случае концессионер может получить право, помимо снабжения выполняемых им работ, сбывать производимые концессионным предприятием материалы на рынке. В отдельных случаях, особенно в первые годы концессии, не исключена возможность предоставления концессионеру права ввоза недостающих строительных материалов из-за границы.

При заключении концессионнго договора концессионер дает обязательство инвестировать в СССР определенный минимум капитала, при чем этот капитал может быть ввезен или в виде машин или наличными деньгами. Указанный капитал будет служить обеспечением интересов правительства по концессионному договору и не подлежит вывозу за границу до окончания срока концессии. Оборудование, входящее в состав капитала концессионного предприятия, может вывозиться за границу при условии, что соответствующий эквивалент в денежной форме останется в Союзе. В зависимости от хода строительных операций, концессионеру разрешается увеличивать указанный в договоре минимум капитала. В целях предотвращения спекулятивного препринимательства, не имеющего соответствующей материальной базы, подрядчик-концессионер в праве брать заказы на сумму, не превышающую 12-кратного размера ввезенного им из-за границы капитала.

Налоги и сборы уплачиваются концессионером на одинаковых основаниях с аналогичными государственными предприятиями.

Вывоз прибылей за границу, с переводом соответствующего количества валюты, разрешается концессионеру по окончании каждого операционного года. Принимая во внимание современные валютные затруднения СССР, придется в течение нескольких ближайших лет ограничивать это право, разрешая вывозить лишь известную часть прибыли. Нужно полагать, что такое ограничение не встретит серьезных возражений со стороны соискателей концессий и не послужит причиной, препятствующей развитию концессионной строительной деятельности, так как вызывающие указанное ограничение причины понятны и существуют в ряде стран, испытывающих аналогичные валютные затруднения.

По окончании срока концессии концессионер в праве в определенный срок ликвидировать свое имущество, входящее в состав концессионного предприятия, при чем ввезенное из-за границы оборудование он может либо вывезти обратно за границу, либо продать правительству по установленной взаимным соглашением цене.

Обращаясь к другим условиям строительной деятельности иностранцев, следует остановиться на тех требованиях, которые выдвигаются правительством по отношению к концессионеру.

В соответствии с основной целью подрядно-строительных концессий — улучшение техники и удешевление строительства — иностранный подрядчик обязан применять новейшие технические усовершенствования, принятые за границей в строительном деле, механизировать процесс производства строительных работ и т. п. В этих же целях правительство в праве командировать на концессионное предприятие своих инженеров и техников, а также студентов высших учебных заведений для изучения постановки производства строительных работ.

Взаимоотношения концессионера с нанятыми им рабочими и служащими, независимо от их гражданства или подданства, регулируются Кодексом Законов о Труде СССР, а также коллективными договорами, заключаемыми концессионером с соответствующими профсоюзами.

Финансовые обязательства концессионера сводятся к обычным в нашей концессионной практике долевым отчислениям и отчислениям со сверхприбылей, если последние будут иметь место.

Таковы основные условия деятельности иностранных строительных предприятий, заключающих с правительством концессионный договор. Несомненно, что перенесение в СССР иностранного строительного опыта, высокой техники и организации поможет оздоровлению нашего строительного дела. С другой стороны, все эти условия создают для иностранного капитала возможность извлечения значительной прибыли от строительной деятельности в СССР.

2. Концессии на жилищное строительство и его эксплоатацию

Выше мы приводили данные, свидетельствующие о колоссальной потребности СССР в жилищном строительстве и говорили о желательности привлечения иностранного капитала для ослабления жилищного кризиса.

Наиболее желательным направлением деятельности иностранного капитала должно было бы быть строительство им жилых помещений для широких масс населения. Однако, для осуществления такого строительства, необходимо предоставление иностранному капиталу ряда значительных льгот, выходящих за пределы постановления СНК СССР от 25/V 1926 г. „О льготных условиях допущения иностранного капитала к строительству в СССР".

При нынешних условиях строительного рынка и, вероятно, в ближайший период, без каких-либо дополнительных мероприятий со стороны государства, основываясь на законодательстве СССР о праве застройки и упомянутом постановлении СНК СССР, возможно привлечение иностранного капитала к сооружению доходных домов,

рассчитанных на потребление более обеспеченными слоями населения. Такое строительство имеет свою положительную сторону в освобождении занимаемой этими слоями жилой площади в муниципализированных домах.

Рассматривая с этой точки зрения перспективы работы иностранного капитала по жилищному строительству, необходимо, прежде всего, остановиться на законодательстве СССР о праве застройки. Право застройки, благодаря ряду существенных льгот, предоставленных застройщикам, сыграло уже заметную роль в деле усиления жилищного строительства. Общие основы права застройки и льготы, им предоставляемые, заключаются:

1) В праве отчуждения, залога, наследования об'ектов эксплоатации.

2) В долгосрочности права застройки (60 лет для каменных строений и 40 лет для деревянных).

3) В свободном распоряжении жилой площадью и ставками квартирной платы.

4) В обязательном выкупе строений по истечении срока договора застройки или при досрочном переходе права застройки к местному органу.

5) В освобождении застройщика от всех налогов и сборов в течение первых трех лет и со снижением в 50% на все остальное время договора застройки.

6) В праве возводить часть кубатуры строений (не более $^1/_4$) в качестве торговых и т. п. помещений, с эксплоатацией их по свободно установленным ценам.

Давая твердые правовые основания строительной деятельности и устанавливая ряд весьма существенных материальных льгот, право застройки создает вполне приемлемые общие условия для работы иностранного капитала.

Концессионер, пользуясь теми же льготами, какие предоставлены застройщикам, получает значительные преимущества, каких не имеют последние. Сюда относится, во-первых, право ввоза из-за границы без оплаты таможенных пошлин и лицензионных сборов машин и прочего оборудования, и, во-вторых, право ввоза из-за границы недостающих в СССР строительных материалов.

При высоких достижениях иностранной техники в строительном деле, предоставление указанных прав, а также права ввоза из-за границы части наиболее квалифицированной рабочей силы, создает для концессионера полную возможность перенесения в СССР заграничных методов строительства, т.-е. рационализации производства строительных работ, подбора материалов, рационализации и стандартизации типов домов и т. п., что в свою очередь отразится на стоимости жилищного строительства и его рентабельности.

Средняя стоимость одной кубической сажени строений в СССР на 1926/27 г. исчисляется Госпланом СССР в 190—200 рублей. По отдельным районам эта цифра колеблется, доходя в Москве до 250 рублей. Следует заметить, что результаты строительного 1925/26 г. дали более повышенную цену, чем предполагал Госплан. Центрожилсоюз определяет современную стоимость одной кубической сажени кирпичных строений, примерно, в 300—350 рублей. Мы полагаем, что для каменных строений в Москве, Ленинграде и Харькове, крупнейших центрах СССР, где, собственно, и будет протекать деятельность концессионера, не будет преувеличенной цифра в 280—300 руб. за одну куб. сажень.

Какова же стоимость строительства за границей? По имеющимся у нас данным, стоимость одной кубической сажени равна:

В Германии	120 руб.
В Англии	100—110 руб.
Во Франции	120—130 руб.
В Америке	180 руб.

Германская фирма „Коссель", образовавшая совместно с Центрожилсоюзом Смешанное Строительное Общество, указывала, что производимое ею строительство, при полной механизации, будет обходится не дороже 200 рублей за куб. саж.

Приведенное соотношение стоимости нашего и заграничного строительства довольно естественно, если учесть высокие технические и организационные достижения в строительном деле на Западе.

Принимая во внимание сравнительную дороговизну в СССР основной массы строительных материалов, мы для примера возьмем стоимость одной куб. сажени концессионного строительства в 200 руб. (одной кв. сажени жилой площади в 640 рублей) и попытаемся установить возможную рентабельность вложения средств иностранным капиталом в жилищное строительство.

Последний декрет о квартирной плате устанавливает следующие максимальные ставки:

Для высокооплачиваемых служащих	6 р. кв. саж.
„ кустарей и лиц свободн. профессий	9 „ „ „
„ нетрудовых категорий	20 „ „ „

Исходя из указанного, средняя квартирная плата, на которую может рассчитывать концессионер, определяется нами, как минимальная, кругло в 10 руб. за кв. сажень в месяц или в 120 руб. в год, ибо средне-взвешенная норма платы за одну кв. сажень, учитывая соотношение возможных потребителей из упомянутых трех групп, должна быть во всяком случае выше простой средней.

Для учета доходов концессионера от эксплоатации торговых помещений мы берем также минимальную среднюю ставку за одну кв. сажень торговых помещений в 240 руб. в год и определяем вало-

вой доход концессионера от эксплоатации $^3/_4$ кв. саж. жилой площади и $^1/_4$ торговой в год в 150 рублей. При себестоимости одной кв. саж. в 640 руб. концессионер будет иметь $\frac{150}{640} = 23{,}4\%$ (кругло) валового дохода на вложенный капитал.

Для определения эксплоатационного расхода концессионера мы берем следующие данные, приведенные в „Нормальном расчете домового бюджета в каменных домах", составленном НКВД РСФСР:

Название расходных статей домового бюджета	Норма расходов за год, в процентном отношении к современной стоимости домовладений
1. Текущий ремонт	0,75
2. Капитальный ремонт	0,58
3. Амортизация	1,00
4. Страхование	0,13
5. Управление	0,20
6. Проч. расходы (дворник., починка тротуаров, вывозка снега и т. п.)	0,73
7. Рента основн. и дополнит.	0,05
8. Налог со строений	0,25
Итого	3,69

Вычтя из валового дохода в 23,4%, эксплоатационный расход в 3,7% (кругло), получим прибыль концессионера в размере 19,7%. Если считать, что долевое отчисление с валового дохода концессионера будет установлено в 3%, а подоходный налог будет взиматься в размере 20% (0,7% + 3,8% = 4,5%), получим чистую прибыль концессионера на вложенный им капитал в размере 15,2%.

Попытаемся теперь определить по данным подоходного обложения контингент лиц, среди которых найдутся потребители концессионного строительства. По данным первого полугодия 1925/26 г., плательщиков с доходом от 2.400 до 3.200 рублей в год, т.-е. лиц, могущих по нашим расчетам платить 6 руб. за кв. саж. жилой площади, но фактически платящих больше, так как служащие в этой группе составляют не более 25%,—имеется в СССР 31.000 человек. С семьями (считая по статистическим данным в среднем 3,2 человека на плательщика) кругло—100.000 человек. Плательщиков с доходом свыше 3.200 рублей в год (в среднем 7.000 руб.), могущих платить около 15 руб. за кв. сажень, но фактически платящих больше, так как в этой группе служащие занимают ничтожный процент, а кустари и лица свободных профессий не более 10—15%,—имеется 53.000 человек, а с семьями, кругло, 150.000 человек.

Всего, таким образом, возможный контингент потребителей концессионного строительства, может составить 250.000 человек. Наиболее затруднительным является вопрос об определении количества лиц из

250.000 человек, нуждающихся в жилище и могущих пред'явить спрос на новое помещение. Тут можно исходить только условно из 25—30% указанного количества и при наличии определенной политики, направленной к освобождению муниципальных домов от нетрудового элемента. В этом случае, потребность в жилищах, исходя из 2 кв. саж. на человека, выразится в 125.000—150.000 кв. саж., а вместе с естественным приростом населения (2,2%) кругло в 130.000—155.000 кв. саж.

При стоимости одной кв. сажени в 640 руб. удовлетворение этой потребности возможно при затрате капитала в 85—100 милл. рублей. Исходя из средней ставки в 10 руб. с кв. саж., валовый доход должен составить от 16 до 19 милл. рублей или 19% на затраченный капитал. Необходимо отметить, что при этом расчете мы брали валовый доход только с квартир, не учитывая торговых помещений, эксплоатация которых должна повысить валовый доход концессионера до приводимой нами выше цифры в 23%.

Вложение капиталов на сооружение торговых помещений должно быть увеличено, примерно, на 28—33 милл. руб., и общая сумма потребного капитала может быть определена в 115—130 милл. рублей.

Таким образом, произведенный расчет по всей сумме строительства приводит нас к убеждению, что выведенный валовый доход в размере 23% может быть обеспечен концессионеру.

Чтобы закончить этот вопрос остается еще проверить, можно ли рассчитывать на затраты со стороны упомянутых плательщиков на квартирную плату в размере от 16 до 19 милл. рублей. Если исходить из тех же данных подоходного обложения, то мы установим, что упомянутые выше 86.000 плательщиков, с доходом свыше 2.400 рублей в год, имели в 1925/26 г. кругло 472.000.000 дохода. Если принять контингент потребителей концессионного строительства в 25—30% плательщиков, то их доход в среднем составит в год от 120 до 140 милл. рублей; принимая процент расходов на квартиру от 12 до 15, получим, что эта группа может уплатить от 14,4 милл. руб. в год, как минимум, до 21 милл., как максимум.

Таким образом, и этот подсчет показывает, что исчисленная выше сумма валового дохода концессионера может быть реальна.

Возвращаясь к вопросу о том, что основной целью привлечения иностранного капитала является строительство им жилых помещений для широких масс населения, необходимо заметить, что реальная возможность осуществления этого может представиться в результате ознакомления иностранного капитала с условиями строительной деятельности в СССР на его конкретной работе по сооружению и эксплоатации „доходных домов", о которых речь шла выше.

Из остальных условий жилищно-эксплоатационных концессий, в большинстве аналогичных подрядно-строительным концессиям, остановимся на вопросах о сроке концессий и о ввозе и вывозе капиталов.

Срок жилищно-эксплоатационных концессий разбивается на два периода: строительный и эксплоатационный. В течение 5—8 лет со дня заключения концессионного договора иностранная сторона пользуется правом заключать договоры застройки и строить дома, согласно этим договорам, сохраняя за собой на весь срок их действия права и льготы, предоставляемые как общим законодательством СССР о праве застройки, так и специальным постановлением СНК СССР от 25/V 1926 г.

По истечении 5—8 лет концессионер лишается права заключения новых договоров застройки, продолжая эксплоатировать сооруженные им ранее дома.

Концессия прекращается по истечении сроков договоров застройки, заключенных концессионером в течение строительного периода, либо при отчуждении прав застройки третьим лицом.

Кажущаяся сложность системы срока об'ясняется довольно просто: наибольшая заинтересованность СССР в жилищно-строительной деятельности иностранного капитала относится именно к ближайшим 5—8 годам; имея в виду, что реализация предоставляемых иностранному капиталу в настоящее время прав и льгот будет производиться им в течение весьма продолжительного срока (до 60 лет), естественно стремление ограничить строительный период, являющийся источником этих льгот, только таким сроком, когда наш Союз будет испытывать действительную потребность в помощи иностранного капитала.

Условия ввоза и вывоза капитала устанавливают, во-первых, минимальный размер капитала, который должен быть вложен в строительство жилищ концессионером, во-вторых, запрещение вывоза этого капитала до окончания срока концессии и, в-третьих, разрешение на дополнительную инвестицию капитала, с правом вывоза его обратно за границу в любое время концессии, но не ранее, чем через 10—15 лет со дня подписания договора.

Установление определенного минимума инвестиции капитала вызывается необходимостью отсеивания концессионных предложений, идущих от мало солидных, мелко-спекулятивных „концессионеров". С другой стороны, этот капитал, не подлежащий вывозу за границу до окончания срока концессии, будет являться залогом обеспечения интересов правительства по концессионному договору.

Рассмотрение условий жилищно-эксплоатационных концессий приводит нас к следующим выводам:

1) Общие основания деятельности иностранного капитала — право застройки — создают достаточные правовые нормы и предпосылки материального характера для заинтересования иностранного капитала жилищно-эксплоатационным строительством в СССР.

2) Анализ возможной рентабельности вложения средств в жилищное строительство показывает, что концессионер, пользуясь правами, предоставленными ему концессионным договором, и применяя в СССР новейшие достижения современной техники, может быть обеспечен достаточно высокой прибылью на вложенный капитал.

3. Смешанные строительные общества

Третья форма привлечения иностранного капитала к строительству — организация смешанных строительных обществ с государственными, кооперативными или коммунальными предприятиями и организациями.

Создание смешанных строительных обществ имеет своей целью не только привлечение в эти общества иностранного капитала, но и использование иностранного технического и организационного опыта в строительном деле. В функции этих обществ могут входить как подрядно-строительные операции, так и жилищно-эксплоатационное строительство.

В отношении организации подсобных мастерских, сооружения и восстановления заводов строительных материалов, допущения иностранных рабочих и технического персонала, обложения налогами, ввоза из-за границы машин и прочего оборудования, а также строительных материалов и т. п.,—к смешанным обществам применяются те же положения, что и к чисто-концессионным предприятиям.

4. Регистрация иностранных строительных фирм

Постановление СНК СССР от 25/V 1926 г. „О льготных условиях допущения иностранного капитала к производству строительных работ на территории СССР", на ряду с концессионной и смешанной формой привлечения иностранного капитала, допускает „регистрацию иностранных фирм на право ведения переговоров о подрядах на строительные работы, а также на право заключения отдельных конкретных договоров подряда на строительные работы, на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 12/IV 1923 г.".

Как известно, иностранные физические или юридические лица имеют право заниматься хозяйственной или коммерческой деятельностью на территории СССР лишь со специального разрешения соответствующих правительственных органов, в частности, Главконцесскома. В этом смысле следует понимать и приведенное постановление СНК о регистрации на право производства в СССР строительных операций. При этом необходимо разграничивать два вида регистраций: 1) регистрация на право ведения переговоров о получении строительных подрядов и 2) регистрация на право заключения подрядных

соглашений и исполнения строительных работ, связанных с этими соглашениями.

Основной, практически осуществляемой формой привлечения иностранного капитала является форма концессии. Она дает правительству возможность на основании точно установленных в концессионном договоре обязательств иностранных контрагентов полнее регулировать деятельность концессионных предприятий. С другой стороны, форма концессии более предпочтительна и для иностранцев, так как помимо того, что при этой форме в концессионном договоре подробно фиксируются предоставляемые концессионерам права, чем они ограждаются от возможных препятствий и недоразумений, они при этой форме получают ряд льгот, которые им не даются при форме регистрации.

Тем не менее, следует признать естественным желание иностранных соискателей до заключения концессионного договора, налагающего на них серьезные обязательства (напр., необходимость ввоза капитала и запрещение его вывоза до окончания срока концессии), ознакомиться с условиями работы в СССР. Регистрация на право ведения переговоров о получении строительных подрядов и имеет своей целью предоставление иностранным фирмам, пользующимся деловой и финансовой репутацией, возможности ознакомиться с условиями строительной деятельности в СССР, в частности, с возможным масштабом их работы, в результате чего привлечение иностранного капитала к строительству в концессионной форме окажется более реальным и будут устранены часто возникающие недоразумения, коренящиеся на незнакомстве иностранцев с СССР.

Второй вид регистрации — регистрация на право заключения и исполнения конкретных подрядов — есть самостоятельная форма работы иностранного капитала, которая должна практиковаться для тех случаев, когда исполнением одного или нескольких конкретных подрядов исчерпывается необходимость в иностранной помощи. В зависимости от условий предполагаемых подрядов зарегистрированной фирме будут предоставляться те или иные льготы.

А. Е. Лосицкий

Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе

(В период генерального плана)

I. Общие положения

Людское питание проявляет строгую закономерность в своем самом общем — калорийном выражении. В этом выражении оно обнаруживает тесную зависимость от состояния обслуживаемой им человеческой машины (пол, возраст, а в связи с этим рост, вес и поверхность тела) и от характера производимой ею работы (покой, труд легкий, средний, тяжелый и т. д., в связи с профессиональными особенностями работы).

При этом изучении не упускаются из виду и особенности внешней среды (климат), которые для данного задания, касающегося Союза в целом, могут считаться неизменными и отдельному учету не подлежат.

Менее строгую, но все же отчетливую закономерность обнаруживает людское питание при изучении его с точки зрения сочетания входящих в него основных питательных начал (белков, жиров, углеводов) и их особенностей (продукты растительного и животного происхождения). Хотя на этих отношениях сильнее отражается влияние естественно-исторической и экономической среды, главным образом, характера продукции питательных веществ в данной стране, однако, и при учете этих влияний можно констатировать в этой области ряд четких и устойчивых отношений, которые необходимо положить в основу наших предвидений о характере питания в пределах периода генерального плана. При этом надо иметь в виду и те поправки и дополнения, которые вносят в положение европейских и американских физиологов материалы обследований питания русского населения как сельского, так и городского, и которые показывают, что в условиях русской производственной среды потребление углеводов играет несколько большую роль, чем то обычно принимается.[1]

Состав питания по обеспечивающим его конкретным питательным продуктам (что и представляет главное содержание

[1] Ср. „Труды ЦСУ", т. XXX, в I. „Состояние питания городского населения СССР в 1919—24 гг.", М. 1926, стр. 17, 39—40 и др.

разрабатываемой темы) в еще большей степени зависит от характера конкретной производственной среды (характера продукции питательных веществ в данной стране). В особенности это справедливо для такой „земледельческой" страны, как Союз Советских Республик, в котором городское население в пределах периода генерального плана возрастает всего лишь с 16,8% до 20,7% общей численности населения, а остальную массу составляет сельское население, и который в общем и основном, в смысле снабжения населения питательными продуктами в пределах этого плана, почти полностью будет зависеть от внутренней продукции.[1]

Поэтому при разработке вопроса о нормах и размерах потребления продовольственных продуктов в период генерального плана необходимо, учитывая общие указания физиологии, исходить из изучения динамики норм потребления сельским и городским населением Союза и производственных возможностей последнего. Важнейшее значение имеют также предвидимые в интересующий нас период перемены в характере занятий, благосостояния и быта населения. Изучение особенностей питания населения других стран играет для этого построения второстепенную роль, хотя и должно учитываться в смысле нащупывания максимальных и минимальных пределов потребления отдельных продуктов населением Союза.

II. Динамика норм потребления сельского населения

1. Динамику норм потребления сельского населения возможно представить только на основании данных обследований питания ЦСУ Союза, так как бюджеты не дают в этом отношении сведений за достаточно продолжительный период. В виду ненормального характера питания в первые годы после революции, кончая 1921/22 годом, сведения приводятся только за период нэпа (1922/23—1925/26 гг.). В виду того, что обследования питания, чтобы дать правильную картину потребления должны производиться не менее трех раз в году, а в этом отношении замечаются пробелы, а равно в виду значительной правильности сезонных колебаний, недостающие данные за июнь и октябрь 1923 г. и за июнь 1926 г. дочислены по соотношению сезонных норм 1924/25 г., равно исправлены данные за февраль 1923 г. (обследование произведено в период христианского поста) и лишь после этого выведены сравнимые между собою годичные средние по крупным полосам Союза. Эти последние данные взвешены по количеству населения и после этого выведены средние посоюзные нормы потребления главных продуктов за четыре года (нормы касаются „скоромных" периодов и нуждаются в скидке на „посты", но для динамических сопоставлений вполне пригодны).

[1] При определении последней учитываются ее колебания, напр., в форме неурожая.

По отношению к средней за четыре года, принятой за 100, нормы потребления растительных продуктов обнаруживают следующие изменения:

Годы	Хлебные продукты	В том числе: рожь	пшеница	крупа	Картофель	Овощи	Сахар	Масло постное
1922/23	98	101	86	97	104	103	94	72
1923/24	104	113	95	125	110	109	106	67
1924/25	102	100	98	90	99	101	94	100
1925/26	95	86	120	87	87	86	112	161

Таким образом, только продукты промышленной переработки—сахар и постное масло—обнаруживают прирост потребления (до 112% и 161% средней величины за четыре года), а из хлебных продуктов тому же правилу следует пшеница (повышение потребления до 120% средней). Остальные хлебные продукты после под'ема 1923/24 г. (урожайный год после урожайного) обнаруживают затем в 1925/26 г. падение до 86—87% средней величины. Тому же закону следует потребление картофеля и овощей.

Потребление хлебных продуктов вообще (взятых в сумме) колеблется менее сильно, чем потребление отдельных хлебов, но и оно обнаруживает падение в урожайный 1925/26 г., что зависит от увеличения потребления животных продуктов, особенно мяса.

Иное движение обнаруживает потребление животных продуктов.

По отношению к средней за четыре года мы имеем следующее движение норм потребления этих продуктов:

Годы	Мясные продукты	В том числе: мясо	сало	Масло коровье	Молоко	Яйца
1922/23	80	80	81	86	91	73
1923/24	80	80	86	107	102	127
1924/25	106	106	105	107	106	127
1925/26	132	134	119	93	101	80

Потребление мясных продуктов последовательно и сильно возрастает. После резкого падения скотоводства в голодный 1921 г. продукция и потребление мяса чрезвычайно снизились. С восстановлением скотоводства они стремительно возвращаются к довоенному уровню и даже превосходят его. В частности, нормы 1925/26 г. следует считать несколько повышенными и нетипичными.

Потребление молока также возрастает, но менее сильно, а в 1925/26 г. замечается даже некоторая задержка в росте потребления его (длинная зима и недостаток кормов, а может быть и недостаточно точный учет летнего потребления, определенного по аналогии с 1924/25 г.). Потребление коровьего масла обнаруживает задержку в 1925/26 г. быть может вследствие повышения потребления сала и масла постного. В потреблении яиц отмечены сильные колебания.

2. Хотя данные динамики потребления за четыре года и дают некоторые указания на характер изменений, происходящих в крестьянском потреблении, однако, краткость срока, за который могут быть использованы данные, особенности восстановительного процесса и погодные колебания норм затрудняют вывод вполне определенных заключений.

Для получения последних важно проанализировать сведения об изменении потребления по группам крестьянских дворов, для чего использованы выборки из бюджетов 1925/26 г.

В виду ожидаемого в период генерального плана повышения продукции и, в частности, сбора хлебов по расчету на душу, можно полагать, что сельское потребление изменится в том же направлении, в каком оно движется при переходе от низших посевных групп к высшим. Таким образом, данные одного года о потреблении по группам хозяйств представляют, так сказать, лестницу возможных изменений сельского потребления, застывшую динамику его.

Во избежание влияния неодинакового распределения дворов по группам в разных полосах Союза, посоюзные групповые средние выведены как арифметические средние из пополосных групповых норм, а данные по Казакстану исключены.

Различия в потреблении продуктов (в процентах к средней) по группам крестьянских хозяйств, на основании данных бюджета 1925/26 г., представляются в следующем виде:

Посевные группы (посев на двор)	Хлебн. продукты	В том числе: рожь	пшеница	Картофель	Овощи	Мясо и сало	Птица битая	Молоко	Масло коровье	Яйца
II (до 2 дес.) . . .	90	105	76	96	84	90	106	83	77	89
III (2—4 дес.) . . .	99	107	94	99	97	89	87	88	77	104
IV (4—6 дес.) . . .	99	101	95	103	94	101	95	94	77	106
V (6—8 дес.) . . .	103	100	103	106	104	105	88	102	100	94
VI (8—10 дес.) . .	102	92	107	101	99	104	107	93	108	106
VII (10—16 дес.) . .	100	93	112	90	109	93	100	98	139	104
VIII (св. 16 дес.) . .	109	100	112	105	113	117	117	142	139	96

Определенно падает по группам потребление ржи. Колеблющуюся линию обнаруживает картофель. Линия потребления яиц крайне неправильна.

Потребление остальных продуктов повышается по группам. Слабо растет по группам потребление хлебных продуктов, в том числе пшеницы, а равно овощей; сильнее возрастает по группам потребление мяса, птицы, молока и масла коровьего. Таким образом по группам, как и по годам, сильнее возрастает потребление животных продуктов (кроме яиц). Растительные продукты отстают от животных, не исключая пшеницы, хлебных продуктов вообще и овощей, потребление которых растет быстрее других растительных продуктов. Это обстоятельство надо иметь в виду при построении норм к концу периода.

Из частностей можно отметить, что потребление картофеля и овощей по группам в потребляющей полосе растет, а в производящей падает.

3. Невозможно представить точную динамику крестьянского потребления в настоящее время по сравнению с довоенным временем в виду небольшого числа довоенных наблюдений, малого числа охватываемых ими губерний, разновременности и разнометодности их. Однако, имеющийся материал все же полезно привести для некоторых справок.

По сводке А. В. Чаянова среднее довоенное потребление хлебных продуктов по 16 губерниям составляло 16,0 пуд. на душу, картофеля — 8,7 пуд. (с колебаниями от 2,9 до 16,9 пуд.), овощей и фруктов (только по 10 губерниям) — 3,7 пуд., мяса и сала (без мясных изделий и рыбы) — 0,93 пуд.,[1] молока цельного (без молочных продуктов) — 8,0 пуд. и яиц — 32 шт. на душу.

В настоящее время хлебное потребление по данным обследований питания по одним и тем же губерниям, поднявшись в 1923/24 г. до 101—106% довоенной нормы, понизилось в 1925/26 г. до 98—102% этой нормы. Бюджетные обследования 1925/26 г. дают еще меньшую норму (13,9 пуд.), но эту величину приходится считать пониженной. Потребление картофеля по бюджетным данным 1925/26 г. в среднем по пяти полосам составляло 8,1 п. (потребляющая — 13,4 п., производящая — 10,3 п., по прочим полосам еще более низкие нормы, как видно из таблиц, помещенных в приложении), масла и сала — 1,17 п. (потребляющая — 1,38 п., производящая — 0,84 п.), молока — 9,0 п. (потребляющая — 11,8 п., производящая — 8,3 п.), яиц — 45 шт. (потребляющая — 38 шт., производящая — 43 шт.).

В виду того что бюджетные описания сильнее захватывают зажиточные слои крестьянства, эти средние должны быть снижены, особенно для животных продуктов. Так, для мяса норму можно принять, примерно, в 1,0 пуд. на душу.

Из этих данных можно сделать вывод, что потребление хлебов колеблется около довоенного уровня, с понижением против него в 1925/26 г., в виду усиленного потребления мяса. Последнее (потребление мяса), поднявшись в 1925/26 году, в предыдущие годы еще не достигло довоенного уровня, особенно по производящей и другим, пострадавшим от голода, полосам. Потребление овощей и картофеля близко к довоенному (потребление картофеля скорей даже повысилось). Потребление молока и яиц поднялось против довоенных норм.

[1] При исчислении довоенного мясного потребления для всей территории Союза, с участием более мясных районов, норма эта подымается до 1,03 пуда в год на душу.

III. Динамика питания городского населения

1. Динамика норм потребления городского населения представлена за те же четыре года, начиная с 1922/23, также по данным обследований питания. В виду значительности сезонных колебаний питания, для сравнимости годичных средних обращено внимание на то, чтобы за все годы имелись данные за три обычные сезона (осень, зима, лето), для чего имеющиеся пробелы за отдельные годы пополнены по отношениям 1924/25 г. и отчасти 1922/23 г. Посоюзные средние взвешены по населению.

По отношению к средней на четыре года, принятой за 100, нормы потребления продуктов изменились следующим образом:

Годы	Хлебн. продукты	В том числе: рожь	пшен.	крупа	Картофель	Овощи	Сахар	Масло постн.	Мясо и сало	Масло коровье	Молоко	Яйца
1922/23	108	140	71	125	121	109	59	115	71	84	75	41
1923/24	104	113	98	112	110	98	55	112	80	84	85	86
1924/25	94	82	108	83	90	114	95	89	117	100	111	133
1925/26	94	68	123	81	79	78	148	85	132	128	129	133

Данные эти представляют определенную картину возрастания потребления животных продуктов: потребление мяса, молока, масла и яиц возрастает до 128—133% четырехлетней средней. Потребление растительных продуктов, за исключением сахара, наоборот, падает: хлебных продуктов — до 94%, масла постного — до 85%, картофеля и овощей — до 78 — 79% четырехлетней средней. При этом, однако, в потреблении хлебных продуктов замечается перегруппировка и потребление пшеницы возрастает при падении ржи и крупы.

2. Сравнение с довоенным временем затруднительно за недостаточностью довоенных данных. Наиболее показательным приходится признать сравнение питания семейных московских рабочих в 80-х годах прошлого века, по исследованиям Ф. Ф. Эрисмана, с современными данными этого рода (см. „Труды ЦСУ“, том XXX, в. I, стр. 86).

Пища рабочего в настоящее время стала менее груба и однообразна, в ней уменьшилось преобладание растительных продуктов (потребление животных продуктов возросло на 70%, потребление растительных упало на 18%). Особенно возросло потребление молока (на 369%), мяса (на 50%), рыбы (на 30%). Увеличение потребления мяса и молока позволило понизить потребление круп (каши) на 42%, а в связи с этим сократилось потребление сала и масла на 56%. Из остальных продуктов понизилось потребление хлеба на 17%) и муки (на 20%), но повысилось потребление картофеля (на 30%); потребление же сахара более чем удвоилось (возрастание на 119%).

Конечно, эти данные относятся лишь к одному классу городского населения и притом преимущественно к городам с русским населением, но они накладывают определенную печать и на средние посоюзные нормы.

Другие сравнения вызывают ряд сомнений. Сравнение питания современного московского рабочего с данными об артельном харчевании в 1909—11 гг., по исследованию И. М. Козьминых-Ланина, было весьма показательно для 1919 г., когда общее потребление горожанина, выраженное в калориях, упало до 50—60% нормы, потребление жиров сократилось в 5 раз, потребление хлеба и мяса с рыбой сократилось, примерно, вдвое и недостаток этих, более ценных продуктов до известной степени возмещался лишь картофелем, потребление которого возросло в 2—3 раза (см. там же, стр. 14).

Для современного положения, когда общий уровень питания рабочего (в калориях) почти совершенно восстановился, сравнение требует уже большей аналогичности условий питания, и семейную форму питания современного рабочего труднее сравнить с питанием в харчевых артелях, т.-е. с своеобразной формой питания, в настоящее время совершенно исчезнувшей. Это сравнение было бы достаточно лишь для резких изменений в составе пищевых продуктов, как падение потребления хлеба и повышение потребления картофеля, и было бы недостаточно для установления изменений по прочим продуктам.

Недостаточно показательно и сравнение с позднейшими данными, сгруппированными в сводке Р. Кабо („Потребление городского населения России“, М., 1918), характеризующими уровень питания русского горожанина в дореволюционное время, но уже в большинстве случаев во время войны (1916 г.); это обстоятельство, а равно несколько своеобразный характер данных, собранных большинством этих „продовольственных“ анкет, тоже затрудняют сравнение. Сравнение питания рабочего по 7 городам („Труды ЦСУ“, т. XXX, в. I, стр. 87) указывает на понижение потребления хлеба (на 12%), повышение потребления картофеля (на 37%). Масла постного потребляется на 17% меньше, размеры потребления растительных продуктов (овощи и фрукты, сахар) почти не изменились. Из животных продуктов рабочий потребляет больше рыбы (на 25%) и молока (на 7%) за счет некоторого уменьшения потребления мяса. В общем потребление животных продуктов в 1924 г. несколько увеличилось, потребление растительных несколько уменьшилось против дореволюционного времени. В последующие годы это различие сказалось еще более резко.

Таким образом, этот материал, хотя и несовершенный, подтверждает наметившиеся выше выводы.

IV. Вероятные нормы потребления к концу рассматриваемого периода

1. Предыдущий анализ позволяет конкретнее подойти к решению интересующей нас проблемы.

Несомненное увеличение потребления животных продуктов как у городского, так и у сельского населения, как в разрезе последовательных годов, так и по мере возрастания благосостояния населения, позволяет выделить в этой проблеме на первое место именно вопрос о размерах потребления животных продуктов.

Для решения этого вопроса мы должны использовать указания о вероятных будущих размерах производства этих продуктов. Вероятную продукцию животных продуктов к 1940/41 году мы должны распределить между городом и деревней, помня, что город заинтересован в этих продуктах даже более, чем деревня, и для притяжения их в сферу своего потребления, при росте зарплаты служащих и рабочих, будет обладать определенными денежными средствами.

Определив размеры потребления животных продуктов городом и деревней, мы можем подойти и к определению размеров потребления хлебов и других растительных продуктов, памятуя, что общие размеры потребления пищевых продуктов в калорийном выражении, даже при улучшении состава пищи, не должны подвергаться сокращению.

2. Продукция мяса в 1940/41 году при определенных условиях развития стада, наметившихся в работах Сельскохозяйственной секции Госплана СССР, определяется, примерно, в 354 милл. пуд., а с городским скотом — до 357 милл. пудов, что дает на душу населения вообще по 1,87 пуда против 1,21 пуд. в 1925/26 г.

Довоенное потребление мяса городским населением определяется в 3,0 пуд. Вероятное потребление мяса в 1925/26 г. около 2,5 пуд.; в 1931/32 г. оно, по нашим подсчетам, дойдет до 3,1 пуд. При таком темпе роста в дальнейшем оно дошло бы к 1940/41 г. до 4,0 пуд. на душу.

В виду отмеченной выше тенденции к увеличению потребления животных продуктов, мы должны принять, что и сельское потребление подымется, примерно, до 1,27 пуд. на душу.

Однако, для такого продукта с сильно дифференцированными нормами потребления, как мясо, деление населения на сельское и городское является недостаточным. Мы имеем, с одной стороны, значительные массы населения живущего вне городских поселений с бюджетом, близким к городскому типу (часть фабричных рабочих, сельская интеллигенция), с другой — значительное количество земледельцев в составе городского населения. Г. С. Полляк, специально занимавшийся этим вопросом, указывает, что переписью 1923 года зарегистрировано в городах около 1,3 миллиона самодеятельных, занятых в сельском хозяйстве, что составляет около $^1/_6$ всего самодеятельного населения городов. Тем не менее, численность

неземледельческого населения, живущего в сельских местностях, настолько значительна, что общая численность неземледельческого населения превосходит по своей численности городское население (в формальном смысле слова) на 5—6%.

Скидывая, таким образом, с городского населения шестую часть на население земледельческое (для 1941 г. до 7 милл. душ) и присоединяя его к общей массе земледельческого населения, мы имеем, с другой стороны, большую группу неземледельческого сельского населения. По только что цитированным отношениям эта группа должна составить в 1941 году около 9 милл. душ. В виду ожидаемой индустриализации страны мы увеличиваем ее до 10% всего сельского населения, т.-е. до 15 милл. душ. Норма потребления мяса этой группой займет, очевидно, среднее положение между городской и сельской нормой, т.-е. составит около 2,6 пуд. на душу.

Таким образом, при 146 милл. земледельческого населения, 15 милл. неземледельческого сельского и 33 милл. неземледельческого городского и при указанных нормах потребления (1,2 п., 2,6 п. и 4,0 п. на душу) общее потребление мяса в стране достигает 357 милл. пудов, что увяжется с вероятной продукцией мяса.

По поводу будущей нормы мясного потребления в селах следует заметить, что деревня потребляет в общем более жирное мясо. Мясные продукты, т.-е. мясо и сало всякого рода, в совокупности, по обследованиям питания 1925/26 года содержат в фунте: в городском потреблении 58 *g* усвояемых белков и 35 *g* усвояемых жиров, а в сельском, при том же количестве белков, вдвое больше жиров, что при калорийной оценке дает калорий на 60% больше. Таким образом, 1,27 пуд. мясных продуктов, потребляемых сельским населением, при переводе на калории в душевом выражении дойдет до двух пудов мясных продуктов, аналогичных по качеству потребляемым в городе.

Что касается будущей нормы городского потребления, то она приближается к американской норме потребления мяса (около 4,0 пудов в год в целом для страны).

3. Молочная продукция к 1940/41 году возрастет до 3 миллиардов 100 миллионов пудов, или до 16 пуд. на душу населения вообще, тогда как в 1925/26 г. она составляла 14 пуд. Поэтому мы не можем ожидать особенно сильного повышения потребления молока сельским населением. Для городского возможен несколько более сильный рост молочного потребления (в этих расчетах мы имеем в виду как молоко в цельном виде, так и молочные продукты в переводе на молоко).

Городское потребление молока и молочных продуктов в переводе на молоко в 1925/26 г. составляет около 11,0 пуда. К 1931/32 г. оно, вероятно, возрастет до 13,6 пуд. К 1940/41 г. мы его доводим до 18 пудов. При этих условиях и при экспорте масла в 6—7 милл. пуд. деревне остается по 14,4 пуд. на душу (в 1925/26—10 пудов).

По отношению к яйцам наиболее вероятным предположением нам кажется, что городское потребление дойдет до 200 яиц на душу,

сельское—до 75 шт., экспорт до 5 миллиардов штук, а общая продукция до 25 миллиардов (в 1925/26 г. городское потребление 80—90 шт., сельское — около 40 шт. на душу).

При таких условиях хлебное потребление в деревне не может понизиться сколько-нибудь значительно; городское понизится, примерно, на полпуда. Доля пшеницы в этом потреблении несомненно возрастет.

4. Таким образом, при предположенных нами нормах за 15 лет произойдут следующие изменения: мясное довольствие подымается в селах на 23%, в городах на 60%, молочное — в селах на 44%, в городах на 64%, яиц — в селах на 85%, в городах — на 120%. Из этих данных ясен довольно быстрый рост потребления животных продуктов, особенно в городах.

Тем не менее, будущее потребление Союза рисуется при свете этих данных все же более близким к русскому довоенному потреблению, чем к американскому типу питания.

Мы позволим себе цитировать несколько цифр, приводимых специалистом известной американской мясной фирмы Свифт и К°—Кирией.

Значение мясных продуктов в питании населения С.-А. С. Ш. видно из следующих данных. Все продукты расположены в убывающем порядке по их калорийному значению в питании американца.

Продукты	В %% к общ. потреблению продуктов	Продукты	В %% к общ. потреблению продуктов
Пшеница	25,90	Бобы и горох	0,80
Свинина	15,74	Всякие др. злаковые зерна, кроме ржи и риса	0,70
Молочные прод. (все)	15,26	Всякие другие фрукты	0,62
Сахар	13,24	Баранина	0,61
Кукуруза	7,03	Рис	0,60
Говядина	5,30	Рожь	0,50
Масло	3,60	Олео маргарин	0,40
Картофель	3,30	Рыба	0,40
Птица и яйца	2,02	Бананы	0,40
Зелень всякая	1,13	Какао	0,29
Яблоки	1,08	Апельсины	0,11
Орехи	0,92		

На первом месте стоит пшеница (26% общей суммы калорий), но на втором уже свинина (почти 16%). Далее, следуют молочные продукты, сахар, кукуруза, на шестом месте говядина, масло, картофель, птица и яйца, начиная с 10 места имеем, главным образом, разных представителей овощного и фруктового царства. В общем, хлеба берут 35,5%, мясо всякое—22%, прочие животные продукты—20%, прочие растительные — около 22%.

Намеченный же выше характер питания населения Союза в несравненно большей степени связан с растительными продуктами, а из них преимущественно—крахмальными (зерновыми). Потребление мясомолочных продуктов, а также сахара, зелени и фруктов будет играть в нем значительно меньшую роль, чем в С.-А. С. Ш.

Приложение 1

Динамика норм потребления продуктов питания сельским населением по полосам за 4 сельскохозяйственных года

(Без скидки на посты)

Периоды и полосы	На одну душу в день приходится фунтов													
	Хлебных продуктов	В том числе:			Картофеля	Овощей	Сах. и сахарист. вещ.	Масла постного	Мясн. прод. и сала	В том чис.		Масла коровьего	Молока	Яиц
		Ржи	Пшеницы	Крупы						Мяса	Сала			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Потребляющая полоса														
1922/23 с.-х. г.	2,030	1,596	0,005	0,134	1,981	0,365	0,012	0,005	0,159	0,141	0,018	0,011	0,740	0,011
1923/24 „ „	2,118	1,682	0,002	0,178	1,698	0,315	0,014	0,010	0,153	0,135	0,018	0,011	0,768	0,015
1924/25 „ „	2,060	1,617	0,016	0,164	1,557	0,323	0,023	0,014	0,175	0,154	0,020	0,012	0,862	0,015
1925/26 „ „	2,006	1,487	0,049	0,170	1,319	0,307	0,033	0,014	0,254	0,227	0,026	0,013	0,832	0,011
Производящая полоса														
1922/23 с.-х. г.	2,080	1,349	0,261	0,198	1,069	0,405	0,010	0,013	0,122	0,113	0,009	0,011	0,654	0,007
1923/24 „ „	2,241	1,395	0,347	0,235	1,408	0,420	0,009	0,015	0,118	0,110	0,009	0,017	0,713	0,014
1924/25 „ „	2,101	1,317	0,359	0,179	1,168	0,361	0,015	0,012	0,186	0,174	0,012	0,016	0,768	0,018
1925/26 „ „	2,087	1,145	0,483	0,199	1,040	0,331	0,028	0,017	0,224	0,210	0,015	0,014	0,716	0,011
Украина														
1922 23 с.-х. г.	2,169	1,236	0,220	0,201	1,077	0,468	0,012	0,031	0,142	0,111	0,031	0,011	0,555	0,013
1923/24 „ „	2,330	1,609	0,307	0,262	1,144	0,608	0,015	0,034	0,112	0,082	0,032	0,014	0,626	0,025
1924/25 „ „	2,074	1,261	0,243	0,171	1,096	0,571	0,017	0,025	0,182	0,139	0,043	0,010	0,609	0,018
1925/26 „ „	1,908	0,970	0,300	0,095	0,950	0,344	0,028	0,032	0,185	0,145	0,039	0,008	0,518	0,011
Сев.-Кавказский край														
1922/23 с.-х. г.	2,250	0,119	1,127	0,085	0,367	0,324	0,024	0,028	0,157	0,139	0,017	0,020	0,458	0,022
1923/24 „ „	2,280	0,250	1,124	0,227	0,454	0,430	0,018	0,024	0,186	0,157	0,028	0,017	0,497	0,032
1924/25 „ „	2,122	0,095	0,989	0,080	0,385	0,331	0,022	0,019	0,205	0,184	0,021	0,022	0,522	0,047
1925/26 „ „	2,175	0,054	1,069	0,134	0,484	0,465	0,037	0,023	0,205	0,184	0,021	0,020	0,535	0,022
Сибирь														
1922/23 с.-х. г.	2,258	0,862	1,025	0,163	0,805	0,341	0,006	0,010	0,176	0,164	0,013	0,016	0,532	0,011
1923/24 „ „	2,305	1,085	0,776	0,175	0,797	0,232	0,007	0,007	0,276	0,263	0,013	0,024	0,866	0,029
1924/25 „ „	2,251	0,840	1,102	0,108	0,835	0,284	0,010	0,007	0,237	0,224	0,013	0,022	0,741	0,021
1925/26 „ „	2,059	0,641	1,184	0,083	0,772	0,284	0,019	0,005	0,382	0,354	0,029	0,020	0,822	0,018
СССР														
1922/23 с.-х. г.	2,113	1,263	0,306	0,172	1,230	0,399	0,013	0,016	0,142	0,125	0,017	0,012	0,630	0,011
1923/24 „ „	2,238	1,412	0,338	0,222	1,308	0,422	0,012	0,018	0,142	0,125	0,018	0,015	0,704	0,019
1924/25 „ „	2,198	1,258	0,348	0,161	1,169	0,391	0,018	0,016	0,188	0,166	0,022	0,015	0,737	0,019
1925/26 „ „	2,030	1,077	0,428	0,155	1,030	0,334	0,029	0,019	0,234	0,209	0,025	0,013	0,696	0,012
СССР	**Процентное отношение к средней за 4 года**													
1922/23 с.-х. г.	98,5	100,8	86,2	96,6	103,9	103,1	94,1	72,2	80,2	80,1	81,0	85,7	91,0	73,3
1923/24 „ „	104,3	112,7	95,2	124,7	110,5	109,0	105,9	66,7	80,2	80,1	85,7	107,1	101,7	126,7
1924/25 „ „	102,5	100,4	98,0	90,4	98,7	101,0	94,1	100,0	106,2	106,4	104,8	107,1	106,5	126,7
1925/26 „ „	94,6	86,0	120,6	87,1	87,0	86,3	111,8	161,1	132,2	134,0	119,0	92,9	100,6	80,0

Приложение 2

Динамика норм потребления продуктов питания городским населением (рабочими и служащими) по полосам за 4 сельскохозяйственных года

(Без скидки на посты)

Периоды и полосы	На одну душу в день приходится фунтов											
	Хлебные продукты	В том числе: Рожь	Пшеница	Крупа	Картофель	Овощи	Сахар и сахарист. вещ.	Масло пост.	Мясн. прод. и сало	Масло коровье	Молоко	Яйца
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Потребляющая полоса												
1922/23 с.-х. г.	1,683	1,268	0,232	0,150	1,082	0,296	0.051	0.027	0,225	0.030	0,402	0 011
1923 24 „ „	1,641	1.016	0,441	0,149	0,862	0,254	0,067	0,029	0,265	0,029	0 404	0,018
1924/25 „ „	1,476	0,806	0,509	0.118	0,672	0.242	0,095	0,024	0,353	0 040	0 599	0,033
1925/26 „ „	1,458	0,709	0,581	0,112	0,550	0,235	0,118	0,021	0,403	0,050	0,736	0,035
Производящая полоса												
1922/23 с.-х. г.	1,749	1,184	0,407	0.168	0,781	0,320	0.029	0,028	0,170	0.024	0.439	0,011
1923/24 „ „	1.687	0,925	0,627	0,141	0,861	0 319	0.043	0 029	0,215	0 021	0.499	0,019
1924/25 „ „	1,565	0,715	0,724	0.105	0,661	0,341	0 064	0,023	0.329	0,022	0,614	0,028
1925/26 „ „	1,557	0.622	0,833	0,107	0,527	0,201	0,089	0,021	0,356	0,028	0,648	0,030
Украина												
1922/23 с.-х. г.	1,620	0 955	0 466	0.130	0 707	0,400	0 060	0,037	0,240	0,027	0 335	0,014
1923 24 „ „	1,529	0 673	0,662	0,102	0 651	0,374	0,085	0 033	0 240	0 033	0.417	0,034
1924 25 „ „	1.322	0,408	0,783	0 073	0,609	0,535	0 105	0 024	0,398	0 036	0,488	0,042
1925/26 „ „	1 376	0,304	0 963	0,070	0,607	0,320	0,142	0,026	0 460	0,048	0 570	0,035
Сев. Кавказский край												
1922 23 с.-х. г.	1,598	0,123	1.356	0,093	0 508	0 492	0,033	0,052	0.190	0,018	0.248	0,015
1923/24 „ „	1,602	0 285	1,354	0,083	0,595	0,426	0,048	0,039	0,239	0,017	0,294	0,028
1924/25 „ „	1,476	0 046	1,358	0,047	0 515	0,446	0 070	0,030	0,334	0,021	0.395	0,037
1925 26 „ „	1,500	0,079	1,361	0,060	0,529	0,295	0.095	0,027	0,387	0,030	0 451	0,035
Казакстан												
1922 23 с.-х. г.	1,689	0.187	1,390	0,094	0,473	0,392	0,011	0 014	0,249	0,024	0,396	0 014
1923/24 „ „	1,721	0,196	1,440	0,077	0,572	0 430	0 024	0,014	0,203	0,013	0,522	0,021
1924/25 „ „	1,524	0.120	1,345	0 048	0,362	0 457	0.042	0 007	0.334	0 022	0,709	0.034
1925/26 „ „	1,510	0,022	1 430	0,037	0,366	0,122	0,056	0,011	0,352	0,019	0 761	0,032
Сибирь												
1922 23 с.-х. г.	1.889	0.580	1,198	0,084	0.661	0 269	0,014	0,009	0.297	0.031	0,375	0 018
1923/24 „ „	1,867	0.655	1,364	0 081	0,524	0.227	0.031	0,008	0 321	0,031	0,527	0, 13
1924/25 „ „	1.621	0 344	1,246	0 050	0,527	0,246	0,056	0,005	0.397	0,032	0,651	0,033
1925/26 „ „	1 625	0,190	1,365	0,048	0,407	0,178	0,069	0,006	0,405	0,031	0,760	0,023
СССР												
1922/23 с.-х. г.	1,689	1,020	0,495	0.140	0,835	0,344	0,044	0,030	0,217	0,027	0.381	0.012
1923/24 „ „	1,634	0.813	0,682	0,125	0,765	0 311	0,061	0,029	0,246	0,027	0,431	0,022
1924/25 „ „	1,467	0.586	0,752	0 093	0,626	0 361	0,085	0.023	0,359	0,032	0,565	0,034
1925/26 „ „	1,473	0 495	0,857	0,091	0.545	0,247	0,111	0,022	0,403	0,041	0,654	0,034
Процентное отношение к средней за 4 года												
СССР												
1922/23 с.-х. г.	107,8	139,9	71,0	125,0	120.5	108,8	58,7	115.3	70 9	84,4	75,0	46,2
1923 24 „ „	104,3	112,9	97,8	111 6	110.3	98,4	55,0	111,5	80.4	84,4	84,8	84,7
1924/25 „ „	93,7	81,8	107,8	83,0	90,3	114.2	94 7	88.5	117,3	100,0	111.4	130 7
1925/26 „ „	94,1	67,9	122,9	81,3	78,6	78,2	148,0	85,0	131,6	128,1	128,7	130,7

Приложение 3

Потребление сельского населения СССР в 1925/26 г. по посевным группам

(В пудах на душу населения)

Название продуктов	В хозяйствах, сеющих							
	до 2 д.	2—4 д.	4—6 д.	6—8 д.	8—10 д.	10—16 д.	Св. 16 д.	Итого в среднем
Всего хлебных продуктов . .	12,47	13,74	13,71	14,27	14,10	13,85	15,10	13,89
в том числе ржи	4,57	4,66	4,41	4,37	4,01	4,06	4,35	4,3[illegible]
в том числе пшеницы . . .	6,34	7,84	7,95	8,58	8.91	9,34	9,35	8,33
Картофеля	7,82	8,06	8,40	8,62	8,23	7,33	8,51	8,14
Прочих овощей	2,85	3,30	3,18	3,54	3,36	3,68	3,83	3,39
Мяса и сала	1,11	1,10	1,25	1,30	1,29	1,15	1,45	1,24
Птицы битой (шт.)	2,74	2,25	2,47	2,27	2,78	2 59	3,02	2,59
Молока	7,44	7,90	8 45	9,21	8,40	8,80	12,80	9,00
Масла коровьего	0,10	0,10	0,10	0,13	0,14	0,18	0,18	0,13
Яиц (шт.)	46	54	55	49	55	54	50	52
В процентном отношении в средней								
Всего хлебных продуктов . .	89,8	98,9	98,7	102,7	101,5	99,7	108,7	100
в том числе ржи	105,1	107,1	101,4	100,5	92,2	93,3	100,0	100
в том числе пшеницы . .	76,1	94,1	95,4	103,0	107,0	112,1	112,2	100
Картофеля	96,1	99,0	103,2	105,9	101,1	90,0	104,5	100
Прочих овощей	84,1	97,3	93.8	104,4	99,1	108,6	113,0	100
Мяса и сала	89,5	88,7	100,8	104,8	104,0	92,7	116,9	100
Птицы битой (шт.)	105,8	86,9	95,4	87,6	107,3	100,0	116,6	100
Молока	82,7	87,8	93,9	102,3	93,3	97,8	142,2	100
Масла коровьего	76,9	76,9	76,9	100,0	107,7	138,5	138,5	100
Яиц (шт.)	88,5	103,8	105,8	94,2	105,8	103,8	96,2	100

Н. Н. Виноградский

Болезни хлебного рынка[1]

I

Громадные усилия партии и правительства в течение последнего года были направлены к надлежащей организации хлебной торговли. Подготовка хлебной кампании настоящего года происходила под знаком необходимости увязки различных стадий хлебного оборота и, главным образом, увязки мукомолья с хлебозаготовками и внутренним снабжением. Для этого были определены главные основания реорганизации мукомольной промышленности с передачей ее в ведение органов Наркомторга, как регулирующих хлебный оборот на всех его ступенях.

Хлебные заготовительные цены были установлены на пониженном против прошлого года уровне. Это решение было обусловлено, во-первых, необходимостью добиться равновесия в балансе между городом и деревней (в связи с неизжитым товарным голодом), во-вторых, дать рабочим и крестьянам потребляющей полосы дешевый хлеб и, в-третьих, обеспечить экспорт хлеба, возможный в широком об'еме только на началах рентабельности.

В течение первых восьми месяцев кампании нам удалось сохранить устойчивый уровень заготовительных цен; если в отдельные моменты, в отношении отдельных культур или в отдельных районах были допущены ошибки, то они в общем и целом покрываются положительными достижениями, которые сводятся к отсутствию резких межрайонных разрывов заготовительных цен, к отсутствию скачков, к относительной стабильности цен на протяжении почти всего пройденного периода кампании.

Высокая кон'юнктура мировых хлебных цен привела к чрезвычайной рентабельности экспорта с самого начала кампании; экспортные прибыли, таким образом, создавали дополнительные резервы для маневрирования на внутреннем рынке, для снижения продажных цен на хлеб и на муку. Но несмотря на все это, сбытовые хлебные цены как оптовые, так и розничные стоят еще на чрезмерно высоком уровне. О разрыве между заготовительными и сбытовыми ценами писалось много. У нас наличие такого разрыва не вызывало сомнений. Но на ряду с этим раздавались голоса о том, что этот разрыв в современных условиях народного хозяйства и хлебной торговли является неизбежным. Это явление в отношении ржаной муки об'яснялось тем (такова версия некоторых заготовительных организаций), что увеличившийся разрыв этого года представляет собою не что иное, как следствие перехода к безубыточной торговле от прошлогодних, слишком низких и потому убыточных цен на муку.

[1] В порядке постановки вопроса. Р е д.

Вопрос представляется настолько серьезным, что требует полного выяснения; необходимо, во-первых, установить, каковы размеры разрыва между заготовительными ценами хлеба и продажными ценами муки и, во-вторых, доискаться подлинных его причин.

Специальное исследование, произведенное в этой области, дает следующую схему соотношения цен и нарастания цены на различных ступенях хлебного оборота. [1]

Соотношение цен ржи и ржаной муки (обойной)

(Коп. за пуд)

	1913 г.	Октябрь—декабрь 1925 г.	Октябрь—декабрь 1926 г.	Индекс 1926 г. (1913=100)
Заготовительная цена ржи	69	88	72	104
Оптовая цена ржи в произв. районах	75	113	84	112
„ „ „ „ потреб. „	89	130	125	141
Уездная „ „ „ „ „	99	154	168	170
Оптов. цена муки в произв. „	91	147	125	137
„ „ „ „ потреб. „	104	155	150	144
Розничная коопер. цена муки в губ. городах потребл. районах	122	172	182	149
Розничная цена муки в уездн. гор. потребл. районов	124	182	186	150

II. Нарастание цены в различных звеньях оборота

(Ржи и ржаной муки обойной)

От загот. цены ржи до уездной цены ржи в потребл. районах	30	66	96	320
От загот. цены ржи до оптов. цены муки в произв. районах	22	59	53	241
От загот. цены ржи до оптов. цены муки в потребл. районах	35	67	78	222
От загот. цены ржи до коопер. цены муки в уездн. гор. потребл. район.	55	94	114	207

III. Соотношение цен пшеницы и муки

(I сорт, красная)

Загот. цена пшеницы	97	122	106	109
Опт. цена муки в произв. район	214	401	372	174
„ „ „ „ потребл. „	245	423	403	164
Розничн. цена муки в губ. гор. потребл. район	265	471	463	175
Розничн. цена муки в уездн. гор. потребл. район	284	—	534	188
Розничн. цена муки в сел. пунктах потребл. район	—	—	263	—

[1] Приводимые здесь итоговые данные основаны на обширном материале, разработанном И. Н. Озеровым и Г. М. Пистраком.

IV. Нарастание цены в различных звеньях оборота

(Пшеница и мука красная I сорт)

От загот. цены зерна до опт. цены муки в произв. район	117	279	266	227
От загот. цены до опт. цены муки в потребл. район.	148	301	297	201
От загот. цены до розничн. цены муки в губ. город. потребл. полосы	168	349	357	213
От загот. цены до розничн. цены муки в уездн. город.	187	—	428	229
От загот. цены до розничн. цены муки в сельск. пунктах потребл. полосы	—	—	457	—

V. Соотношение цен овса

Заготов. цена в произв. район. . . .	64	78	66	103
Оптовая » » » » . . .	71	101	95	134
» » » потребл. » . . .	82	125	120	146
Уездн. » » » » . . .	87	130	141	162

VI. Нарастание цены овса

От загот. цены до опт. цены произв. районов	7	23	29	414
От загот. цены до опт. цены потреб. районов.	18	47	54	300
От загот. цены до уездн. цены потребл. районов	23	52	75	326

Из рассмотрения этих шести таблиц можно сделать нижеследующие выводы:

1) Разница между заготовительной ценой ржи и оптовой ценой ржаной обойной муки в потребляющих районах увеличилась против прошлого года на 11 коп. в пуде; а от оптовой цены до розничной кооперативной цены — на 9 коп., таким образом, разница между ценой производителя и потребителя выросла на 20 к. в пуде. По сопоставлении с довоенными соотношениями это дает индекс нарастания, равный 2,07.

2) Разница между заготовительной ценой пшеницы и розничной ценой пшеничной муки в губернских городах потребляющей полосы увеличилась на 8 коп. в пуде; наибольшее нарастание цены происходит в производящих районах (от заготовительной цены зерна до оптовой цены муки). Индекс нарастания до розничной цены муки в губернских городах равен 2,13, а в уездных городах — 2,29.

3) Овес дает наибольшие разрывы цены — увеличение разницы между ценой заготовителя и потребителя против прошлогодней на 23 коп. в пуде и индекс нарастания, равный 3,26.

Соответственно этому доля производителя в конечной цене продукта опустилась ниже не только довоенных норм, но и прошлого года.

Доля потребителя в конечной цене продукта (%%)

	1913 г.	1925/26 г. VII-IX	X-XII	I-III	IV-VI	1926/27 г. VII-IX	X-XII
Рожь (уездн. цена потребл. районов).	70	63	57	53	46	42	43
Ржан. мука обойная (цена уездн. гор. потребл. районов)	56	49	48	51	44	38	39
Пшеничная мука (губ. гор. потребл. районов)	37	26	26	24	22	21	23
Овес (уездн. цена потребл. районов)	74	52	60	61	50	39	47

Необходимо здесь же, прежде чем перейти к выяснению причин этих разрывов, обратить внимание на следующее обстоятельство: наибольшее нарастание цены наблюдается в производящих районах, т.-е. в той стадии хлебного оборота, где железнодорожные перевозки должны бы оказывать наименьшее влияние на цену хлеба; это нарастание на данной ступени хлебной торговли настолько велико, что индекс цен пшеничной муки в производящих районах выше индекса цен в потребляющей полосе. Отсюда можно установить, что не железнодорожные расходы по доставке готовой муки из мест производства в места потребления имеют решающее значение для уровня цен муки в последних. Аргументация повышенными тарифами, как причиной высоких продажных хлебных цен, не выдерживает критики еще и потому, что при исчисленных выше индексах нарастания цен, превышающих 2,00, тарифный индекс на перевозку хлеба на среднее расстояние 1000 верст равен (после всех повышений тарифа) для зерна 1,36 и для муки 1,47. При сильно дифференцированной тарифной системе этот индекс для среднего пробега в 1500 верст (в каковую величину, вероятно, и выльются в 1926/27 году перевозки для внутреннего снабжения) опускается до 1,30 (зерно) и 1,40 (мука). Причины разрыва цен имеют иное, гораздо более сложное происхождение. Их нужно искать и в экономике и в технике продвижения хлеба от производителя к потребителю.

На влиянии экономических факторов, т.-е. на географии урожая, распределении хлебных ресурсов, их использовании, путях продвижения хлеба и хлебных потоках, мы и остановимся в последующем изложении, имея в виду, что эта сторона хлебной торговли менее всего освещена, что разрешение вытекающих отсюда задач представляется наиболее сложным.

II

Географию урожая 1926 года, вопреки довольно распространенному среди оперативных работников мнению, надлежит признать во всех отношениях чрезвычайно благоприятной. Особенности урожая 1926 года заключаются прежде всего в его равномерности: на протяжении всех производящих местностей Союза не имеется сколько-нибудь значительного района с урожаем ниже среднего.

Это бесспорный плюс. В районах, менее всего оправившихся от последствий неурожаев 1921 и 1924 гг., с наиболее подорванным сельским хозяйством — в Центрально-Земледельческой области и в Волжско-Камском районе — мы имеем повышенный сбор.[1] В этом громадное положительное народнохозяйственное значение урожая настоящего года.

Отрицательная оценка географии урожая с точки зрения заготовок, снабжения и экспорта обычно построена на пониженном сборе хлебов в южных районах, удобных для экспорта, и на высоком сборе в восточных районах (Урал, Сибирь, Казакстан), где материальная база хлебной торговли наименее оборудована (складские помещения, железнодорожные пути). Последнее обстоятельство не подлежит оспариванию: техника заготовки и вывоза хлеба на востоке сложнее, чем в других районах. Но эти трудности нельзя переоценивать. Прежде всего громадным положительным фактором является сосредоточие в этом году больших хлебных излишков в Центрально-Земледельческой и Волжской областях,[2] расположенных вблизи потребляющих губерний и центров, специально предназначенных для их питания; благодаря этому тяжесть внутреннего снабжения, еще в прошлом году лежавшая на Украине и Сев. Кавказе, должна была для этих районов значительно ослабеть. С другой стороны, нужно указать, что, при снижении хлебных излишков на Сев. Кавказе на 70 милл. пуд., почти половина этого снижения компенсирована увеличением товарного хлеба на Украине.

Таким образом, при общем уменьшении количества хлебных излишков в главных экспортных районах на 35 милл. пуд., мы имели увеличение излишков на 180 милл. пуд. в центре и на Волге, т.-е. в районах, наиболее удобных для внутреннего снабжения. Восточные районы против прошлого года дали добавочный резерв в 97 милл. пуд.

Мы утверждаем, что обрисованное размещение хлебных излишков представляло собою чрезвычайно благоприятную комбинацию с точки зрения условий снабжения внутреннего рынка и экспорта. Но, само собою разумеется, для этого нужно было отчетливо поставить задачу целесообразного использования хлебных фондов. Стратагемма, вытекавшая из конфигурации урожая 1926 года, должна была сводиться к максимальному использованию южных районов, для экспорта, к немедленному, после появления хлеба в центральных и волжских губерниях, прекращению вывоза хлеба из южных

[1] Подесятинные сборы в 1926 г. выразились в следующих цифрах: в Центр.-Землед. области 53,3 пуда против 46,1 в 1925 году, в Волжско-Камском районе—47,8 против 35,7 и в Волго-Башкирском — 52,7 пуд. против 38,7, при значительном увеличении посевной площади в этих районах.

[2] Чистое сальдо села (за вычетом деревенского накопления) увеличилось по сравнению с прошлым годом в Ц.-Землед. области с 20 милл. пуд. до 71 милл., в Волго-Башкирском районе с 52 до 161 милл. пуд., а в Волжско-Камском составило 23 милл. пуд. вместо недостатка в 12 милл. пуд.

районов на север для внутреннего снабжения. Поскольку мы вступили в новую кампанию с недостаточными запасами хлеба в потребляющей полосе, надлежало поставить задачу снабжать ее из южных экспортных районов в первые месяцы лишь в меру текущей потребности, с тем, чтобы накопление запасов производить из волжских и восточных губерний. Эта диспозиция обеспечила бы эффективность экспорта в осенние, наиболее выгодные месяцы и прохождение хлебных грузов по наикратчайшим расстояниям. Составной ее частью являлось ограничение в известной мере нагрузки мукомольной промышленности в экспортных районах и наибольшая нагрузка мельниц центральных и волжских губерний и потребляющей полосы. При иной постановке вопроса становилось ясным, что излишне вывезенный из южных районов в центр хлеб придется впоследствии направлять для экспорта с Волги и из Сибири, т.-е. из районов, в первую очередь предназначенных для внутреннего снабжения.

Выполнение этой стратагеммы требовало отчетливой и согласованной работы всех хлеботоргующих и регулирующих органов, основанной на учете движения запасов в потребляющих губерниях и хода заготовок, на максимальной гибкости в маневрировании хлебными фондами, на равномерном и плавном насыщении хлебом потребляющих районов.

К сожалению, надо признать, что этот маневр не был поставлен достаточно отчетливо и еще менее удачно выполнен.

Очень много писалось и говорилось о запоздании сбора урожая, как о факторе, поставившем хлебное снабжение в исключительно тяжелое положение в первые месяцы кампании и обусловившем необходимость строить в эти месяцы все снабжение на южных районах. Внимательное рассмотрение данных о заготовках, запасах и снабжении за истекшее полугодие (1 июля — 31 декабря) показывает, что этот фактор ни в какой мере переоценивать нельзя.

Мы вступили в новую кампанию с видимыми запасами хлеба, большими, чем во все предыдущие годы, за исключением 1923 г., когда и не возникало вопроса об оголении внутреннего рынка.

Все видимые запасы на 1 июля в зерновых единицах
(В милл. пуд.)

1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
135,0	85,0	91, 0	123,0

Нужно, правда, указать на то, что качество запасов 1926 г. отличалось от предшествовавшего года: процент фуража и крупяных был много выше, но и с этой поправкой количество продовольственных хлебов было несколько больше.

Видимые запасы продовольственных хлебов на складах
(В тыс. пуд.)

	По всему Союзу	В потребляющей полосе
1 июля 1925 г.	39.830	14.044
1 июля 1926 г.	42.710	15.700

Эти запасы как в количественном отношении, так и в смысле территориального их распределения (неравномерность по губерниям), надо все же признать недостаточными.

Заготовка зерновых хлебов в I квартале (июль—сентябрь) дала в 1926 году около 148 милл. пуд. против 133 милл. пуд.[1] в 1925 г., т.-е. на 15 милл. пуд. больше; отгружено на экспорт в I квартале этого года на 15 милл. пуд. меньше, таким образом, излишек для снабжения внутреннего рынка составляет 30 милл. пуд.

Баланс основных заготовителей в I квартале по основным хлебам представляется в следующем виде (тыс. пуд.):

	Рожь		Пшеница	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
Заготовлено	31.356,3 [2]	28.590,7	57.486,2	93.271,4
Отгружено на экспорт . . .	9.156,1	5.368,0	17.970,6	15.585,5
Сальдо	22.200,2	23.222,7	39.515,6	77.685,9

Особенно важным представляется установить движение заготовок в I квартале по районам: в первые два месяца, действительно, подавляющая масса хлеба была заготовлена в основных экспортных районах (Крым, Сев. Кавказ, Украина), которые дали: в июле 76% всего хлеба (против 45% в 1925 г.) и в августе 87% (против 74%); но уже в сентябре доля этих районов снизилась до 70,5% (против 71,5%). Если в августе производящая полоса (Центр. область и Волга) еще отставала от прошлого года (9% вместо 19,5%), то в сентябре она уже обогнала его и абсолютно и относительно (24 милл. пуд., или 25,7%, против 18,5 милл. пуд., или 21%). Более того, начиная с III декады августа и на протяжении всего сентября Центр. область и Волга показывали постепенное неуклонное нарастание заготовок. Эти данные позволяют с несомненностью утверждать, что уже со второй половины сентября внутреннее снабжение надлежало строить исключительно на заготовках производящей полосы, пресекая вывоз зерна с Сев. Кавказа и Украины на мельницы Центрального и Северного районов.

Наличие видимых запасов на 1 октября и ход заготовок во II квартале (октябрь—декабрь) указывают на то, что с октября месяца проблема снабжения внутреннего рынка из южных районов во всяком случае перестала существовать. Уже на 1 сентября все видимые запасы достигли 116 милл. пуд. и превысили наличие всех прежних лет (105 милл. пуд. в 1923 году и 104 милл. пуд. в 1925 г.). На 1 октября запасы составили уже 186 милл. пуд. и превзошли 1923 и 1925 годы на 30 милл. пуд. Дислокация запасов на 1 октября также была более благоприятной и указывала на сосредоточие значительных масс хлеба в потребляющей полосе и производящих районах Европейской части Союза.

[1] В 1925 году было заготовлено 113 м. п., но в том числе выдано озимой ссуды 10 м. п., каковое количество для последующих сопоставлений надо исключить.

[2] В 1925 г. было заготовлено ржи 41,3 м. п., из каковой исключено 10 м. п. семссуды.

амплитуда колебаний урожая составляла 45%, экспорта — 117%, а средних пробегов — всего 20%; последние, таким образом, представляли собою в общем довольно устойчивую величину.

В послевоенное время ж.-д. пробеги претерпели значительные изменения.

Средняя длина пробегов хлеба (километры)

	1913	1923/24	1924/25	1925/26	Октябрь 1925	Октябрь 1926
Общий для всех хлебов	536	736	884	852	748	760
Рожа	550	848	1072	917	817	802
Пшеница	473	627	893	895	766	710
Овес и ячмень .	445	637	855	662	505	501
Мука всякая . .	710	796	789	910	849	915
Прочие хлеба . .	465	665	815	817	748	830

Таким образом, уже в 1923/24 году средняя длина пробега хлеба выросла почти на 40%. В 1924/25 году наблюдаем дальнейший рост (65%), отчасти об'ясняемый неурожаем в центре и на юге и тем, что доля Сибири и Урала в снабжении рынка сильно выросла. В 1925/26 году имеется небольшое снижение (до 59%), однако, ни в какой мере не отвечающее изменению географии урожая и сосредоточию основных хлебных масс в южных районах. Октябрь 1926 года дает вновь ухудшение в сравнении с тем же месяцем прошлого года, хотя в октябре хлеб отдаленных районов еще не поступил на колеса; можно заранее сказать, что 1926/27 год даст резкий скачок вверх и рекордные цифры длины железнодорожных пробегов хлеба.

Если рассмотреть приведенные данные в отношении отдельных хлебов, то можно тут же прощупать, в каких стадиях хлебного оборота произошло ухудшение. Наименьший рост длины до этого года наблюдался в отношении муки; в октябре же 1926 года мука дает самый большой скачок (почти 8% увеличения против октября прошлого года) — это, без сомнения, есть отражение нецелесообразного развертывания мукомолья на Сев. Кавказе и усиленной гонки кавказской муки на север. Но хуже всего обстоит дело с рожью и пшеницей в зерне, пробег которых в прошлом году по сравнению с довоенным временем вырос на 67% и 89%. Поскольку значительные количества пшеницы в прошлом году экспортировались из южных районов на короткие расстояния, можно сделать единственный вывод о том, что главное увеличение падает на пробег зерна от места заготовки до мельниц.

Произведенное нами изучение концентрации зерна на крупнейших мельницах показывает, что здесь именно кроется одна из основных болезней нашего хлебного оборота. В довоенное время радиус концентрации зерна на мельницах в производящих районах определялся 2—3 железнодорожными перегонами, т.-е. расстоянием, не превышающим 100 верст.

По имеющимся данным за полгода среднее расстояние подвозки зерна к мельницам Хлебопродукта составляет: в Башреспублике —151 *км*, в Воронежской губернии —174 *км*, на С. Кавказе—196 *км* и на Украине —386 *км*. Эти цифры полностью отражают неправильную дислокацию ссыпных пунктов на Украине, где распределение ссыпок между заготовителями сопровождалось наибольшими трениями,— пробег увеличивается. Одно уменьшение радиуса концентрации на Украине до пределов, существующих в Башкирии, дало бы снижение цены муки на 8 коп. Рыбинская мельница, предназначенная для переработки волжского хлеба, подаваемого водой, концентрирует зерно с среднего расстояния в 1400 *км*, при чем основные массы пшеницы доставлены были с Сев. Кавказа. Тамбовская мельница Хлебоцентра снабжается рожью на 75% из Саратовской губернии и на 25% из Самарской, с средним пробегом в 910 *км*, находясь в гуще заготовок ржи, которая массами вывозилась отсюда для перемола в Москву и Ленинград. Таких примеров можно привести не мало. Каждый заготовитель стремится загрузить свою мельницу своим же зерном, не считаясь с условиями его перевозки и с тем, какое влияние это имеет на цену муки.

Отсюда и утверждения хлеботоргующих организаций, что современные цены ржаной муки для них убыточны.

На основании произведенного исследования, мы отрицаем это, но вместе с тем мы устанавливаем, что одна и та же цена может быть прибыльна и убыточна в зависимости от того, как концентрировано зерно на мельницы. Так, например, крупнейшая ленинградская мельница Хлебопродукта, ведущая счет каждой партии зерна, показывает, что при получении ржи из Сибири, Казакстана, Оренбургского района и Украины себестоимость муки колеблется от 1 р. 16 к. до 1 р. 50 к. пуд, при биржевой цене в Ленинграде 1р. 55 к.; таким образом, получается прибыль и от производства и от реализации. На ржи, полученной из Башреспублики, Татреспублики, Тульской, Орловской, Пензенской и Рязанской губерний, получается убыток, так как себестоимость муки возрастает до 1 р. 62 к.—1 р. 78 к. пуд. Одно только переименование указанных районов и губерний говорит за то, что так и должно быть: Ленинград является естественным рынком для восточного зерна, не перемалываемого на местных мельницах. Перемол же зерна из центральных губерний, располагающих своими мельницами, является экономически порочным. Но отсюда не следует, что цена муки должна строиться на основе явно нецелесообразной концентрации зерна. Вывод напрашивается совсем иной: хлеботоргующие организации, имея в своих руках все данные для определения выгодности концентрации зерна из тех или иных районов, должны устанавливать снабжение мельниц так, чтобы получать наиболее дешевую муку.

Этим, конечно, не исчерпываются причины увеличения дальности пробегов хлебных грузов по железным дорогам. Существенное

влияние на это оказывает недостаточное развитие водных перевозок: речная перевозка хлебных грузов в 1913 г. достигала 362 м. п., в 1923 г. перевезено всего 45 м. п.; в 1924 г.—53,5 м. п.; в 1925 г.—74 м. п. и в 1926 г.—74,7 м. п. Количество провозимых водою хлебных грузов не только ничтожно (20% довоенных), но рост этих перевозок, обозначившийся в первые годы нэпа, в 1926 году приостановился.

Сокращение речных перевозок несомненно влияет на железнодорожный хлебный грузооборот, но нельзя исключительно или преимущественно этим об'яснять рост средних пробегов. Независимо от установленных органических дефектов в снабжении мельниц сырьем, наблюдаются массовые случаи переадресовок зерна, а также нецелесообразного направления муки. Транзитные операции не получили достаточного развития: значительные количества хлеба направляются на распределительные базы (иногда неудачно расположенные) и отсюда распыляются по пунктам потребления с допущением излишних и встречных пробегов. Но помимо этого, установлены перевозки муки в явно нецелесообразных направлениях; так, например, западная полоса представляется естественным рынком сбыта для украинской муки; между тем, мы видим отправки муки в Смоленскую, Брянскую, Калужскую, Витебскую губернии и Белоруссию с Волги и Сев. Кавказа, тогда как украинская мука получила широкое распространение на севере; установлены даже отправки хлеба из одних производящих районов в другие (напр., из Украины на Волгу).

Произведенные Н. К. Мекком[1] подсчеты определяют лишний пробег хлеба в 1924/25 г. в 3,7 миллиардов тонно-километров, а в 1925/26 г. около 5 миллиардов. Переплата по тарифам этих лет выражается в 51 и 69 миллионов рублей, что дает около 10 коп. на пуд.

Но надо иметь в виду, что тяжесть перепробега ложится не на все хлеба равномерно; если внести на это соответствующую поправку, то переплата по главным продовольственным хлебам повышается до 12—13 коп. на пуд. Если внести дальнейшую поправку на увеличение тарифов, введенное с 1 ноября 1926 года, то переплата для 1926/27 года, исходя из прошлогодних средних расстояний перевозки хлеба, повысится до 15 коп. на пуд. Но поскольку средние пробеги в этом году увеличатся, эта цифра будет еще выше. В разнице между ценою производителя и потребителя имеется минимум лишний пятиалтынный накладных расходов, обусловленных нашим неумением маневрировать хлебными массами.

IV

Методы строения цен на различных ступенях хлебного оборота имеют существенное значение не только для конечной цены муки,

[1] „Плановое Хозяйство", 1927 г., № 1.

но влияют и на весь хлебный оборот, на пути движения хлеба. Перед тем, чтобы подойти к рассмотрению этого вопроса необходимо установить, какие факторы определяют современное строение и современный уровень хлебных цен.

Процесс обобществления хлебной торговли в этом году получил сильное развитие. Благодаря ряду мероприятий в области кредитной, арендной и транспортной политики роль частного капитала на хлебном рынке чрезвычайно ограничена. Частнику отведена сравнительно скромная доля в снабжении местных рынков производящих районов; в потребляющей же полосе его деятельность почти сведена на нет.

На основе данных о прохождении хлебных грузов через контрольные пункты Наркомторга[1] можно установить, что в августе — декабре 1925 г. доля централизованных органов в снабжении потребляющей полосы составляла 60%, а остальные 40% делились, примерно, поровну между местными организациями, не включенными в план заготовок, и частными лицами, с небольшими отклонениями в отдельные месяцы. В этом году доля основных заготовителей с 80% в первые месяцы кампании, постепенно возрастая, достигла 91,5% в декабре; участие местных органов с 10—12% в первые месяцы кампании упало в декабре до 8%, а частные грузы с 11% в августе, постепенно снижаясь, опустились в ноябре — декабре ниже 2%. Но особенно значительно то обстоятельство, что завоевание рынка основными заготовителями полностью распространилось на пшеничную муку, бывшую в прошлом году излюбленным предметом спекуляции частных лиц и местных организаций. Тогда как в прошлом году участие основных заготовителей в снабжении потребляющих рынков белой мукой достигало лишь 40% (лишь в декабре — до 50%) и одна треть всей белой муки завозилась частными лицами, в настоящем году доля первых поднялась с 70% в августе до 90% в декабре; мука частных лиц с 13,7% в августе опустилась в ноябре — декабре до 1,3%. Если, таким образом, в прошлом году высокие цены на пшеничную муку об'яснялись недостаточным охватом рынка основными хлеботоргующими организациями и спекуляцией частного капитала, то современные цены являются целиком продуктом политики государственных и кооперативных организаций и регулирующих органов.

Действительно, при обрисованном охвате рынка основными заготовителями, приближающем их к монопольному положению, цена перестает быть производной от спроса и предложения, она перестает быть рыночным фактором, а всецело определяется хлеботоргующими организациями на основе себестоимости заготовки и помола с прибавлением накладных расходов и прибыли. Решающее значение для всех процессов обращения хлеба имеет оптовая продажная цена в производящих районах; значение ее не ограничивается тем, что по ней неизбежно строятся оптовые цены в потребляющих районах, оно выходит за эти пределы. Оптовая цена в производящих районах может и должна оказывать влияние на уровень заготовительных цен в этих районах, способствуя устранению межрайонных разрывов этих цен. Независимо от сего она оказывает давление на пути продвижения хлеба к местам потребления.

[1] Если эти данные не дают абсолютно верных количественных выражений, то они полностью отражают динамику процессов, имеющих место в хлебной торговле.

Идеальное соотношение цен мыслимо в следующей схеме. Оптовые продажные цены каждого производящего района плюс железнодорожный фрахт равняются оптовой цене крупнейших потребляющих центров, или же в соотношение оптовых продажных цен различных производящих районов вносятся такие коррективы, которые содействовали бы большему направлению хлеба в потребляющую полосу из одних районов и, наоборот, ограничивали бы потоки хлеба для внутреннего снабжения — из других (экспортных) районов. Оптовая продажная цена, таким образом, становится крупнейшим рычагом экономического регулирования хлебных потоков. За небольшими отклонениями или в связи с особыми задачами, которые можно было бы себе ставить (регулирование хлебных потоков), оптовая продажная цена, как правило, должна равняться заготовительной цене плюс накладные расходы до момента погрузки в вагон (для зерна) или с прибавлением расходов по концентрации зерна на мельницы и по размолу (мука).

Сопоставление заготовительных и оптовых продажных цен в производящих и потребляющих районах показывает, что ничего похожего не существует. Оптовые цены зерна в производящих районах во многих случаях уже включают известную кон'юнктурную прибыль, а оптовые цены белой муки стоят на непомерно высоком уровне. Вся значительная кон'юнктурная прибыль на пшеничной муке отлагается в ее оптовой цене в производящих районах. Последняя настолько высока, что в ряде местностей (Сев. Кавказ и др.) существуют установленные местными органами две цены: одна пониженная—для местного снабжения и другая высокая — для вывоза за пределы района. Оптовые цены пшеничной муки в производящих районах настолько высоки, что они зачастую превышают себестоимость производства муки в потребляющих районах с расходами по доставке туда зерна.

Эта политика, совершенно нетерпимая с точки зрения чрезмерного торгового накопления, ведет к искусственной утечке хлеба из экспортных районов в центр и на север, к чрезмерному развертыванию мукомольного производства в этих райнах в ущерб экспорту. Непомерное выкачивание хлеба до января из Украины и Сев. Кавказа для внутреннего снабжения является не только следствием неудачных регулирующих мероприятий, оно полностью обусловлено неправильной политикой высоких продажных цен в производящих районах.

V

На уровень сбытовых хлебных цен большое влияние оказывают торговые расходы и прибыль товаропроводящей сети. Но мы условились вопросов техники продвижения хлеба в настоящей статье не касаться, как представляющих специальную большую тему. Рационализация самого торгового аппарата и методов его работы представляет, конечно, трудную задачу, но вполне доступную уже оттого, что из'яны в этой области хорошо известны, они часто бросаются в глаза, лечение болезни здесь можно производить постепенно, на отдельных участках товаропроводящей сети.

Рассмотренный же нами цикл вопросов, по сути дела определяющих современное положение экономики хлебной торговли, является гораздо более сложным, меньше изученным. В этом цикле — основная болезнь хлебного рынка. Лечение ее требует радикальных крупных экономических и организационных мероприятий.

Основной вывод, вытекающий из всего сказанного, сводится к тому, что мы не овладели процессом распределения заготовляемых хлебных масс. Наши слабости в этой области сказываются прежде всего в отсутствии плана, увязывающего весь хлебный оборот — заготовки, мукомолье, внутреннее снабжение и экспорт. О необходимости такого плана мы говорили еще в прошлом году; эта необходимость ныне подтверждена жизнью и событиями; отсутствие плана, как мы видим, повело к тяжелым последствиям. Однако, одна разработка сводного хлебного плана не разрешает вопроса. Для планирования прежде всего нужно знание сущего. Приведенные выше данные ни в какой мере не претендуют на исчерпывающее освещение вопроса; они намечают и определяют те секторы хлебной торговли, которые требуют дополнительного изучения и соответственной организации. Рационализации мукомольного производства и использования транспорта для хлебных перевозок в числе их принадлежит первое место. Мукомольная проблема требует немедленного разрешения в смысле полной загрузки крупных товарных мельниц, отборки и загрузки лучше оборудованных мелкотоварных мельниц, приведения мукомольного производства по отдельным районам в соответствие с экономически выгодным и целесообразным использованием хлеба, удешевления стоимости размола и такой организационной структуры, которая обеспечила бы концентрацию зерна на мельницы с ближайших расстояний.

Развитие речных хлебных перевозок является актуальнейшей проблемой ближайших лет. Обстоятельства, задерживающие рост речных перевозок, нам в общем известны; к ним относятся недостаток хлебных запасов внутри страны к концу сельскохозяйственного года, недостаток капиталов в хлебной торговле и невязки в тарифах на перевозку хлеба водой. Но нужно выяснить, какие из перечисленных факторов и в какой мере отрицательно влияют на водные перевозки, для принятия соответственных решений.

Тот же недостаток хлебных запасов в потребляющей полосе перед поступлением на рынок нового хлеба непосредственно влияет на переброски хлеба в начале кампании. Но надо от общих слов (о необходимости иметь запасы) перейти к конкретным подсчетам размеров запасов, их дислокации, сосредоточии в тех или иных звеньях торговой сети и т. д.

Все элементы плана, как-то запасы, заготовки, мукомолье, внутренние потребности и экспорт должны быть разработаны и увязаны порайонно.

Остается еще большой вопрос о политике регулирования хлебных цен. Методы регулирования должны находиться в соответствии с организационными формами хлебной торговли, с основными задачами, возлагаемыми на хлеботоргующие организации, с степенью охвата хлебного рынка государственными и кооперативными предприятиями.

Одни методы регулирования необходимы и хороши при наличии свободного рынка, когда на государственные и кооперативные органы возлагается по преимуществу задача воздействия на рыночные отношения, их нивеллировки, интервенции. Но эти же методы никуда не годятся при отсутствии свободного рынка, когда функции снабжения почти целиком ложатся на государственные и кооперативные органы, создавая для них почти монопольное положение, когда перестает существовать об'ект для интервенции. Между тем, именно в этом году, при вышеописанном почти монопольном положении основных заготовителей, методы регулирования цен остались те же, которые существовали в предыдущие годы при наличии свободного рынка.

Разрешение всех поставленных задач в области распределения хлебных масс и методов регулирования хлебных цен является основной проблемой подготовки и организации будущей хлебной кампании. К конкретной разработке и разрешению всех этих вопросов нужно приступить немедленно.

А. Леонтьев

К вопросу о природе хозяйства СССР

В современной экономической литературе теоретическому анализу советской экономики уделяется гораздо меньше внимания, чем это было бы необходимо. Практические задачи хозяйственного строительства целиком заполняют авансцену; обычно лишь в процессе споров и дискуссий вокруг вопросов хозяйственной практики выясняется полное отсутствие какой-либо теоретической концепции советского хозяйства у одних из экономистов и чрезвычайно разнородные и разнохарактерные теоретические представления на этот счет — у других. Тем более внимания заслуживает каждая попытка построения определенной теоретической системы взглядов по вопросу о природе современной экономики СССР и о характере действующих в ней закономерностей.

Именно такого рода попытку мы находим в последней работе проф. Л. Н. Юровского, помещенной в № 12 „Вестника Финансов" за 1926 г.[1] Эта статья, носящая заглавие „К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе", распадается на две составные части. Мы там находим, с одной стороны, попытку анализа хозяйственных затруднений текущего периода и намечения ряда мероприятий для их ликвидации, при чем в основу этой части работы автор кладет критику „Контрольных цифр" Госплана. С другой стороны, в статье проф. Юровского содержится изложение определенной системы воззрений на основной характер советского хозяйства и присущих ему экономических закономерностей. Мы с самого начала ограничиваем свою задачу рассмотрением лишь этой второй составной части работы проф. Юровского и вот почему. Во-первых, конкретно-практическая часть работы, в том числе и критические замечания по поводу „Контрольных цифр" Госплана, как в тех своих положениях, которые должны быть признаны спорными, так и в тех указаниях, которые не вызывают больших сомнений, особенной новизной или оригинальностью не отличается. Как автор упомянутой статьи, так и ряд других экономистов по поводу большинства затронутых в этой части работы вопросов высказывались уже неоднократно. Во-вторых, теоретические рассуждения

[1] Судя по газетному об'явлению, эта довольно обширная (около четырех печатных листов) статья должна появиться также отдельным изданием в „Финансовом Издательстве НКФ".

стемы хозяйства, то невольно закрадывается сомнение в том, возможно ли вообще когда-либо преодоление товарно-денежного строя, его замена планово-организованным хозяйством. На этот счет мы находим у автора следующее рассуждение:

„Плановый порядок, на наш взгляд, мыслим в полной своей законченности и с совершенным устранением из хозяйственной системы „закона ценности". Для того чтобы это могло быть сделано, необходимо, повидимому, осуществление одного, но в высшей степени важного условия: отказа от свободного потребления, т.-е. отказа от права потребителя выбирать продукты из ограниченного их запаса. Если потребителю ... предметы потребления будут предоставляться в определенных количествах в натуре, а не в виде определенной „суммы" с правом распоряжения частями этой суммы по собственному усмотрению, тогда „закон ценности" сможет окончательно исчезнуть" (стр. 16).

Такова в наиболее существенных чертах теоретическая характеристика советской экономической системы, которая содержится в работе проф. Юровского. Ее основной порок заключается в совершенно немарксистской трактовке проблемы. Необходимо тут же оговориться, что проф. Юровский нигде не берет на себя какого-либо обязательства по отношению к теоретической системе марксизма; насколько нам известно, он в своих работах нигде не называет себя сторонником или последователем Марксовой теории. Напротив, в некоторых из своих теоретических работ он явно занимает позицию, отнюдь не родственную учению Маркса. Вследствие этого, наше указание на немарксистский подход не может явиться для автора разбираемой работы сколько-нибудь существенным аргументом против правильности его теоретических построений. По тем же причинам это указание само по себе не может далее считаться ссылкой на непоследовательность автора. Тем не менее, мы считали нужным сделать это указание с самого начала, ибо мы считаем необходимым подвергнуть данную концепцию разбору и критике именно с марксистской точки зрения.

Автор исходит из чрезвычайно типичных для немарксистской экономической науки представлений о рынке, товаре, ценности и цене, иначе говоря — о товарном способе производства и его законах. Экономическая теория марксизма рассматривает товарное меновое хозяйство прежде всего, как исторически-определенный способ производства, при котором общественно-трудовая связь между разрозненными товаропроизводителями может осуществляться исключительно лишь в форме обмена их товаров. Отсюда значение рынка, как стихийного разума этого „бессуб'ектного" общественного хозяйства; отсюда роль закона ценности (уже без всяких кавычек) в качестве основного регулятора, основного закона равновесия при данном способе производства; отсюда функция цены, как внешней формы проявления закона ценности. В вопросе о том, что именно

следует считать товарным хозяйством, решающую роль для марксиста играет наличие или отсутствие основных глубинных признаков этого способа производства; неорганизованный, стихийный его характер, отсутствие сознательного управления и руководства общественным хозяйством. Напротив, внешняя форма проявления—существование меновых сделок и категории цены — сами по себе решающего значения иметь не могут.

Не всякий обмен является конституирующим признаком товарного хозяйства; обмен перьями на школьной скамье, обмен лошади на автомобиль между членами законченного социалистического общежития — эти примеры Гильфердинг совершенно справедливо приводит в качестве случаев обмена, отнюдь не могущих служить основным признаком товарного хозяйства и, вообще, расположенных вне рамок теоретической экономии, как науки о производственных отношениях товарно-капиталистического общества.

Совершенно иначе рассматриваются категории товарного хозяйства немарксистской, а тем паче антимарксистской экономической наукой. В качестве решающего момента здесь выступают явления, расположенные на поверхности экономической действительности. Меновая сделка анализируется как таковая, вне связи с той ролью и тем значением, которое она имеет в данной общественно-экономической формации. Асоциальный, индивидуалистический подход к явлениям обмена открывает простор психологическому об'яснению категории цены. Лежащая в основе цены специфически-производственная категория ценности либо вовсе исчезает (или попадает в более или менее жирные кавычки), либо перерождается в таком же индивидуалистически-психологическом стиле. Если марксизм вскрывает за той или иной внешней формой проявления основное содержание экономических законов, то немарксистская экономическая теория, напротив, ограничивает свой анализ формальной стороной дела. Концепция советской экономики, предложенная проф. Юровским, носит на себе все следы именно такого подхода к хозяйственным явлениям. Советское хозяйство является попросту товарным хозяйством, правда, его особой формой, но зато хозяйством товарным без всяких ограничений. Чем это доказывается? Прежде всего, существованием категории цены и, стало быть, процесса ценообразования. Далее, наличием рынка, понимаемого как совокупность меновых сделок.[1] Индивидуалистическая трактовка хозяйственных

[1] „Доказывая в дальнейшем, что „закон ценности" действует в условиях советской хозяйственной системы, мы будем поэтому иметь в виду не частное применение этого закона, а закономерности образования цен во всяких условиях товарного хозяйства" (стр. 15; курсив в первом случае принадлежит нам). В этой фразе, как и во многих других, достаточно ясно выступает то значение, которое вкладывает наш автор в понятие закона ценности. Закон ценности рассматривается им не как закон, управляющий производственным процессом при определенной форме хозяйства, а исключительно лишь как „закономерность образования цен".

проблем наиболее ярко обнаруживается в вопросе о плановом начале. Оказывается, для осуществления плановой организации хозяйства требуется не более и не менее, как переход от свободного выбора предметов потребления к пайковому снабжению и распределению этих предметов. Индивидуальное потребление и форма его организации — вот что выступает здесь в качестве исходного момента. В качестве принципиально главного и основного препятствия к преодолению товарного хозяйства выступает исключительно сохранение потребителями свободного выбора между теми или другими предметами потребления. Именно этим обстоятельством обусловливается сохранение цены, как индивидуально-психологической категории. Отсюда же вытекает сохранение „рынка" в качестве совокупности индивидуально-психологических актов обмена.

Совершенно иначе представляется дело с точки зрения экономического учения марксизма. Товарное хозяйство рассматривается, как способ производства, при котором общественное хозяйство расщеплено на самостоятельные атомы, благодаря разделению труда и частной собственности на средства производства. Именно отсюда—из неорганизованности производственного процесса в общественном масштабе—вытекает стихийный характер товарного хозяйства. Если представить себе гипотетический случай, когда весь производственный аппарат обобществлен, когда все производство ведется, стало-быть, обществом в целом, когда руководство производственным процессом целиком сосредоточено в руках соответствующих органов общества,—тогда сохранение свободы потребления ни в какой мере не послужило бы препятствием для всесторонней плановой организации общественного хозяйства. Более того, вполне организованное, законченное социалистическое хозяйство мыслится нам отнюдь не на подобие всеобщей казармы с пайковым распределением по принципу: „лопай, что дают". Подобная картина скорее соответствовала бы безвкусным клеветническим измышлениям противников коммунизма, начиная от реакционных писателей начала XIX века и кончая современным Каутским. Социалистическое общество, сосредоточивая в своих руках управление всем производственным аппаратом и производственным процессом, располагает достаточной возможностью обеспечить вполне планомерное ведение общественного хозяйства, не уничтожая в то же время и свободы индивидуального потребления. Было бы чрезмерно скучным делом повторять здесь все то, что говорилось социалистическими теоретиками в разное время для опровержения аргументов противников социализма насчет „тюрьмы" и „казармы". Это тем менее нужно, что ведь всякий статистик знает значение закона больших чисел; далее, каждому экономисту известно поразительное постоянство и закономерность изменений в массовом потреблении подавляющего большинства продуктов индивидуального потребления; наконец, не трудно сообразить, что в руках планомерно-организованного социалистического обще-

ства — хозяйства всегда остается достаточно способов, во-первых, оказать то или иное воздействие на процессы индивидуального потребления, на подобие тех воздействий, которые ныне осуществляются политикой цен, акцизов и т. п., и, во-вторых, обеспечить хозяйство при помощи создания необходимых резервных фондов от всяких потрясений на случай наступления таких изменений в индивидуальном потреблении, которые оказалось бы невозможным предвидеть в точности. Нечего и говорить, что осуществление подобных мероприятий означает не только сохранение той „свободы потребления", которая присуща товарно-капиталистическому хозяйству, в сущности, в довольно мизерабельной степени, но и обеспечение действительной и достаточной свободы потребления, достойной члена социалистического общежития.

Во всяком случае, ясно: если бы единственной причиной сохранения товарного хозяйства в современном СССР являлось сохранение свободы потребления, то полнейшая плановая организация советской экономики была бы налицо и мы оказались бы избавленными от необходимости критиковать построения проф. Юровского насчет неограниченного действия закона ценности в советской экономической системе. Как известно, в действительности положение, однако, иное. В советском хозяйстве сохранилось достаточно препятствий для установления законченного планового хозяйства, притом препятствий несравненно более серьезных, нежели свобода потребления. Если мы на вопросе о свободе потребления остановились достаточно подробно, то не потому, что эта проблема имеет сейчас сколько-нибудь актуальное значение, а лишь вследствие того, что данный пункт аргументации проф. Юровского представляется нам как нельзя более характерным для его индивидуалистически-потребительского подхода к анализу явлений переходной экономики.

В современных условиях советской экономики основным препятствием для всесторонней и законченной планомерно-сознательной организации народнохозяйственного целого является то обстоятельство, что не все хозяйство обобществлено, что на ряду с обобществленным сектором существует обширное частнохозяйственное окружение. Хозяйство СССР потому и является переходным хозяйством, что в нем заложены элементы будущего организованного и гармонического социалистического хозяйства в виде обобществленного сектора производственных отношений, а на ряду с этим сохраняется обширная область частнохозяйственных отношений, характеризующих прошлый хозяйственный строй с его господством экономической стихии, с его анархией и антагонизмом. Вокруг этого противоречия, представляющегося основным с экономической точки зрения, группируется ряд других противоречий.

Но если в современных условиях недостижима полная плановая организация всего народнохозяйственного организма, то это не значит, что в советской хозяйственной системе не имеет места борьба

плана со стихией, частичная замена и вытеснение экономической стихии — хозяйственным планированием. К этой проблеме проф. Юровский подходит чрезвычайно метафизически: плановый, мол, порядок мыслим лишь в полной своей законченности. Между тем, именно здесь происходит диалектический процесс перерождения хозяйственных отношений, процесс уничтожения одних и установления других методов хозяйственной организации общества; метафизический подход здесь должен неминуемо дать осечку.

Мы обычно говорим, что в советской экономике плановое начало ведет борьбу с экономической стихией, что рост плановости означает преодоление этой стихии. Правильное противопоставление, таким образом, гласит: план — стихия, плановое начало против стихийного начала. Проф. Юровский предпочитает противопоставлять план — рынку, заявляя неоднократно, что плановое начало не несет с собой преодоления рынка, а означает лишь его регулирование. Этим создается минутная неясность. Ведь в понятие рынка включаются две стороны дела, которые как раз в данном случае надлежит с особой четкостью различать. Это, с одной стороны, рыночная форма производственных отношений: форма обмена, товара, цены. С другой стороны, в понятие рынка мы обычно включаем представление о стихийном содержании определенного общественно-производственного строя. Своеобразие переходной экономики заключается именно в том, что здесь во многих отношениях имеет место отделение формы от содержания, более того — заполнение старой формы принципиально иным, новым содержанием. Плановое начало не означает преодоления рынка, понимаемого, как рыночно-меновая форма; но то же плановое начало означает преодоление содержания рынка, его стихийной души, его бессознательно-слепой сущности, его неограниченной власти и безличного деспотизма. Ведь регулирование рынка это и есть, в сущности, борьба против стихии рынка, преодоление этой стихии. Стихия и регулирование — в такой же мере смертельные враги, как начала бессознательное и сознательное. Регулирование рынка в наших условиях это и есть заполнение старой рыночной формы новым, планово-сознательным содержанием. Отсюда ясно, насколько ошибочно голое противопоставление преодоления рынка — регулированию рынка. У самого автора иногда прорываются замечания, разоблачающие всю искусственность его построений. Так, он пишет:

„Плановое хозяйство современной советской хозяйственной системы проводится в обстановке рынка и присущих рынку закономерностей. Оно может в очень широких пределах властвовать над рынком, т.-е. проводить на рынке и через рынок свои задания. Но это не значит проводить их мимо рынка, не считаясь с тем, какова будет реакция со стороны рынка и каковы будут ценностные последствия хозяйственного плана".[1]

[1] Стр. 21; подчеркнуто нами.

В сущности, чем отличается „власть над рынком", да еще „в очень широких пределах", от „преодоления рынка", против которого автор возражает? Ведь то обстоятельство, что приходится считаться с тем, „какова будет реакция со стороны рынка", нисколько не меняет дела: всегда приходится считаться с возможной реакцией враждебного начала, которое приходится „преодолевать". Само по себе „преодоление" от этого, однако, не исчезает.

Тот же основной недостаток — неотделение формы от содержания и вследствие этого исключительно формальный подход — характеризует рассуждения проф. Юровского по центральному пункту его концепции — по вопросу о законе ценности в советском хозяйстве. Содержание закона ценности заключается в том, что в определенной исторически-преходящей общественно-экономической структуре он является единственным регулятором производства, единственным законом равновесия в общественном хозяйстве, притом регулятором такого типа, который действует апостериори, стихийным путем, на подобие законов внешней природы.

Внешняя же форма проявления закона ценности заключается в выявлении цены товара; закон ценности находит свое выражение в движении товарных цен; свои приказы товаропроизводящему хозяйству он также отдает в форме тех или иных изменений в соотношениях рыночных цен.

В сложной и противоречивой обстановке переходного хозяйства внешняя категория рыночной цены одновременно служит формой выражения и проявления двух диаметрально-противоположных и враждебных друг другу начал: с одной стороны, стихийного закона ценности, сохраняющего в значительной степени свое господство в области частнохозяйственных отношений, и, с другой стороны — сознательной плановой организации производственного процесса, характеризующей в большей или меньшей степени область обобществленного хозяйства. Одна и та же форма — и совершенно различное содержание. Это коренное различие в содержании проф. Юровский оставляет в стороне, как момент второстепенного порядка. На первый же план он выдвигает формальный момент — наличие категории цены. Равновесие в советском хозяйстве устанавливается в форме определенного равновесия рыночных цен; планы обобществленного хозяйства имеют дело с целым рядом ценностных категорий; окончательное изгнание формы цены невозможно даже при наиболее суверенных маневрах государства, управляющего обобществленным сектором хозяйства. Все эти обстоятельства чисто внешнего, формального порядка проф. Юровский считает достаточными, чтобы выставить тезис, что закон ценности действует в советской экономике в такой же степени, как и вообще в товарном хозяйстве, одной из форм которого, по его мнению, советская экономика и является.

Марксистская экономическая теория рассматривает закон ценности как определенный присущий товаропроизводящему обществу метод установления хозяйственного равновесия, как метод распределения производительных сил и установления определенных пропорций в производственном процессе, как метод достижения соответствия между производством и потреблением. Задача установления всех этих соотношений и пропорций одинаково важна и насущна для всякого общественного хозяйства, независимо от его экономической структуры. Различные экономические формы разнятся, однако, одна от другой тем способом установления соответствующих пропорций и соотношений в области хозяйственного процесса, который им присущ. Товаропроизводящему хозяйству присущ метод стихийного, апостериорного, принудительно-бессознательного установления хозяйственных пропорций. Этот специфический способ установления пропорций и хозяйственного равновесия мы называем законом ценности, а отнюдь не самую необходимость и неизбежность подобного равновесия. Частичное отмирание закона ценности в условиях переходного хозяйства, частичное его преодоление и вытеснение иным, сознательным началом заключается не в освобождении хозяйства от необходимости соблюдения определенных пропорций, а в том, что прежний стихийно-действующий метод установления и сохранения этих соотношений в той или иной степени вытесняется и заменяется сознательным методом, методом предвидения, способом непосредственного управления процессами хозяйственной жизни в той или иной их части и области.

Значение этого сознательного способа регулирования всего хозяйственного процесса не следует, быть может, переоценивать в современных условиях советского хозяйственного строительства. Но еще более недопустимо попросту отрицать самое его существование, как это делает проф. Юровский.

„Та система законченного планового хозяйства, — говорит он, — которая логически противостоит системе товарного хозяйства, хотя и может зарождаться в недрах ныне существующей товарно-социалистической системы, но от нее глубоко и принципиально отлична и отлична не тем, что в существующей системе действуют два регулятора, один от прошлого, другой от будущего, а в той будет действовать только один регулятор — будущий — это было бы уж очень просто, — а отлична тем, что в ней (в завершенной плановой системе) будет действовать такой регулятор, который ныне вовсе не действует" (стр. 17; последний курсив наш).

Нельзя не отметить некоторого противоречия между началом и концом этой фразы. В самом деле, каким образом собственно „система законченного планового хозяйства" „может зарождаться в недрах ныне существующей товарно-социалистической системы", ежели тот регулятор, который характеризует первую систему, „вовсе не действует" во второй системе? Нет сомнения, что „зарождение

в недрах" приобретает при подобных обстоятельствах некий мистический оттенок. Нас интересует в данной связи, впрочем, не это. Мы обращаем внимание на категорическое и достаточно ясное утверждение автора, что „ныне вовсе не действует" „такой регулятор", который характерен для „завершенной плановой системы". Это утверждение есть не что иное, как отрицание переходного характера советской экономики, по крайней мере, в одном важнейшем и существеннейшем отношении — в отношении регулятора хозяйственного процесса.

Под законом ценности мы понимаем, как уже отмечалось выше, не самый факт соблюдения равновесия в хозяйстве вообще, а лишь определенный способ осуществления этого равновесия. Переходная экономика характеризуется именно постепенным вытеснением прежнего стихийного способа новым, сознательным методом. Это коренное различие странным образом остается вне поля зрения проф. Юровского. В доказательство своего основного положения он, между прочим, пишет: „Для товарно-социалистической системы остается обязательным равновесие между спросом и предложением на рынке и соответствующее образование или установление цен; соответствие цен издержкам производства" (стр. 17).

Это утверждение характеризуется чрезвычайно формальным, чтобы не сказать поверхностным, подходом к особенностям переходной экономики. Что касается второго пункта, то автор сам указывает далее на целый ряд конкретных случаев, когда сознательное регулирование цен со стороны советского государства приводит к весьма широкой эмансипации реального уровня цены от высоты издержек производства. Поскольку автоматическая зависимость цены от издержек производства, таким образом, исчезает, замечание автора может быть понято лишь в том смысле, что в общем и целом государство в своей политике цен должно считаться с уровнем издержек производства. С этим положением нельзя не согласиться, оно ни в какой мере, однако, не может послужить доказательством действия закона ценности в качестве единственного регулятора в советском хозяйстве. Для этого следовало бы доказать иное, а именно, что через колебания цен вокруг издержек производства рыночная стихия отдает свои приказы всем отраслям советского хозяйства и что эти приказы являются единственным регулирующим началом в нашей хозяйственной системе. Еще более характерен, однако, первый пункт, указание на равновесие между спросом и предложением на рынке и соответствующее образование цен. Ведь прежде чем создается равновесие между спросом и предложением на рынке, должно существовать определенное равновесие в области производства. Равновесие на рынке является, в сущности, лишь отображением, функцией равновесия в производственном процессе. В самом деле, чем определяется предложение товаров на рынке, как не теми или иными пропорциями, существующими в области производства; решающее влияние производственных условий и отношений на рыночный спрос также не подлежит никакому сомнению.

Таким образом, необходимость сохранения равновесия на рынке сама по себе нисколько не свидетельствует о действии закона ценности: равновесие на рынке служит функцией равновесия в производстве, и только. Если имелось в виду обосновать тезис о неограниченном действии закона ценности в советском хозяйства, следовало доказать другое, а именно, что равновесие в производственном процессе может в наших условиях устанавливаться, как в любом товарном хозяйстве, исключительно путем игры спроса и предложения на рынке, что равновесие в производстве является не только причиной и основой изменения рыночных соотношений, но, в свою очередь, является также и функцией этих изменений. Если бы между производством и рынком в наших условиях существовала такая двусторонняя связь, тогда товарный характер нашей экономики был бы без дальнейшего ясен. Автор сам чувствует, однако, что дело обстоит не совсем так: он упоминает, между прочим, о „соответствующем образовании и установлении цен". В товарном хозяйстве „соответствие" являет собою обратную картину. Там то или иное „образование цен" является предпосылкой того или иного равновесия на рынке. Образование цен на основе действия закона ценности диктует определенные пропорции производству; равновесие в производстве является функцией того или иного движения рыночных цен. Короче говоря, в товарном хозяйстве равновесие в производстве „соответствует" „образованию цен", между тем как в нашей экономике, как совершенно справедливо указывает автор мы имеем во многих отношениях такое положение, когда „образование или установление цен" должно „соответствовать" определенным соотношениям в производстве, устанавливаемым в целом ряде случаев сознательным, априорным по отношению к действию рыночного фактора путем.

Такая цена, которая сознательно устанавливается в соответствии с определенными пропорциями в производстве и под углом зрения сохранения равновесия на рынке, уже не является категорией, вполне идентичной классической „вольной цене", которую знает рынок, как властелин производственного процесса. Она также не является ценой „указной", под которой обычно понимают всякого рода опыты и попытки воздействия на процесс ценообразования на рынке, без предварительного внесения организованности и планово-сознательного начала в производственный процесс и создающиеся в нем соотношения. Такую цену, поскольку она скрывает под старой формой цены уже некоторый зародыш нового содержания, можно было бы назвать регулируемой ценой, поскольку в ее основе лежит сознательное регулирование производственного

процесса с последующим приспособлением цены к устанавливаемым в этом процессе пропорциями отношениям.

В одном лишь случае проф. Юровский довольно близко подходит к действительно коренному различию между советской экономикой и товарным хозяйством обычного типа, к тому различию, которое существует между апостериорно-стихийным осуществлением хозяйственного равновесия при помощи закона ценности и подчиненного ему управляемого им аппарата рыночных цен, с одной стороны, и тем сознательно-плановом установлением хозяйственных пропорций, которое имеет место в целом ряде случаев в советской хозяйственной системе — с другой стороны. „Имеется одно существенное отличие между методами регулирования в условиях советской хозяйственной системы и в капиталистических странах" (стр. 19).

Автор к этому отличию подходит с тем, однако, чтобы тотчас же отойти. „Регулирование проводится не путем нажима на основной стимул капиталистической системы — прибыль, а путем непосредственного предложения соответствующим государственным, а иногда и кооперативным предприятиям осуществить те хозяйственные действия, которые предусмотрены планом и признаны государством целесообразными" (стр. 19 – 20).

Автор, далее, совершенно справедливо указывает на своеобразие советского хозяйства, обусловливающее возможность иных методов регулирования, чем обычные для товарно-капиталистического хозяйства мероприятия.

„Суть дела заключается в том, что концентрация средств производства в руках одного распорядителя[1] заставляет или позволяет проводить в качестве внутрихозяйственных такие операции, которые иначе проходили бы в качестве межхозяйственных, т.-е. рыночных...

...Можно утверждать, что, вследствие значительности сосредоточенных в руках государства материальных ресурсов и крупных размеров советских хозяйственных организаций, многие действия, которые имеют место в системах, менее централизованных, между хозяйствами, протекают здесь внутри отдельного хозяйства, т.-е. становятся делом административного распоряжения, а не рыночной сделки, и что в связи с этим действуют и своеобразные методы регулирования народного хозяйства" (стр. 20).

Несмотря на то, что автор в других местах соглашается, что „такого регулирования в советской экономической системе несравненно больше, чем в капиталистическом хозяйстве, и различие здесь не количественное, а качественное",[2] он здесь частично сбивается именно на количественную трактовку этого различия, и постольку он не прав. Дело, разумеется, отнюдь не в „крупных

[1] Напечатано, повидимому, по ошибке: „распределителя".

[2] Стр. 19; курсив наш.

размерах советских хозяйственных организаций, взятых в отдельности"; нет сомнения, напр., что „размеры" американского стального или нефтяного трестов „крупнее" размеров советских Металлосиндиката и Нефтесиндиката. Зато автор весьма близко подходит к истинному положению вещей, когда он замечает, что в советской хозяйственной системе прежние межхозяйственные отношения в определенной области перерождаются в отношения внутрихозяйственные. Что это значит? Это означает, прежде всего, что в пределах обобществленного сектора мы имеем дело, в сущности, с единым хозяйством, имеющим в качестве своего суб'екта пролетарское государство. Наличие определенного суб'екта хозяйства обусловливает возможность „административных распоряжений", заменяющих, по признанию проф. Юровского, стихийные веления рынка. А из признания фактического единства системы обобществленного хозяйства, формально раздробленного на автономные хозяйственные единицы, с необходимой последовательностью должно вытекать признание большего своеобразия тех ценностных категорий, которые облекают хозяйственные отношения внутри этой системы. Как уже указывалось выше, специфический характер этих категорий заключается в том, что они сохраняют в значительной мере свое формальное значение, наполняясь принципиально новым содержанием. Этого перерождения ценностной формы проф. Юровский не замечает, как не замечает он и того, что в лице системы обобществленного хозяйства мы имеем дело с зародышем „общества — хозяйства", выражаясь той терминологией, которой пользуется наш автор. Тот „зародыш" законченного планового хозяйства, который был ранее обнаружен автором „в недрах товарно-социалистической системы", а вскоре затем безнадежно потерян при попытке доказать, что в этой системе „вовсе не действует" тот регулятор, который свойственен плановоорганизованному хозяйству,—этот зародыш здесь вторично появляется и дает о себе знать.

Но и здесь проф. Юровский расправляется с ним довольно бессердечно, не питая, видимо, никакой жалости к хрупкому организму эмбриона.

„Но и административные распоряжения становятся бесхозяйственными, если они проводятся без учета тех ценностных соотношений, которые складываются на рынке, а рынок, во всяком случае, сохраняется в качестве критерия и регулятора пока на нем реализуются все предметы потребления, ибо всякий продукт в конце концов переходит в предметы потребления и ради этого производится. Не говоря уже о том, что рынок у нас сохраняется еще и потому, что за пределами государственного сектора остаются миллионы хозяйств и что даже устранение рыночных связей государственных предприятий между собой едва ли может пойти далеко в рамках товарно-социалистического хозяйства" (стр. 20).

В этом отрывке сконцентрированы все методологические дефекты, на которых мы уже останавливались выше. Сомнение насчет „устранения рыночных связей госпредприятий между собой" грешит тем же смешением рыночной формы и содержания, которое мы наблюдаем выше. Совершенно справедливое указание на миллионы хозяйств, остающиеся за пределами государственного сектора, приводится в доказательство неограниченного действия рыночных законов. Наконец, в качестве ultima ratio выступает свободная рыночная реализация предметов потребления, при чем на помощь привлекается более чем избитый довод насчет того, что „всякий продукт в конце концов переходит в предметы потребления".

Разобрав аргументы проф. Юровского, воспринимающего советскую экономику, как одну из разновидностей товарного хозяйства, единственным регулятором которого является закон ценности, мы можем констатировать полную неудачу этой его попытки доказать недоказуемое. Положительная концепция проф. Юровского должна быть, таким образом, признана ошибочной. Гораздо удачнее критические замечания автора по поводу теоретических построений тов. Е. Преображенского, взятых им в качестве исходного момента для формулировки своей собственной концепции. Проф. Юровский с достаточной ясностью раскрывает один из основных дефектов теоретической системы тов. Преображенского, заключающийся в незаконном противопоставлении двух начал — „закона ценности" и „закона первоначального социалистического накопления",— фактически расположенных в различных плоскостях.[1] Впрочем, на этот дефект было обращено внимание еще при обсуждении доклада тов. Преображенского в Коммунистической Академии.[2]

Совершенно справедливо проф. Юровский обращает внимание на некоторые формулировки тов. Преображенского, касающиеся модификации закона ценности в условиях монополистического капитализма. Выражения вроде следующего: „этот закон (закон ценности) в достаточной степени подорван в самом буржуазном обществе благодаря мощному развитию монополистических тенденций современного капитализма" следует признать неудачными. Подобные формулировки могут повести к заключению, будто эпоха картельных цен означает известную эмансипацию от закона трудовой ценности, будто бы для этой эпохи теория Маркса „устарела". Именно такова точка зрения ряда современных германских экономистов, во главе с Эмилем Леде-

[1] „Закон ценности" и „закон первоначального социалистического накопления" формулируются как бы в различных плоскостях, и их также мало можно противопоставлять друг другу, как, например, „закон ценности" и „закон концентрации производства в капиталистическом хозяйстве" (стр. 15). „Первоначальное социалистическое накопление" действительно происходит. Но только оно не может быть противопоставлено „закону ценности" в том смысле, как одно регулирующее начало противопоставляется другому" (стр. 14).

[2] См. „Вестник Коммунистической Академии", № 15, стр. 159 и др.

рером. Вряд ли подобный вывод входил в расчеты и самого тов. Преображенского. Для каждого марксиста ясно и бесспорно, что действие закона ценности сохраняется в силе, пока существует неорганизованный, стихийный характер общественного производства. Поскольку современные „монополистические тенденции" не рассматриваются нами, как тенденции к созданию „организованного капитализма", постольку мы вправе говорить о серьезнейших модификациях в механизме действия закона ценности, подготовляющих технико-экономические условия для замены рыночной стихии плановым началом после пролетарской революции,—но отнюдь не об „ослаблении" закона ценности.

* * *

Выше мы отмечали, что идеи, в той или иной степени близкие концепции проф. Юровского, распространены значительно шире, чем можно было предполагать. Ограничимся приведением одного примера, достаточно характерного в этом отношении. В введении к недавно изданному сборнику своих статей и речей по вопросам хозяйственного строительства тов. И. Смилга посвящает несколько строк интересующему нас вопросу.

„Что означает принцип хозяйственного расчета?— говорит он.— На языке теоретической экономики это означало восстановление действия закона ценности с рядом ограничений, вытекающих из своеобразия хозяйства Советского Союза. Это утверждение встречает возражения со стороны ряда экономистов. Возражения эти сводятся обычно к тому, что закон ценности, грубо говоря, воспроизводит капитализм, а мы строим социализм. Второе возражение заключается в том, что закон ценности регулирует анархию капиталистического строя, а для планового хозяйства он не пригоден. Абстракция и схематизм мешают этим экономистам разобраться в этом вопросе".

И далее автор продолжает:

„Нельзя говорить об одновременном действии нескольких, взаимно-исключающих регулятивных законов, управляющих хозяйством Советского Союза. По мере роста социалистических элементов нашего хозяйства и в соответствии с процессом преодоления товарных отношений будет отмирать закон ценности. На данной же стадии развития этот закон подобен пулемету, который служит тому, к кому он обращен казенной частью. Попытка трактовать в плоскости, взаимно-исключающей вопрос о законе ценности и плане, является нечем иным, как возобновлением решенного жизнью спора о плане и рынке в условиях новой экономической политики".[1]

С одной мыслью, выраженной здесь, можно согласиться безусловно. Мы говорим о том месте, где автор отвергает концепцию

[1] И. Т. Смилга, „Восстановительный процесс", сборн. статей, изд. „План. Хоз.", М. 1926 г., стр. XV—XVI.

„одновременного действия нескольких, взаимно-исключающих регулятивных законов", поскольку автор здесь явным образом имеет в виду теорию тов. Преображенского о борьбе закона ценности с „законом первоначального социалистического накопления" (ибо никакого другого теоретического построения, основанного на борьбе „взаимно-исключающих регулятивных законов", в нашей экономической литературе не встречается). Все же остальное в этом рассуждении представляется в высшей степени спорным.

Прежде всего, не совсем понятно, какие могут быть „ограничения" в действии закона ценности, поскольку этот закон уподобляется „пулемету, который служит тому, к кому он обращен казенной частью"? Ведь ясно, что чем „неограниченнее" действует пулемет, тем более доволен тот, кому он служит. Далее, это рассуждение страдает теми же основными дефектами, с которыми мы встречались при разборе концепции проф. Юровского. План противопоставляется рынку вообще; различие между рыночным содержанием (экономической стихией) и рыночной формой исчезает. Далее, недифференцированное понятие рынка без дальнейшего приравнивается закону ценности. В чем заключается слабая сторона подобного подхода, мы уже видели выше.

* * *

Работа проф. Юровского имеет своей основной темой, как указывалось выше, проблему плана и равновесия в советском хозяйстве. Неправильные представления о природе советского хозяйства влекут за собою далеко недостаточный анализ этой проблемы. По мнению автора, планирование в современных условиях должно сводиться к выполнению двух задач. Это — „прежде всего необходимость исчисления тех ресурсов, которыми может располагать государственное хозяйство для своего расширения". Далее — в „качестве другой, не менее важной задачи стоит проблема такого построения строительных, производственных, внешнеторговых и прочих программ государственного хозяйства, при котором обеспечено было бы равновесие в нем самом и равновесие между ним и всем его окружением" (стр. 5).

Мы считаем, что этими двумя заданиями цели планирования не исчерпываются. Если бы планирование ограничивалось выполнением этих двух задач, его функция свелась бы исключительно к некоторому предвидению стихийного процесса развития, который ведь также ведет к тому, что 1) расширенное воспроизводство происходит в рамках имеющихся ресурсов и 2) при этом соблюдается известное равновесие. Но процесс хозяйственного планирования тем и отличается от простого предвидения и прогноза стихийно-происходящих процессов, что ему присущ момент целеполагания, момент до известной степени телеологический. Это вовсе не означает уничтожения причинной обусловленности хозяйственного развития в целом, ибо ведь и цели, которые ставит перед собою экономическая политика пролетарской диктатуры, детерминированы всем предыдущим ходом развития. Это лишь значит, что из нескольких возможных направлений хозяйственного развития выбирается сознательным путем одно какое-либо, между тем как при предоставлении этого выбора слепой хозяйственной стихии, весьма вероятно, оказалось бы „избранным" иное направление.

Задача планирования, если ее ограничить теми заданиями, которые намечены проф. Юровским, оказалась бы в значительной мере неопределенной; выражаясь фигурально, она оказалась бы подобной системе двух уравнений с несколькими неизвестными. Если мы хотим получить какое-либо однозначное решение, требуется сообщить дополнительные условия задачи, в данном случае — основные цели хозяйственной политики. Лишь при этом условии задача планирования приобретает определенность.

Автор сам отмечает, что равновесие, о котором идет речь, является подвижным, динамическим. Но если так, то совершенно недопустимо метафизическое представление о равновесии. Нельзя рассматривать состояние хозяйственного равновесия как нечто абсолютное. Скорее наоборот: наиболее характерная черта этого равновесия заключается в том, что оно проявляется лишь как определенная тенденция, которая устанавливается и каждый раз вновь нарушается. Ясно, что условия сохранения такого равновесия нисколько не исключают различных возможных решений задачи. Скажем конкретнее: поставьте задачу превращения нашей страны в аграрный Hinterland для передовых капиталистических стран. Выполнение этой задачи, связанное с уничтожением или захирением отечественной индустрии, развитием производства сельскохозяйственного сырья и развитием обмена этого сырья на готовые фабрикаты на внешнем рынке, — приведет в начале к известному нарушению равновесия, которое вскоре, однако, оказалось бы восстановленным, что называется, в полной мере. „Развитие государственного хозяйства в меру имеющихся ресурсов" могло бы тогда выразиться в мощном железнодорожном строительстве (для которого пришлось бы, как в колониях, материалы ввозить из-за границы), обращении крупных средств на кредитование сельского хозяйства и внешней торговли, накоплении больших запасов золота и введении золотого обращения и т. п. Мы не хотим, разумеется, сказать, что проф. Юровский обнаруживает какую-либо симпатию к подобному разрешению „проблемы плана и равновесия". Но следует отметить, что ограничение задач планирования вышеупомянутыми двумя моментами формально не исключает подобного разрешения проблемы.

С другой стороны, осуществляемая ныне линия индустриализации страны и социалистического хозяйственного строительства не означает постоянного сохранения абсолютного равновесия в хозяйстве, ибо такового в настоящее время и в природе не бывает, и оно мыслимо лишь при совершенно законченной социалистической и

плановой организации хозяйственной жизни. Линия индустриализации, как и противоположная линия, может вызывать известные временные нарушения равновесия то на одном, то на другом участке хозяйственного фронта, но дело в том, что в порядке этих нарушений и колебаний может осуществляться само равновесие, как определенная тенденция. Можно полагать, что линия индустриализации связана со значительно меньшими нарушениями равновесия, чем те потрясения, которые явились бы результатом линии аграризации. Можно (и должно), далее, считать, что та или иная часть нынешних хозяйственных затруднений и так называемых диспропорций отнюдь не является неизбежным спутником проводимой в настоящее время генеральной линии, что они, напротив, в определенной части являются следствиями допущенных ошибок и в качестве таковых подлежат устранению и излечению. Все это нисколько не меняет, однако, существа дела, которое сводится к тому, что задача достижения абсолютного равновесия совершенно нереальна и что само по себе условие сохранения равновесия еще ни в какой мере не определяет содержания планирования в современных условиях.

* * *

Неудача, постигающая не первого уже автора на путях теоретического анализа советской экономики, не является личной неудачей. Ее значение гораздо шире. Она показывает, что лишь один метод пригоден для об'яснения явлений той „беспокойной конкретности", которой является экономика переходного типа, и этот метод есть марксизм. Проф. Юровский, толкующий о „диктатуре пролетариата" и „товарно-социалистической системе", о пролетарском государстве и „законченном социализме" и в то же время не пользующийся единственным научным методом, способным об'яснить сложную действительность нашей эпохи, методом Маркса,— попадает в противоречие безысходное; неудача его аналитической попытки является расплатой за это противоречие.

Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина

М. Гольман

Монополистический капитализм в России к 1914 г. и строительство социализма в СССР [1]

1. К постановке вопроса

Теоретическая уверенность в том, что „мы имеем все необходимое и достаточное для построения социалистического общества" в СССР может быть подкреплена рассмотрением конкретных особенностей развития русского монополистического капитализма, „этой материальной подготовки социализма" (Ленин).

Каковы были эти особенности?

Первая особенность. В силу неравномерности развития отдельных частей как национального, так и мирового капитализма, экономическая система русского империализма (1904—1912) была „дочерней" по отношению к англо-французскому (подобно тому, как австрийский был „дочерним" по отношении к германскому, португальский к английскому, бельгийский к французскому). Поэтому русский „дочерний" империализм в качестве более слабого звена был включен в цепь мирового, главным образом, англо-французского империализма.

Вторая особенность. Несмотря на свою „дочерность" и некоторое недоразвитие одного из основных признаков (экспорт капитала), русский монополистический капитализм был относительно зрелым по степени охвата монополиями главнейших отраслей промышленности и банков.

Третья особенность. Развитие туземного накопления (вне промышленного) было на протяжении 15 лет (1896—1910) неравномерным и даже скачкообразным; в 1896—1900 гг. оно не превышало 500—550 милл. руб., а в 1907—1912, т.-е. по истечении 10—15 лет оно сразу достигло 1.500.000 милл. [2]

Четвертая особенность. Такое неравномерное развитие туземного накопления было решающей причиной того, что в 1900 году, [3] когда монополистический капитализм уже сформировался в главнейших

[1] Настоящая статья является несколько видоизмененной 27-й главой из находящейся в печати книги автора „Экономическая система русского империализма", очерк развития монополистического капитализма в России, предисловие С. Г. Струмилина, изд. „Прибой", 1927 г.

[2] Приведенные здесь цифры есть результаты сравнительного сопоставления данных по „Стат. Ежег." Шараго и по Мукосееву „Денежный рынок", 1914 г.

[3] Дата, указанная Лениным, т. XIII, стр. 333.

странах Западной Европы, а весь мир был поделен, русский капитализм еще не имел для самостоятельного сформирования финансового капитала достаточных внутренних ресурсов, необходимых русской банковской системе для сращения ее капиталов с капиталами высоко концентрированной промышленности, вступившей в ту пору в период затяжного кризиса. В силу этого, развитие русской промышленности по монополистическому пути шло по линии „сращения" ее капиталов с иностранным финансовым капиталом (финансовые „реорганизации"), овладевшим в течение последующих 5 - 7 лет (1904—1912) всей русской банковской системой и превратившим последнюю в свою „дочернюю" систему.

Пятая особенность. Иностранный финансовый капитал, овладев русской банковской системой, получил, таким образом, в свое распоряжение все ресурсы туземного накопления, которые в этот период (1907—1910) стали более, чем достаточными, в силу упомянутого выше неравномерного развития.[1]

Таким образом, „дочерность" русского империализма из следствия недостаточности внутренних ресурсов (туземного накопления в 1900 г.) превратилась (к 1910—1912) в причину овладения иностранным финансовым капиталом всем денежным рынком страны, в том числе и всем туземным накоплением, хотя последнее стало именно в эти годы совершенно достаточным для эмансипации русского капиталистического хозяйства, для самодовлеющей капиталистической индустриализации страны и автаркического развития русского монополистического капитализма.

Шестая особенность. Вопреки достаточности туземного накопления (1910—1912 гг.), вопреки сравнительной зрелости (к 1912 г.) русского монополистического капитализма (вторая особенность) для социальной революции и первых шагов к социализму налицо имелась его техническая отсталость в силу следующих причин:

а) Туземное накопление, достигнув значительных размеров, из возможного источника эмансипации народного хозяйства России превратилось в самом деле в дополнительный ресурс для еще большего подчинения его иностранному финансовому капиталу. В руках последнего туземное накопление было использовано для 1) вывоза платежей по займам и дивидендов (400—450 милл. руб. в год), 2) для развития всех отраслей промышленности, кроме производства средств производства. Искусственное консервирование иностранным финансовым капиталом застоя в этой отрасли создало и упрочило „дочернюю" зависимость русского империализма и, поощряя ввоз оборудования из-за границы в Россию, еще больше усилило эту зависимость.

[1] В данном случае причиной скачкообразности развития внепромышленного накопления было усиленное проникновение товарных отношений в сельское хозяйство с начала 900-х годов, в силу отмены в 1903 г. выкупных платежей, повышенных урожаев 1907 и 1908 годов, значительных государственных кредитов капиталистическому земледелию и Столыпинской аграрной реформы. Все это усилило темп развития сельского хозяйства и кустарно-ремесленной промышленности, что в результате и дало такой скачок в росте туземного внепромышленного накопления.

б) Однако, культивируемая таким образом техническая отсталость русского капитализма не могла бы долго продержаться, если бы сама природа загнивающего монополистического капитализма, до известной степени приостанавливающего технический прогресс, не оказала бы своего решающего, задерживающего влияния на рост капиталистической индустриализации России на повышенной технической основе.

в) Докапиталистическая „паутина", остававшаяся еще от феодального строя, тормозила капиталистическое развитие России.

Перечисленные основные особенности[1] скачкообразного и неравномерного развития как составных частей, так и всей экономической системы русского империализма в целом (как „дочернего"), представляет собою разные формы правлений марксо-ленинского закона неравномерного развития капитализма.

Постановка рассматриваемого в этой главе вопроса сводится, стало-быть, к тому, чтобы проанализировать все эти особенности не только как формы проявления закона неравномерного развития (в их тесной связи и взаимодействии),[2] но и как мировые и внутренние экономические предпосылки Октябрьской социальной революции[3] в России, обеспечившие, кроме того, „все необходимое и достаточное для построения социалистического общества" в странах Советского Союза в его нынешних границах.

2. „Дочерний характер" русского империализма и мировой характер Октябрьской революции

Неравномерность развития отдельных, национальных частей мирового капитализма усиливается в эпоху империализма. На это впервые указал Ленин: „Финансовый капитал и тресты, —

[1] В том числе и так называемая диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством в СССР, определяемая причинами, изложенными в шестой особенности (а).

[2] Бурный рост (см. выше) сельского хозяйства и кустарно-ремесленной промышленности с начала 900-х годов, усиливший неравномерность и скачкообразность внепромышленного туземного накопления, а с другой стороны, полузастойный характер развития промышленности, ее технический уровень, такого рода непропорциональность и неравномерность отдельных частей русского капитализма в свою очередь оказывали свое влияние на неравномерность развития русского империализма в системе мирового империалистического хозяйства.

[3] Тут важно отметить, конечно, и ряд других своеобразных, главным образом, нутренних социально-политических условий для пролетарской революции, например, соединение пролетарской революции с крестьянской войной.

говорил он, — не ослабляют, а усиливают различие между быстротой роста разных частей мирового хозяйства" (Собр. соч., т. XIII, стр. 312).

Этим об'ясняется тот общеизвестный факт, что С.-А. С. Ш., а в особенности Германия, а теперь Италия и Япония, вступившие на путь развития новейшего капитализма позже Англии и Франции, сумели в короткий срок, 15—20 лет, не только нагнать их, но и перегнать, и не только перегнать, но и выступить к 1900 г. в качестве могущественных претендентов на монопольное обладание главнейшими мировыми рынками и территориями, поделенными к тому времени между старыми капиталистическими странами. Русский капитализм вступил в монополистическую стадию своего развития значительно позже своих европейских собратьев, а именно после 1900 г. (точнее—между 1904—1912 гг.), когда весь мир был поделен между 2—3 коалиционными группами империалистических стран. Поэтому всякая страна, оказавшаяся к 1900 г. на более низкой ступени капиталистического развития, как Россия, должна была быть включена в сферу этого раздела в той или иной форме „переходной" экономической зависимости от стран с более высокой капиталистической структурой.

Такого рода зависимость Ленин называл „переходной"[1] потому, что экономическая зависимость такой страны вовсе не сопровождалась политической аннексией:

„Крупный финансовый капитал одной страны всегда сможет скупить конкурентов чужой, политически независимой страны и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая „аннексия" вполне осуществима и постоянно встречается".[2]

Такие „переходные" „дочерние" отношения в силу обострения борьбы между империалистическими странами на почве раздела и передела мира „становятся всеобщей системой, входят как часть в сумму отношений раздела мира и превращаются в звенья операций всемирного финансового капитала".[3]

Можно установить путем подсчетов (по русским и иностранным перво- и второисточникам)[4] цифровое выражение этой „переходной", „дочерней" зависимости капиталистической экономики России от английского, французского и германского империализма:

[1] Собр. соч., т. XIII, стр. 300 — 301.

[2] Ленин, т. XIII, стр. 355.

[3] Ленин, т. XIII, стр. 303. Современным примером „переходной" зависимости может служить „план Дауэса" для Германии, который не повлек за собой политической аннексии Германии.

[4] Вот они: В. Зив, „Иностр. капиталы в русск. горнозав. пром.", 1917; П. Оль, „Иностран. кап. в России", 1918; П. Оль, „Статистика акц. и паев. тов.", 1915; Ежегодн. Мин. Фин.; Стат. сб. ЦСУ за 1913—1917 гг.; Ischchanian. Die ausländischen Elementen in der russischen Volkswirtschaft., Berlin, 1913; Bulletin de la Chambre du commerce franco-russe, 1911—1913.

Размеры иностранных капиталов в русских банках и акционерной промышленности

(милл. руб.)

Весь акционерный основной капитал	1900 г.	1914 г.	1917 г.[1]
В промышленности	1548,8	3035,2	3800
В том числе иностранный .	608,6	1502	2005,7
То же в % %	39,5	49,5	53
В банках.	188,4	518,2	579
В том числе иностранный. .	11,37	250	237,2
То же в % %.	6	46,7	42
Облигационный капитал . .	172,5	—	—
Итого в промышл. и банках . . .	1907,7	3553,4	4379
В том числе иностр.	619,4	1752	2242,9
То же в % %.	32,4	48,7	52

Таким образом, уже к 1914 г. 48,7% функционировавшего в промышленности и в банках основного акционерного капитала находились в руках иностранного финансового капитала. Этим и определяется „дочерний" характер русского монополистического капитализма. При чем нужно иметь в виду, что из 2242,9 милл. руб. иностранного капитала (к 19[illegible]) 1681 милл. руб. принадлежало Антанте (в 1914 г. из 48,7% — англо-французскому империализму принадлежало 36% германскому 10%, остальные 2,7% падали на долю Италии, Австрии, С.-А.С.Ш. и др.). Отсюда совершенно понятна англо-французская ориентация русского „дочернего" империализма.[2] Если к этому добавить 6100 милл. руб.[3] внешнего государственного долга, из коих 60% тоже падало на долю Франции (к 1914 г.), то „дочерность" русского империализма станет еще более очевидной.

Приведенные расчеты и рассуждения в достаточной степени отчетливо иллюстрируют тот факт, что сложившаяся между 1904 — 1912 гг.[4] экономическая система русского империализма была включена, как „дочерняя", а следовательно, более слабая часть,[5] в качестве составного

[1] С торговлей.

[2] Отсюда тем более очевидно все лицемерие квасного „патриотизма" русской буржуазии, кричавшей о „засилии" немцев, имевших всего лишь 10% участия и о „великодушии" союзников, имевших 36%. Вся романтическая „поэзия" русского буржуазного патриотизма определялась арифметической прозой этих процентных соотношений.

[3] Зак, „Промышленный капитализм в России", 1917 г.

[4] Охват монополиями главнейших отраслей индустрии, начавшийся в 1904 г., был закончен к 1912 г. К этим же срокам относится „сращение" с банковским капиталом, экспорт капиталов, борьба за передел Дальнего Востока (русско-японская война), Персии, Афганистана, Монголии и др.

[5] Под „слабостью" здесь нужно понимать не только экономическую несамостоятельность русского империализма, но также и сравнительную слабость его социально-политического господства в России, которой правил все же помещичий царизм, приспособлявшийся к интересам финансового капитала (1904 — 1917).

звена в систему мирового, главным образом, англо-французского империализма.[1]

В силу указанных причин разрыв цепи мирового империализма, под напором нарастающих соц.-экономических противоречий, доведенных империалистической войной до степени крайнего напряжения, имел место на русском „дочернем" более слабом участке. Сказанное еще раз подчеркивает мировой характер Октябрьской революции.

В связи с этим, однако, уместно поставить такого рода вопрос: раз русский империализм был „дочерним", т.-е. более слабым звеном в цепи мирового империализма, то мог ли он оставаться в то же время зрелым в смысле материальной подготовки не только социальной революции, но и первых шагов к социализму в СССР.

3. Внутренние экономические предпосылки социальной революции и строительства социализма в СССР

Для того, чтобы установить, был ли русский „дочерний империализм" зрелым для социальной революции и „шагов к социализму",[2] следует напомнить, что критерием такого рода зрелости империализма является степень охвата монополистическими организациями главнейших отраслей промышленности и банков. Ленин в этом смысле считал монополистический капитализм преддверием, материальной подготовкой социализма, между которой и социализмом никаких промежуточных ступеней нет, так как „монополия, как высшая мыслимая в пределах капитализма форма обобществления производства, есть переход от капиталистического к более высокому общественному экономическому укладу".[3]

Вот почему:

„Близость такого капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социальной революции".[4]

Наконец, Маркс говорил на этот счет (об акционерных обществах):

„Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства, и потому себя

[1] Важно отметить, что такое характерное „срастание" финансового капитала (см. Ленин, т. XIII, стр. 360) отдельных стран (какое имело место на примере с „дочерним" русским империализмом) мыслимо было лишь как временное явление до тех пор, пока, в силу того же неравномерного развития, экономическая мощь „дочернего" империализма становилась более значительной и настолько, что она не вмещалась в прежней оболочке отношений „дочерней", „переходной" зависимости.

[2] Выражение Ленина, употребленное им в 1917 г. в полемике против своих оппонентов, утверждавших, что русский капитализм не созрел ни для социалистической революции, ни для первых шагов к социализму (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 427, 207, 167).

[3] Ленин, т. XIII, стр. 332. Из-за требований царской цензуры в приведенной цитате слово социализм пришлось заменить термином „более высокий уклад" (см. предисловие Ленина к брош. „Империализм", 1918 г.).

[4] Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 352. Курсив мой. М. Г.

само уничтожающее противоречие, которое prima facie представляется просто переходным пунктом к новой форме производства".[1]

Энгельс писал:

„Таким путем в этой отрасли, образующей основу всей химической промышленности в Англии, конкуренция заменена монополией, и самым деятельным образом подготовляется будущая экспроприация всем обществом, всей нацией".[2]

Рассмотрим теперь сравнительные данные о степени охвата к 1912—1914 гг. монополиями русской промышленности и банков и размеры сбыта национальной продукции (в округленных процентах):

Страны	Метал. пром.	Угол. пром.	Нефт. пром.	Сахар. пром.	Текстил. пром.	Банки
Германия. .	40—44	53	—	70	55	51
Россия[3] . .	60—72	70	65	90	40	70
С.-А. С.Ш. .	83	—	75	62	70	75

Если к этим данным прибавить еще и цифры об уровне концентрации производства в индустрии в тех же странах (см. „Контрольные цифры 1925/26 г.", стр. 155), то вывод будет таков: русская промышленность по степени охвата монополиями и по степени концентрации производства в индустрии стояла почти на одном уровне с германской и ниже С.-А.С.Ш.

В самом деле, не являются ли приведенные цифры (и на основе их — зрелость русского монополистического капитализма для социальной революции)[4] доводом „за близость, легкость, осуществимость и неотложность социальной революции" в России?

[1] Капитал, т. III, ч. 1, стр. 424.

[2] Там же.

[3] Здесь указаны цифры к 1912 — 14 гг. по синдикатам: Продамета, Медь, Гвоздь Продаруд, Продвагон, Кровля, Продуголь, четыре бакинских трестовидных группы, Сахарный синдикат и др. Цифры почерпнуты из разных источников. Вот главные из них: „Стат. Ежегодн." Шараго, 1912 — 14 гг., стр. 181 — 182; Гольдштейн, „Экономич. политика", 1913 г., стр. 234—235; Гливиц, „Железоделательная промышленность", 1913 г.; Загорский, „Синдикаты и тресты"; Циперович, „Синдикаты и тресты"; Кафенгауз, „Синдикаты в русской железной промышленности" и др.

[4] Поучительно теперь ознакомиться со спором в партии об отсутствии внутренних экономических предпосылок для Октябрьской революции и шагов к социализму в России в 1917 г. между Лениным и его оппонентами (т. XIV, ч. 2, стр. 424, 207, 167). Кроме того, представляет весьма актуальный интерес знаменательная полемика по вопросу об условиях строительства социализма в России, на VI С'езде партии в 1917 г., между т. т. Сталиным и Преображенским (см. кн. Сталина „На путях к Октябрю", стр. 138). Тов. Преображенский стоял на точке зрения возможности строительства социализма в России лишь при условии немедленной социальной революции на Западе. VI с'езд ВКП (б.) стоял на нынешней позиции партии.

Из этого, понятно, не следует, что Россия больше созрела для социализма, чем Германия и Соед. Штаты, ибо удельный вес капиталистической промышленности в народном хозяйстве Германии и Соед. Штатов равнялся приблизительно 70%, а в России 39% (по продукции). Кроме того, в России существовали (существуют и теперь) даже дотоварные формы хозяйства (патриархальные). Но совершенно бесспорным является утверждение, что русская промышленность и банки созрели для социального переворота и первых шагов к социализму, что свидетельствует о наличии не только внешних, но и внутренних экономических предпосылок Октябрьской революции.

Та же картина и с банками. Полтора десятка московских и петербургских банков, включенных в виде „дочерней системы" в сеть банков иностранного финансового капитала, управляли 70% банковских операций в стране (см. вышеприведенную таблицу).

Далее, война ускорила превращение русского монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, о чем свидетельствовало, напр., наличие Сахарного синдиката, Военно-промышленного комитета, Всероссийского союза городов и других организаций. „Тот же самый Сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм".[1]

А государственно-монополистический капитализм „есть полнейшая материальная подготовка к социализму, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет".[2]

Таким образом, монополистический капитализм в России,[3] превратившийся во время войны в государственно-монополистический капитализм, несмотря на свои „дочерние" особенности, стало-быть, дал достаточно и внутренних экономических предпосылок для Октябрьской социальной революции, для строительства социализма в России.

В связи с этим возникает вполне законный вопрос. Можно ли было, однако, считать внутренние экономические предпосылки достаточными для социального переворота и первых шагов к социализму в аграрно-индустриальной России при ее бесспорной технической отсталости как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, при преобладании докапиталистических укладов в русском народном хозяйстве?

[1] „В России то же капитализм стал монополистическим. Об этом Продуголь, Продамета, Сахарный синдикат свидетельствуют достаточно наглядно" (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 207. См. там же, стр. 166).

[2] Ленин, там же, стр. 207—208. Там же, стр. 167.

[3] Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 209.

4. Техническая осталость русского капитализма и ее причины

Вопрос о технической отсталости русского монополистического капитализма стоит особо. Техническая отсталость России опиралась: 1) на докапиталистическую паутину в народном хозяйстве России (остатки феодальных отношений, архаическое с.-х., ремесло); 2) на задерживающее влияние западно-европейского финансового капитала, избегавшего вкладывать свои ресурсы (а поскольку он владел туземным накоплением, то и туземные ресурсы) в русскую машиностроительную промышленность и предпочитавшего ввозить из-за границы средства производства;[1] 3) на общую природу загнивания (в смысле приостановки технического прогресса), свойственного любому империализму и принявшего в России своеобразные формы. Все эти три причины еще в большей мере укрепляли „дочернюю" зависимость русского монополистического капитализма от иностранного финансового капитала.

Были ли, однако, источники туземного накопления вполне достаточными для самостоятельного преодоления русской буржуазией технической отсталости России в пределах капитализма?

Рост и размеры внепромышленного (т.-е. в сельском хозяйстве, торговле, ремесле) туземного накопления были в конце XIX века весьма недостаточными для самостоятельной капиталистической индустриализации страны. В течение же последующих 10—15 лет (к 1912 г.) туземное внепромышленное накопление, обнаружив в своем развитии крайнюю неравномерность и даже скачкообразность, возросло в четыре—пять раз по своим размерам и могло стать одним из важнейших ресурсов для ускорения промышленного развития.

В самом деле:[2]

Годы	Вклады в сберкассы (в милл. руб.)	Темп прироста (в %%)	Вложено капитала в пром. (в милл. руб.)	В том числе иностран. капитала
1895	347,2	100		
1896	390,7	114	С 1895 г. по 1900 г. 839	—
1898	510,7	148	В том числе туземн. 289	—
1900	679,9	192		550
1906	1035	296		
1910	1397	402	С 1900 г. по 1914 г. 1406	—
1911	1503	414	В том числе туземн. 814	592
1912	1594	461		—
			2245	1142
			В том числе туз. влож. 1103	

Таким образом, начиная с 900-х годов, развитие туземного накопления становится значительным по размерам и настолько неравномерным и

[1] По данным С. Г. Струмилина в среднем 62% машин ввозилось из-за границы.

[2] Таблица составлена по Ежег. Мин. Фин. за соотв. годы и по Стат. Ежегод. Шараго, 1913—1914 гг.

ускоренным, что совершает скачок на 200% [1] за такой промежуток времени, за какой оно совершило в конце XIX века на 92%. Далее, приведенная таблица показывает, что две трети промышленных вложений к концу XIX века были иностранного происхождения, каковой факт еще раз подтверждает недостаточность туземных ресурсов для капиталистической индустриализации. Но к 1913 г. около двух третей промышленных вложений были, как показывает таблица, туземного происхождения, что все же не эмансипировало русскую промышленность от иностранной зависимости, так как само туземное накопление к этому времени очутилось в руках иностранного капитала.

Поэтому, несмотря на достаточные размеры туземного внепромышленного накопления к 1912 г., [2] для самостоятельной капиталистической индустриализации страны промышленность и банки оказались именно в этот период в наибольшей зависимости от иностранного финансового капитала:

Иностранные капиталы в русской промышленности и банках в милл. руб. [3]

Осн. акц. капитал	1900 год Всего	1900 год В том числе иностран.	1900 год Иностр. в %%	1914 год Всего	1914 год В том чис. иностран.	1914 год Иностр. в %%
В пром. . . .	1548,8	608,6	39,5	3035,2	1502	49,5
В банках . . .	188,4	11,37	6	518,2	250	46,7
Облиг. кап. . .	172,5	—	—	—	—	—
Итого .	1909,7	619,43	32,4	3553,4	1752	48,7

Из этой таблицы ясно, что как раз именно в этот период, когда туземное внепромышленное (т.-е. в с. х., торговле и ремесле) накопление стало более чем достаточным (1912—1914 гг.), иностранный финансовый капитал, овладев этим накоплением через „дочернюю" банковскую систему, повысил долю своего участия в промышленности с 29,5 (к 1900 г.) до 49,5% (к 1914 г.).

Какое же отношение к технической отсталости русского капитализма имела судьба этого неравномерного туземного внепромышленного накопления?

Во-первых, иностранный финансовый капитал, владея внепромышленности накоплением (в с. х., торговле и ремесле), т.-е. всем денежным рынком страны, и вывозя огромные промышленные дивиденды и проценты по внешним займам, этим самым еще более суживал базу для капитализации туземного внепромышленного накопления, что, конечно, замедляло темп индустриального развития России, технический прогресс в промышленности и сельском хозяйстве.

[1] Процент вкладов, падающих на сельское хозяйство, был равен в эти годы 30—31%, в абсолютных цифрах 311,9 м. р. в 1907 г. и 420,6 м. р. в 1911 г.

[2] 1500 милл. руб. при ежегодном приросте капитала в промышленности в 100—150 милл. руб.

[3] Таблица была приведена выше (см. стр. 131).

Во-вторых, иностранный финансовый капитал, овладев туземным внепромышленным накоплением и будучи всячески заинтересован в том, чтобы оно не оказывало решающего влияния на технический прогресс капитализма в России, стремился воспрепятствовать развитию тех отраслей промышленности России, которые производили средства производства (машиностроение), что еще больше консервировало техническую отсталость и упрочивало „дочернюю" зависимость русского монополистического капитализма. Кроме этого, сама природа загнивания империализма культивировала эту техническую отсталость русского капитализма. Наконец, докапиталистическая „паутина" в с. х. тормозила темп индустриализации России, „в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густо сетью отношений докапиталистических". [1]

В итоге возникает вопрос: раз все эти вышеупомянутые источники туземного накопления стали к 1912 году вполне достаточными материальными ресурсами для самостоятельной капиталистической индустриализации, то почему же русская буржуазия не вырвала эти ресурсы из рук иностранного капитала и не реализовала их для капиталистической индустриализации?

Потому то русская буржуазия не стояла у власти (после революции 1905 г.). Исторически это было уже невозможно: в эпоху монополистического капитализма русская буржуазия не могла уже стать у власти без буржуазной революции под своим руководством против царизма, т.-е. против помещиков. Подобного рода перспектива прихода ее к власти и „туземнизации" финансового капитала в России, на основе выросшего туземного накопления, была исключена, ибо русская промышленность выросла в первую очередь за счет казенных заказов (а не только за счет значительных вложений иностранного финансового капитала), что способствовало совпадению основных классовых интересов буржуазии и помещиков, вступивших в союз с иностранным финансовым капиталом. Поэтому русская буржуазия в качестве более слабой стороны пошла на компромисс с помещичьей властью и иностранным финансовым капиталом, отказавшись тем самым от руководства буржуазной революцией, которая поставила бы к тому же под знаком вопроса само существование капиталистического строя в России.

Вот почему внепромышленное туземное накопление (не говоря уже о промышленном накоплении, о котором ниже) к 1912 г. из источника, вполне достаточного для преодоления технической отсталости и для развития капиталистической индустриализации, без каких-либо препятствий со стороны русской буржуазии, превратилось в дополнительный ресурс для еще большего укрепления „дочерней", переходной зависимости капиталистической экономики России от западно-европейского финансо-

[1] Ленин, т. XIII, стр. 299.

вого капитала. Поэтому проблема преодоления такого противоречия, как наличие технической отсталости в промышленности и сельском хозяйстве при достаточных внутренних ресурсах для капиталистической индустриализации страны, могла быть разрешена лишь в иной социальной формулировке: посредством социалистической индустриализации, мыслимой, конечно, не в пределах загнивающего капитализма, а в условиях перехода от капитализма к социализму, т.-е. в условиях диктатуры пролетариата.

Для начала же пролетарской революции в России эта техническая отсталость (высота развития производительных сил) не являлась решающим препятствием, потому что в ходе мировой войны и революции своеобразие обстановки поставило Россию в такие социально-политические условия, „когда мы могли осуществить именно тот союз крестьянской войны с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой „марксист", как Маркс в 1856 году по отношению к Пруссии" (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 119. „О нашей революции").

Завоевав таким образом политическую власть, рабочий класс уже имел бы возможность преодолеть эту техническую отсталость на основе унаследованных от капитализма ресурсов и достигнуть такого уровня производительных сил в кратчайший срок, который необходим для перехода к социализму. И если бы не империалистическая интервенция 1918—20 гг. против СССР, мы имели бы уже теперь, в 1927 г., если не полное преодоление технической отсталости, то, во всяком случае, решение этой задачи наполовину:

„Они (империалисты. М. Г.) не свергли нового строя, созданного революцией, но они не дали ему возможности с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм" (т. XVIII, ч. 2, „Лучше меньше, да лучше", стр. 135. Курсив мой. М. Г.).

После же интервенции и понесенных потерь, после разрушения промышленности,—задачу преодоления технической отсталости приходится теперь решать сравнительно в более долгий промежуток времени и при более трудных условиях.

Вот почему рассуждения некоторых коммунистов и „левых" социал-демократов (Бауэр) о том, что у нас не было созревших внутренних экономических условий для Октябрьской революции, которая, мол, разразилась только лишь как результат внешних условий (война и русское „звено" мирового империализма), являются „педантскими", ибо „они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Европе, и вот они не могут себе представить, что этот путь не может быть считаем образцовым иначе, как с некоторыми поправками" (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 118, „Заметки о книге Суханова").

5. Внутренние ресурсы для строительства социализма в СССР

Если туземное внепромышленное накопление к 1914 г. превышало полтора миллиарда (из которых 30% падало на сельских хозяев), то какова картина должна быть в настоящее время, когда советское хозяйство достигло количественного уровня, приближающегося к довоенному?

Рассмотрим для этого данные (почерпнутые из Статистического Ежегодника Шараго за 1913 г., стр. 498), свидетельствующие о размерах вкладов в сберегательные кассы за 1907—1911 гг. Вклады эти являются косвенным и, разумеется, не совсем точным показателем внепромышленного накопления.

Род занятий	Годы	Число книжек к конц. года (в тыс.)	Вклады в милл. рубл.	Средн. вклады на 1 кн.	Процентн. отношение к итогу
Земледел. и сельск. промыслы	1907	1599	311,9	195	29,4
	1911	2202	420,6	—	30,4
Городск. промысл.	1907	738	109,9	149	10,4
	1911	1008	156,1	—	11,3
Работа на фабрик. и заводах	1907	307	44,1	—	4,2
	1911	407	63,1	—	4,5
Услужение	1907	531	76,7	145	7,2
	1911	652	101,4	—	7,2
Торговля	1907	533	114,6	215	10,8
	1911	639	139,7	—	10,1
Служба государств.	1907	241	46,5	193	4,4
	1911	279	55,4	—	3,9
Служба частная и обществ.	1907	885	171,1	192	16,1
	1911	1141	222,0	—	16,0
Землевладение	1907	46	12,5	264	1,1
	1911	40	9,6	—	0,7
Духовное звание	1907	189	58,4	309	5,5
	1911	204	62,3	—	4,5
Военная служба	1907	380	36,1	195	1,8
	1911	396	38,7	—	1,4
Прочие занятия	1907	453	76,9	174	7.5
	1911	648	116,4	—	8,5
Итого	1907	5902	1060	—	100%
	1911	7617	1385,9	—	100%

Чтобы, исходя из приведенной таблицы, определить размеры туземного внепромышленного накопления в 1927 году, следует внести поправки: 1) на территорию, 2) на перераспределение национального дохода в связи с Октябрьской революцией и расширение потребностей трудящихся масс и 3) на валюту. Что касается первой поправки, то она выразится в соответственном уменьшении каждой цифры в отдельности и итоговых цифр на 14,5%, кругло на 15%,[1] которые падают на долю отошедших территорий. Далее, вклады, обозначенные в пп. 8, 9, 10 и 11, претерпели столь значительные изменения в связи с революцией, что более 80%

[1] См Стат. Ежегод. Шараго за 1913 г., там же; подсчет сделан по губернским данным для отошедших территорий.

из них, во всяком случае, нужно отнести в счет национализированных фондов.

Цифры вкладов 1911 года могут быть приняты нами (с соответствующими поправками указанного свойства) [1] в качестве того уровня, которого могли бы достигнуть в 1927 году сбережения всех слоев населения СССР, указанных в пп. 1—7, ибо размеры национального дохода СССР в настоящее время уже достигли 95% довоенного уровня.

Тогда мы получим нижеследующую таблицу:

Вероятные размеры внепромышленного накопления (сбережений населения) СССР к концу 1927 года (в милл. руб.)

Род занятий	Размеры сбережен. в довоен. руб.	Размеры сбережен. в червон. руб.	Слои населения СССР
Земледелие . . .	357,5	670	Кулаки, заж., средн.
Городск. промысл.	133,7	23,9	Кустари и ремесл.
Работа на фабр. и заводах	53,6	95,8	Фабр. зав. рабочие
Услужение . . .	86,2	154.5	Прислуга; раб. Нарпита
Торговля	119,0	212,5	Нэпманы
Гос., общ. и частн. служба	236,0	440,0	Служащие
Итого . . .	986,0	1811,8	

Стало-быть, на руках у всех слоев населения, согласно приведенных подсчетов, к концу 1927 года должно было бы быть 1811 (без второй поправки) милл. черв. рублей сбережений, которые могли бы к концу 1927 года фигурировать в качестве вкладов в сберегательные кассы (вместо ожидаемых 170 милл. рублей). Но при этом следует иметь в виду, что накопление, падающее на сельское хозяйство в размере 670 милл. руб., в силу происшедшей в результате революции экономической нивеллировки деревни, приходится не на те 2.202 тысяч вкладчиков, которые были указаны для даты 1911 года, а на гораздо большее количество держателей этих сбережений. Тем не менее, можно с достоверностью утверждать, что к концу 1927 года в руках у кулацкой верхушки деревни и значительной доли зажиточных середняков из указанных 670 милл. черв. рублей окажется около 40%, [2] т.-е. 268 милл. руб. (в денежной или натуральной форме), несмотря на увеличение всевозможных налогов и дополнительных обложений. Совершенно очевидно, что если эта сумма (268 милл. руб.), не попадет в 1928 году в русло социалистического накопления, то она будет функционировать в качестве торгового, ростовщического (или в другой форме) капитала против социалистического накопления. Что касается пункта второго в приведенной таблице — „городские промыслы“ (т.-е., главным образом, кустари, ремесленники и сезонные рабочие), то эту сумму в размере 239 милл. черв. руб. можно считать в общем более или менее вероятной цифрой имеющих быть сбережений у этого слоя населения. Пункт третий — сбережения фабрично-заводских рабочих, в размере 95,8 милл. руб., требует некоторых поправок, так как потребности рабочего класса за эти годы колоссально выросли. Пункт четвертый — прислуга — сбережения в размере 154,5 милл. руб. являются для нашего времени значительно преувеличенными (по крайней мере, вдвое) в виду уменьшения кадров прислуги (в связи с уничтожением наиболее паразитических классов населения — помещиков и крупной буржуазии). Пункт пятый — средняя и мелкая торговля, т.-е., главным образом, нэпманы как мелкие, так и крупные. Здесь сумма 212 милл. черв. руб. чистого накопления не является преувеличением (несмотря на повышенные налоги) и мало разнится от подсчетов проф. Струмилина („План. Хоз.“, № 9, 1926 г.) и Дволайцкого (115—192 милл. руб.). Пункт шестой — государственные (и частные) служащие с 440,0 милл. черв. рублей сбережений—является несомненно преувеличенным, так как имеется до 25% безработных служащих и заработная плата их к (концу 1927 года) пока ниже довоенной (на 12—15%). Внеся соответствующие поправки можно признать сумму от 250 до 280 милл. черв. рублей накоплений среди 2,5 милл. служащих к концу 1927 года вполне вероятной.

Таким образом, к концу 1927 года ресурсы внепромышленного туземного накопления, которые могли бы быть заполучены в резервуар социалистического накопления (как путем привлечения вкладов в сберегательные кассы, так и путем дополнительного увеличения налогов на нетрудовые слои, которые добровольно больших денег в кассу не понесут), составляли бы около 1.500 миллионов с лишним червонных рублей. Из этих 1.500 милл. руб. одна часть находится в натуральной и денежной форме (у крестьян), другая — в денежной и товарной форме (у служащих и у буржуазии). Заполучить эти средства из сектора внепромышленного накопления, являющегося дополнительным ресурсом для социалистической индустриализации — это вопрос не только механического расширения сети сберегательных касс, но и вопрос напряженной классовой борьбы за перераспределение национального дохода. Для получения этих средств есть четыре пути: 1) развитие сети банковского аппарата [1] и сберегательных касс для привлечения сбережений рабочих, крестьян, служащих и трудящихся вообще; 2) внутренние займы (не отказываясь в случае необходимости от

[1] За пятнадцать лет, с 1911 по 1927 гг., произошло, понятно значительное расширение потребностей масс, но зато уменьшились и налоговые тяготы и увеличились доходы отдельных слоев трудящихся. Поэтому поправка (для цифр 1911 г.) на расширение потребностей в 1927 г. не может здесь изменить сколько-нибудь существенно картины наших подсчетов.

[2] Цифра % ориентировочная, зависящая от вероятного % валовой с.-х. продукции у кулаков и зажиточных середняков к концу 1927 г.

[1] „Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделением в каждой волости, при каждой фабрике, это девять десятых социалистического аппарата; это общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества“ (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 23).

принудительного размещения части займа среди буржуазии); 3) максимальное налоговое обложение нэпманов и кулаков; 4) развитие кредитной и с.-х. кооперации. Если это накопление не будет такими путями заполучено для социалистической индустриализации, то оно может оказаться источником частно-капиталистического накопления и станет угрожать успешному строительству социализма в СССР. От правильной экономической политики зависит реализация этих весьма существенных внутренних внепромышленных ресурсов для нашего экономического строительства.

Что касается естественных ресурсов, то в недрах СССР имеются в достаточном количестве все виды сырья (кроме каучука и тропических растений), необходимые для автаркического (самодовлеющего) экономического развития.

6. Вопрос о темпе социалистической индустриализации

До сих пор мы считали внепромышленное туземное накопление достаточным для индустриализации, исходя из презумпции, что размеры и темп промышленного накопления СССР равны довоенному. На самом же деле, внутрипромышленное накопление СССР значительно выше довоенного в связи с национализацией, уничтожением предпринимательского дохода, частичной национализацией торговой прибыли, внешней торговли и другими преимуществами, связанными с плановым ведением хозяйства.

Если за 1900—1914 гг. было вновь вложено в промышленность 814 милл. руб. туземных и 592 милл. руб. иностранных капиталов (всего 1.406 милл. руб.), то это в среднем составляет в год 100—150 милл. руб., что подтверждается следующей таблицей[1] прироста основных капиталов за указанные годы (в милл. руб.):

Годы	Осн. кап.	Прирост за год	Дивиденд	Вся прибыль
1900	1401	81	79,9	160,9
1903	1534	—	—	—
1904	1515	—19	169,6	150,6
1908	1787,4	93,4	39,7	133,1
1909	1884	97	160,7	257,7
1910	1958	74	239,3	313,7
1912	2483	297	106,9	413,9
1913	2712	229	207,6	336,4
1914	2807	95	373,7	468,7

Таким образом, наибольшее в абсолютных цифрах увеличение основного капитала промышленности имело место в 1912 г., выразившись в сумме 297 милл. рублей. Так как часть этой суммы приходится на иностранные вложения, то нужно признать, что собственно туземных средств было вложено значительно меньше (кроме того, для сравнимости с цифрами 1927 г. нужно сделать поправку на уменьшение территории).

[1] Составлена по Ежегоднику Министерства Финансов за соответствующие годы.

Несмотря на то, что теперь внепромышленные накопления (сбережения) далеко еще не находятся в наших руках (всего 130 милл. руб.), в наступившем году вновь вкладывается в основной капитал промышленности СССР не менее 800 милл. черв. рублей,[1] т.-е. немногим менее 400 милл. довоенных рублей. Эта цифра совершенно неизвестная и чуждая для российского капитализма. Далее, если сравнить процент прироста основных капиталов в довоенное время, который не превышал 7,3%, то перспектива более ускоренного темпа социалистической индустриализации СССР еще более очевидна. В самом деле, в период между 1885 и 1895 гг. общий прирост основного капитала в промышленности за один год равнялся 7,4%, в 1895—1905 гг.—7,4%, в Соед. Штатах—6,6%; в 1905—1913 гг. в России—6,4%,[2] а в С.-А. С. Ш.—8,9%. В среднем за 1885—1913 гг. общий годовой прирост основного капитала промышленности равнялся 7,3%.[3]

Если не принимать в расчет темпа прироста основного капитала СССР в восстановительный период (30—40% в год), то для первого года индустриализации (указанный в „Контрольных цифрах“) размер прироста основного промышленного капитала на 1927 г. в сумме 800 милл. черв. рублей дает вместо довоенных 7,3% уже 15,2%, что свидетельствует о таком начальном темпе развития, который совершенно был чужд и неизвестен не только для русского монополистического капитализма, но и для современного мирового. Наш начальный темп в 1,7 раза больше, нежели довоенный темп Соед. Штатов и 2,1 раза больше довоенного темпа России.[4] Но ведь к этим промышленным ресурсам нужно еще добавить исторически унаследованные нами от монополистического капитализма весьма существенные ресурсы внепромышленного накопления, пока в незначительной мере использованные для индустриализации и, кроме того,

[1] Из суммы 1050 милл. руб., отпущенных СНК СССР на индустриализацию в 1927 г., около 100 милл. руб. падает на жилищное строительство, а 250 милл. руб.— на обычную амортизацию. При чем основной капитал в госпромышленности СССР к концу 1926 г. равнялся 5.263 милл. руб., к концу 1927 г. 6.013 милл. руб. (см. „Контрольные цифры 1926/27 г.“, стр. 311—314).

Чтобы уяснить, как эти 1.050 милл. руб. составлены, следует иметь в виду, что платежи промышленности в казну равняются в 1926/27 г. 297,3 милл. руб. („Контр. цифры“, стр. 30). Эту сумму нужно вычесть из собственно пром. накопления в 1926/27 г., равного 918,5 милл. руб., а остаток распадается в свою очередь на 446, 5 милл. руб. для основного капитала и 275 милл. руб. для оборотного. Таким образом, при отпуске 1.050 милл. руб. в 1926/27 г. на капитальное пром. строительство, сумма внепромышленных ресурсов, капитально вкладываемых в основной капитал промышленности в 1926/27 г., выражается: 1.050 милл. руб.—(446,5 м. р. + 297,3 м. р.) = 306,2 милл. рублей

[2] Как раз в годы наибольшего внепромышленного туземного накопления (1905—13 гг.) темп прироста основного промышленного капитала в России упал с 7,4% до 6,4%. Это еще раз свидетельствует, во-первых, о загнивании, а во-вторых, что туземное внепромышленное накопление находилось в руках иностранного финансового капитала и использовалось им не для индустриализации страны.

[3] С. Г. Струмилин, „Проблема промышленного капитала“, 1926 г.

[4] Послевоенный темп (1920—25 гг.) С.-А. С. Ш. на 2% выше довоенного в среднем.

всякого рода неналоговые государственные доходы.[1] В таком случае нужно признать все эти наличные внутренние ресурсы совершенно достаточными не только для автаркического, самодовлеющего,[2] развития СССР к социализму, но и для такого темпа социалистической индустриализации, при котором (при условии ежегодного прироста капиталов в промышленности на 13%, не менее)[3] мы смогли бы преодолеть свою техническую отсталость и не только нагнать, но и обогнать Западную Европу,[4] с ее загнивающим капитализмом, в срок 20—25 лет.

По мере роста этой новой повышенной технической основы в промышленности можно будет более успешно продвинуть вперед дело индустриализации сельского хозяйства, а это стимулирует то ускорение кооперирования крестьянства, которое в свое время было предсказано Лениным (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 29). Таким путем, при прочих равных условиях, нам удалось бы перейти к первой фазе коммунистического общества, ибо „строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией,— это есть строй социализма“ (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 142). При этом, однако, надо иметь в виду, что эта низшая фаза коммунизма характеризовалась еще и следующими особенностями: 1) сохранением неравенства (буржуазного права) в распределении продуктов (по работе, а не по потребностям), 2) невозможностью эксплоатации человека человеком (т.-е. преодоление буржуазии и остатков товарно-капиталистического способа производства), 3) остатками разных буржуазных „шлаков“ (напр., армия) (см. Маркс, „К критике Готской программы“; Ленин т. XIV, ч. 2, стр. 372—373).

Следовательно: 1) сравнительная зрелость (степень охвата монополиями) монополистического капитализма, для социальной революции и шагов к социализму, 2) достаточность туземного внепромышленного и промышленного накопления и естественных богатств для автаркического экономического развития к социализму, 3) возможность благодаря этому преодоления технической отсталости в короткий срок, 4) обеспечение более ускоренного, чем в довоенное время темпа социалистической индустриализации (чем в Западной Европе). Вот конкретная экономическая иллюстрация того положения, что „мы имеем все необходимое и достаточное для построения социалистического общества в Советском Союзе на фактах и цифрах, которые, как говорят, не знают ни пессимизма, ни оптимизма“.

Победа мировой революции сократит эти сроки, переделает планы индустриализации СССР и включит готовый в большей или меньшей мере кусок социалистического хозяйства СССР в общую систему социалистической экономики земного шара, руководимой единым центром.[1]

7. Закон неравномерного развития отдельных частей национального и мирового капитализма и возможность победоносного строительства социализма в СССР

По поводу этого закона много уже было сказано и написано нашими теоретиками ленинизма. Напомним лишь, что эта неравномерность капиталистического развития берет свое начало, как показал еще Маркс (см. „Капитал“ т. I, стр. 521, изд. 1909, „Капитал“ т. III, ч. 1, гл. 13, стр. 194, изд. 1923 г., „Теории приб. стоим.“, т. II, ч. 2, стр. 197), а также Фридрих Энгельс („Письмо к Бебелю“ в 1884 г. „Письма“, 1923 г., стр. 289), от анархии мирового товарно-капиталистического производства и непропорциональности развития отдельных его частей. На эти же самые обстоятельства, как на основу неравномерности развития капитализма, указывал также и Ленин еще в 1897 г. (см. Собр. соч., т. II, стр. 180).

Кроме того, Ленин впервые указал на новые формы проявления этого закона в эпоху империализма.[2]

Хотя Марксу и Энгельсу был известен этот закон, тем не менее они вполне правильно утверждали, что в современную им эпоху капитализма (домонополистического) победоносное строительство социализма в отдельной капиталистической стране было невозможно. Почему?

Потому что:[3]

1) Неравномерность развития капиталистической Европы была в ту эпоху значительно меньше и настолько, что противоречия между отдельными капиталистическими странами не могли бы обеспечить передышки для пролетарской, скажем, Франции, для ее социалистического строительства. Наоборот, всем прочим капиталистическим странам, благодаря не столь напряженным противоречиям между ними, было бы гораздо легче договориться и задушить в то время социалистическую революцию во Франции в самом начале, прежде чем пролетариат мог бы приступить к организации социалистического строительства.

---

[1] В том числе аннулированные платежи по долгам и дивидендам (400—450 м. р. в год).

[2] Это не означает, что при конкретном анализе допустимо отвлекаться от внешней торговли; при абстрактном анализе расширенного воспроизводства и реализации продукта внутри СССР методологически совершенно необходимо отвлекаться от внешней торговли (см. Маркс, Капитал, т. I, гл. 22, прим. 21а; Капитал, т. II, „Возмещение основного капитала in natura“, стр. 440. Теории приб. стоимости, т. I, стр. 39; Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 186).

[3] По перспективному пятилетнему промышленному плану предположено отпустить на индустрию 7.000 милл. руб., т.-е. в среднем 1.400 милл. руб. в год, что обеспечивает не снижение, а рост указанного процента (13%).

[4] Полагая, что теперь технический уровень промышленности СССР в 2,5 раза ниже, чем в Западной Европе и 3,5 раза ниже, чем С.-А. С. Ш. (см. „Контрольные цифры 1926/27 г.“, стр. 163).

[1] См. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 221.

[2] Ленин, т. XIII. „О лозунге Соединенных штатов Европы“ и там же, стр. 370.

[3] Важнейшие из нижеприводимых положений были уже развиты тов. Сталиным в докладе на XV конференции и на пленуме ИККИ в 1926 г.

2) Кривая капиталистического развития неудержимо поднималась вверх, рынки еще целиком не были захвачены, а мир не поделен, поэтому социалистическая Франция не могла бы обеспечить себе опережающий темп индустриального развития и была бы экономически задушена капитализмом.[1]

3) Ни в одной капиталистической стране той эпохи (в пределах ее границ) не было налицо всех естественных ресурсов (сырье, недра), потребных для автаркического хозяйственного развития, в частности, не было их и во Франции (угля и нефти).

4) Строительство социализма в одной стране было бы, помимо указанных препятствий, сопряжено с колоссальными трудностями, так как уровень концентрации производства и охвата его монополиями в любой капиталистической стране Западной Европы до 80-х годов не достиг той высоты, которая имеется теперь.

5) Не было налицо массовой пролетарской партии, вооруженной передовой революционной теорией и имеющей богатый опыт классовой борьбы.

Вот почему победоносной могла быть только революция в ряде капиталистических стран Западной Европы.[2] Такая революция снимала бы сразу угрозу вооруженной интервенции и создала бы такое сочетание экономических и естественных ресурсов в социалистических странах Западной Европы, что переход к социализму, несмотря на отсутствие монополистического капитализма в Европе, не встретил бы непреодолимых трудностей. Вот почему Маркс и Энгельс были целиком правы, утверждая, что победа социализма в одной капиталистической стране Западной Европы была невозможна.

С тех пор прошло более полусотни лет, в течение которых: 1) капитализм вступил в решающих странах (и в России) в монополистическую стадию развития, создав, таким образом, максимальную материальную подготовку социализма в любой из таких стран; 2) неравномерность в эпоху трестов и финансового капитала увеличилась настолько, что обострившиеся экономические и политические (прежде всего, в виду окончательного раздела мира и необходимости его передела силой) противоречия между отдельными империализмами и внутри каждого из них создавали возможность некоторой передышки не только для победы пролетарской диктатуры в одной из стран, но и для организации социалистического производства,[1] что стало-быть, еще больше укрепляло бы пролетарскую диктатуру; 3) унаследованные от капитализма технические изобретения при условии достаточности внутренних экономических и естественных ресурсов для автаркического строительства социализма обеспечивали бы даже такой технически отсталой стране, как Россия, где все же существовал сравнительно зрелый монополистический капитализм, возможность самостоятельного производства средств производства и настолько быстрый темп социалистической индустриализации, что он опередил бы темп развития загнивающего, упадочного капитализма. Такой темп (при условии длительности мирной передышки)[2] обеспечил бы „все необходимое и достаточное“ для построения низшей фазы коммунистического общества в этой стране (СССР).

Все эти условия оказались в наличности в такой огромной стране, как СССР.

Наконец, 1) СССР правильнее считать не одной, а совокупностью нескольких стран (см. Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 221); 2) для обобществления 42% фондов народного хозяйства СССР, находящихся еще в частной собственности,[3] потребовалось бы при условии самого медленного развития (2% в год!) не более 20—25 лет для достижения первой фазы обобществленного производства и распределения.

Это не означает, что ход истории должен быть именно таков, а кризис загнивающего империалистического капитализма обязательно должен растянуться на 20—25 лет, в течение которых не произойдет социалистической революции еще в какой-либо капиталистической стране. Несомненно и обратное: прежде чем пролетариат СССР успеет в действительности реализовать свою возможность построения социалистического хозяйства в нынешних границах СССР, революция в Германии или Англии совсем снимет с порядка дня проблему вынужденного изолированного социалистического строительства в одной стране.

Но даже при ориентации на быстрый темп мировой революции основной внутренней предпосылкой победоносного строительства социализма в СССР является Лениным указанная на фактах и цифрах обоснованная историческая перспектива возможности построения социалистического хозяйства в СССР при помощи достаточных внутренних ресурсов.

[1] Маркс предвидел вероятность подобной перспективы: „Трудным для нас вопросом является следующий: на континенте революция неизбежна и примет немедленно социалистический характер. Не будет ли она в этом маленьком уголке неизбежно раздавлена, в виду того что на неизмеримо более широкой территории движение буржуазного общества все еще идет по восходящей линии“ (см. „Письма Маркса и Энгельса“, 1923 г., стр., 91).

[2] Не надо смешивать возможность победоносного строительства социализма в одной стране в ту эпоху с возможностью начала революции в одной стране и дальнейшим последовательным развертыванием ее в ряде других стран. Маркс и Энгельс смотрели на европейскую революцию вовсе не как на единовременный акт, а как на ряд следующих друг за другом неравномерно развивающихся революций в отдельных странах Европы (см. Энгельс, „Принципы коммунизма“, „Комм. манифест“).

[1] Ленин, т. XIII, „О лозунге Соединенных штатов Европы“.

[2] А также при условии правильной экономической и международной политики, пролетарской диктатуры.

[3] См. „Контрольные цифры 1926/27 г.“.

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

Л. Фрейман

Мировая безработица в 1926 году

Одной из основных черт эволюции капиталистического сектора мирового хозяйства в истекшем году является усиление процесса расхождения экономических уровней крупнейших заокеанских и европейских стран,— расхождения, столь характерного для динамики мировой экономики последних лет. Более интенсивное течение указанного процесса в 1926 г. было обусловлено, главным образом, полярно-противоположным характером движения кривых хозяйственного развития Соединенных Штатов и Западной Европы. В то время как Заатлантическая республика пережила в течение большей части прошлого года (до осени) весьма высокую кон'юнктуру, Европа была потрясена рядом промышленных кризисов и депрессий исключительной силы. Мы имеем в виду в первую очередь необычайно острый хозяйственный кризис в Германии, перекинувшийся отчасти и в другие страны, преимущественно в Центральную Европу (Чехо-Словакию, Австрию, Голландию и др.). Хотя германский кризис разразился еще осенью 1925 г., однако, максимального напряжения достиг он прошлою зимою, после чего перешел в фазу депрессии, значительно смягченной и даже перешедшей в оживление осенью же истекшего года.

Помимо указанных кризисов, в 1926 г. наблюдалось также чрезвычайное углубление хозяйственной депрессии Англии. Оно было вызвано вспыхнувшим здесь грандиозным социальным конфликтом. После ликвидации последнего народное хозяйство Англии стало медленно восстанавливаться, резко отставая, однако, к началу текущего года от дозабастовочного уровня.

Наконец, к концу истекшего года наметилось значительное ухудшение экономического положения важнейших латинских стран — Франции и Италии. Процветавшие в период инфляции, отмеченные страны стали обнаруживать обычные симптомы стабилизационного кризиса в связи с переходом их к резко выраженной дефляционной политике.

Все указанные потрясения имели своим последствием резкое ухудшение экономического положения европейского пролетариата. Сильнее и прежде всего они сказались на соотношении между активной и резервной армией труда.

В Европе и в особенности в Германии отчасти в том же направлении действовал интенсивно протекавший в 1926 году процесс рационализации промышленности, повлекший за собой замедление темпа сокращения безработицы, сопутствовавшего смягчению кризиса.

В результате всех перечисленных факторов уровни безработицы на главнейших аренах действия капитала — в Соединенных Штатах и Западной Европе—сильно меж собой разошлись.

Обращаясь к показателям безработицы, следует подчеркнуть, что всякое международное сопоставление в этом отношении встречает исключительные трудности. Источники познания об'ема исследуемого явления крайне замутнены и даже крупнейшие страны, за ничтожным исключением, не дают достаточно опорных статистических данных для суждения о действительном размере этого неизбежного спутника капиталистической системы производства. Это с очевидностью явствует из следующего беглого обзора характера наличного статистического материала.

Наиболее существенным и полным источником для изучения размеров безработицы являются данные специальных переписей безработных, а иногда профессиональных и общих переписей населения. Но указанные переписи предпринимаются относительно редко, притом первые часто охватывают преимущественно лишь промышленный пролетариат (напр., перепись Японии в 1925 г.). Переписи же населения не всегда дают возможность точно выяснить, о каких кадрах лишенных работы идет речь — о действительных ли безработных, т.-е. только о лицах, которые могут работать и ищут приложения своего труда, или также о находящихся без работы вследствие ряда специфических причин—болезни, инвалидности, состояния конфликта с предпринимателями и др. Кроме того, переписи, представляющие собой моментальный снимок состояния рынка труда, дают обычно картину, отражающую лишь особенности данного момента, как, напр., сезонность, промышленный под'ем, депрессию.

В виду малой удовлетворительности данных переписей большое значение приобретают показатели текущей статистики безработицы, к которым в первую очередь относятся материалы рабочих профессиональных союзов. Последние во многих странах регистрируют месячные данные о численности безработных среди своих членов. Значительным достоинством профсоюзных данных является то, что регистрация профсоюзов простирается за ряд десятилетий. В Англии, напр., где впервые была введена статистика безработицы в профсоюзах, регистрация ведется беспрерывно уже три четверти века (с 1851 г.). Однако, и материалы союзов изобилуют дефектами. Главнейший из них — это относительно небольшой охват членов союзов, большей частью квалифицированных кадров их. Поэтому и одними данными профсоюзных организаций, касающимися притом одного лишь организованного труда, нельзя ограничиваться при изучении безработицы.

В целях более полного исследования рынка труда приходится привлекать часто более репрезентативные данные органов государственного страхования от безработицы. К сожалению, и сведения этих органов, публикующих так же, как и прочие учреждения по оказанию пособий безработным, данные преимущественно за послевоенные годы, не отличаются необходимой полнотой, так как страхование и государственная помощь безработным нигде не распространяются на все виды труда.

Обычно обойденными в этом отношении являются значительные кадры сельскохозяйственных рабочих, домашней прислуги, некоторых категорий служащих и др. Но в отдельных случаях, там, где обязательное страхование охватывает большинство работников наемного труда, как

это имеет место, напр., в Англии, данные учреждений по страхованию могут быть с успехом использованы не только для выявления динамики рынка труда, но и для приблизительного определения общих размеров безработицы.

Наконец, некоторую помощь в последнем отношении могут оказать иногда и сведения бирж труда и бюро по приисканию занятий, хотя не следует упускать из виду, что и их сведения никоим образом не носят исчерпывающего характера, так как нет ни одной страны, где бы все сделки по найму на работу проходили через эти учреждения.

Если так неблагополучно обстоит с выяснением об'ема безработицы в отдельных странах, то задача еще более усложняется при переходе к международным сравнениям и итогам. Здесь сильно дает себя чувствовать различие методов собирания и разработки сведений, публикуемых отдельными странами. Поэтому наиболее целесообразным является изучение, главным образом, динамики интересующего нас явления по важнейшим странам. Тем более, международное сопоставление, там, где это допускается наличным статистическим материалом, возможно лишь в динамическом аспекте.

Попытки же определить действительные размеры безработицы на какую-либо определенную дату могут носить лишь весьма грубо приближенный ориентировочный характер. Последнее относится даже к крупнейшим странам, и в первую голову к гегемону капиталистического мира — Северо-Американским Соединенным Штатам.

Северо-Американские Соединенные Штаты

Данные о безработице здесь совершенно не публикуются для страны в целом. Только по некоторым отдельным штатам ранее собирались и публиковались соответствующие сведения (Массачузетс — до начала 1924 года и др.). Поэтому для определения состояния рынка труда в Соед. Штатах приходится пользоваться косвенными показателями, которые в изобилии публикуются здесь различными официальными органами. Однако, степень показательности данных отдельных органов резко расходится между собой, что видно из следующего характерного примера. Когда в момент острого кризиса, в 1921 г., была созвана президентом Гардингом конференция по борьбе с безработицей, одно официальное учреждение определило число безработных в стране в 3,5 милл., а другое — в 5,5 милл. (в сентябре 1921 г.)!

Из официальных показателей особого внимания заслуживают индексы занятости в фабрично-заводской промышленности, разрабатываемые Bureau of Labor Statistics, а также сведения о напряженности безработицы (отношение предложений труда к числу мест), собираемые Department of Commerce и публикуемые в журнале „Survey of Current Business“ по данным коммунальных и др. посреднических бюро по найму, охватывающих 33 штата.

Индексы Бюро Статистики Труда охватывают широкий круг производств и предприятий — в последнее время 54 производства, куда входят свыше 10 тысяч предприятий с числом работающих более 3 милл. человек. Число производств и предприятий постепенно меняется в сторону повышения. До самого последнего времени упомянутое Бюро исч-

ляло индекс по базе 1923 г. = 100. Но на днях Бюро опубликовало новые, несколько иным методом исчисленные индексы, с новой базой — июнь 1914 г. = 100. Хотя и новое основание мало удовлетворительно, так как 1914 год был в Соединенных Штатах депрессивным, однако, полученные ряды в динамическом разрезе все же показательны.

Картина, рисуемая новыми данными Бюро, представляется в следующем виде: [1]

Даты	Индексы занятости		Индекс физического об'ема обраб. промышленности
	В средн. по Соед. Штатам	В штате Нью-Йорк	
1914 г. (июнь)	100	100	100[2]
1925 г.			
Январь	92	99	145
Февраль	94	100	136
Март	94	101	153
Апрель	94	100	154
Май	93	98	152
Июнь	92	98	152
Июль	91	96	152
Август	92	97	145
Сентябрь	93	99	145
Октябрь	94	101	161
Ноябрь	95	102	146
Декабрь	95	102	145
В средн. за год	93,3	99,4	149
1926 г.			
Январь	94	102	145
Февраль	95	102	143
Март	96	103	162
Апрель	95	101	156
Май	94	99	154
Июнь	93	99	154
Июль	92	96	150
Август	93	97	160
Сентябрь	94	—	160
Октябрь	(92,5)	—	158
Ноябрь	(93)	—	145
Декабрь	(93)	—	134
В средн. за год	93,7	—	152

Индекс физического об'ема обрабатывающей промышленности в Соединенных Штатах, [3] который мы сопоставляем с данными о занятых рабочих, обнаружил в истекшем году рост против 1925 г. В то же время

[1] Настоящая таблица, так же, как и дальнейшие, составлена по материалам Сектора мирового хозяйства Госплана.

[2] 1913 г. = 100.

[3] Публикуется „Survey of Current Business".

несколько повысился и средний годовой показатель числа занятых рабочих. Но это повышение несколько отстало, как это обычно бывает, от темпа роста об'ема продукции. Обозначившийся „lag" об'ясняется, прежде всего, различным составом производств, охватываемых обоими индексами (показатель занятости касается 54 отраслей, а об'ема продукции—лишь 40, при чем в последнем представлена с относительно большим весом тяжелая индустрия, весьма чувствительная к колебаниям кон'юнктуры). Кроме того, здесь сказывается более частое применение в период повышенной кон'юнктуры сверхурочных работ. Не без влияния остался, повидимому, и факт роста производительности труда, особенно интенсивно протекающий в металлургии, автомобильной промышленности, нефтеобрабатывающей промышленности и др. [1]

Заслуживает быть отмеченным тот факт, что при почти полном согласном движении обоих индексов занятости, нью-йоркский показатель неизменно держится на более высоком уровне, чем общий. Это обстоятельство обусловлено отчасти следующими двумя факторами—охватом общим индексом, с одной стороны, значительного числа мелких предприятий, а с другой — известного количества аграрных районов: и те (при сохранении их), и другие обнаруживают меньшую колеблемость численности занятых рабочих при превратностях экономического цикла.

Из отдельных отраслей американской индустрии менее благоприятно сложились условия рынка труда в прошлом году, отчасти в легкой индустрии — текстильной и табачной отраслях промышленности.

Лучшая кон'юнктура наблюдалась в автомобильной, силикатной и полиграфической промышленности. Но к концу года отметилось резкое ухудшение и в автомобильной промышленности (временное закрытие заводов Форда в Детройте).

Обращаясь к оценке приведенных нами выше индексов занятых рабочих, следует отметить, что они не характеризуют, конечно, движения всей массы фабрично-заводского труда по сравнению с довоенным временем. Численность индустриального пролетариата Соед. Штатов в настоящее время в действительности значительно выше цифры 1914 г. и по приблизительным официальным исчислениям достигает 138% этого уровня (при индексе всего населения страны равном 120). Рассмотренные показатели не дают также достаточно ясного представления об уровне безработицы в стране, так как понижение индексов занятости происходит в известной мере за счет перехода рабочих в другие отрасли труда, не учитываемые официальным индексом.

Однако, представляет известный интерес попытка хотя бы грубо ориентировочной оценки распространенности безработицы в Соед. Штатах за истекший год. Для этой цели мы исходим из скудных, правда, суммарных подсчетов средней довоенной безработицы, [2] темпа вовлечения рабочей силы в 1926 г. и приблизительного исчисления общей массы американского пролетариата. [3]

[1] Так, за 1925 год производительность рабочего возросла в металлургической промышленности на 16%, в автомобильной—на 7%, в нефтеобрабатывающей—на 12% и т. д.

[2] Данные Американской Федерации Труда, проф. Hickmann'а и др.

[3] За недостатком места мы вынуждены опустить как здесь, так и в дальнейшем изложении детали наших подсчетов.

Тогда мы получаем ориентировочную цифру размеров безработицы в Заатлантической республике в 1,4 милл. человек.

Цифра эта сама по себе сравнительно невелика для Соед. Штатов, но следует принять во внимание, что безработные в этой стране могут рассчитывать только на свои личные сбережения, так как ни государство, ни даже трэд-юнионы (за немногими исключениями) не оказывают безработным никакой помощи.

Англия

Гораздо обостреннее было положение в главном очаге безработицы — в Европе. Особо затяжной характер безработица носила в Англии, где она свирепствует уже свыше 6 лет. В истекшем году безработица приняла исключительные даже для этой страны размеры, превзойденные лишь в год тягчайшего послевоенного кризиса — в 1921 году. Общие факторы депрессии, переживаемой английской промышленностью, известны. Главнейший из них — это падение экспорта, играющего столь исключительную роль в Англии, вывозящей обычно 30% продукции страны (а в отношении промышленности — даже 40%).

Сжатие экспорта, в свою очередь, было обусловлено рядом причин: обеднением Европы в результате мировой войны, развившимся процессом индустриализации стран — импортеров английских товаров (Индия, Китай и др.), ростом таможенных барьеров и др. Значительную роль сыграла здесь несомненно также дефляционная политика консервативного правительства за последние годы. В 1926 году к перечисленным причинам присоединилось действие такого мощного фактора, как грандиозный социальный конфликт, вылившийся в девятидневной всеобщей и семимесячной угольной забастовке и повлекший за собой паралич важнейших отраслей английской индустрии.

В результате волна безработицы значительно поднялась, как это явствует из следующих данных (см. табл. на след. стр).

Как ни совершенен приведенный в таблице квартальный индекс физического об'ема производства London and Cambridge Economic Service, охватывающий лишь 7 важнейших отраслей промышленности и взвешенный в отдельных производствах по различным методам,— все же он в общем верно отражает основные тенденции динамики английской промышленности: улучшение в начале 1926 г., за которым последовало резкое ухудшение в течение II и еще более III квартала, когда об'ем английского производства упал до половины довоенной нормы (1913 г. = 100). Такого низкого уровня английское народное хозяйство не знало со времени кризиса 1921 г. Лишь к концу года отмечен здесь новый сдвиг в сторону повышения. Показатели безработицы и индексы занятости по причинам, отмеченными нами выше, не движутся в полном параллелизме с динамикой производства. Но как данные трэд-юнионов, так и более репрезентативные данные органов страхования показывают, что безработица прошла в 1926 г. через следующие три фазы. До весны продолжалась понижательная тенденция, обозначившаяся еще с лета предыдущего года и обусловленная преимущественно искусственным фактором: правительственной поддержкой угольной промышленности, получавшей 23 милл. фунтов стерлингов субвенции на девятимесячный период — с августа 1925 г. по апрель 1926 г. К апрелю число безработных снизилось до 1.034 тыс. человек — самой низкой цифры с 1920 г. Но как только была отменена субвенция, последовало наступление шахтовладельцев на зарплату и рабочее время, и английские рабочие, сначала об'единенным фронтом, а потом предоставленные собственным силам углекопы ответили на поход предпринимателей грандиозным и упорнейшим сопротивлением. В связи с этим в мае кривая безработицы вскочила вверх и с небольшими колебаниями держалась на этом уровне до осени. За этот период число незанятых рабочих, включая и бастующих углекопов, достигло, по официальным данным, около 2.800 тыс. человек, а в действительности — свыше 3 миллионов. Осенью, в связи с постепенным потуханием угольной забастовки, окончательно ликвидированной в конце ноября, наметилась третья фаза в движении безработицы, выра-

Даты	Безработица[1]			Индекс	
	Среди членов трэд-юнионов (% безработных)	Среди застрахованных (% застрахов.)	Число зарегистр. на биржах труда (в тыс.)	занятости[2]	физического об'ема производства
1913 г. (средн.-месячн.)	2,1	—	—	—	100
1925 г.					
Январь	9,0	11,2	1,287	88,8	—
Февраль	9,4	11,3	1,287	88,7	91,6
Март	9,0	11,1	1,249	88,9	—
Апрель	9,4	10,9	1,251	89,1	—
Май	10,1	10.9	1,253	89,1	87,0
Июнь	12,3	11 9	1,368	88,1	—
Июль	11,2	11,2	1,262	88,8	—
Август	11,4	12.1	1,418	87.9	81,2
Сентябрь	11,4	12,0	1,401	88,0	—
Октябрь	11,3	11,0	1,295	89,0	—
Ноябрь	11,0	11,0	1,227	89,0	88,8
Декабрь	11,0	10,5	1,166	89,5	—
В среднем за год	10,5	10,4	1,288	88,8	87.2
1926 г.					
Январь	10.6	11,0	1,237	89.0	—
Февраль	10,4	10,4	1,169	89,6	90,8
Март	10,1	9,8	1,070	90,2	—
Апрель	10,0	9,1	1,034	90,9	—
Май	13,2	14,3	1,675	85,7	62,9
Июнь	12,9	14,6	1,699	85,4	—
Июль	13,2	14,4	1,664	85,6	—
Август	13,3	14,0	1,606	86,0	50,3
Сентябрь	13.6	13,7	1,582	86,3	—
Октябрь	13,6	13,6	1,610	86.4	—
Ноябрь	13,2	13,5	1,545	86,5	64,1
Декабрь	12,2	11,9	1,357	88,1	—
В среднем за год	12,2	12,5	1,423	87,5	67,0

[1] К концу месяца.

[2] Индекс занятости представляет собой обратную величину процента безработицы (среди застрахованных рабочих).

зившаяся в медленном снижении ее, ускорившимся по окончании угольной забастовки.

Следует, однако, отметить, что понижение коснулось исключительно частично безработных, и так называемых случайных безработных, полная же безработица в Англии не уменьшилась, и к концу года — в декабре — мы наблюдаем столь же высокий процент полных безработных среди застрахованных, как в июне — в месяце кульминационного под'ема волны безработицы (9,1%).

Здесь отчасти наблюдается обычное, характерное для периодов промышленных кризиссв и депрессий, явление. Когда кон'юнктура ухудшается, предприниматели в первую очередь прибегают к сжатию продукции путем сокращения рабочей недели, сохраняя по возможности рабочую силу, особенно квалифицированную, в ожидании скорого оживления. При затяжном характере депрессии они переходят к увольнению значительных сил рабочих. Когда наступает фаза оживления, наблюдается обратное явление — расширение продукции производится предпринимателями сначала за счет восстановления сокращенной рабочей недели, а затем уже за счет привлечения новой рабочей силы.

Таким образом, частичная безработица, отметим кстати, является одним из наиболее чутких показателей кон'юнктуры, который в этом отношении имеет значительное преимущество перед данными о полной безработице.

В среднем за истекший год процент безработных оказался максимальным за последние 4 года, достигнув 12,2%; если же исключить углекопов, числившихся безработными до забастовки, то этот процент повысится для остальных отраслей до 12,9.

Весьма характерны резкие различия уровня безработицы в отдельных отраслях промышленности. С максимальной силой депрессия сказалась, естественно, на производствах более чувствительных к колебаниям кон'юнктуры — на отраслях, производящих орудия и средства производства. Эти последние и до забастовки были поражены острой безработицей, которая достигла исключительной интенсивности летом истекшего года.

В момент наивысшего напряжения безработицы она поднялась среди застрахованных рабочих и в предприятиях по добыче железной руды до 66,6%, по выплавке чугуна — до 67,8%, по выплавке стали — до 58,1 %, в судостроении — 46,2%, в машиностроении (основном) — 18,7% и т. д. Большинство из этих отраслей находится в значительной зависимости как от снабжения углем, так и от внешних рынков. В этих группах производств и к концу года сильно свирепствовала безработица. Наоборот, производства, работающие на внутренний рынок, к которым относятся, с одной стороны, строительная промышленность, пользующаяся государственной поддержкой, а с другой — отрасли, вырабатывающие средства потребления, дали относительно невысокий процент безработных. Максимум в строительной промышленности составлял 13,5%, в пищевой промышленности — 8%, в бумажной и полиграфической — 7%, швейной — 12%. Лишь текстильная промышленность, работающая преимущественно на экспорт (вывоз, напр., хлопчатобумажных тканей достигает 80% их продукции) была сильно задета безработицей: в хлопчатобумажном производстве максимум достигал 28%, а в шерстяном — 24,9%.

В соответствии с неравномерным распределением безработицы по группам производств наблюдались сильные колебания ее по районам. К концу года по официальным данным, публикующимся лишь с октября прошлого года,— минимальные коэффициенты отмечены в Лондоне (6%) и на юго-востоке Англии (5,7%); центрами же безработицы явились угольные районы — Северо-Восточный (17,0%), Уэльский (17,6%) и Шотландский (16,0%). Максимальный процент безработных дает, однако, Северная Ирландия, главным образом, за счет льняной промышленности и судостроения.

В связи с концентрацией безработицы преимущественно в тяжелой индустрии, где относительно менее применим женский труд, отмечается меньшая напряженность безработицы среди женщин, сравнительно с мужским трудом. Число безработных женщин среди застрахованных составляло к концу года 19% общего состава безработных, при удельном весе женского труда, равном 27% во всей массе застрахованных рабочих.

Мы до сих пор оперировали официальными данными о безработице, которые отнюдь не дают исчерпывающей картины о размере этого социального бедствия в Англии. В отношении полноты учета грешит и английская статистика безработицы — одна из наиболее полных, как опирающаяся на данные органов государственного страхования, охватывающие (с 1920 г.) около трех четвертей английского пролетариата. Чтобы составить себе приблизительное представление о всей массе безработных, следует принять во внимание, что в Англии не застрахованы и, следовательно, не охвачены соответствующей статистикой безработных следующие категории труда: подростки до 16 лет, домашняя прислуга, сельскохозяйственные рабочие, служащие, получающие свыше 250 фунтов стерлингов годового жалованья и др.

Производя соответствующие поправки на основании имеющихся в нашем распоряжении приблизительных данных, получим ориентировочное число всех безработных в Англии в среднем за 1926 год свыше 2 милл. человек (не считая бастовавших углекопов).[1]

Если учесть,, что вся масса наемного труда в Англии равна 15,5 милл., то общий процент безработных составит 12,7%, т.-е. весьма близкий, кстати отметим, к среднему проценту безработных среди застрахованных (12,5%).

Наше исчисление, таким образом, показывает, что безработица в прошлом году была в $2^1/_2$ раза острее, чем в довоенные годы, когда она достигала около 5% для страны в целом.[2]

Для борьбы со столь значительно возросшим социальным бедствием в истекшем году в Англии применялись лишь обычные паллиативные меры. Наиболее существенным из них продолжало оставаться обязательное страхование от безработицы, средства которого более чем на одну треть составляются из взносов рабочих (взносы предпринимателей соста-

[1] Это число включает, кроме полных безработных, также и частично лишенных работы. Но если принять во внимание, что в последнюю категорию частью входят те полные безработные, которым предстоит получить работу в течение 6 недель, и что учет частично-безработных весьма неполон, можно полагать, что приведенное число вряд ли дает значительное преувеличение.

[2] См. Is Unemployment inevitable. London, 1925.

Исходя из этого процента можно принять среднее количество безработных в довоенные годы около 700 тысяч.

вляют около 40%, а правительства — 25%). Однако, значение этой меры ослабляется рядом обстоятельств.

Во-первых, как мы видели выше, страхование не распространяется на все группы рабочих. Затем, сроки его действия далеко недостаточны для исключительной длительности английской безработицы. Наконец, и самый уровень пособия относительно невысок, составляя лишь около 40% заработка рабочего.[1] Правда, некоторые группы рабочих получают дополнительное пособие от своих профессиональных и иных организаций,[2] но число пользующихся этими пособиями весьма невелико.

Чрезвычайно скромную роль играет эмиграция, как средство борьбы с безработицей. Число эмигрантов, направляющихся в доминионы (главным образом, в Австралию и Канаду), пользующихся государственным пособием,[3] хотя и растет за последние годы, однако, все еще продолжает оставаться незначительным. Рекордная цифра, достигнутая в 1926 г., составляла всего лишь 64 тыс. человек. Общий же эмиграционный поток из Англии непрерывно суживался до 1926 г., опустившись до 141 тысячи человек.[4]

Совершенно ничтожное значение имеют общественные работы, организуемые местными самоуправлениями для борьбы с безработицей. За 5½ лет действия Комитета по организации общественных работ (с декабря 1920 г. до июня 1926 г.) было в среднем занято на этих работах круглый год 60 тыс. безработных, что составляет, примерно, 3% всей безработной массы.

Таким образом, перечисленные паллиативы оказываются весьма слабыми средствами борьбы с безработицей.

Действительной мерой смягчения безработицы явилась бы политика расширения внешних рынков путем удешевления себестоимости продукции. Но осуществление последней цели предприниматели усматривают не столько в рационализации производства, которое здесь протекает слабее чем в других странах, сколько в понижении заработной платы и удлинении рабочего дня. В этих целях английским капиталом и было дано генеральное сражение в первую очередь углекопам. Несмотря на

[1] Взрослый мужчина получает 18 шилл. в неделю, взросл. женщина — 15 шилл., подросток мужчина — 7,5 шилл., подросток женщина — 6 шилл. Семейный безработный получает, кроме основного пособия, еще 5 шилл. на взрослого и 2 шилл. на каждого ребенка.

[2] По соглашению с правительством страховые пособия по безработице распределяются многими профессиональными и иными организациями, которые обязуются при этом выдавать безработному дополнительных 5 шилл. в неделю. Эти организации охватывают 120 — 130 тыс. безработных.

[3] Согласно Empire Settlement Act 1922, действие которого рассчитано на 15 лет. Максимальный размер фонда пособий — 3 милл. фунт. стерлингов.

[4] Характерно, что исключение составляет лишь 1923 год — год сравнительно благоприятной кон'юнктуры („Рурская кон'юнктура"). Странный на первый взгляд факт падения эмиграции в годы кризиса и под'ем ее при улучшении кон'юнктуры об'ясняется довольно просто. Кризис в Англии (1921 — 1922 гг.) совпал с мировым кризисом и поэтому другие страны не могли являться притягательным центром для намеревавшихся покинуть свою родину англичан; экономический же под'ем 1923 г. был в Англии несравненно слабее, чем в Соед. Штатах и некоторых доминионах. Этой резкой разницей в экономических уровнях об'ясняется прилив английской иммиграции в последние страны. Падение эмиграции за самые последние годы об'ясняется еще сильным сокращением Америкой квоты для английских иммигрантов.

огромные потери, понесенные народным хозяйством Англии в этой борьбе, в которой убытки каждого месяца равнялись около 75% стоимости месяца участия ее в мировой войне, предприниматели обнаружили исключительное единодушие в походе на углекопов.

Германия

На движении кривой рынка труда Германии сказалось влияние следующих трех основных факторов, определивших собой характер кон'юнктурных колебаний ее народного хозяйства: продолжавшийся с 1925 года промышленный кризис, перешедший в депрессию с марта 1926 года; интенсивнейший процесс рационализации промышленности, значительно превосходивший аналогичные процессы непосредственно довоенного периода и вызвавший сильные структурные изменения в производстве и, наконец, забастовка английских углекопов. Последняя имела двоякие последствия для хозяйства Германии. Своим возникновением конфликт в Англии содействовал ускорению ликвидации депрессии и переходу ее в фазу промышленного оживления; своим прекращением она отчасти обусловила тенденцию к некоторому ухудшению хозяйственного положения Германии.

В результате рынок труда претерпел следующие колебания (см. табл. на след. стр.).

Весьма чуткий индекс промышленного сырья,[1] которым нам пришлось воспользоваться, как суррогатом, за отсутствием сколько-нибудь репрезентативного индекса физического об'ема производства в Германии, показывает, что некоторые симптомы ухудшения обнаружились еще весною сравнительно благополучного 1925 года. Весьма характерно, что почти одновременно (с мая) начинает свое повышательное движение другой, отмеченный уже нами выше, как особо чувствительный, показатель кон'юнктуры — процент частичной безработицы. Полная же безработица стала испытывать рост на два месяца позже.

Максимального напряжения безработица достигает в январе 1926 года, когда она охватывает огромные кадры рабочих — 30% членов профессиональных об'единений. К этому времени на биржах труда было зарегистрировано 3,2 милл. ищущих труда, при чем на одно вакантное место приходилось в среднем 8 предложений труда против 3 в январе 1925 г. С февраля отмечается постепенное улучшение рынка труда, ускоряющееся накануне английской забастовки.[2]

Интенсивный рост промышленной продукции, которым характеризуется период угольной забастовки, сказался на рынке труда сильнее всего в сокращении численности рабочих, занятых неполное время. Число последних сократилось с мая по ноябрь в 2,2 раза, за то же время количество лиц, полностью лишенных работы, уменьшилось лишь на 22%. К самому концу года вновь обнаружилось значительное ухудшение рынка труда, обусловленное преимущественно сезонными колебаниями и сказавшееся, главным образом, в строительной промышленности, давшей 41% безработных (полных). Помимо последней, рост безработицы наблюдался и в ряде других сезонных производств: не говоря уже о сельском хозяйстве,

[1] Индекс публикуется Institut für Konjunkturforschung при Государственном Статистическом Управлении и охватывает 11 продуктов промышленного сырья.

[2] Не нужно забывать, что приводимые нами данные о рынке труда относятся к концу месяца.

Даты (к концу месяца)	% безработн. среди членов профсоюза			Число безработн., получающих пособие (в тысячах)	Индекс занятой раб. силы	Индекс продукции пром. сырья
	Полная безработица	Частичная безработица	Всего [2]			
1913 г.	2,1	5,0[1]	3,3	—	96,7	100
1925 г.						
Январь	8,1	5,5	9,5	593	90,5	101
Февраль	7,3	5,3	8,6	540	91,4	102
Март	5,8	5,1	7,0	466	93,0	105
Апрель	4,3	4,9	5,4	320	94,6	101
Май	3,6	5,0	4,8	233	95,2	98
Июнь	3,5	5,2	4,7	195	95,3	96
Июль	3,7	5,8	5,0	197	95,0	94
Август	4,3	6,9	6,0	231	94,0	93
Сентябрь	4,5	8,5	6 5	266	93,5	94
Октябрь	5,8	12,4	9,1	364	90,9	92
Ноябрь	10,7	16,0	15,2	673	84,8	95
Декабрь	19,4	19,8	24,5	1.499	75,5	89
В среднем	6,75	8,4	8,8	464,75	91,1	97,5
1926 г.						
Январь	22,6	22,6	29,6	2.031	70,4	87
Февраль	22,0	21,6	28,7	2.056	71.3	89
Март	21,5	21,7	28,1	1.942	71,9	89
Апрель	18,6	19,1	24,5	1.781	75,5	89
Май	18,1	18,2	23,6	1.744	76,4	94
Июнь	18,1	17,2	23,5	1.741	76,5	95
Июль	17,7	16,6	22,7	1.652	77,3	97
Август	16,7	15,0	20,9	1.548	79,1	102
Сентябрь	15 2	12,7	18,6	1.394	81,4	104
Октябрь	14,2	10.2	16,8	1.308	83,2	108
Ноябрь	14,2	8,3	16,3	1.370	83,7	113
Декабрь	16,7	7.3	18,6	1.747	81,4	113
В среднем	18,0	15,9	22,7	1.693	77,3	98,3

ухудшение наблюдалось в швейной, обувной и пищевкусовой промышленности. Декабрьское изменение условий рынка труда не ограничилось, однако, одними „сезонными" производствами. Оно протекало одновременно в деревообрабатывающей, химической и других отраслях промышленности.

В тяжелой индустрии улучшение не прекращалось и к концу года, хотя нельзя не отметить, что уровень безработицы, напр., в металлообрабатывающей промышленности оставался еще весьма высоким в связи с проведенной здесь рационализацией (16% полных и 10,8% частичных безработных). К этому времени безработица среди металлистов уступала строительной и деревообрабатывающей группам производств, но превышала процент безработных в таких зависимых от сезона отраслях, как швейная и обувная.

В распределении безработицы по полу не наблюдалось значительной разницы, в виду высокого уровня безработицы, имевшего место также

[1] Приблизительное исчисление Международного Бюро Труда.

[2] Показатели этой графы исчислены путем суммирования процента полных безработных с процентом работающих не полное время, выраженным по соответствующим коэффициентам (для каждого месяца) в долях полной безработицы. Полученные данные носят приблизительный характер.

в производствах, изготовляющих предметы потребления, где встречается частое применение женского труда (швейная, пищевкусовая и др. отрасли). В среднем за 1926 г. процент безработных (полных) среди женщин достигал 16,7, среди мужчин—18,3.

Что касается абсолютных размеров безработицы, она значительно превышает приведенные нами в таблице цифры лиц, получающих государственное пособие, так как круг пользующихся соответствующим правом сравнительно ограничей. Более детальные расчеты показывают, что за последнее время данные бирж труда, несмотря на их недочеты, значительно приближаются к действительным размерам безработицы. Поэтому мы принимаем, исходя из данных биржи, что в среднем за 1926 г. резервная армия труда в Германии составляла около 2,8 милл. чел. (включая неполно работающих, перечисленных по вышеуказанному методу). Эта огромная армия безработных уступает по размерам лишь рекордной цифре 1923 года, когда в расшатанном головокружительной инфляцией народном хозяйстве Германии насчитывалось около 5 милл. безработных (к концу года). Цифры истекшего года, таким образом, во много раз превышают довоенные размеры безработицы в Германии, которая достигала, например, зимою 1913/14 г. около 600 тыс. человек.[1]

Основным средством борьбы с безработицей является в Германии обязательное страхование из фонда, образуемого из взносов предпринимателей и рабочих (максимум всех взносов составляет 3% зарплаты) Безработным выдаются пособия в течение 52 недель (до марта—39 недель). Пособия распространяются и на членов семьи. Размер пособий подвергался дважды изменениям в течение года. По последнему закону, датированному 9 ноября 1926 г., максимальное пособие, включая выдачи на членов семьи, колебалось между 2,69 и 4,19 марок в день, в зависимости от района и города. После 8 недель непрерывной безработицы максимальное пособие увеличивается до 4,38 марок.

Круг лиц, пользующихся пособием, относительно невелик, если сравнить его с общей массой безработных: в 1926 г. только около 55% из них получали пособия. Еще более ограничен контингент частично-безработных, пользующихся правом на пособие, которое притом выдается в течение непродолжительного срока — не дольше 6 недель.

Что касается разрабатывавшихся здесь широковещательных программ по расширению общественных работ, то результаты их получились более чем скромные: к концу года (15 декабря) на общественных работах было занято всего 124 тысячи безработных.

Общие размеры европейской безработицы

Мы рассмотрели пока главнейшие очаги безработицы, при чем приблизительные исчисления показали, что в двух крупнейших странах Европы—Англии и Германии—резервная промышленная армия достигла огромной цифры — почти в 5 милл. человек. Нам осталось выяснить, каково состояние рынка труда в остальных странах капиталистической

[1] В летнее время безработица значительно слабее. Так, летом 1905/06 г. она охватила, примерно, 100 тыс. чел., а по данным переписи безработных в июне 1895 г.— 299 тыс. чел. (включая временно неспособных к труду). См. Vierteljahresheft für Konjunkturforschung, Heft II, 1926.

Европы, чтобы представить посильный ответ на вопрос о размерах всей европейской безработицы в прошлом году. Для этой цели сделаем дальнейшую попытку произвести соответствующие исчисления ориентировочного характера. Заранее при этом оговариваемся, что по принятому нами методу исчисления безработицы для этих стран, результаты получатся преуменьшенными. Однако, в виду сравнительно небольшого веса последних стран в общей массе безработицы, проистекающие отсюда ошибки, как бы они ни были значительны в отдельных случаях, мало отражаются на суммарных выводах.

За недостатком места мы не останавливаемся на детальной характеристике отдельных расчетов. Укажем лишь вскользь основные методологические приемы. Для стран, располагающих сколько-нибудь развитой официальной статистикой бирж труда и других посреднических бюро по приисканию занятий, мы пользовались данными этих последних. Сюда относится: до конца года незнавшая безработицы Франция,[1] и страны с напряженной безработицей, как Чехо-Словакия и Польша, а также Италия, Швейцария и наши лимитрофы — Финляндия, Латвия, Эстония.

Ко второй группе мы относим страны, где публикуется статистика профессиональных рабочих союзов о безработице среди членов. Эти данные не учитывают ряда отраслей труда (аграрных рабочих, домашнюю прислугу и др.) Сюда пришлось поэтому внести минимальные поправки, хотя бы для промышленности, распространяя публикуемый процент безработных на все число занятых в ней рабочих. К этой группе стран мы относим Скандинавские страны[2] и Венгрию.

Далее следует группа стран с обязательным или добровольным страхованием от безработицы—Австрия, Свободное Государство Ирландии, Бельгия и Голландия,—куда тоже пришлось внести необходимые поправки на недоучет.

По всем перечисленным странам Европы, кроме Англии и Германии, мы насчитываем свыше 1.000 тыс. безработных. Во всей же капиталистической Европе остались лишенными работы в прошлом году не менее 6 милл. чел.[3] Это составить приблизительно 7—8% по отношению ко всей массе наемного труда в капиталистической Европе,[4] т.-е., примерно, в два раза больше, чем в довоенные годы.[5] Вместе с Соединенными Штатами Северной Америки промышленная резервная армия составляла в прошлом году около 7,4 милл.

Перспективы ближайшего года не дают оснований ожидать смягчения этой огромной волны безработицы. Намечающиеся изменения в экономическом развитии главнейших стран говорят лишь о предстоящем перераспределении резервной армии труда по отдельным участкам мирового хозяйства при относительной стабильности общего высокого уровня ее. Уже намечается процесс под'ема кривой безработицы в Соед. Штатах, где к концу прошлого года отмечено ухудшение кон'юнктуры под влиянием ряда факторов (сжатие автомобильной и отчасти строительной промышленности, падение покупательной способности фермерского населения). В Европе, наоборот, заметна тенденция снижения суммарных размеров безработицы. Оно протекает в результате смягчения ее, главным образом, в Англии, переживающей восстановительный процесс после колоссальных разрушений, нанесенных ее народному хозяйству гигантской борьбой углекопов. Слабее выражена понижательная тенденция в другом крупнейшем очаге европейской безработицы—в Германии, где, отчасти в связи с ликвидацией той же забастовки, к концу года вновь возросла резервная армия труда. Здесь обострение безработицы протекало в обстановке непрекращающегося процесса рационализации. Ухудшение наметилось также в условиях рынка труда ряда других европейских стран: в латинских (Франция, Италия, Бельгия)—под влиянием дефляционных процессов, и в Центральной Европе (Австрия, Польша и др.), где возобновилось понижательное движение кон'юнктуры, временно задержанное социальным конфликтом в Англии.

---

[1] Статистика получающих пособие из фондов безработицы, публикуемых во Франции, совершенно не отражает абсолютных размеров безработицы. В 1925 г., напр., из числившихся 264 учреждений по оказанию пособий (233 коммунальных и 31 департаментских) фактически функционировало всего 25.

[2] По Дании, по которой публикуются относительно более полные цифры, мы приняли официальные данные без поправок.

[3] К такому же результату пришел Е. Варга. См. его статью „Мировое хозяйство в 1926 г." в „Экономической Жизни" от 1 января 1927 г.

[4] Численность европейского пролетариата (кроме СССР) составляет по нашим приблизительным подсчетам свыше 90 милл. Указанный процент исчислен в отношении 79 милл. (учтены методы подсчета безработицы по отдельным странам).

[5] О довоенной безработице в Европе см. Вл. Войтинский, „Весь мир в цифрах". Книга вторая, стр. 358.

Г. А. Фельдман

К характеристике хозяйственной кон'юнктуры С. Ш. А.

Еще в марте 1925 г.[1] мы обратили внимание на то, что тот кризис, который, по мнению проф. Н. Д. Кондратьева,[2] должен был вскоре последовать за под'емом конца 1924 г., было бы ошибочно считать обычным проявлением „циклического характера хозяйственного развития капиталистических стран". Это утверждать означало бы не „видеть тех глубоких перемен и в сельском хозяйстве и в развитии фабрично-заводской промышленности, которые совершенно меняют условия, в которых протекали циклические кризисы в прошедшие десятилетия".

Наша точка зрения, повидимому, становится теперь общепризнанной. Для примера сошлемся хотя бы на „Wirtschaftkurue", тетр. IV, 1926 г. (стр. 351),[3] где прямо указывается, что с 1925 г. прежняя цикличность в развитии народного хозяйства С. Ш. А. нарушена.[4] В той же статье автор говорит, что для прогноза хозяйственного развития следует производить анализ кривых приростов (Differentialkurue). Аналогичный метод мы применяли в самой простой (графической) форме в наших работах по исследованию динамики развития хозяйства С. Ш. А., и он именно и дал нам основание для прогноза дальнейшего развития С. Ш. А.[5]

Последние события в автомобильной промышленности С. Ш. А. наш прогноз подтверждают.

Еще совсем недавно Форд писал, что ни о каком насыщении внутреннего автомобильного рынка пока говорить не приходится, что С. Ш. А. сумеют поглотить еще добрый десяток миллионов автомобилей. И вдруг в декабре 1926 года Форд закрывает 2 завода, и 87 тысяч рабочих выбрасывается. Производство автомобилей с августа начало быстро снижаться.

Производство автомобилей в С. Ш. А. (легк. и грузов.)

	1926/27 г.	1925/26 г.	Превышен. или уменьшен в 1926/27 г. по сравн. с 1925/26 г.
Август	425,6	252,5	+ 173,1
Сентябрь	397,3	321,9	+ 75,4
Октябрь	332,4	438,4	— 106,0
Ноябрь	255,8	366,5	— 110,7
Декабрь	165,7	311,4	— 145,7
Январь.	234,1	302,7	— 68,6
Февраль	298,4	357,4	— 59,0

[1] „Перелом в развитии капитализма в земледелии С.-А. С. Ш.", „Плановое Хозяйство", № 9.

[2] „Повышение экономической кон'юнктуры", „Финансовая Газета", 20/I, 1925 г.

[3] „Das „Harvard-Barometer" und die Konjunktur-Beobachtungen in Deutschland" von Dr. Eugen Altschul".

[4] Интересный анализ современной кон'юнктуры С. Ш. А. дан в статье А. И. Зака в „Экономическом Обозрении", № 3, 1927 г.

[5] „Плановое Хозяйство", 1925 г., №№ 3, 7, 9 и 1926 г. № 5.

Мы видим из приведенной таблицы, как резко расходятся линии производства за 1926 и за 1925 гг.

Эти факты Генри Форд старается увязать со своими прежними оптимистическими прогнозами. Указывая на наличие „перепроизводства как сельских, так и фабричных продуктов"[1] и, в особенности, на „гипертрофию потребительского кредита", он находит утешение в том, что оценивает 1926 г., как сверхнормальный; 1927 г. будет уже только нормальным, по его мнению, а перепроизводство 1926 г. постепенно рассосется.

„Что такое хозяйственное благополучие?"— философствует Г. Форд. „Истинное благополучие достигается тогда, когда все в нем участвуют и при котором все являются потребителями. Когда человек потребляет, он должен производить, а когда производство с потреблением сбалансированы — наступает хозяйственное благополучие".

Последнюю часть своего определения, а именно—приспособление производства к рынку, Форд осуществляет, как мы указали выше, единовременным увольнением целой армии рабочих с явным пренебрежением к заботе о том, чтобы все участвовали в потреблении и производстве.

Как капиталист, он, несомненно, поступил весьма благоразумно, так как в последнее время, по его же данным, до 10% продаваемых в рассрочку автомобилей возвращается продавцам вследствие неплатежа.

Приведенные выше цифры доказывают, а соображения Г. Форда это подтверждают, что и неограниченные кредиты (сотни миллионов долларов), предоставляемые потребителям, не в состоянии поддержать сбыт в прежнем масштабе. Автомобильный рынок показывает все признаки насыщения, неизживаемого в короткий период времени.

В автомобильном производстве в С. Ш. А. занято около 1.000.000 рабочих. Оно потребляет около 15% всего прокатного железа, производимого в С. Ш. А.

Этими цифрами определяется значение насыщения автомобильного рынка для всего хозяйства в целом. Однако, оценить, в какой момент развитие автомобильного движения сократится до роста всего народного хозяйства в целом (что означало бы, что прирост числа действующих в С. Ш. А. автомобилей сократится до примерно 500 тысяч в год, прирост за 1926 г. около 2.400.000), предвидеть, произойдет ли это уже в 1927 году, или 1928 году, или, в крайнем случае, это наступит лишь в 1930 году, пока еще чрезвычайно трудно.[2] Между тем, от этого будет зависеть глубина кризиса в автомобильном производстве.

Если предельное (относительное) насыщение будет достигнуто в 1927 г., то, по нашей оценке, производство должно будет снизиться до 58%[3] (в 1928 г.— 61,4%, в 1929 г.— 66,4%) от производства 1926 г.; если насыщение наступит лишь в 1930 году, то мы будем наблюдать снижение производства до 79% в 1930 г. с 99% в 1927 г., с 91% в 1928 г. и с 82% в 1929 г.

[1] N.-Y. Times 26/XII 1926.

[2] Так как пока еще нельзя судить, насколько сжатие производства является превентивной мерой.

[3] С учетом экспорта по нашей оценке.

Таковы пределы действия насыщения в зависимости от того, в какой степени успеют вырасти к моменту насыщения потребность в замене стареющих автомобилей и внешний рынок.

Но если даже взять худшие цифры, в предположении, что уже сейчас наступило предельное насыщение рынка, мы все же должны сказать, что удельный вес сокращения производства числа автомобилей в огромном масштабе американского хозяйства не так уже велик. При этом надо иметь в виду, что сокращается выпуск наиболее дешевых автомобилей, производство которых носит исключительно массовый характер. В конечном счете это может выразиться в росте безработицы на 200—250 тыс. человек и, как мы покажем дальше, не может отразиться в значительной степени на всем хозяйстве С. Ш. А.

Однако, к вопросу надо подойти с иной точки зрения. В нашей статье „Материалы к характеристике фабрично-заводской промышленности С. Ш. А.“ [1] мы выявили, что замедление темпа хозяйственного развития последних до 1919 г. выражалось в замедлении роста механизации фабрично-заводской промышленности. Грандиозный кризис 1921 г. дал некоторый сдвиг в сторону увеличения „коэффициента механизации“, но за счет сильнейшего сокращения численности занятых рабочих. Теперь к тем отраслям промышленности, которые уже успели стабилизоваться, достигнув (первоначального) насыщения рынков (для примера назовем железнодорожное строительство), прибавляется и автомобильная промышленность. Значение этих процессов с американской практичностью излагает известный американский промышленник и директор Полаковского института экономических изысканий, В. Т. Фостер. „Наблюдаемый темп роста не может долго продолжаться,— говорит он,— рост автомобильной промышленности до сего времени дал возможность избегнуть недостатка в потреблении всего американского производства, но теперь этот недостаток должен наступить, если не найдется новых потребителей. Современное благополучие в дальнейшем нельзя будет удержать, если не найдется какой-нибудь новой отрасли промышленности или целой комбинации отраслей, которые в ближайшем будущем показали бы такой же рост, который мы наблюдали за только что истекшие годы в автомобильной промышленности. Если не будет нового поля деятельности в другом месте, автомобильная промышленность сама по себе может претерпеть катастрофу“. [2]

Чуждым для нас языком этот практичный американец высказывает совершенно правильное опасение, что для С. Ш. А. может быть близок тот момент, когда аппарат для производства „основного капитала“, в том числе и орудий производства энергии (к каковым мы причисляем и транспортные средства), окажется переросшим потребности, определяемые в первую очередь темпом развития производительных сил страны.

Однако, к нашему удивлению, он не говорит о необходимости завоевания внешних рынков, а высказывает в дальнейшем взгляды, отнюдь не чуждые нашей печати.

Он говорит, что „лишь отчасти можно приписать современное хозяйственное благополучие С. Ш. А. той мудрости, с которой действовала федеральная резервная (банковская) система за истекшие 4 года, и что положение может измениться в любой момент настолько, что федеральная резервная система не сможет ни достаточно влиять на сумму денежных средств в обращении, ни направить их так, чтобы поддержать здоровое состояние дел“. Он указывает, что своим хозяйственным благополучием С. Ш. А. обязаны ни организационным талантам правительства в деле целесообразного накопления капиталов, ни высоким таможенным тарифам, ни какому-либо особому превосходству американской расы над другими. Очевидно, лишь сочетание целого комплекса исторических об'ективных причин создало столь выдающееся благополучие С. Ш. А. „Теперь,— продолжает он,— мы должны стремиться путем планирования добиваться таких же успехов, какие до сего времени выпадали на нашу долю лишь благодаря благоприятному стечению обстоятельств“.

Однако, мысль г. Фостера все же в плену у капиталистического хозяйства. Поднявшись до относительной высоты при постановке вопроса в общей форме, он беспомощно опускается до вульгарности, как только пытается конкретизировать задачу. Ему кажется, что весь вопрос состоит лишь в том, чтобы найти какую-нибудь молодую, новую отрасль промышленности, которая могла бы заменить стареющую автомобильную промышленность. И если, думает он, удастся направить поток американских капиталов на хорошие дела, „то нет причин, почему благополучие С. Ш. А. не могло бы продлиться на много поколений“.

Ему, очевидно, чужда мысль о возможности и необходимости регулировать внутри страны не только производство, но и потребление. В этом отношении Форд выше Фостера, так как он не раз довольно безнадежно взывал к благоразумию промышленников, убеждая их увеличивать зарплату и вводить пятидневную неделю, чтобы увеличить платежеспособный спрос населения.

Все эти „новые идеи“ капиталистических новаторов невольно наводят на сравнение с тем брожением, которое наблюдалось в умах „передовых помещиков“ дореформенной России.

Становится совершенно очевидным, что жизнь требует самым категорическим образом регулирования, плановости. И мы видим, что наиболее дальновидные представители буржуазии вполне усваивают эту необходимость, стремясь не опоздать и использовать „реформы“ в свою пользу.

Однако, если основных противоречий своего развития буржуазии разрешить не удастся, все же несомненно, что Форды и Фостеры до некоторой степени могут задержать назревание революционных событий. Во всяком случае в их руках находятся средства и возможности, которые во много раз превосходят все то, что экономика и техника знали до сих пор: блестящая статистика, исключительное богатство кон'юнктурных и экономических институтов и журналов, снабжающих руководителей хозяйства усовершенствованными экономическими барометрами, высокая техника производства и научная его организация, ценнейшие исследования природных возможностей и богатейшие научно-исследовательские лаборатории и учреждения. И все это на базе огромного хозяйства, самой своей „основной величиной“ создающего известную относительную устойчивость в производстве и потреблении. Производство так слажено, отдельные его отрасли так припасованы, что нет нужды в зна-

[1] „Плановое Хозяйство“, 1925 г., №7.
[2] „The Wall Street Journal“, 25/XI 1926 г.

чительных запасах. Благодаря колоссальному развитию прогностических исследований[1] даже в самих промышленных предприятиях возможность сколько-нибудь значительного затоваривания исключена.

Денежные запасы огромны, деньги дешевы.

Мы должны сказать, со всей определенностью, что в настоящее время в С. Ш. А. кризисы будут корениться лишь в условиях обновления основного капитала.

Кон'юнктурными наблюдениями, подвижной системой федерально резервных банков, исключительной бесцеремонностью в использовании рабочих по мере нужды и огромными размерами и многообразием своего „основного" постоянного рынка, огромным запасом денежных капиталов,—С. Ш. А. застраховали себя от влияния частичных, незначительных, поверхностных явлений перепроизводства. Вся кон'юнктура С. Ш. А. зависит от условий и времени воспроизводства основного капитала. С. Ш. А. доросли до таких размеров, когда износ, погашение оборудования, или далеко не всегда во время подоспевающие, технические революции в большей степени влияют на кон'юнктуру хозяйства, на нагрузку промышленности, чем рост всего промышленного оборудования в целом. „Новое" в настоящий момент играет меньшую роль, имеет меньший вес в хозяйстве С. Ш. А., чем „старое". С. Ш. А. переживут в ближайшие годы насыщение автомобильного рынка, насыщение нефтяного рынка (и под влиянием сокращения роста автомобилизма и в силу распространения ожиженного угля и вследствие распределения газофикации угля), насыщение электрификационного рынка. Однако, все это будет происходить независимо от условий кредита и дешевизны денег. Все эти явления можно было бы предсказать с такой же точностью, как мы это сделали для автомобильной промышленности, при наличии достаточного количества статистических данных. Но обыденные кон'юнктурные наблюдения очень мало могут дать для прогноза, ибо они в достаточной мере использованы хозяйственными организациями.

С. Ш. А. пришли к такой точке своего развития, когда „хозяйственное благополучие" („просперити") могло бы быть обеспечено лишь развернутым, централизованным плановым хозяйством, при котором регулировалось бы и производство, и потребление, и накопление.

Совершенно ясно, что такого перераспределения национального дохода, такого ограничения произвола капиталистический мир С. Ш. А. не допустит.

Для характеристики методов регулирования капиталистического хозяйства приведем следующие данные. В первую очередь данные о безработице. На основании публикуемых „Bureau of Labor statistics" индексов, занятости и данных переписей определяется численность безработных среди фабрично-заводских рабочих следующими рядами (см. табл. на след. стр.; цифры даны в тысячах).[2]

Из этих цифр и их динамики мы видим, как далеки С. Ш. А. от плановости в хозяйстве с точки зрения фордовского „хозяйственного благополучия".

[1] Joseph H. Barber, „Economic Control of Inventoy", 1925 г. (Должна в скором времени выйти на русском переводе под редакцией А. И. Зака. Изд. РКИ.)

[2] В виду отсутствия регистрации безработных, наши исчисления имеют условный характер, определяя лишь предельные ряды и динамику движения.

Годы	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Минимальный ряд .	1559	1534	52	—634[1]	—357	237	0	2721	2696	1199	2413	2395	2370
Максимальный ряд .	2156	2143	673	0	288	894	668	3401	3388	1903	3129	3123	3110

К снижению темпа в развитии С. Ш. А. приспособляются и ограничением иммиграции:

	1912/13 г.	1925 г.	Норма на 1927 г.
Количество иммигрантов . .	1.117.087	160.000	150.000

При огромном количестве безработных С. Ш. А. вывозят значительные капиталы как в Европу, так и в Латинскую Америку и проч. страны. Вся сумма вывезенных из С. Ш. А. за 1926 год капиталов оценивается в 1.900 милл. долларов, что, несомненно, задерживает развитие внутреннего рынка, но увеличивает прибыли капиталистов.

Однако, на ряду с вышеприведенными факторами, мы наблюдаем явления совершенно другого порядка. Так, снижение темпа хозяйственного развития повело к довольно устойчивому снижению цен.

В особенности же мы должны обратить внимание на рост зарплаты и быстрое увеличение числа вкладчиков и суммы вкладов.

Годы	На 15 мая													
	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Номинальная зарплата	100	102	102	106	112	130	148	189	193	183	198	214	223	233
Индекс стоимости жизни	100	102	105	112	130	158	177	217	180	167	170	169	174	175
Реальная зарплата[2]	100	100	98	95	86	82	84	87	107	109	117	127	129	134

Число вкладчиков и их сбережения[3]

Годы	Сумма сберегательных вкладов в милл. долл.	Вкладчиков милл.	Сбережения на 1 вкладчика в долл.
1912	8.404	12,6	667
1915	8.807	16,1	547
1920	15.314	22,4	683
1921	16.500	27,8	594
1922	17.578	30,5	577
1923	19.720	35,8	551
1924	21.188	38,7	548
1925	23.134	43,8	528
1926	24.696	46,7	528

[1] Отрицательные величины означают временный переход рабочих из других отраслей хозяйства в фабрично-заводскую промышленность.

[2] Существует несколько индексов как номинальной зарплаты, так и стоимости жизни. Данные индексы довольно правильно дают динамику тарифных ставок в реальном выражении.

[3] Berliner Börsen-Courier, 27/XII 1926.

Мы невольно ставим себе вопрос, не зависит ли рост зарплаты от накопления. Нам думается, что не только увеличение заработков увеличивает накопление, но и накопление облегчает борьбу рабочего класса за увеличение своих заработков, так как совершенно очевидно, что при таком колоссальном количестве вкладчиков в их числе не последнюю роль играет и рабочий класс. Таким образом, лишь соотношением сил мы об'ясняем те психологические сдвиги в сторону увеличения зарплаты и сокращения рабочего времени, которые наблюдаются у наиболее „передовых" представителей капиталистического мира, каким является Генри Форд. Из этих предположений непосредственно вытекает вопрос, не переносится ли (в С. Ш. А.) борьба рабочего класса с капиталистическим хозяйством в некоторых отношениях в иные плоскости и не назревают ли противоречия на новых линиях пересечения...

Мы должны признать современную хозяйственную обстановку весьма своеобразной и в высшей степени затрудняющей ссылку на опыт прежних лет при прогнозе на будущее.

Мы снова возвращаемся к тому, что лишь оценка процессов, характеризующих воспроизводство основного капитала, сможет дать базу для предсказания времени и глубины предстоящего кризиса.

Насколько мы можем дать себе в этом отчет, динамические процессы в настоящий момент не выявляют таких сдвигов, которые дали бы возможность говорить о кризиссе на 1927 год.

Лишь одна автомобильная промышленность в настоящий момент определенно снижает сумму всего производства, а в общем и целом мы наблюдаем лишь сильнейшее снижение т е м п о в развития.

Вес автомобильной промышленности сам по себе не особенно велик, и сокращение этого производства даже на 30—40% не может быть причиной глубокой депрессии во всем хозяйстве С. Ш. А. в целом.

Выводы напрашиваются сами собой: кризиса, настоящего развернутого кризиса в С. Ш. А. в течение 1927 г. мы не увидим. Предстоит год неполной нагрузки промышленности, год „малых дел" внутри страны, год усиленной борьбы на внешних рынках. Основным противоречием будет несоответствие между темпом накопления капиталов и расширением поля для их приложения внутри страны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

А. М. Терпиорев

Об эксплоатации курских железных руд

Минеральное топливо и железные руды являются основною базою, на которой строится развитие всей тяжелой индустрии, вот почему выявление всех естественных ресурсов этих полезных ископаемых в общем балансе производительных сил страны является одною из главных задач народного хозяйства.

В настоящее время основными ресурсами железной руды, определяющими развитие металлургии, являются: на юге Союза месторождения Кривого Рога и Керченского полуострова и на Урале — Магнитогорское, Бакальское и месторождения Среднего Урала. Кроме этих месторождений, промышленное значение которых вполне выяснено, Союз обладает еще целым рядом мощных месторождений железной руды, благонадежность которых, с точки зрения запасов, и промышленное значение которых, с точки зрения рентабельности разработки и переработки железной руды, находятся в той или другой стадии изученности. Из числа таких месторождений, которые в ближайшее время явятся об'ектом промышленной эксплоатации, необходимо отметить в Западной Сибири — Тельбесское и в Закавказье — Дашкессанское. Все запасы железной руды (действительные, вероятные и возможные) в пределах всего Союза во всех месторождениях как исследованных в той или другой степени, так и эксплоатируемых в настоящее время, по данным Геологического комитета и ряда специалистов, определяются в 2.557 милл. тонн, из которых на долю действительных запасов, вполне разведанных, приходится 1.233 милл. тонн, т.-е. 50% всех запасов.

Действительные запасы железной руды в месторождениях наиболее мощных, являющихся длительными ресурсами для металлургической промышленности и эксплоатирующихся в настоящее время, составляют: в Кривом Роге—234 милл. тонн, в Керчи—900 милл. тонн и на Урале—65 милл. тонн. Если сопоставить действительные запасы Союза с действительными запасами всего мира, которые составляют 31—32 млрд. тонн, то первые составят около 4%, а все запасы Союза по отношению к мировым, определяемым в 132 млрд. тонн, всего 2%.

Совершенно обособленным стоит месторождение курских железных руд, в области курской аномалии, представляющее исключительное значение по тем громадным запасам, которые подсчитаны на основании предварительных исследовательских и разведочных работ. Для определения местоположения рудных залежей в аномальной области были применены методы геофизических исследований: гравитационная с'емка (изучение аномалии тяжести) и комбинация магнитных и гравитационных измерений, произведенные приборами, разработанными и сконструированными исключительно русскими учеными. Кроме исследовательских мето-

дов, были применены разведки помощью глубокого бурения, скважины которого прорезали всю железнорудную толщу в нескольких местах.

Вся аномальная полоса, по данным акад. П. П. Лазарева, имеет протяженность в 250 *км*, а разведанная область занимает всего 18 *км*. Средняя мощность рудной залежи—220 *м*; рудная залежь представляет железистый кварцит, состоящий из чередующихся тонких слоев железной руды и кремнеземистых пород, она довольно плотная, твердая, но хорошо дробящаяся. Рудною частью является магнетит (магнитный железняк); содержание металлического железа в рудной толще изменяется от 30% до 47%. По подсчетам проф. И. М. Губкина действительные запасы железной руды, с средним содержанием железа в 35% в разведанной полосе до глубины 800 *м*, определяются в 10 млрд. тонн, т.-е. столько же, сколько имеет вся Западная Европа; из этого запаса можно получить около 3,5 млрд. тонн железа; вся же аномальная полоса, протяжением в 250 *км*, может заключать запас в 200 млрд. тонн железной руды или 70 млрд. тонн железа. Отсюда мы видим, что предполагаемый запас курских железных залежей является грандиозным, а в разведанной части содержит почти $^1/_3$ металлического железа всего мирового запаса. Вполне понятно, что нахождение такой грандиозной рудной залежи в центральной части Союза, в самом кратчайшем расстоянии от промышленных металлообрабатывающих центров, выдвигает вопрос о рентабельности эксплоатации данного месторождения. Этот вопрос детально прорабатывался группою профессоров и преподавателей Московской Горной Академии, под моим общим руководством, и результаты, к которым пришла эта комиссия сводятся в общих чертах к следующему.

Как было указано выше, месторождение представляет пластообразную залежь плотного, устойчивого и довольно крепкого железистого кварцита со среднею мощностью в 220 *м*, залегающую под углом в 60° на глубине 160 *м* от поверхности. Главные составные части рудной залежи, на основании многочисленных анализов, могут быть приняты следующими:

Кремнезема	ок. 48%
Окиси железа	„ 30—47%
Закиси „	„ 6—20%
Серы	„ 0,75%
Фосфора иногда до 0,03 (чаще отсутствует)	

Для подсчета себестоимости добычи одного пуда сырой руды в проекте, при проработке этого вопроса, была принята производственная единица, состоящая из 2 сдвоенных вертикальных шахт, с общею годовою добывною производительностью в 820.000 тонн (50.000.000 пуд.). Такая шахта должна разрабатывать этаж, в 33 *м* вертикальной высоты в каждую сторону, по простиранию на 600 *м*. Общий запас сырой руды в этаже, при весе 1 *куб.м* ее в 3,6 тонн, будет 36.000.000 тонн, а полезный при потере в 20%—28.800.000 тонн, который определяет срок существования этажа в 35 лет.

Под'емная шахта, заложенная в Щигровском районе, до горизонта первого этажа будет иметь глубину 230 *м*, из которых 160 *м* по породам мягким и средней крепости и 70 *м* — по твердым породам — хлоритослюдистым сланцам; среди мягких пород—35 *м* плавунов. Шахтою предполагается разрабатывать два этажа, так что общая глубина ее будет 275 *м*. Под'емная шахта, круглого поперечного сечения, диаметром

в свету 5 *м*, закреплена бетоном, а плавуны — чугунною опускною крепью. Под'емная шахта оборудована для под'ема руды двумя скипами (ящиками), емкостью каждый 2 *куб. м*. Под'ем и спуск рабочих производится в клетях на втором самостоятельном под'еме. Под'ем электрический, с суточною производительностью в 4.000 тонн. Вентиляционная шахта, круглого сечения, диаметром в свету 2,8 *м*, закреплена бетоном. Около рудничного двора под'емной шахты имеются бункера емкостью в 120 тонн для приема руды из вагончиков с откидными боковыми стенками, емкостью каждый в 3 тонны; доставка производится электровозами контактового типа; разгрузка вагончиков и нагрузка скипов механизированы. Около рудничного двора имеются большие водосборные колодцы для приема воды из работ и воды, стекающей из гидравлической закладки. В насосной камере около водосборных колодцев расположены 3 мощных электрических центробежных насоса. На вентиляционной шахте установлен электрический вентилятор для постоянного искусственного проветривания подземных работ.

Рудная залежь представляет прочную, устойчивую, довольно однородную толщу, имеющую подстилающую породу — хлоритовые, слюдистые сланцы, в которых проводятся все вышеуказанные главные выработки, и покрывающую породу — плотные глинистые сланцы.

Для выемки руды наиболее подходящею и дешевою системою разработки должна быть магазинированная камерная выемка с оставлением части руды в камере, в виде временной закладки. Остающиеся между камерами целики руды, в виду применения полной гидравлической закладки, предполагается также выбирать в большей их части. Для закладки применяются отходы (хвосты) с обогатительной фабрики. Камеры имеют размеры: в длину 70 *м*, в ширину 21 *м* и в высоту 22 *м*, об'ем камеры 32.400 *куб. м*, или 117.000 тонн сырой руды. Размеры междукамерных целиков: длина 70 *м*, ширина 7 *м* и высота 33 *м*, полезный об'ем — 11.000 *куб. м*, или 39.000 тонн руды. Для годовой добычи в 820.000 тонн руды необходимо добыть из очистных работ 736.600 тонн и подготовительных —83.400 тонн руды. Подготовительные работы составляют 11% по отношению к очистным. Все главные подготовительные выработки проводятся в толще руды и имеют поддерживающие целики, почему не требуют крепления и поддержание их обходится дешево. Камера во время выемки руды заполнена отбиваемою рудою, и рабочие для производства работ стоят на ней. Камера не закрепляется. Выемка руды производится при помощи динамита, для чего в забоях проводятся глубокие шпуры помощью колонковых перфораторов, действующих сжатым воздухом. Разборка больших кусков производится при помощи бурильных молотков, действующих тоже сжатым воздухом. Число одновременно работающих перфораторов 131 шт. и молотков 39 шт., а всего 170 шт. Работа по выемке происходит в две смены, а третья идет на ремонтные и подготовительные работы. Освещение в работах—переносными аккумуляторными лампочками. Доставка руды осуществляется поездами в 10 вагончиков помощью электровозов.

После выемки руды в камере и выпуска из нее руды, она заполняется гидравлическою закладкою, главным материалом для которой служат отходы из обогатительной фабрики. В виду того что для закладки имеется уже готовый материал, стоимость сооружения для производства

гидравлической закладки, а также обслуживание его и производство всех операций с закладкой обходится дешево.

Общее число занятых трудящихся составляет: забойщиков — 570 чел. прочих подземных—350 чел., поверхностных—300 чел., служащих—140 чел., а всего 1.360 чел. При таком числе занятых рабочих средняя годовая производительность будет: забойщика — 1.420 тонн и одного трудящегося—603 тоны руды.

Стоимость выемки одного пуда сырой руды в современной валюте обходится:

Рабочая сила	1,306 к.
Начисления	0,304 „
Материалы проч.	1,860 „
	3,470 к.

Отдельные главные статьи, входящие в себестоимость, составляют на один пуд руды:

Выемка руды	2,182 к.
Крепление	0,062 „
Закладка проч.	0,200 „
	2,444 к.

Это будет стоимость сырой руды на коренном штреке; если сопоставить эту стоимость с данными шведских рудников, где разрабатываются подобные же руды и в таких же условиях, то там стоимость одного пуда руды на коренном штреке обходится не дороже 1,3—1,5 коп.; таким образом, выведенную себестоимость руды надо считать не только преуменьшенной, но скорей надо полагать, что выемку руды можно будет производить более экономно. В себестоимость руды в 3,47 коп. входят расходы в 0,324 коп. по управлению и рудничному хозяйству. Начисления на зарплату определены в размере 23%, как слагающиеся из 15% социального обеспечения, 2% на усиленное питание, 2% на прозодежду и 4% на отпуска.

На руднике, на поверхности предусматриваются следующие технические сооружения: на под'емной главной шахте — надшахтное здание с металлическим копром и 2 под'емными машинами; на вентиляционной — вентиляционное здание для вентилятора; здание для компрессорной установки и здание центральной электрической станции для установки турбоальтернаторов, мощностью в 6.200 квт; станция работает на хорошем, теплоплотном привозном угле. Стоимость одного квт.-часа определена в 2,5 коп., а стоимость 1 *куб. м* сжатого воздуха в 0,25 коп.

Добытая в шахте руда поступает в обогащение на обогатительную фабрику, которая примыкает непосредственно к надшахтному зданию.

В виду того, что руда обладает магнитными свойствами и довольно хрупкая, обогащение применяется комбинированное: для более грубого отбора зерен магнетита после первого крупного дробления пользуются сепараторами барабанного типа с весьма слабым током в обмотке магнитов, а остаток (хвосты) подвергается дальнейшему дроблению и обогащению на мокрых сепараторах. Дробление производится в несколько приемов. Обогащенная руда подвергается обезвоживанию, с целью доведения влажности в концентратах до 8—10%. В обогащение поступает руда с содержанием 30% металлического железа (в Швеции подобные руды идут в обогащение с содержанием металлического железа даже в 22—23%).

Выход обогащенной руды принят в 42% при потере железа в хвостах в 8% (по американским данным отходы чаще не более 5%) и доведения концентрации до 60% железа. В этом случае надо на 1 пуд обогащенной руды пустить в обогащение 2,4 пуд. сырой руды.

Расход энергии на 1 тонну сырой руды принят в 0,5 квт., тогда как этот расход, по данным американских и шведских рудников, изменяется от 0,2 до 0,5 квт. Общая потребная мощность для обогащения 3.300 тонн в сутки принята в 1.200 квт. при коэффициенте использования в 70%. Обогатительная фабрики обслуживается в сутки 83 рабочими. Стоимость сооружения обогатительной фабрики определена: механическое оборудование в 700.000 руб., постройка зданий — 250.000 руб. и жилищная колония—166.000, а всего в 1.116.000 руб. Стоимость обогащения, падающая на пуд сырой руды, следующая:

Зарплата	0,077 коп.
Начисления 21%	0,016 „
Энергия	0,252 „
Материалы	0,110 „
Амортизация и проценты из 6% на затрач. капитал	0,166 „
Прочие расходы	0,104 „
Всего . . .	0,725 коп.

При определении начислений на зарплату не учитываются 2% на вредность работы.

В заграничных примерах мы имеем стоимость обогащения одной тонны подобных руд не выше 30 коп. при более низкой стоимости энергии, но зато при более высокой зарплате. Стоимость обогащения, падающая на один пуд концентрата с 60% металлического железа, обойдется в 1,74 коп.

Из обогащения концентрат выходит в виде тонкого порошка, который в таком виде не может итти в доменную плавку, почему он поступает в агломерирование для превращения этого порошка, путем сплавления, в кусковое состояние. Агломерирование предполагается производить по способу Гриневальта, который в общих чертах состоит в следующем: в чугунную или стальную, вращающуюся на полых цапфах печь, на ее колосниковую решетку тонким слоем помещают смесь порошкообразной руды и горючего кокса или каменного угля; эта смесь приготовляется в особом приборе — смесителе. Смесь размещается на колосниковой решетке помощью особой тележки, которая движется над печью. После загрузки печи смесью, эта последняя зажигается помощью особого прибора — зажигателя, в котором располагаются горелки для нефти или керосина. Через зажженную смесь — шихту — сверху вниз протаскивается при помощи эксгаустера, который соединен с полыми цапфами, воздух, поддерживающий горение и способствующий спеканию всей массы.

Вся операция продолжается 35—40 минут. Когда масса спеклась и превратилась в спек, то печь оборачивается на цапфах и спек сваливается в по ставленный вагончик. Печь, размерами 10 фут. на 20 фут., дает в 24 часа от 150 до 250 тонн спека. Количество плохо спекшегося материала, по данным шведских фабрик, достигает 10—15%, которые снова поступают в печь в качестве постели на колосники при последующей засыпке смеси. Это неспекшееся количество руды припекается к новой насадке без добавки горючего.

Стоимость агломерационной фабрики, производительностью в 1.600 тонн агломерата в сутки, определена в 1.368.000 руб. с жилою колонией для 83 чел., обслуживающих эту фабрику. Эта стоимость слагается из стоимости машин и аппаратов—680.000 руб., оборудования и монтажа—120.000 руб., технических сооружений 400.000 руб. и жилищной колонии—168.000 руб. Главными расходами при агломерации составляет горючее, которое принято в количестве 6% от веса агломерата; горючим является каменноугольная мелочь, принятая по цене 9 руб. тонна, а для зажигания — нефть при расходе 1,5 *кг* на тонну агломерата, по цене 4 коп. *кг*, в этом случае стоимость горючего падает на 1 пуд агломерата 1,030 коп.; вторым значительным расходом является электрическая энергия для обслуживания двигателей, общей мощностью в 1.300 квт., при работе в течение 24 час. и коэффициенте использования в 70%; стоимость энергии падает на 1 пуд агломерата 0,546 коп. Общая стоимость агломерации одного пуда обогащенной руды составит:

Зарплата	0,200 коп.
Начисления 23%	0,046 „
Энергия	0,646 „
Горючее	1,030 „
Прочие расходы	0,234 „
Погашение и %% на капитал	0,390 „
Всего	2.446 коп.

Рудник имеет свою жилищную колонию для обслуживания 85% числа работающих, полагая, что 15% рабочих будет размещаться в окружающих селениях. Принимая семейственность в 3, строительную кубатуру в 4 куб. саж. на живущего и стоимость постройки куб. саж. в 120 руб., получим общие затраты на жилищную колонию в 1.750.000 руб. Стоимость хозяйственных, культурно-просветительных сооружений и благоустройства принимается в 20% от стоимости жилищной колонии, тогда общая стоимость гражданских сооружений составит 2.100.000 руб.

К руднику подведена железнодорожная ветка широкой колеи, протяжением с рудничными путями в 15 *км* и, кроме того, проложено 5 *км* узкоколейных рудничных путей. Общая стоимость сооружения этих путей определена в 325.000 руб.

Общая затрата основного капитала на сооружение рудника следующая

	Стоимость	Срок погашения
Проходка под'емной шахты, глубиною 275 *м* (129 пог. саж.) по цене 4.000 пог. саж.	516.000 руб.	36 лет
Вентиляционная шахта, глубиною 230 *м* (108 с.), по цене 1.900 р. пог. саж.	205.000 „	36 „
Квершлаги и обходные выработки по цене 260 р. пог. *м*	75.000 „	36 „
Бункер	45.000 „	36 „
Водосборный резервуар	52.000 „	36 „
Остальные главные выработки:	25.000 „	36 „
Рудничное механическое оборудование: электровозы, вагонетки, перфораторы, устр. для мокрой закладки	504.000 „	36 „
Технические сооружения: надшахтное здание, машинное, компрессорное, механические мастерские, вентиляционное здание и электрическая станция	350.000 „	25 „

	Стоимость	Срок погашения
Хозяйственные сооружения и жилищная колония	2.100.000 руб.	36 лет
Железнодорожный путь	325.000 „	25 „
Электромеханическое оборудование: копер		
и под'емн. машины	420.000 „	25 „
водоотлив	83.000 „	25 „
компрессор. установ.	330.000 „	15 „
вентилятор	10.000 „	15 „
электр. станц.	1.800.000 „	20 „
Всего	6.840.000 руб.	—
Затраченный капитал на пуд добытой руды	13,7 коп.	
Стоимость обогатительной фабрики	1.116.000 р.	
„ агломерац. фабрики	1.365.000 „	

Весь затраченный капитал 9.320.000 руб., что на пуд добытой руды составляет 18,6 коп.

Амортизация затраченного капитала на оборудование рудника (кроме обогатительной и агломерационной фабрик) и проценты на этот капитал из 6% годовых падают на пуд сырой руды — 1.246 коп.

На основании приведенного расчета полная стоимость добычи одного пуда сырой руды выразится:

Добыча	3,47 коп.
Содержание рабочей колонии	0,084 „
Амортизация	1,246 „
Всего	4,8 коп.

Полная стоимость обогащенной руды

Стоимость сырой руды	$2{,}4 \times 4{,}8 = 11{,}52$ коп.
„ обогащения	$2{,}4 \times 0{,}725 = 1{,}74$ „
	13,26 коп.

Стоимость агломерата будет 15,7 коп.

Если бы в обогащение поступала более богатая руда, напр., с содержанием железа в 35%, то тогда стоимость обогащенной руды была всего 10,85 коп., а агломерата — 13,3 коп.

Для сравнения стоимости получения чугуна из Курской и Криворожской руд взяты Сталино (Юзовка) и район Никитовка-Горловка, как находящиеся в наиболее близком расстоянии к местонахождениям железных руд и где плавка ведется на местном коксе, при чем расход кокса при плавке на спеке принят на 10% меньше, чем на плотной Криворожской руде. Тогда стоимость пуда привозной руды на Сталино при себестоимости Криворожской руды в 10,5 коп. и тарифе 6,2 коп. будет 16,7 коп., а на Никитовке при себестоимости руды в 15,7 коп. и тарифе 7,3 коп.— 23,0 коп.; стоимость кокса принята в 30 коп. При равных стоимостях других сырых материалов, идущих в плавку, равных накладных расходах и при расходе на пуд передельного чугуна железной 60% руды — 1,65 пуд., а кокса в первом случае 1,15 и во втором — 1,035 пуд., стоимость чугуна на Курской руде обойдется на 7 коп. дороже, чем на Криворожской.

Если бы добывалась руда с средним содержанием металлического железа 35%, то при себестоимости железной руды в 13,3 коп.— стоимость чугуна обойдется на 4 коп. дороже.

Приведенные расчеты себестоимости чугуна взяты только для сравнения, при практическом же проведении эксплоатации месторождения

железной руды выплавка чугуна должна осуществляться в районе разработки этих руд на привозном коксе, и в этом случае стоимость одного пуда чугуна обойдется на 13 коп. дороже, чем в Донбассе. Но такая повышенная стоимость чугуна будет компенсироваться удешевленною стоимостью тарифа при перевозке чугуна и полуфабриката к металлообрабатывающим центрам Центральной и Северо-Западной областей.

В настоящей статье мною выявлены те экономически-технические возможности, какие может обусловить разработка Курских железных руд при той стадии изученности, какою мы располагаем в настоящее время, т.-е. при разработке очень бедных руд. Здесь надо отметить, что имеются возможности, при детальном разведывании и дальнейшем обследовании весьма обширной аномальной площади, нахождения включений залежей более богатых руд, что имеет, например, место в Криворожском районе, где нередко среди бедных железистых кварцитов встречаются пластообразные залежи богатых руд. Поэтому одною из задач ближайшего периода надо считать установку детального разведывания этого месторождения для выявления наиболее рентабельно-промышленного его использования.

Н. В. Красовский

Достижения и перспективы в использовании энергии ветра в СССР

Энергия ветра начала применяться для приведения во вращение ветряных двигателей уже со II столетия нашей эры.

В С.-А.С.Ш. в конце XIX столетия было около 200 заводов, занимавшихся изготовлением ветряных двигателей, при чем годовой выпуск „Аэромотор“ в 1895 году достигал—60.000 экз. и „Эклипс“—45.000 экз.

Земледелие и садоводство во многих полузасушливых штатах Северной Америки получили возможность своего возникновения и существования исключительно благодаря применению ветряных двигателей для орошения и других сельскохозяйственных работ.

Перед войной в Аргентине ежегодно устанавливалось 12—15 тысяч ветряных двигателей.

У нас, в СССР, по данным специального обследования Академии Наук, в 1917 году общее количество ветряных двигателей в 38 губерниях (197 уездах) Европейской России составляло около 170.000 экземпляров, из которых двигателей заводского изготовления было только 67 экземпляров. Вероятная общая среднегодовая мощность этих двигателей была порядка 700.000 лошадиных сил.

На пространстве всего СССР цифры эти будут значительно выше. Все 67 ветряных двигателей заводского изготовления обслуживали приспособления для под'ема воды. Маслобойных заводов с ветряными двигателями отмечено 541, т.-е. 0,58%, и громадное большинство (более 99%) ветряных двигателей применялось для мельниц. Поуездное обследование показывает, что почти всегда наличными ветряными мельницами можно на месте же перемолоть весь урожай хлеба. В довоенное время, перемалывая около 40—50% всего хлеба в России, ветряные мельницы использовывали для этого всего лишь около 10% проходящей через них за год энергии ветра. Всю мукомольную промышленность СССР в смысле потребной энергии удовлетворить и в данное время могли бы существующие ветряные мельницы, используя для этого лишь 26,3% проходящей через них за год энергии ветра.

В последнее время в связи с пересмотром основного плана электрификации СССР тов. Г. М. Кржижановским в ряде статей, напечатанных в журнале „Плановое Хозяйство“, поднят вопрос о необходимости учета энергетических ресурсов ветра в СССР.

Поэтому подведение итогов ведущихся у нас в СССР в Центральном аэро-гидродинамическом институте (ЦАГИ) НТУ ВСНХ работ над этой проблемой является желательным и своевременным.

Большая работа проделана ЦАГИ по составлению карты энергетических ресурсов ветра в СССР.

Начало работы положено было Главным Выставочным Комитетом прошлой Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки, ассигновавшей на эту работу минимальные средства.

На выставке представлена была сводка наблюдений над ветром, всего 1387 метеорологических станций за период времени с 1891 по 1909 гг.

В дальнейшем произведена была сводка описания всех станций из летописей Главной Геофизической Обсерватории.

Выяснилось чрезвычайное разнообразие как в способах установки флюгеров на столбах и крышах домов, так и в высотах флюгеров над уровнем земли.

Попытка приведения скоростей ветра к равным периодам не уменьшила пестроты картины и тогда приступлено было к изучению установки флюгеров в различных условиях с помощью получения спектров скоростей ветра как моделей отдельных домов и групп домов,[1] так и ближайших к месту установки флюгера предметов и рельефа местности вообще.

Промер скорости ветра с помощью микроманометра показал, что в случае помещения флюгера на крыше одинокостоящего в степи дома, наблюдаемая скорость ветра до 18% и количество энергии его до 1,64 раз превосходит истинную его величину.

Постановка флюгера хотя и на столбе, но на высоте, лишь немного превышающей окружающие строения, дает скорость ветра до 15% и энергию его до 1,52 раза меньшую истинных величин. Нормальное положение флюгера, помещенного вблизи одинокостоящего в степи хутора, должно быть на столбе или мелкой башенке и по высоте хотя бы в два раза должно превышать окружающие его предметы.

Изучение спектра модели города показало, что здесь скорость ветра уже в седьмом ряду домов выравнивается до нормальной, характерной для района вне города величины лишь на пятикратной высоте домов.

В сети метеорологических станций СССР столь открытые установки флюгера почти не встречаются.

Разработка описания метеорологических станций показала, что флюгера более 80% метеорологических станций сети СССР более или менее закрыты окружающими предметами и дают искаженные и совершенно неудовлетворительные результаты.

Руководствуясь наблюдениями оставшихся 20% наиболее открытых станций, вводя поправки в них на закрытие, на основании лабораторных исследований, и приводя все наблюдения к одной высоте над землей в 15 *м*, удалось получить нам основную схему среднегодового распределения скорости ветра.

В сборнике статей сотрудников ЦАГИ, под общим заглавием. „Проблема использования энергии ветра“,[2] на стр. 12, показано, какое количество энергии можем получить мы с одного квадратного километра при различных среднегодовых скоростях ветра.

[1] Работы И. В. Смирнова.

[2] Труды ЦАГИ, вып. 2, Москва, 1923 г.

Данные эти приведены в таблице:

Среднегодовая скорость ветра в метр./сек.	3	4	5	6	7	8	9	10
Среднегодовая мощность, могущая быть полученной с 1 *кв. км* в лош. сил. при 8760 час. работы в год	43,7	94,2	170,0	243	361	498	684	890
Сравнительная стоимость единицы установленной мощности	1,61	1,0	0,69	0,5	0,392	0,316	0,259	0,217

В том же сборнике, на стр. 65, показано, что вместе с увеличением среднегодовой скорости ветра стоимость единицы установленной мощности уменьшается по крайней мере в степени (5/3) отношения среднегодовых скоростей ветра.

Если мы при среднегодовой скорости ветра в 4 метр./сек. примем стоимость единицы установленной мощности за единицу, то нижняя строчка таблицы покажет, как изменяется величина эта при других среднегодовых скоростях ветра.

Переходим к оценке энергетических ресурсов ветра как в мировом масштабе, так и в масштабе СССР.

Мировое количество энергии ветра Сванте Аррениус оценивает как в 5000 раз превышающее годовое количество энергии потребляемого ныне каменного угля.

Учитывая ежегодное увеличение потребляемого мирового количества угля, проф. Рамзин приходит в выводу, что в отдаленном будущем количество энергии ветра составит лишь 11% от вероятного будущего потребления угля. Эти цифры, говорящие об огромности величины энергии ветра, все же вносят неясность в основной вопрос о возможности базирования на ней будущей культуры человечества, и тем самым побуждает ускорить работу по выявлению энергетических ресурсов ветра у нас, в СССР.

С. Аррениус, считая по Свердрупу, что течения в воздушных слоях берут около 2,5% всей энергии лучеиспускания, оценивает мировое количество энергии ветра в 33.10^{18} калорий в год, или величину, как выше сказано, в 5000 раз превышающую годовое количество потребляемого угля. При современном состоянии науки и техники мы сможем использовать лишь очень малую долю этой энергии.

Если мы примем среднюю мировую скорость ветра в 4 метр./сек., то, как то показано в таблице, с одного квадратного километра мы сможем получить среднегодовую мощность в 94,2 лош. силы при 8760 часах работы в год.

Поверхность суши нашей планеты равна 147.10^6 *км*^{2}. Мощность, при условии аккумулирования ее, может быть использована со средним коэффициентом полезного действия в 0,3 и, следовательно, со всей поверхности суши за год мы можем получить $94{,}2 \times 0{,}3 \times 8760 \times 147 \times 10^6 = 3{,}64 . 10^{13}$ силочасов/год.

Считая один силочас эквивалентным 0,5 *кг* условного 7000 калорийного угля, мы получим общее мировое количество энергии ветра эквивалентным $3{,}64.10^{13} . 0{,}5 = 1{,}82.10^{13}$ *кг* $\infty 1{,}82.10^{10}$ тонн условного топлива. Считая, что цифра мировой добычи угля составляла в 1913 г.

$1{,}342.10^9$ тонн, для оценки энергии ветра мы имеем величину в $\frac{1{,}82\times10^{10}}{1{,}342\times10^9}=$ $=13{,}5$ раз превышающую эту величину.

Полученную цифру оценки мирового количества энергии ветра надо считать минимальной и технически возможной к использованию при современном состоянии техники.

Мировые ресурсы ископаемых углей на глубине менее 1.800 метр. под земной поверхностью оцениваются в 5600.10^9 тонн. Попробуем сравнить с этой цифрой величину энергии ветра, согласно проф. Рамзину, за 200 лет.

К моменту истощения мировых ресурсов угля, состояние техники должно быть таково, чтобы иметь возможность добывать уголь как в вечной мерзлоте, так и при глубине в 1800 метров под земной поверхностью при температуре на 54 градуса высшей, чем над земной поверхностью.

Сейчас мы накануне выпуска в свет ветряных двигателей мощностью, доходящей до одной тысячи лош. сил. (В каталоге германской фирмы Громана (Ренсбург) предлагаются покупателям ветряные двигатели в 600 квт.)

Флеттнер (Берлин) работает сейчас над ветряным двигателем диаметром в 100 метров и, следовательно, мощностью до 1000 квт.

Полагаем, что при будущем состоянии техники мы можем строить ветряные двигатели, диаметр которых будет измеряться уже сотнями метров.

Мощность таких двигателей будет измеряться десятками и сотнями тысяч лош. сил. Последние успехи научной мысли у нас, в СССР (как то показано ниже), уже намечают пути для осуществления таких двигателей. Тогда можем мы отойти от влияния рельефа местности на скорость ветра и для высоты 300—500 метров над земной поверхностью принять среднюю мировую скорость ветра в 8 метр./сек. Для наших подсчетов скажется это увеличением мощности, могущей быть полученной с единицы площади в отношении кубов увеличения скорости ветра, т.-е. в $(8/4)^3=8$ раз. Мировые ресурсы энергии ветра за 200 лет можно будет оценить тогда цифрой в $1{,}82\,.\,10^{10}.200.8=2912.10^{10}$ тонн условного 7000 калорийного топлива.

Цифра эта в $\frac{2912.10^{10}}{5600.10^9}=5{,}2$ раза превышает мировые ресурсы каменного угля и в $\frac{2912.10^{10}}{6627.10^9}=4{,}4$ раз превышает все учтенные ныне мировые ресурсы энергии как возобновляемые, так и невозобновляемые. Вывод этот особенно интересен тем, что энергия ветра принадлежит к числу возобновляемых видов энергии. Переходим к оценке энергетических ресурсов ветра в масштабе СССР. Считая территорию СССР равной $20{,}9.10^6$ *км*^{2}, получим количество энергии ветра за 200 лет эквивалентным $\frac{2912.10^{10}.20{,}9.10^5}{147.10^6}=415.10^{10}$ тонн условного топлива.

Если мы примем цифру общего количества всех, кроме ветра, учтенных в СССР видов энергии как возобновляемых, так и невозобновляемых, по Рамзину, то показанное нами количество энергии ветра в 5,9 раз превзойдет эту величину.

Тогда общее количество энергетических ресурсов СССР представится в следующем виде:

Наименование	Количество в млрд. тонн	% %
Невозобновляемые		
Ископаемые угли	393,9	8,1
Нефть	4,3	0,08
Торф	168,3	3,46
Возобновляемые		
Торф (прирост)	390	0,8
Дрова	63,0	1,3
Солома	6,67	0,14
Ветер	4150,0	85,5
Водные силы	31,1	0,62
Всего	4856,6	100

Установив наличие столь огромных количеств энергии ветра, переходим к работам ЦАГИ над методами ее использования. Основная работа в данном направлении — это решение задачи о ветряном двигателе.

Летом 1921 г., в результате изучения вихревой теории Н. Е. Жуковского в применении к расчету ветряных двигателей, получен был основной вывод, что ветряный двигатель будущего должен быть возможно более быстроходным и крылья его должны иметь профиль возможно лучше обтекаемой воздухом формы.

Быстроходность двигателей измеряется обычно числом модулей $Z=\frac{\omega R}{W}$, где ωR—окружная скорость на внешнем радиусе колеса, а W скорость ветра. В 1923 году летом построен был первый экземпляр этого типа двигателя, подтвердивший все выводы теоретических изысканий.

Постараюсь выявить, чем же хороши быстроходные ветряки. Стоимость крыльев ветряного двигателя многолопастного заводского типа по данным, полученным от В. П. Давыдова, составляет в среднем всего лишь 7% от общей стоимости ветряного двигателя с башней.

Пусть мы имеем ветряный двигатель многолопастного типа. Представим себе что мы сняли с него колесо, и поставим себе задачу заменить это колесо, колесом более быстроходного типа. Для сохранения прочности головки необходимо сохранить для крыльев всех быстроходностей тот же крутящий момент. Тогда диаметр новых крыльев с увеличением быстроходности будет увеличиваться, достигая величины в 1,59 раз большей сравнительно с двигателем многолопастного типа.

Несмотря на увеличение диаметра, благодаря меньшему числу крыльев, вес колеса и давление на него от ветра будет уменьшаться. Нам важно только, чтобы величины эти не увеличивались и не уменьшали бы прочность головки.

При различной быстроходности коэффициент использования энергии ветра (ξ), при хороших профилях крыльев, остается приближенно постоянной величиной и тогда мы получаем очень интересный вывод, что не уменьшая прочности головки двигателя и не удорожая его, так как стоимость крыльев составляет малый процент (порядка 7%) от общей стоимости двигателя и башни, вместе с увеличением быстроходности, бла-

годаря увеличению диаметра, мы повышаем мощность его в несколько раз, согласно таблицы 1:

Таблица 1

Z	ξ	Отношение диаметров D_1/D	Отношение мощностей N_1/N
1,25	0,47	1	1
1,67	0,486	1,088	1,222
2,5	0,492	1,24	1,606
5	0,466	1,592	2,5
10	0,384	2,134	3,75

Единственно, что меняется в условиях работы головки двигателя, это увеличение скорости вращения колеса его пропорционально увеличению мощности. Рассмотрение табл. 1 показывает, однако, что скорость вращения двигателя не увеличивается более 2 и 3 раз. В виду малой абсолютной скорости вращения существующих американских многолопастных ветряных двигателей, полагаем, что такое увеличение скорости вращения двигателя не отразится существенно на стоимости и прочности головки.

Следовательно основное достоинство ветряных двигателей быстроходного типа — это их дешевизна.

Но это не все.

Применение идеи Г. Х. Сабинина об использовании самого потока воздуха для регулирования работы крыльев позволило нам создать тип саморегулирующегося двигателя, скорость вращения которого сохраняется к тому же постоянной в пределах $\pm 3{,}4\%$.[1] от средней величины, при разных скоростях ветра и нагрузках.

Следовательно второе качество быстроходного ветряного двигателя — это постоянство скорости его вращения.

Третье качество — это, благодаря поворотным около маха лопастям, хороший начальный крутящий момент при трогании двигателя с места. По отзыву Азнефти двигатель, построенный ЦАГИ, „брал нагрузку от насосов (глубоких) с места, без предварительного разгона его на холостом шкиву".

Дело в том, что (см. табл. 2) вместе с увеличением быстроходности

Таблица 2

Число модулей ветряного двигателя Z	Отношение начального крутящего момента к рабочему при неподвижных лопастях	Отношение начального крутящего момента к рабочему при подвижных около махов лопастях
1,25	0,854	1,545
1,67	0,677	1,22
2,5	0,483	1,055
5,0	0,171	0,908

у двигателя с неподвижно закрепленными на махах лопастями начальный крутящий момент быстро падает, достигая величины всего лишь 17% от крутящего момента во время работы двигателя.

[1] Испытание построенного ЦАГИ для Азнефти в Баку ветряного двигателя $Д = 14$ *м*, мощностью 50 лош. сил.

Поворотные лопасти, как то показано на табл. 2, отношение это увеличивают в несколько раз, в отдельных случаях приближая его к единице.

Четвертое качество быстроходных двигателей это то, что они не боятся бурь. В Баку двигатель, пущенный в ход в марте 1925 г., показал „хорошую и легкую управляемость и стойкость при сильных ветрах, сохраняя постоянство оборотов".[1]

Чтобы покончить с этим двигателем, необходимо указать, что за первые 7 месяцев своей работы по приведению в движение пяти глубоких насосов в Бинагодинском районе, он выкачал 85% всего количества нефти, добытого на этой установке. Остальные 15% добыто установленным на параллельную работу с этим двигателем нефтемотором в периоды отсутствия ветра.

В данное время ЦАГИ разработал серию ветряных двигателей малых мощностей, предназначенных преимущественно для оазисного орошения в полузасушливых районах, и Металлосиндикат организует их массовое производство.

Головной экземпляр из этой серии — ветряный двигатель $Д = 8$ *м*, развивающий до 6 лош. сил при скорости ветра в 8 метр./сек., построенный и испытанный летом 1926 г. в Костроме на заводе „Рабочий Металлист", уже не имеет недостатков бакинского ветряка и является типом двигателя, „достаточно разработанным к допуску для серийного производства".[2]

ЦАГИ совместно с Отделом сельскохозяйственной электрификации МОСКОГЭТ'а рассмотрел вопрос о перспективах использования энергии ветра для сельской электрификации.

Работами ГЭТ'а выявлена возможность приспособить нормальный генератор постоянного тока для поддерживания постоянства вольтажа при колебаниях скорости вращения в пределах $\pm 10\%$. Экономические подсчеты (при условии возврата капитала в 8 лет из 6% и московских ветрах) работы ветроэлектрической станции, мощностью в 15 квт., с электрохимическим (свинцовым) аккумулятором, дали наименьшую стоимость одного квтч. на станции в 35,8 коп. при батарее, обеспечивающей однодневную нагрузку станции.

В случае, когда мы сможем энергию сильных ветров использовать без аккумулирования (перемол муки, орошение), а обеспечивать бесперебойную подачу только для малого количества энергии, равного 25% от среднегодовой выработки ветряного двигателя, необходимого для освещения, водоснабжения и других неотложных ежедневных потребностей, то стоимость аккумулируемой энергии понижается на станции до 21 коп./квтч.

Получаем вывод о безусловной нерентабельности ветроэлектрических станций со свинцовыми аккумуляторами в современных условиях СССР.

Экономические подсчеты (при московских же ветрах) для станций с гидравлическими аккумуляторами, нижний водоем у которых естественный — река или озеро, а верхний водоем расположен в земле (песке), мощностью динамо в 15 квт., дали наименьшую стоимость одного квтч.

[1] В кавычках — из отзыва Азнефти.

[2] Из акта испытания двигателя.

в 38,3 коп. при емкости аккумуляторной батареи, обеспечивающей полуторадневную нагрузку станции, и разнице уровней водоемов аккумулятора в 10 *м*.

В случае, если мы сильные ветры используем без аккумулирования по цене 6,2 коп./квтч., стоимость одного киловатт-часа аккумулируемой энергии уменьшается до 21,9 коп./квтч.

В самом благоприятном случае, когда мы имеем станцию с гидравлическим аккумулятором в районе с сильными ветрами (прибрежный район Черного и Каспийского морей, среднегодовая скорость ветра 6,2 метр./сек.), по местным условиям имеется возможность осуществить аккумулятор с большой (40 *м*) разницей уровней и будем обеспечивать бесперебойность подачи только для 25% возможной среднегодовой выработки станции, а остальную энергию ветра будем использовать без аккумулирования по цене 3,8 коп./квтч., то мы получаем стоимость аккумулируемой энергии в 14,6 коп./квтч. Стоимость энергии с гидравлическим и свинцовым аккумуляторами мы получили, примерно, одинаковую. Но часть работ по устройству гидравлического аккумулятора можно осуществить силами самой деревни — это удешевляет энергию. В условиях полузасушливых районов воду верхнего водоема гидравлического аккумулятора (особенно во время „суховеев") можно использовать для орошения приусадебных земель — это тоже удешевляет энергию.

Несмотря на это, все же надо твердо сказать, что в современных условиях СССР небольшие ветроэлектрические станции с какими то ни было бы аккумуляторами энергии ветра рентабельными не будут никогда.

Более благоприятные результаты дают перспективы параллельной работы сельских электростанций, работающих от нефтемоторов, с существующими в деревнях ветряными мельницами.

Современная мощность этих мельниц только в Европейской части СССР составляет около 700.000 лош. сил, для перемола муки используется не более чем на 10%.

Последними работами ЦАГИ выявлена возможность путем переделки крыльев этих мельниц, постановки шарикоподшипников под главный вал мельниц и снабжения их механизмом для автоматического поворота на ветер повышать коэффициент использования энергии ветра более чем в 2 раза, получать постоянство скорости вращения вне зависимости от скорости ветра и нагрузки и предохранять их от разноса во время бури. Поэтому перспективы использования этих мельниц в современных условиях СССР приобретают особый интерес.

Задаваясь суточным графиком нагрузки осветительного типа (2450 час. в году), в случае работы станции, мощностью динамо в 15 квт. только с нефтемотором, мы получили в своих расчетах себестоимость энергии на станции в 12,1 коп./квтч.

Параллельная работа с переделанной существующей ветряной мельницей позволяет экономить годовой расход топлива в 2,5—3 раза и благодаря этому понижает стоимость одного квтч. энергии до 9,7 коп. (в общем случае на 20—30%).

Кроме того, в случае помещения моторгенератора при ветряных мельницах и присоединения их к сети электростанции, помимо экономии топлива при работе мельницы на сеть во время сильных ветров, мы

приобретаем возможность иметь для существующих электростанций моторную нагрузку от мельниц во время безветрия, а на мельницах возможность бесперебойной работы вне зависимости от скорости ветра.

Вышеозначенные расчеты произведены были для московских ветров. Для южных районов, с более сильными ветрами, выводы будут значительно благоприятнее.

Как уже указывалось выше, опыт работы ветродвигателя ЦАГИ в Баку, на промыслах Азнефти, параллельно с нефтемотором показал, что на долю ветра приходится там 85% общей выработки этой установки.

Переходим к рассмотрению перспектив работ ЦАГИ по применению ветряных двигателей для промышленной электрификации.

Подсчеты В. Р. Секторова показали, что в случае работы на сеть высокого напряжения (38.000 вольт), параллельно с существующей районной электростанцией, подстанция, состоящая из 8 ветряных двигателей, диаметром $Д = 30$ метр., снабженных асинхронными генераторами по 100 квт., с компенсацией на подстанции $\cos \varphi$, считая, что из 8 ветряных двигателей работает лишь 7, а один в ремонте, и следовательно, с установленной мощностью в 700 квт.,— стоимость первоначальных расходов на один киловатт составляет 513 руб.

Из показанной суммы стоимость ветряных двигателей составляет 46,9%, стоимость электротехнического оборудования 37,4%, а остальное — монтаж, проект и прочие расходы.

Считая годовые расходы из а) 6% на строительный капитал, без возврата капитала, б) амортизация и ремонт по обычным нормам, в) персонал—3% от строительной суммы, мы имеем по отдельным районам на шинах подстанции выработку энергии: для Москвы (1660 час./год)—1.070.000 квтч./год и стоимость энергии в 5,52 коп./квтч., для района Ай-Петри (2980 час./год)—1.920.000 квтч./год и 3,08 коп./квтч., для района Баку (5340 час./год)—3.440.000 квтч./год и 1,72 коп./квтч. и района Новороссийска (5950 час./год)—3.840.000 квтч/год и 1,54 коп./квтч.

Конечно, [illegible] эти только приближенные. Для Крыма, например, есть вероятие полагать, что для открытых мест на горах мы можем иметь более сильные, чем в Ай-Петри (6,2 метр./сек.) ветры, доходящие, в среднем до 7 метр./сек. (Киз-Аульский Маяк 8,5 метр./сек.) и следовательно, число часов использования до 4.400 час/год, выработку в 2.835.000 квт.-час/год и стоимость энергии в 2,09 коп./квтч.

Мысль у нас и за границей упорно работает сейчас над созданием ветряного двигателя, мощностью до 1.000 и более квт.

В этом направлении работы ЦАГИ выявили следующее. Как выше показано, головка двигателя является наиболее дорогой его частью. Удешевление головки удешевляет и весь двигатель. В свое время у нас А. Е. Уфимцев в одном из своих проектов ветродвигателя предложил на концах крыльев его помещать еще вторые малые ветрянки, которые, работая в относительном потоке ветра, со скоростью, доходящей до 40—50 метр./сек., преобразовывали бы всю работу ветра на больших скоростях вращения и, следовательно, с малым кратчайшим моментом.

В применении к ветродвигателям малых диаметров такую схему пришлось оставить из-за больших центробежных сил на концах основных крыльев, раз в 40—50 превосходящих силу тяжести. Эти центробежные

силы в двигателях больших диаметров уменьшаются, и применение такой „аэродинамической“ передачи, могущей работать к тому же с коэффициентом полезного действия до 85%, и позволит, по мнению ЦАГИ, осуществить „сверхмощный“ двигатель.

Например, ветродвигатель, диаметром $Д = 60$ *м*, при скорости ветра в 8 метр./сек., развивает 480 лош. сил и нормально делает 12 оборотов в минуту.

Вторичные же ветрячки, помещенные на концах крыльев, будучи сами диаметром 4,5 *м*, дадут эту мощность при 1.000 об./мин. и мощность эта тонкими валами легко может быть передана с концов крыльев к генератору, установленному в средине головки двигателя.

Примем для дальнейших экономических подсчетов, что стоимость единицы мощности ветряного двигателя в 1.000 квт, будет такая же, как и двигателя в 100 квт.

В этом предположении стоимость первоначальных расходов подстанции из 8 аггрегатов, с установленной мощностью в 7.000 квт., на один киловатт составит 362 руб., при чем из этой суммы стоимость ветряных двигателей составит 66,3%, стоимость электротехнического оборудования по подсчетам В. Р. Секторова—20,9% и остальное — прочие расходы.

Считая годовые расходы по прежним нормам, получим стоимость энергии для Москвы 3,43 коп./квтч., для Крыма (7 метр./сек.) 1,3 коп./квтч., для Баку—1,07 коп./квтч и для Новороссийского района 0,95 коп./квтч.

Таким образом, получаем грубо ориентировочные цифры оценки энергии ветра для промышленной электрификации в отдельных районах.

Другой работой ЦАГИ в области использования энергии ветра для промышленной электрификации СССР является выяснение вопроса о том, может ли широко развитая сеть государственных электропередач заменить аккумулятор ветра, если к ней в разных районах приключать группы ветряных двигателей. Для этого ЦАГИ проследил за 15 лет режим среднего ветра целого района, протяжением 800—1.000 *км*. Считая, что по основному плану электрификации СССР в первую очередь подлежит осуществлению электропередача Москва—Донбасс и Донбасс—Сталинград, во вторую же очередь все Поволжье, были взяты для обследования следующие метеорологические станции: Москва, Нижний-Новгород, Елабуга, Полибино, Уральск, Малый Узень, Ахтуба, Ростов н/Дону, Курск, Гремячка, Пенза и Пады. Для этих станций за 15 лет, с 1900 по 1914 гг., просчитан режим среднесуточного для всех их ветра. Твердый график нагрузки этого района принят — синусоида, при чем максимум в январе в 1,5 раза больше минимума нагрузки в июле.

Предварительные результаты таковы.

Энергия ветра в среднем дает нагрузку сети за год в течение 10 месяцев. Работа же резерва необходима будет для покрытия всего лишь 2 месяцев нагрузки сети в равномерно распределенные на протяжении всего года периоды ослабления ветра.

В случае же аккумулирования энергии ветра для обеспечения работы исключительно от ветра по твердому графику — достаточно лишь трехдневной емкости аккумулятора.

Предварительное обследование показало, что безусловно полного перекрытия затишья одной части района ветрами в другой его части получить мы не можем даже для района, протяжением в 3.000 *км*.

Резерв для энергии ветра необходим.

Весьма подходящим источником энергии для параллельной работы с ветром является энергия воды.

Для Крыма, например, обследование показало, что в засушливые годы количество энергии ветра увеличивается. И это явление, повидимому, не случайное.

Работа в этом направлении продолжается, но предварительные результаты таковы, что в засушливые годы ветер усиливается и для всего юга Европейской части СССР.

Сравнение годовых периодов стока воды и энергии ветра также показывает в общем на их взаимную противоположность: в то время как зимою расход воды в реках минимальный, мы имеем наиболее сильные ветры из всего года.

В Крыму перспективы параллельной работы энергии ветра и воды особенно благоприятны тем, что на р. Черной в Байдарской долине предположен к постройке водоем, вмещающий в себя полугодовой сток воды.

Таким образом, мы видим, что для промышленной электрификации энергию ветра особенно рационально было бы использовать для работы на сеть параллельно с районными гидростанциями при условии широкого регулирования в них стока воды с использованием его преимущественно в периоды безветрия.

ОТДЕЛ IV

По районам

А. Е. Ходоров

Западный Китай и Семиреченская железная дорога

Семиреченская железная дорога, имеющая своими предельными пунктами города Фрунзе и Семипалатинск, должна пройти в самом близком соседстве от территории Западного Китая (Синь-цзяна). Новая дорога окажет весьма заметное влияние на экономику обширной области Китая.

Западный Китай представляет собой как бы центр всей Азии, разделяясь Тянь-Шаньским хребтом на две крупные территории: на территорию Джунгарии и на территорию Кашгарии. Обе эти „провинции" составляют с приграничными территориями основной массив Азии. Границами Синь-цзяна на северо-востоке являются пустыни Монголии и собственно-Китай, на западе — территория Советского Союза и на юго-востоке — Тибет.

Территория Синь-цзяна в целом представляется колыбелью тех народов, которые большими волнами перекатывались из Азии в Европу, устанавливая свои культурные вехи на продолжительные исторические сроки.

Западный Китай, являясь центром азиатского материка, перебрасывал на запад группы народов еще в доисторические времена. Синь-цзян— этапный пункт кочевых народов. Еще во времена хуннов кочевниками были пред'явлены требования на организацию производственных процессов народов ближайших территорий и на политическую власть в этих странах. Так, южные хунны, „осевшие" в провинциях Шень-си и Гань-су, оставили заметный след в истории Китая — в роли основателей династии Хань и Чжао.

В сложный человеческий „переплет" на этой территории вплетались другие ветви народов — сяньбийцы, уйгуры и другие. Эта же территория служила ареной деятельности монголов той эпохи, когда они были призваны играть всемирно-историческую роль. Монгольский этап в истории Синь-цзяна был ознаменован созданием величайших торговых путей, связывавших Переднюю Азию с Дальним Востком и побережьем Тихого океана.

По своему современному этнографическому составу население Западного Китая весьма разнохарактерно: оно включает и оседлое и кочевое население, приходящее и уходящее, оседающее и оставляющее следы в хозяйстве обширной территории Синь-цзяна.

Основной кадр населения этого края исчисляется приблизительно в 4 милл. человек. Это, население охватывает — китайцев, сартов, киргизов, дунган, монголов, татар и др. Наиболее влиятельную роль среди этой группы народностей играет мусульманская ветвь — сарты, киргизы и дунгане. Значительно более слабой в экономике этих территорий является роль китайцев и монголов. Более, чем скромную роль в Синь-цзяне играют маньчжуры, несмотря на всю систему поощрительных мероприятий, какие осуществлялись дай-цинской (маньчжурской) династией. Расселение знаменных маньчжурских войск на территории Синь-цзяна и льготы поселенцам на территории „нового владения" не привели к ожидавшимся

результатам. Маньчжуры — воины-крестьяне не сделались господствующим в народном хозяйстве Синь-цзяна социальным слоем. Маньчжурская колонизация не дала значительных экономических последствий.

Важнейшими пунктами в обширном крае являются Урумчи (Дихуа), Кульджа, Кашгар и Чугучак.

Урумчи является как бы узловым центром, ответвляющим транспортные магистрали по разным направлениям. Во всей Илийской части Синь-цзяна руководящую роль играет Кульджа. Важным пограничным пунктом является также Чугучак, находящийся в 17 верстах от границы СССР. Этот город является крупным торговым центром, ведущим торговлю с кочующими в Тарбагатайском округе народами.

Кашгар является оазисом в обширной пустыне, играющим крупнейшую роль в хлопковом хозяйстве Синь-цзяна.

Во втором ряду городов, обслуживающих нужды местных рынков и являющихся этапными пунктами на больших трактах, находятся Яркенд, Хотан, Аксу, Турфан, Хами, Баркуль и др.

Западный Китай ведет свое хозяйство по двум линиям — по линии оседлого культурного земледелия с явным преобладанием технических культур и по линии кочевого скотоводческого хозяйства, имеющего характер торгового скотоводства, так как значительная часть продукции животноводства уже втянута в меновой и денежный товарооборот.

Районом крупного значения в земледельческом хозяйстве Синь-цзяна является Кашгария, исчисляющая свою площадь под сельскохозяйственными культурами в 600.000 десятин. Под хлебными злаками занято 227.143 дес., под кукурузой — 185.000 дес., под рисом — 25.342 дес. Средняя урожайность в год для продовольственных культур этого района определяется в 25 милл. пудов хлебных злаков и 40 милл. пудов кукурузы.

Площадь под хлопком в этом же районе дает для последних лет цифру в 20 с лишним тысяч десятин, тогда как урожай хлопка определяется в 750.000 — 900.000 пудов хлопка — сырца. Хлопковым районом является также Турфан.

Разрыв экономических связей Синь-цзяна с рынками СССР в период гражданской войны сократил площадь, занятую под техническими культурами. Восстановление торговых взаимоотношений СССР с этими зарубежными районами стимулировало расширение площадей под хлопком, коноплей, кунжутом и другими видами промышленных культур в сельском хозяйстве. Существенным условием дальнейшего и интенсивного развития хлопководства в Зап. Китае является снабжение населения этого района дешевым хлебом, освобождающим большие территории Кашгарии для технических культур.

Тарбагатай, охватывающий районы Чугучакский, Дурбульджинский, Шиховский и другие,— является районом скотоводства и звероловства. Эти отрасли народного хозяйства имеют промышленно-товарное значение для Зап. Китая, выбрасывающего на внешние рынки: живой скот, кожи, шерсть, кишки, пушнину и другие продукты животноводства.

В моменте товарного характера хозяйства этого края лежит ключ к пониманию всей Синь-цзянской проблемы. Царская Россия, когда она входила в систему международного капитализма, уделяла Западному Китаю огромное внимание. Еще в средине XIX столетия после того удара, который царская Россия получила на южных берегах Черного моря, когда впервые была выдвинута идея Дарданелл, после Севастопольской войны, неудачной для молодой буржуазии царской России, была выдвинута идея реванша именно в этом пункте Средней Азии.

Кульминационного своего проявления эта политика царского правительства достигла в 60-х и 70-х годах XIX столетия. Россия, выйдя к Мервскому оазису, шла далее в направлении на Джунгарию и Кашгарию. Политика царской власти не наталкивалась на серьезное противодействие. Отдаленность этой территории от правительственного центра Китая, разнохарактерность этнографии этого района, зависимое и хозяйственно-подчиненное положение всего Зап. Китая,— были обстоятельствами, содействовавшими расцвету авантюристических планов царского правительства в Зап. Китае.

Россия шла к осуществлению своих целей путем интриг и вмешательства в ту борьбу, которую вели мусульманские народы, возглавлявшиеся Якуб-беком, против маньчжурской династии. Не в интересах свободолюбивых народов Зап. Китая плела паутину интриг царская власть, а в интересах ослабления влияния центральной власти Китая в этих отдаленных территориях с целью расширения своих границ за счет этих самых территорий.

Царская Россия в 1851 году заключает Кульджинский договор. Этот договор предоставлял российской буржуазии ряд крупных преимуществ и привилегий. Россия приобретала право на организацию консульств в Или и Тарбагатае. Русские купцы получили право на создание своих факторий на территории Зап. Китая. „Меновая и беспошлинная" торговля, предусматривавшаяся Кульджинским договором, обеспечивала крупные барыши российскому купечеству.

Царская Россия делает следующий шаг по установлению своего господства на территории Зап. Китая и, использовывая политические события эпохи мусульманского восстания, оккупирует Кульджу своими войсками. Россия домогается расширения своих торговых и экономических прав в Синь-цзяне. Ливадийский договор — в 1879 г.—отдавал России значительные территории в Джунгарии и Кашгарии, сохраняя также за Россией и важнейшие стратегические пункты в этом районе.

Царская Россия, вклинившаяся в общую систему капиталистического хозяйства, закрепляла для своей буржуазии важнейшие опорно-экономические оазисы в пустынных пространствах Средней Азии. Оккупационный этап, нашедший свое формальное выражение в Ливадийском договоре, свидетельствовал об отчетливом намерении царской России прикрепить новые участки к территории России.

Ливадийский договор вызвал протест Китая. Ливадийский договор был заменен Петербургским договором 1881 года, сокращавшим об'ем политико-территориальных захватов царской России, сохранявшим, однако, за ней право на расширение консульского аппарата в Кобдо, Улясутае, Урумчи и Хами. Русские купцы получили право приобретать в собственность недвижимое имущество на территории Синь-цзяна, равно так же, как и право беспошлинной торговли со всеми зарубежными территориями Китая. Царская Россия овладевала в то же время важнейшими торговыми путями, ведшими на Кульджу — Урумчи — Турфан — Кашгар.

Эта политика должна была служить внешним выражением политики царской великодержавности, ставившей крепостническую страну помещиков и купцов в первые ряды капиталистических государств. Таково то историческое „наследие" в отношение Зап. Китая, от которого советская власть решительно и бесповоротно отказалась.

Важнейшей проблемой для Зап. Китая является проблема учета экспортного фонда, т.-е. тех товарных запасов, которые Зап. Китай может предоставить для обмена на продукцию строящегося социалистического хозяйства СССР. В отношении экспорта Синь-цзян уже сейчас может давать ежегодно:

Экспортный фонд Синь-цзяна

Овечьей шерсти	400.000	пуд.
Верблюжьей шерсти	60.000	„
Конского волоса	32.000	„
Козлиных и овечьих шкур	600.000	шт.
Шкур ягнят	500.000	„
Конских кож	340.000	„
Кож рогатого скота	60.000	„
Живого скота в количестве до	300.000	голов
Пушнины на сумму	10.000.000	долларов
Сухофруктов	41.700	пуд.
Войлока	50.000	„
Хлопка	750.000	„

Что касается до импортного фонда, то картина емкости Синь-цзяна вырисовывается из учета оборотов СССР с Синь-цзяном в 1925/26 г., усматриваемых из нижеследующей таблицы:

Импорт из СССР в Синь-цзян в 1925/26 г.

Сахара	59.658	пуд.
Мануфактуры	46.421	„
Силикатов	8.418	„
Металлоизделий	26.718	„
Металлов	32.879	„
Нефтепродуктов	36.234	„
Бумаги	2.924	„
Спичек	3.233	„
Табачн. изделий	488	„

Весь товарооборот за 1925/26 г. составил 2.160.000 пуд. или 33.000 тонн.

Довоенный товарооборот составлял около 3.000.000 пуд. или 48.000 тонн.

Товарооборот Синь-цзяна с СССР в 1925/26 г. выразился в цифре 16.423.000 рублей. СССР достигнуто уже сейчас 65—75% довоенного стандартного товарооборота.

Характерной особенностью взаимоотношений СССР с Синь-цзяном является сохранение контакта советской продукции с восточным сырьем, обеспечивающего крестьянину восточных стран возможность дальнейшего развертывания своего хозяйства в стране в целом и возможность дальнейшего развития производительных сил.

Экспортно-импортный фонд Зап. Китая является той „реальностью“, которая привлекает к себе внимание капиталистических государств. Обострившаяся проблема рынков, характеризующая собой капиталистическое хозяйство эпохи послеимпериалистической войны, толкала международный капитализм в сторону использования Синь-цзяна, как рынка сбыта капиталистической продукции и как источника сырья. Эта проблема становится все более и более актуальной в виду „сжатия“ внутренних рынков в самих капиталистических странах и соответственной недогрузки их промышленных предприятий.

Империалистические государства усилили свой интерес к Синь-цзяну в период разрыва экономических связей этого края с Россией и затем с СССР. Иностранный капитал послал свою агентуру в Зап. Китай, стремясь взять под свой „контроль“ неистощимые еще сырьевые ресурсы „нового владения“.

Основным моментом, который должен предопределить дальнейшее развитие этого обширного края, является транспорт. Он является тем мощным орудием, при помощи которого должно строиться народное хозяйство Синь-цзяна. Транспорт в Зап. Китае в настоящее время обслуживается лошадью, мулом, быком и верблюдом.

Скорость этого „живого транспорта“ измеряется 25 километрами в день для быка и 40—50 километрами в день для верблюда. Орудия транспорта ограничивают в весьма значительной степени самый товарооборот. Арба, в которую впряжен бык, „подымает“ всего лишь 15 пудов, тогда как верблюд на дальние расстояния берет всего 10—12 пудов. „Живой“ транспорт—дорогостоющий элемент в товаропроводящей цепи Зап. Китая. Необходимо об'единение большого количества верблюдов, чтобы организовать караван. Продолжительное путешествие требует смены „живых“ орудий транспорта. Верблюд—„корабль пустыни“ и поныне несет свои функции, весьма заметно отставая от темпа развития хозяйства в этом районе.

С точки зрения транспортных перспектив в Зап. Китае переплетаются три тенденции.

Первая из этих тенденций сугубо империалистическая. Она сводится к тому, чтобы транспорт в Синь-цзяне использовать для отвлечения сырьевых запасов на восток в направлении на Тянь-цзин, при чем эта линия должна была итти от центра этого районе — от Урумчи (Ди-хуа) на Гуй — Хуа-чэн и Бао-тоу — к тому конечному пункту, к которому подходит Пекин — Суй-юаньская жел. дорога, ведущая — далее — к Тянь-цзину.

Мировой капитал не смел мечтать о том, чтобы на этой территории развернуть большое железнодорожное строительство. Империалистическая Европа, Япония и Америка знают, что Китай предпочитает путь медленного развития своего хозяйства, отказываясь от проектов широкого и интенсивного железнодорожного строительства, если проекты новых железнодорожных линий исходят от иностранных капиталистических государств, об'единенных в мировой банковский консорциум. Эта тенденция особенно характерна для эпохи национально-революционного движения Китая. От услуг иностранного капитала Китай отказывается. Мировой капитал сузил свою программу, предпочитая сооружение шоссейных трактов, пригодных для тяжелого грузового автомобиля.

Пионером этого шоссейного движения явился старый Русско-Азиатский банк, переменивший свое подданство после декрета о национализации банков в СССР. Этот банк закончил в 1926 г. свое бесславное существование. Он пробовал пустить автомобиль по дорогам Синь-цзяна, чтобы хлопок и шерсть Джунгарии и Кашгарии доставить к северной столице мирового империализма в Китае—к Тянь-цзину. Русско-Азиатский банк, поднявший над своим зданием трехцветный французский флаг, осуществлял задания англо-американского комбината. Вот первая основная транспортная тенденция, рассчитанная на использование мощных сырьевых богатств Зап. Китая. Они должны были быть, согласно этим планам, доставлены в Тянь-цзин, чтобы дальше быть переотправленными на капиталистические предприятия Европы и Америки.

Автомобильные проекты были построены в расчете использования существующих трактов и дорог. Главнейшими секциями этих трактов являются — Урумчи — Гуй-чэн — Хами — Ань-си — Су-чжоу — Лань-чжоу — Бао-тоу. Эта дорога проходит по наиболее густонаселенному району Зап. Китая, приводя непосредственно в провинцию Гань-су. Тракт связывает отдаленные пункты Синь-цзяна с торговыми и транзитными пунктами Гань-су, первой провинции собственно-Китая в его северо-западном углу.

От столицы провинции Гань-су, города Лань-чжоу, дорога разветвляется в двух направлениях. Одно из этих направлений подымается вдоль левого берега Хуан-хэ, проходя через важный торговый пункт Нин-ся, и приводит к железной дороге, ведущей на Пекин и Тянь-цзин.

Другое направление имеет своей задачей соединить провинцию Гань-су с Срединным Китаем при содействии и посредстве Лун-хайской

жел. дороги, также открывающей пути к Тихоокеанскому побережью. Это направление должно привести к морским городам провинций Шань-дун и Цзян-су.

Этот караванный тракт на значительной части своей территории годен для автомобиля. Им-то и стремится воспользоваться мировой капитал, чтобы овладеть продукцией Синь-цзяна и подчинить своему регулирующему воздействию этот обширный край.

Вторая транспортная перспектива этого района связана с именем вождя национально-революционного движения Сун-ят-Сена. Он подходил к вопросу определения роли, места и значения этой территории в общей системе развития народного хозяйства Китая.

Основной принцип схемы железнодорожного строительства Сун-ят-Сена заключался в создании густой сети, связывающей приморские районы и города с отдаленными районами северо-западного и юго-западного Китая. Проект железнодорожного строительства предусматривал также сеть дорог в Монголии и Синь-цзяне. Вся схема была проникнута глубоким экономическим содержанием. Исходной мыслью Сун-ят-Сена для железнодорожного строительства в Синь-цзяне была идея колонизации этого обширного территориального резерва собственно Китая.

Колонизация этого района должна была быть организована силами государства и по большому масштабу. „Земля должна быть куплена государством,—писал Сун-ят-Сен,—с тем, чтобы предупредить возможность спекуляции цен на землю в ущерб интересам народа... Земля должна быть отдана в вечную аренду крестьянам. Первоначальный капитал, семена, орудия производства и жилищные сооружения должны быть предоставлены государством — крестьянам по себестоимости“.[1]

Система дорог, проектировавшаяся Сун-ят-Сеном для Синь-цзяна, должна была перерезать богатый горнопромышленный пояс Зап. Китая. Этот район богат залежами угля, нефти и металлами. Он открывает перспективы индустриального развития Китая. Основная мысль Сун-ят-Сена заключалась в проведении большого плана поднятия хозяйства Синь-цзяна на новую ступень.

Основной железнодорожный путь в схеме Сун-ят-Сена предусматривал линию, соединяющую Тарбагатайский округ с Тихим океаном. Этот путь охватывал расстояние в 3 тыс. миль. Вторая линия, „задевавшая“ экономику Синь-цзяна, должна была перерезать район Западной Монголии от Улясутая через Кобдо к Восточному порту. Этот путь был длиною в 2 тыс. миль. Третий путь, который должен был вести в Синь-цзян, охватывал район южной части внешней Монголии и был рассчитан на расстояние в 1.500 миль.

Все три проекта должны были связать Синь-цзян с крупнейшими центрами Китая по основным магистралям.

Другая мысль, нашедшая свое выражение в грандиозном проекте жел.-дор. строительства Сун-ят-Сена, заключалась в том, чтобы все дороги, которые должны проходить по территории Зап. Китая, всеми тремя концами подходили к СССР.

Сун-ят-Сен подводил все свои жел. дороги до самых границ с СССР, понимая, что эти дороги должны содействовать развитию производительных сил Синь-цзяна путем укрепления экономических связей этого края с Союзом Советских Социалистических Республик.

Сун-ят-Сен чертил схему жел.-дор. строительства своей рукой в тот момент, когда в нашей стране уже была власть Советов. Для того чтобы предупредить возможность отвлечения сырьевых богатств в капиталисти-

[1] Sun-Jat-Sen, „The International Development of China“, стр. 10.

ческие страны, Сун-ят-Сен приводил все жел.-дор. линии Синь-цзяна в самое тесное соприкосновение с территорией Республики Советов.

Третья транспортная перспектива связывается с инициативой СССР, приступающей в 1927 году к сооружению новой железной дороги от города Фрунзе до Семипалатинска. К новой железной дороге подходят три важнейших города, господствующих над экономикой Зап. Китая. Один из этих городов, Чугучак, находится в 17 верстах от границы, второй город — Кульджа и третий город — Кашгар, наиболее далекий по расстоянию от жел. дороги. Сооружение железной дороги в близком соседстве от территории Зап. Китая создает условия тесной увязки СССР с обширным краем не для эксплоатации Китая, а как фактор содействия под'ему его народного хозяйства и развития его производительных сил.

Значение Семиреченской жел. дороги в отношении Синь-цзяна скажется прежде всего в сокращении расстояния, ныне отделяющего важнейшие торговые центры Зап. Китая от СССР. Новая линия срежет грунтовые дороги на две трети их расстояния, почти вплотную подойдет к Зайсану, Чугучаку и Кульдже, связываясь шоссейным автомобильным трактом через Токмак, Рыбачье и Нарынское с городом Кашгаром.

Сокращение расстояния будет иметь весьма заметное влияние в вопросах снижения фрахтов. Снижение накладных расходов, в свою очередь, будет стимулировать развитие товарооборота.

Сокращение стоимости фрахта с каждой тонны импортно-экспортной группы товаров после сооружения Семиреченской жел. дороги в Кульджинском направлении усматривается из нижеприводимой таблицы:

Кульджинское направление		Чугучакское направление	
Экспортные товары	Разница с тонны руб. коп.	Экспортные товары	Разница с тонны руб. коп.
Сахар	76—25	Сахар	36—60
Хлопчатобумажн. ткани	68—26	Хлопчатобумажн. ткани	16—47
Спички	79—86	Спички	27—45
Металлы и металлоизделия	76—86	Металлы и металлоизделия	21—35
Силикаты	80—52	Силикаты	21—87
Импортные товары		Импортные	
Кожи невыдел. и пушнина	78—08	Кожи невыдел. и пушнина	29—18
Хлопок	76—34	Хлопок	23—18
Шерсть	40—63	Шерсть	29—18

Если товарооборот сейчас с Зап. Китаем в весовом отношении равен, примерно, 32—33 тыс. тонн, то при сокращении расстояния на $^2/_3$ от пограничных торговых пунктов и при весьма заметном снижении фрахта создастся новый стимул развития товарности хозяйства района Джунгарии и Кашгарии, которые дадут систематическое нарастание грузооборота. Этот грузооборот к моменту сооружения дороги увеличится в 2 раза. Основанием для этого расчета служит непрерывный рост торговых оборотов Синь-цзяна с СССР, который уже в настоящее время при наличии грунтовых путей вызывает прилив в наш Союз западно-китайских купцов, являющихся контрагентами по реализации своих товаров к нам и по вывозу продукции советской промышленности в свою страну.

Влияние Семиреченской дороги будет сказываться не только в росте товарооборота между Зап. Китаем и СССР. Оно скажется также как существенный фактор в экономике самого Синь-цзяна. Новая дорога усилит процессы дифференциации народного хозяйства внутри Зап. Китая. Железный путь будет иметь своим ближайшим экономческим последствием дальнейшую специализацию районов самого Синь-цзяна. Расширятся пределы и уточнятся границы хлопководческих районов. Завоз хлебов

в эти районы будет стимулировать дальнейшее увеличение площади под хлопком. Рост этой культуры рассчитан на емкость советских рынков в отношении текстильного сырья. СССР будет чем дальше, тем меньше зависеть от капиталистических государств в отношении снабжения своей текстильной промышленности хлопком.

Зап. Китай, специализируя свои районы, будет подымать свои технические культуры и народное хозяйство в целом на более высокую ступень развития.

Специализация скотоводческих районов Зап. Китая в свою очередь предопределит более высокий уровень хозяйства, повышая качество продукции и увеличивая товарную часть продукции крестьянского труда. Семиреченская дорога, приобщая Зап. Китай к рельсовой сети Союза, выявит свое значение, главным образом, как прогрессивный фактор экономики самого Синь-цзяна, содействуя росту его производительных сил.

Новая железнодорожная линия должна рассматриваться и как транзитный путь между отдельными районами Зап. Китая. Крупнейшие торговые пункты Синь-цзяна не связаны между собой кратчайшими линиями. Путь от Кашгара на Кульджу и на Чугучак идет в направлении на Урумчи. Этот путь удлиняет расстояние, извращая транспортные перспективы этого края.

Экономика Синь-цзяна находится в резком противоречии с транспортными направлениями, отвлекающими грузы в сторону вместо того, чтобы сближать расстояние между торговыми пунктами. Лишь новая дорога, проходящая в близком соседстве с Зап. Китаем, разрешает и эту важнейшую задачу приведения экономики края в соответствие с транспортом. Семиреченская дорога сокращает расстояние между Кашгаром, с одной стороны, и Кульджой и Чугучаком — с другой, обслуживая эти пункты в роли транзитного пути.

Продукция местных районов не могла быть полностью втянута в товарооборот в виду отсутствия удобного пути, который предопределял бы естественное тяготение разных районов между собой. Семиреченская дорога обеспечивает наиболее краткий путь для товарооборота различных районов самого Зап. Китая. Семиреченская железная дорога является лучшей иллюстрацией экономической политики Республики Советов в отличие от политики империалистических государств.

Мировой империализм завоевал Китай при помощи железной дороги. Он домогался концессий на территории Китая, нарушая его суверенные права. Иностранный капитал устанавливал свой контроль над территорией Китая, над его горными богатствами, над всем его хозяйством вообще благодаря железной дороге.

Каждый новый рельсовый путь ставил производительные силы Китая на службу иностранному капиталу. Не даром национальная революция в Китае в 1911 году имела в качестве одной из своих причин борьбу Китая против захвата международной буржуазией жел.-дор. строительства в Китае, не даром национально-революционное движение в его новейшей фазе об'явило смертельную войну идее международного банковского консорциума, главнейшей задачей которого является сооружение железных дорог в Китае.

История железнодорожного строительства в самом Китае и на территориях, к нему ближайше расположенных, как, например, Тонкинская жел. дор., свидетельствует о том, что иностранный капитал при помощи дороги „индустриализировал“ Китай, разоряя его. Железная дорога, сооружаемая на средства иностранного капитала, была орудием империалистической политики в Китае, ведшей к угнетению его трудящихся масс.

В полную противоположность политике мирового капитала Семиреченская жел. дорога, находящаяся в непосредственном соседстве с Зап. Китаем, ведет к расцвету его народного хозяйства, к под'ему его производительных сил, к росту капиталоемких культур в сельском хозяйстве, к увеличению товарной доли продукции крестьянского труда, к расширению и укреплению экономических связей с СССР. Эта дорога — путь к тесному и дружескому сотрудничеству соседних государств. Эта дорога — залог развития народного хозяйства и СССР и Синь-цзяна.

1927 год, который является начальным годом строительства этой дороги, открывает блестящую страницу не только в истории роста социалистического хозяйства Союза Советских Социалистических Республик. Этот год впишет блестящую страницу в историю новых взаимоотношений первой Республики Труда с многомиллионными массами Китая, ведущими героическую борьбу за свое освобождение от ига мирового капитала.

В. И. Лавров

Основные капиталы государственной промышленности по районам СССР

1. Вводные замечания

Завершая восстановительный путь, народное хозяйство Союза переходит в новую фазу своего развития, в которой реконструктивные процессы должны стать той основной направляющей, которая определит дальнейшие пути и судьбы нашего народного хозяйства. По существу говоря, мы только теперь вплотную подходим к действительному построению рационального хозяйства, ибо до сих пор при отсутствии возможности производить значительные вложения средств в наше народное хозяйство мы вынуждены были итти по пути преимущественно простого восстановления, находясь в значительной мере под влиянием того исторического прошлого, того стихийного образования существующего, преодолеть которое мы ставим своей задачей.

Только теперь со всей практической значимостью мы могли поставить во главу угла всей нашей экономической политики проблему индустриализации нашего народного хозяйства, отдавая себе ясный отчет в том, что организация нашего народного хозяйства по типу аграрно-индустриальной страны требует и длительного времени и больших средств.

В связи с этим, проблема географического размещения промышленности, являвшаяся до сих пор преимущественно об'ектом академического изучения, должна привлечь к себе особое внимание общеплановых и хозяйственных учреждений Союза.

Мы начали уже строить новые промышленные предприятия и строим уже не первый год. Тем не менее, должным образом разработанного и обоснованного перспективного плана строительства мы пока еще не имеем. Отсюда неизбежно должны проистекать ошибки, которые в последующем исправлять будет очень трудно. Мало того, районный разрез наших плановых построений до сих пор не завоевал себе полного права гражданства в среде наших хозяйственных органов, к сожалению, воспитанных восстановительным периодом на элементарном отраслевом подходе. Между тем, проблема индустриализации страны и, в частности, новая территориальная организация промышленности суть такие строительные проблемы, правильное разрешение которых вне районного разреза совершенно невозможно.

Исходным моментом построения плана реконструкции является учет существующего. Между тем, и в этом отношении дело обстоит неблагополучно. Мы до сих пор не имели точного представления о действующих основных капиталах нашей промышленности и весьма мало знаем о их размещении по территории Союза. Поэтому нам приходится производить капитальные вложения в промышленность того или другого района, имея весьма малое представление о том, какое влияние оказывают эти вложения на структуру народного хозяйства того или другого района и на те экономические отношения районов, в результате которых складывается экономика нашей страны. В виду этого мы полагаем, что излагаемая ниже попытка осветить размещение основных капиталов государственной промышленности по районам Союза может представить известный интерес.

2. Методологические соображения

Известно, что до последнего времени мы совершенно не имели данных о точных размерах основных капиталов нашей государственной промышленности. Существовавшие оценки были крайне ненадежны; при инвентаризации для определения уставных капиталов, предусмотренных Декретом о трестах 10 апреля 1923 г., применялась оценка в довоенных рублях; при этом ряд трестов исчислил свой основной капитал в первоначальной довоенной стоимости, другие — в довоенной стоимости со скидкой (и при этом совершенно разной) на износ оборудования; наконец, на ряду с довоенной оценкой первоначальной части основного капитала новое оборудование оценивалось по заготовительной цене в червонных рублях и попросту складывалось с довоенными рублями и проч.

В силу этого, произведенная ВСНХ СССР и его местными органами работа по переоценке основных капиталов с исчислением их в единой червонной валюте как по стоимости его воспроизводства в современных условиях, так и с учетом фактического износа, впервые позволяет более точно подойти к действительному учету основных капиталов нашей государственной промышленности.

Правда, эта работа полностью еще не закончена и некоторая часть предприятий (главным образом, местных) до настоящего времени показывает свой основной капитал в прежнем довоенном исчислении. Однако, при незначительном их общем удельном весе на общий результат переоценки это обстоятельство не может оказать сколько-нибудь существенного влияния.

Само собой разумеется, что и переоцененная стоимость основного капитала не вполне точна и в тех или других случаях может вызывать возражения, тем не менее, в настоящее время эта оценка является единственной наиболее верной.

До настоящего времени мы имели возможность пользоваться данными о размерах основных капиталов государственной промышленности, распределенными по отраслям промышленности. Порайонного распределения основных капиталов сделано не было.

В настоящем очерке распределения основных капиталов государственной промышленности по районам мы пользуемся подсчетами, произведенными Секцией промышленной географии Промплана ВСНХ СССР.[1] Основным источником произведенной работы служили производственно-финансовые планы предприятий союзного, республиканского и местного подчинения на 1926/27 г., вошедшие в Сводный производственно-финансовый план государственной промышленности на 1926/27 г.[2] и данные „сводных балансов“ предприятий на 1 октября 1925 г.

При исчислении основных капиталов были допущены следующие условности. Под основным капиталом в работе принимается стоимость имущества по активу.

Основной капитал на 1 октября 1925 г. исчислен по балансам предприятий на основании произведенной ВСНХ СССР последней пере-

[1] Работа выполнена под руководством А. Н. Долгова, К. И. Рабиновича и моим.
[2] ВСНХ СССР, „Промиздат“, 1927 г.

оценки, с учетом износа; износ учтен почти по всем предприятиям, за небольшим исключением по ряду предприятий, основные капиталы которых вошли в сводку по полной восстановительной стоимости, что, при незначительном их удельном весе, на результаты существенного влияния не оказало.

Основной капитал на 1 октября 1926 г. исчислен условно путем начисления на сумму основного капитала на 1 октября 1925 г. той части капитальных затрат в 1925/26 г., которые фактически были произведены на расширение и реконструкцию старых предприятий и на постройку новых заводов; затраты на капитальный ремонт, следовательно, не начислялись вовсе. Правильнее было бы итти другим путем, учитывая амортизацию; однако, при порайонном исчислении сделать это по состоянию материалов оказалось весьма затруднительным. Таким же путем, как и на 1/X 1926 г., был исчислен основной капитал на 1 октября 1927 г. на основании данных о капитальных затратах по промфинпланам на 1926/27 г.

При распределении основных капиталов и капитальных затрат по районам пришлось преодолеть не мало трудностей. В тех случаях, когда заведения одного предприятия оказывались расположенными не в одном, а в нескольких районах, пришлось сделать специальные подсчеты по определению основных капиталов и капитальных затрат по заведениям, что неизбежно отразилось на точности подсчетов. Однако, состояние исходных материалов и нашей отчетности не всегда позволяло произвести указанные подсчеты. В силу этого, в ряде случаев пришлось основные капиталы и капитальные затраты отдельных предприятий относить по преобладанию к одному району, хотя фактически эти предприятия расположены на территории нескольких районов.

Особо следует в этом отношении отметить металлическую промышленность, представившую наибольшие трудности дробления предприятий по районам. Так, Брянский завод (основной капитал на 1/X 1925 г. ок. 24 милл. руб.) входящий в состав треста „Гомза“ и расположенный на территории Западной области, отнесен в работе к ЦПО. Входящий в состав Югостали Керченский завод (основной капитал на 1/X 1925 г. ок. 11 милл. руб.) учтен по УССР, а не по Крымской республике.

По текстильной промышленности—находящаяся в составе Краснопресненского хлопчатобумажного треста Ярцевская мануфактура (основной капитал на 1/X 1925 г. ок. 9 милл. руб.), расположенная на территории Западной области, отнесена к ЦПО. Таким образом, следует иметь в виду, что основной капитал Западной области показан на 33 милл. руб. меньше, а ЦПО на ту же сумму больше.

Кроме отмеченного, были допущены и другие отклонения, имеющие в общем удельном весе промышленности районов меньшее значение. Особо следует оговорить неполноту данных по основным капиталам республиканской и местной промышленности по Закавказью и по Средней Азии, что, при значительном преобладании в этих районах основных капиталов союзной промышленности, на их удельном весе почти не отразилось.

Какова же в целом степень полноты публикуемых ниже данных?

Для контроля мы взяли произведенный в ВСНХ СССР полный подсчет основных капиталов по балансам предприятий на 1 октября 1925 г. По этим данным весь основной капитал союзной, республиканской и местной промышленности по РСФСР, УССР, БССР и Грузии, без электростанций и промторгов, оценивается на 1 октября 1925 г. в 4.964.796 тыс. черв. рублей. По нашим же данным, включающим всю ЗСФСР и Среднюю Азию, основной капитал оценивается в 4.671.175 тыс. черв. рублей. Таким образом, расхождение на 293,6 милл. руб., что составляет недоучет по нашим данным около 6%.

Этот недоучет падает преимущественно на пищевую промышленность и на те отрасли промышленности, которые в нашей работе, в виду ненадежности материалов для районной разбивки, не учтены вовсе, а именно, полиграфическая (основной капитал 37,2 милл. руб.), швейная (основной капитал 17,0 милл. руб.) и строительная (основной капитал 4,5 милл. руб.). Таким образом, на неучтенные отрасли промышленности падает 48,7 милл. руб. Сравнивая „полную“ оценку основных капиталов с оценкой Секции промышленной географии только по учтенным последней отраслям промышленности, устанавливаем расхождение на 244,9 милл. руб. Это расхождение падает почти целиком только на одну пищевкусовую промышленность, по которой нами совершенно не учтены, из-за плохого состояния материалов для районного распределения, пивоваренная, дрожжевая, винокуренная, кондитерская, рыбная, консервная и мукомольная промышленность. В силу этого основной капитал пищевкусовой промышленности нами учтен в сумме 492,1 милл. руб. вместо 701,6 милл. руб., исчисленных по „полному“ учету.

Несмотря, однако, на это, мы полагаем, что исчисления Секции промышленной географии Промплана ВСНХ СССР вполне удовлетворяют тому требованию точности, которая является необходимой для выяснения общей картины и общих тенденций географического распределения основных капиталов промышленности по районам.

Последнее методологическое замечание относится к сопоставлению наших данных с данными опубликованного ВСНХ СССР Сводного промфинплана госпромышленности на 1926/27 г. Следует иметь в виду, что в Сводном промфинплане основной капитал на I/X 1925 г. оценен в 6.683.450,5 тыс. черв. руб. по полной восстановительной стоимости, без учета износа; нами же дается оценка основных капиталов в сумме 4.671.175,1 тыс. черв. руб. с учетом износа.

В виду этого прямых сопоставлений этих данных делать не следует.

3. География основных капиталов

Существующая промышленная география СССР есть результат длительного действия сложного комплекса факторов как об'ективного, так и суб'ективного порядка, в системе стихийной формации нашего народного хозяйства. И только с 1925/26 г., когда мы наиболее ощутимо стали переходить от восстановления к реконструкции нашего народного хозяйства, существующая промышленная география начала подвергаться воздействию на нее такого крупного реорганизующего фактора, как значительные новые капитальные вложения в нашу государственную промышленность.

Поэтому представляет интерес установить распределение основных капиталов по районам СССР на I/X 1925 г. с тем, чтобы в последующем перейти к анализу тех изменений нашей промышленной географии, которые явились следствием соответствующего размещения по территории Союза тех капитальных затрат в промышленности, которые были произведены в 1925/26 г. и производятся по планам в текущем 1926/27 году.

Прежде всего, следует заметить, что распределение основных капиталов государственной промышленности по районам и дальнейшая динамика этого распределения в большей мере зависит от того, каким образом основные капиталы и капитальные затраты распределяются по отраслям промышленности. Ибо тот или другой удельный вес основных капиталов и капитальных затрат топливной промышленности или текстильной промышленности предопределяет удельный вес промышленности южных или центральных районов.

Общая стоимость основных капиталов (имущества по активу) всей учтенной государственной промышленности на 1 октября 1925 г. исчисляется в сумме 4.671.175,1 тыс. черв. рублей. Распределение этой суммы по отраслям промышленности (повторяем, не абсолютно точно) представлено в следующей таблице:

Отрасли промышленности	Основн. капитал на I/X 1925 г. В тыс. руб.	%
Топливная	917.889,0	19,6
Горнодобывающая	70.171,2	1.5
Силикатная	121.703,5	2,6
Металлическая	1.058.437,2	22,7
Электротехническая	62.589,2	1,4
Текстильная	1.422.634,5	30,5
Кожевенная	74.397,0	1,6
Химическая	265.254,0	5,7
Пищевая	492.106,4	10,5
Деревообрабатывающая	98.976,1	2.1
Бумажная	72 017 0	1,5
Хлопковая	15.000	0,3
Всего	4.671.175,1	100,0

Как видим, около 75% всей суммы основных капиталов падает на три отрасли промышленности: текстильную (30,5%), металлическую (22,7%) и топливную (19,6%). А вместе с пищевой (10,5%) и химической (5,7%) промышленностью названные пять отраслей промышленности располагают основными капиталами, в сумме составляющими около 90% всех основных капиталов нашей госпромышленности. Напомним, кстати, что основные капиталы пищевой промышленности значительно преуменьшены недоучетом ряда ее отраслей, что при полном учете ее основных капиталов еще более повысило бы общий удельный вес упомянутых пяти отраслей промышленности.

В соответствии с этим, при значительной территориальной концентрации как тяжелой, так и легкой индустрии, основные капиталы нашей государственной промышленности распределяются по районам Союза на I/X 1925 г. следующим образом:

Районы	Основн. капитал на I/X 1925 г. В тыс. руб.	%
Северо-Западная область с Карелией	533.654.2	11,2
Северо-Восточная область	24.718,0	0,5
Уральская область	211.914,8	4,6
Башкирская АССР	17.070,2	0,4
Вятско-Ветлужская область	16.451,7	0,4
Средне Волжская (с Оренб. губ.)	59.732,6	1,3
Нижне-Волжская	52.246,2	1,1
Центрально-Промышл. обл.	1.685.356,7	36,0
Центр.-Черноземная „	94.334.9	2,0
Западная область	49 005,8	1,1
Северо-Кавказский край	210.736,1	4,5
Дагестанская АССР	3.437,0	0,1
Крымская АССР	20.716,3	0,4
Сибирский край	31.104.2	0,7
Дальне-Восточная область	12 892,4	0,3
Бурято Монгольская республ.	128,0	—
Автономн. Якутская республ.	—	—
Казакская АССР	23.836,4	0,5
Киргизская АССР	—	—
Всего по РСФСР	3.037.435,5	65,1
УССР	1.135 150,6	24,3
БССР	14.105,1	0,3
ЗСФСР	464.228,2	9,9
Узбекская ССР и Туркменская ССР	20.252,0	0,4
Всего по СССР	4.671.171,4	100,0

Как видим, около $^2/_3$ основных капиталов сосредоточено в пределах РСФСР, около $^1/_4$ в УССР и остальные 10% в пределах ЗСФСР; на долю БССР, Узбекской и Туркменской ССР приходится менее 1%.

Рассматривая расположение основных капиталов по экономическим районам, мы видим, что около 70% всей государственной промышленности Союза расположено в пределах только трех районов: Центрально-Промышленная область (36,0%), Украина (24,3%) и Северо-Западная область (11,2%). За ними идут Закавказье (9,9%), Урал (4,6%) и Северо-Кавказский край (4,5%). Высокий удельный вес Закавказья при слабом его промышленном развитии определяется преимущественно крупным основным капиталом Азнефти.

Таким образом, в упомянутых шести районах сосредоточено 90,5% всех основных капиталов государственной промышленности СССР. На всю остальную территорию СССР приходится всего 9,5% основных капиталов госпромышленности Союза. При этом обращает на себя внимание ничтожное развитие промышленности в громадной восточной и юго-восточной части СССР. Так, на территории Сибири, ДВО, Бурято-Монголии, Якутии, Казакстана и Средней Азии сосредоточено всего 2% основных капиталов всей государственной промышленности СССР. Правда, основные капиталы упомянутых районов показаны нами в приведенной таблице в неполной сумме в виду недоучета по преимуществу ряда пищевкусовых отраслей промышленности (ДВО—рыба), однако, этот недоучет не может оказать существенного влияния на их удельный вес.

Отмеченная нами выше территориальная концентрация государственной промышленности СССР особенно отчетливо выявляется при рассмотрении географического распределения по районам отдельных отраслей промышленности (см. табл. 1).

Почти вся топливная промышленность (95%) расположена на юге (ЗСФСР, УССР и Сев.-Кавказский край) в предприятиях Азнефти, Грознефти и Донбассе.

Горнодобывающая промышленность расположена преимущественно (80%) на Украине и на Урале.

Силикатная промышленность на 85% в ЦПО, Сев.-Кавказском крае, Северо-Западной области и на Украине.

Металлическая промышленность на 90% также только в четырех районах — Украине, Сев.-Западной области, ЦПО и Уральской области.

Электротехническая промышленность почти вся в Сев.-Западной области, ЦПО и Украине.

Текстильная промышленность почти вся в двух районах: ЦПО (87%), и Сев.-Западной области (7%).

Химическая промышленность, главным образом (86%), в трех районах — ЦПО, Украине Сев.-Западной области.

Бумажная на $^4/_5$ только в трех районах: ЦПО, Сев.-Западной области и Сев.-Восточной области.

Пищевая на $^9/_{10}$ только в четырех районах: Украине (64%), ЦЧО (16%), ЦПО (6%) и Сев.-Зап. области (5%).

Кожевенная промышленность при высоком удельном весе трех основных районов (70%) — Сев.-Зап. обл. (27%), ЦПО (26%) и Украины (17%) развита во всех главнейших районах СССР. Равным образом, деревообрабатывающая промышленность, 50% основных капиталов которой расположено только в трех районах: Сев.-Западн. обл., Сев.-Вост. обл. и ЦПО, в остальной своей части располагается почти по всей территории СССР.

В целом, как видно, основные капиталы всех отраслей промышленности преимущественно расположены в шести указанных выше основных промышленных районах СССР: ЦПО, Украина, Сев.-Западн. обл., Закавказье, Урал и Сев.-Кавказский край.

Распределение основного капитала государственной промышленности по районам и отраслям промышленности на 1/X 1925 года

(В тысячах рублей)

Таблица 1

Районы	Топливн.		Горнодоб.		Силикатн.		Металлич.		Электро-		Текстильн.		Кожевенная		Химическ.		Пищевая		Деревообраб.		Бумажная		Всего	
	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%
1. Сев.-Зап. обл.	—	—	55,0	0,1	19.634,7	16,1	212 074,2	20,1	31.443,0		84.473,0	7,3	20.041,0	26,9	64.371,0	24,4	25 019,0	5,1	22.945,3	23,2	22.094,2	30,7	522.149,2	11,2
1а. Карельская АССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	1.505,0	1,5	—	—	1.505,0	—
2. Сев.-Восточн. обл.	—	—	—	—	109,3	0,1	—	—	—		3.160,0	0,2	137,7	0,2	127,0	—	119,0	0,02	13.210,6	13,4	7.856,1	10,9	24.718,0	0,5
3. Уральская „	10.859,0	1,2	27.102,2	38,6	710,0	0,6	144.330,0	13,5	2.653,9		14.214,0	0,3	—	—	11.478,0	4,8	—	—	10.567,7	10,7	—	—	211.914,8	4,6
3а. Башкирская „	—	—	—	—	472,4	0,4	15.378,6	1,4	—		424,0	0,01	143,0	0,2	—	—	—	—	—	—	652 2	0,9	17.070,2	0,4
4. Вятско-Ветл. „	—	—	—	—	1.124 8	1,0	4.321,2	0,4	—		451.0	0.01	5.311,5	7,0	1.279,0	0,5	—	—	2.143,3	2,2	1.820,9	2 5	16.451,7	0,4
5. Средне-Волж. „	—	—	—	—	2.200,1	1,8	—	—	—		10.236,7	1,6	3.107,0	4,2	17.897,0	6,7	2.377,4	0,4	7.111,2	7,2	3.159,0	4,4	59.088,4	1,3
5а. Оренбур. губ.	—	—	470,0	0,7	—	—	—	—	—		—	—	174,2	0,2	—	—	—	—	—	—	—	—	644,2	—
6. Ниж.-Волжск. обл.	—	—	1.283,8	1,9	6.682,4	5,5	14 072,4	1,3	—		8.432,8	0,6	1.387,0	1,9	312	—	7.665,2	1,5	12.510,6	12,7	—	—	52.346,2	1,1
7. Центр.-Пром. „	9.414,0	1,0	15.0	—	39.808,8	32,7	201.901,8	19,2	18,508,4		792.908,0	86,7	18.849,1	25,5	94.775,0	35,8	30.176,1	6,1	13 182,1	13,3	23.818,4	35,8	1.685.356,7	36,0
8. Центр.-Черноз. „	—	—	—	—	157,5	0,1	1.881,6	0,1	—		8.496,0	0,9	2.550,3	3,4	—	—	77.467,8	15,8	283,5	0,3	498,2	0,7	94.334,9	2,0
9. Западная „	—	—	—	—	576,7	0,5	26.775,0	2,6	—		11.820,0	0,9	—	—	3.015,0	1,1	2.216,0	0,4	1.230,1	1,3	3.373,0	4,7	49.005,8	1,1
10. Сев.-Кавк. край	147.067,0	16,0	—	—	21.933,9	18,0	13.018,2	1,2	—		2110,0	—	4.623,0	6 3	162	—	23.544,0	4,8	278,0	0,3	—	—	210.736,1	4,5
10а. Дагест. АССР	—	—	—	—	1.465,0	1,2	—	—	—		1.896,0	0,1	76,0	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	3.437,0	0,1
11. Крым	—	—	1.925,1	2,7	—	—	13.963,2	1,3	—		—	—	300,0	0,4	—	—	4.528,0	0,9	—	—	—	—	20.716,3	0,4
12. Сибирь	16.212,0	1,8	3.920,7	5,6	2.032,0	1,7	457,8	—	—		758,0	—	2.858,4	3,8	466,0	0,2	893,0	0,18	3.506,3	3,5	—	—	31.104,2	0,7
13. ДВО	4.330,0	0,5	3.763,9	5,3	1.445,0	1,2	1.735,2	0,1	—		—	—	—	—	70	—	—	—	1 548,3	1,5	—	—	12 892,4	0,3
13а. Бур.-Монг. респ.	—	—	—	—	128,0	0,1	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128,0	—
14. Казакская „	16.090,0	1,7	1.731,1	2,5	—	—	5.210,4	0,5	—		383,0	—	—	—	422,0	0,2	—	—	—	—	—	—	23.836,4	0,5
15. УССР	256.810,0	28,0	28.664,8	40,8	19.303,9	15,8	400 249,2	37,9	9.983,9		2218,0	0,9	12.324,0	16,6	70.398,0	26,6	315.109,8	64,3	5.229,0	5,2	4.860,0	6,8	1.135.150,6	24,3
16. БССР	—	—	—	—	1.045,7	0,9	815,4	0,1	—		1403,0	0,2	1.040,0	1,4	482,0	0,2	2.084,1	0,4	2.349,9	2,3	1.885,0	2,6	14.105,1	0,3
17. ЗСФСР	454 035,0	49.5	1.057,6	1,5	1.477,0	1,2	2.253,0	0,3	—		12251,0	0,1	872,4	1,2	—	—	907,0	0,2	1.375,2	1,4	—	—	464.228,2	9,9
18. Средняя Азия	3.072,0	0,3	182,0	0,3	1.396,3	1,1	—	—	—		1000,01	—	602,4	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	20.252,0	0,4
Итого	917.889,0	100	70.171,2	100	121.703,5	100	1.058.437,2	100	62.589,2		1000,01 2634,5	100	74.397,0	100	265.254	100	492,106,4	100	98.976,1	100	72.017,0	100	4.671.171,4	100

[1] 15 тыс.—хлопковая промышленность.

4. Динамика основных капиталов по районам

За истекший 1925/26 г. условно исчисленный основной капитал государственной промышленности возрос с 4.671.175,1 тыс. черв. рублей до 5.272.494,3 тыс. черв. руб., т.-е. на 601.319,2 тыс. черв. руб., что составляет рост на 12,9% за год. По плану на 1927/28 г. основной капитал госпромышленности должен возрасти до 6.045.488,8 тыс. черв. руб., т.-е. еще на 772.994,5 тыс. черв. руб., что составит рост на 14,6% за год.

Указанный темп движения основных капиталов распределяется по районам крайне неравномерно; по одним районам наблюдается более быстрый, по другим более медленный темп роста основных капиталов по сравнению со средним темпом роста по всему Союзу в целом.

Разница темпов движения основных капиталов по районам, прежде всего, должна быть отнесена за счет планового распределения капитальных затрат между отраслями тяжелой и легкой индустрии, оказывающего влияние на перераспределение основных капиталов по районам.

Движение основных капиталов по отраслям промышленности за время с 1/X 1925 г. по 1/X 1927 г. представлено в следующей таблице:

Отрасли промышленности	Основн. капит. на 1/X 1925 г.		Основн. капит. на 1/X 1926 г.		% увеличения за год	Основн. капит. на 1/X 1927 г.		% увеличения за год
	Абсол.	%%	Абсол.	%%		Абсол.	%%	
Топливная	917.889,0	19,6	118.865,0	21,3	121,9	1.406.955,0	23,3	125,7
Горнодобыв. . . .	70.171,2	1,5	95.801,4	1,8	136,5	132.455,9	2,2	138,3
Силикатн.	121.703,5	2,6	152.557,0	2,8	125,6	202.275,9	3,4	132,6
Металлич.	1.058.437,2	22,7	1.186.650,2	22,5	112,1	1.346.367,2	22,3	113,4
Электротехн. . . .	62.589,2	1,4	69.990,8	1,3	111,8	84.382,5	1,4	120,6
Текстильн.	1.422.634,5	30,5	1.513.036,6	28,7	106,3	1.600.378,1	26,5	105,8
Кожевенная . . .	74.397,0	1,6	91.439,6	1,7	122,9	98.471,4	1,6	107,7
Химическая . . .	265.254,0	5,7	298.139,0	5,7	112,4	339.026,0	5,7	113,7
Пищевая	492.106,4	10,5	511.159,4	9,7	104,0	529.167,7	8,4	103,5
Деревообр. . . .	98.976,1	2,1	117.877,4	2,2	119,1	139.904,1	2,4	118,7
Бумажная	72.017,0	1,5	91.354,9	1,7	126,9	128.394,7	2,2	140,5
Хлопковая	15.000,0	0,3	25.623,0	0,5	170,8	35.711,0	0,6	139,4
	4.671.175,1	100,0	5.272.494,3	100,0	122,8	6.045.488,8	100,0	114,6

Главная масса капитальных затрат падает преимущественно на отрасли тяжелой индустрии, в соответствии с чем удельный вес их основных капиталов непрерывно возрастает. Отмечается особо значительный рост основных капиталов по топливной промышленности (с 917.889 тыс. руб. до 1.406.955 тыс. руб.), на долю которой приходится свыше 35% общего роста основных капиталов всей государственной промышленности за два года. В соответствии с этим удельный вес топливной промышленности по основным капиталам возрастает с 19,6% до 23,3%. Еще более

значителен темп роста горнодобывающей промышленности, которая за два года почти удваивает свои основные капиталы, в соответствии с чем ее удельный вес повышается с 1,5% до 2,2%. Равным образом повышается удельный вес силикатной промышленности—с 2,6% до 3,4%. Из представителей тяжелой индустрии — металлическая промышленность характеризуется относительно замедленным темпом роста ее основных капиталов, в соответствии с чем ее удельный вес падает с 22,7% до 22,3%.

По легкой индустрии, по большинству ее отраслей, наблюдается устойчивость их удельных весов. Однако, по текстильной промышленности, занимающей первое место по величине ее основных капиталов, имеет место наиболее медленный темп роста основных капиталов (за 1925/26 г. + 6,3% и за 1926/27 г. + 5,8%), в соответствии с чем ее удельный вес неуклонно падает — с 30,5% до 26,5%.

Особняком стоит хлопковая промышленность, получившая наиболее быстрое увеличение своих основных капиталов (с 15.000 тыс. руб. до 35.711 тыс. руб., т.-е. более чем в два раза), что, однако, незначительно отразилось на ее общем удельном весе (с 0,3% до 0,6%).

Под значительным влиянием указанного распределения капитальных затрат по отраслям промышленности вложения в основные капиталы учтенной государственной промышленности за 1925/26 и 1926/27 гг. распределялись по районам следующим образом (табл. 2).

Сопоставляя распределение по районам основных капиталов промышленности и капитальных затрат за время с 1/X 1925 г. по 1/X 1927 г. возможно сделать следующие общие выводы.

Существующая промышленная география за два года подвергается весьма незначительному изменению.

Старые промышленные районы весьма устойчивы; молодые промышленные районы сохраняют свой незначительный удельный вес. Устойчивость сложившейся промышленной географии об'ясняется относительно небольшими затратами на новое строительство за последние два года. За 1925/26 г. в новое строительство вложено всего 161 милл. руб., что составляет 22% от всех капитальных затрат. В 1926/27 г. на новое строительство по учтенной государственной промышленности должно быть затрачено 223 милл. руб., что составляет 25% от всех капитальных затрат. При этом главная масса капитальных затрат на новое строительство приходится на старые районы.

Наиболее крупные суммы капитальных затрат падают на расширение и реконструкцию существующего основного капитала, а именно, 61% всех капитальных затрат в 1925/26 и 1926/27 гг. Это обстоятельство еще в большей мере оказывает влияние на устойчивость старых промышленных районов.

В действительности, историческая инерция в сложении промышленной географии СССР оказывает чрезвычайно большое влияние на политику капитальных вложений в нашу государственную промышленность. Здесь, несомненно, оказывают существенное влияние выгоды агломерации и более быстрая эффективность капитальных вложений в старых промышленных районах, что по условиям неудовлетворенного рынка спроса и ограниченных наших финансовых ресурсов заставляет направлять предназначенные для расширенного воспроизводства основных капиталов средства преимущественно в старые районы. Кроме того, на устойчивость промышленной географии оказывает значительное влияние собирательная сила капиталов финансово-мощных промышленных центров и известная территориальная локализация промышленных накоплений, обнаружившаяся особенно заметно за последние два года.

Таблица 2

Районы	Основн. кап. на 1/X 1925 г.		Капит. затр. в 1924/25 г. (в м. р.)					Основн. капитал на 1/X 1926 г.		% увелич. за год	Капит. затр. в 1926/27 г. (в м. р.)					Основн. капитал на 1/X 1927 г.		% увеличения за год
			Капит. ремонт	Расширение и реконст.	Новые заводы	Всего					Капит. ремонт	Расшир. и рекон.	Новые заводы	Всего				
	м. р.	%				м. р.	%	м. р.	%					м. р.	%	м. р.	%	
1. Сев.-Западн. обл.	522,1	11,2	18,7	34,0	9,0	61,7	8,5	565,1	10,7	105,9	13,6	46,6	14,9	75,1	8,5	626,7	10.4	108,0
2. Карельск. АССР	1,5	—	0,03	1,0	0,4	1,4	0,2	2,9	0,1	193,9	0,2	1,2	2,7	4,1	0,6	6.8	0,1	232,3
3. Сев.-Вост. обл.	24,7	0,5	0,4	3,6	1,0	5,0	0.7	29,3	0,5	113,6	0,7	5,7	1,5	7,9	0,9	36,5	0,6	124,7
4. Уральская „	211,9	4,6	6,9	30,3	13,7	50,9	7,0	255,9	4,8	114,3	6,2	44,6	10,3	61,2	6.9	310,9	5,1	115,6
5. Башкирская АССР.	17,0	0,4	0,2	3,6	—	3,8	0,5	20,7	0,4	113,3	0,1	3,8	—	3,9	0,5	24.5	0,4	112,1
6. Вятско-Ветл. обл.	16,5	0,4	0,4	1,6	0,6	2,6	0,4	18,6	0,3	111,4	0,5	1,0	1,2	2 7	0,3	20,9	0.3	110,4
7. Ср.-Волжск. обл.	59,1	1,3	1,6	3,3	0,6	5,5	0,8	63,0	1,2	105,8	1,6	4,5	1,4	7,5	0,9	68,9	1,1	108,2
8. Оренбургск. губ.	0,6	—	0,02	0.3	—	0,3	—	0,9	—	139,0	0,008	0,07	—	0,8	—	1,0	—	—
9. Нижне-Волжская обл.	52,3	1,1	1,6	5,2	2,1	8,9	1,1	59,7	1,1	111,8	1,6	6,0	1,7	9,3	1,1	67.3	1,1	111,1
10. ЦПО	1.685,4	36,0	41,2	119,4	29,1	189,7	26,1	1833,9	34,8	106,8	34,4	116,8	41,5	192,7	21,6	1992,2	33,1	106,8
11. ЦЧО	94,3	2,0	2,6	3.4	0,8	6,8	0,9	38,5	1,9	104,3	4,9	6,6	3,2	14,7	1,7	108,3	1,8	109,6
12. Западная обл.	49,0	1,1	2,5	6,1	0,8	9,4	1,3	55,9	1,1	110,4	2,7	5,6	0,8	9,1	1,0	62,4	1,0	108,7
13. Сев.-Кавк. край	210,7	4,5	2,7	35,5	13,2	51,4	7,1	259,4	4,9	122,2	4,3	53,7	21,8	79,9	9,0	335.0	5,5	128,2
14. Дагестанск. АССР	3,4	0.1	0,1	0,03	0,4	0,6	0,1	3,9	0,1	113,9	0,3	0,6	0,4	1,3	0,2	5,0	0,1	126,8
15. Крымская АССР	20,7	0,4	0,2	0,8	—	1,0	0,1	21,4	0,4	102,5	0,5	0.6	0,1	1,2	0,2	22,2	0,4	108,3
16. Сибирский край	31,1	0,7	0,7	9,9	0,2	10,8	1,5	41,2	0,8	132,2	1,8	13,5	1,8	17.0	1,1	56,5	0,9	136,7
17. ДВО	12,9	0,3	1,0	2,2	0,3	3,5	0,5	15,4	0,3	117,7	0,8	6,7	0,08	7.6	0,9	22,2	0,4	141,1
18. Бур.-Монг. респ.	0,1	—	0,03	—	—	0,03	—	0,3	—	100	—	—	—	—	—	0,1	—	100,0
19. Авт. Якут. респ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20. Казакская АССР	23,8	0,5	1,8	6,1	7,2	15,1	2,1	37,2	0,7	148,8	0,5	6,5	9,5	16,5	1,9	53,2	0,9	139,4
21. Киргизская „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22. УССР	1.135,2	24,3	35,4	129,5	26,6	191,4	26,4	1291,2	24,6	111,1	36,2	177,0	43,9	257,1	28.9	1512,1	25,1	114,2
23. БССР	14,1	0,3	1,0	1,3	0,7	3,0	0,4	16,1	0,3	113.7	1,0	2,0	2,0	5,0	0,6	20,2	0,3	124,3
24. ЗСФСР	464,2	9,9	5,5	38,5	46,0	89,6	12,4	548,7	10,4	118,1	6,9	40,2	51,7	98,8	11.1	640,6	10,6	116,7
25. Узбекск. ССР	20,3	0,4	0,8	4,8	8,0	13,6	1,9	33,1	0,6	163,5	1,3	5,0	12,0	18,3	2,1	50,1	0,8	151,4
26. Туркмен. „																		
Всего	4671,2	100,0	124,8	440,4	161,0	726,2	100	5272,5	100	110.3	120,0	548,3	222,7	891,1	100	6043,7	100	112,0

Тем не менее, несмотря на отмеченную устойчивость промышленной географии, за последние два года отчетливо выявилась основная тенденция изменения промышленной географии СССР в смысле постепенного перемещения промышленных центров на восток и юго-восток за счет европейского запада, северо-запада и промышленного центра. Эта тенденция является не новой. Перемещение промышленных центров на восток и юго-восток является характерной чертой динамики русской промышленности на протяжении многих десятилетий. В настоящее время здоровая по существу тенденция постепенно приобретает более планомерный характер, вытекающий из системы плановых мероприятий по индустриализации народного хозяйства СССР.

Указанный процесс наглядно изображен в следующей таблице:

Районы	Основн. капитал на 1/X 1925 г.	Капит. затраты в 1925/26 г.	Основн. капитал на 1/X 1926 г.	Капит. затраты в 1925/26 г.	Основной капитал на 1/X 1927 г.
1. Северо-Западная область	11,2	8,5	10,7	8,5	10,4
1а. Карельская АССР	—	0,2	0,1	0,6	0,1
2. Северо-Восточная область	0,5	0,7	0,5	0,9	0,6
3. Уральская	4,6	7,0	4,8	6,9	5,1
3а. Башкирская АССР	0,4	0,5	0,4	0,5	0,4
4. Вятско-Ветлужская область	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3
5. Средне-Волжская „	1,3	0,8	1,2	0,9	1,1
6. Нижне-Волжская „	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1
7. ЦПО	36,0	26,1	34,8	21,6	33,1
8. ЦЧО	2,0	0,9	1,9	1,7	1,8
9. Западная область	1,1	1,3	1,1	1,0	1,0
10. Северо-Кавказский край	4,5	7,7	4,9	9,0	5,5
10а. Дагестанск. АССР	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
11. Крымская АССР	0,4	0,1	0,4	0,4	0,4
12. Сибирский край	0.7	1,5	0.8	1,1	0,9
13. ДВО	0,3	0,5	0,3	0,9	0,4
13а. Бурято-Монгол. республика	—	—	—	—	—
14. Авт. Якутская область	—	—	—	—	—
15. Казакская АССР	0.5	2,1	0,7	1,9	0,9
16. Киргизская АССР	—	—	—	—	—
17. УССР	24,3	26,4	24,6	28,9	25,1
18. БССР	0,3	0,4	0,3	0,6	0,3
19. ЗСФСР	9,9	12,4	10,4	11,1	10,6
20. Узбек. и Турк. ССР	0,4	1,9	0,6	2,1	0,8
	100	100	100	100	100

В действительности по Центрально-Промышленной области удельный вес капитальных затрат за последние два года стоит ниже удельного веса основных капиталов; капитальные затраты по ЦПО относительно падают. В соответствии с этим удельный вес основных капиталов ЦПО падает с 36,0% до 33,1%. Аналогичное явление наблюдается и по второму основному промышленному району—Северо-Западной области, удельный вес основных капиталов которой понижается с 11,2% до 10,4%. Обращает на себя внимание некоторое снижение удельного веса основных капиталов Центрально-Промышленной области, что не отвечает задачам индустриализации перенаселенных районов.

Совершенно обратное явление наблюдается по Украине, Сев. Кавказу, Закавказью, Казакской АССР, Узбекской и Туркменской ССР. По этим районам удельный вес капитальных затрат постоянно выше удельного веса основных капиталов. В соответствии с этим удельный вес основных капиталов Украины повышается с 24,3% до 25,1%, Сев.

Динамика основных капиталов государственной промышленности по районам за 1925/26 и 1926/27 гг. (в %%)

Таблица 3

Районы	Топливная			Горнодобыв.			Силикатная			Металлич.			Электротехн.			Текстильн.			Кожевенная			Химическая			Пищевая			Деревообраб.			Бумажная			Всего		
	На 1/X 1925	На 1/X 1926	На 1/X 1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927
1. Сев.-Зап. обл.	—	—	—	0,1	0,1	—	16,1	15,9	16,1	20,1	18,6	17,3	50,3	48,3	45,7	7,3	7,2	7,2	26,9	24,6	23,4	24,4	23,0	21,9	5,1	5,8	5,3	23,2	25,4	26,7	30,7	31,3	34,5	11,2	10,7	10,4
1а. Карельск. АССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	2,1	2,7	—	0,4	2,4	—	0,1	0,1
2. Сев.-Вост. обл.	—	—	—	—	—	—	0,1	0,2	0,1	—	—	—	—	—	—	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1	—	0,1	0,1	0,02	0,02	0,02	13,4	13,0	13,0	10,9	10,7	10,6	0,5	0,5	0,6
3. Уральская „	1,2	1,3	1,9	38,6	41,8	40,4	0,6	0,7	0,7	13,5	14,0	14,6	4,2	4,1	3,6	0,3	0,4	0,3	–	—	—	4,8	4,8	5,4	—	—	—	10,7	10,0	8,2	—	0,9	1,1	4,6	4,8	5,1
3а. Башкирск. „	—	—	—	—	0,1	0,2	0,4	0,4	0,3	1,4	1,6	1,6	—	—	—	0,01	0,01	0,01	0,2	0,2	0,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,9	0,8	0,6	0,4	0,4	0,4
4. Вятско-Ветл. „	—	—	—	—	—	—	1,0	0,7	0,6	0,4	0,4	0,4	—	—	—	0,01	0,01	0,02	7,0	6,4	6,2	0,5	0,7	1,0	—	—	—	2,2	2,0	2,0	2,5	2,1	1,6	0,4	0,3	0,3
5. Ср.-Волжск. „	—	—	—	—	—	—	1,8	1,6	1,6	—	—	—	—	—	—	1,6	1,6	1,7	4,2	3,5	3,3	6,7	6,4	5,8	0,4	0,4	0,5	7,2	6,6	6,7	4,4	4,1	3,3	1,3	1,2	1,1
5а. Оренбург. губ.	—	—	—	0,7	0,7	0,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,2	0,2	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Нижне-Волж. „	—	—	—	1,9	1,6	1,3	5,5	4,5	4,1	1,3	1,6	1,7	—	—	—	0,6	0,6	0,6	1,9	1,8	2,1	—	0,3	0,1	1,5	1,5	1,5	12,7	11,8	10,4	—	—	—	1,1	1,1	1,1
7. ЦПО	1,0	0,9	1,3	—	—	—	32,7	31,7	29,8	19,2	19,8	20,1	29,6	31,5	34,5	86,7	86,5	85,9	25,5	25,7	26,0	35,8	36,2	36,2	6,1	6,2	6,4	13,3	11,9	10,8	35,8	35,8	35,0	36,0	34,8	33,1
8. ЦЧО	—	—	—	—	—	—	0,1	0,4	1,6	0,1	0,2	0,2	—	—	—	0,9	0,7	0,8	3,4	3,1	2,9	—	—	—	15,8	15,7	16,2	0,3	0,2	0,2	0,7	0,6	0,5	2,0	1,9	1,8
9. Западная обл.	—	—	—	—	—	—	0,5	1,1	1,7	2,6	2,5	2,4	—	—	—	0,9	0,9	0,9	—	—	—	1,1	1,6	1,6	0,4	0,4	0,5	1,3	1,2	1,3	4,7	4,0	2,9	1,1	1,1	1,0
10. Сев.-Кавк. край	16,0	16,4	21,2	—	—	—	18,0	16,1	13,8	1,2	1,3	1,6	—	—	—	—	—	0,02	6,3	9,7	10,1	—	0,2	0,3	4,8	5,0	5,1	0,3	0,5	1,2	—	—	—	4,5	4,9	5,5
10а. Дагест. АССР	—	—	—	—	—	—	1,2	1,2	1,2	—	—	—	—	—	—	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,1	0,1	0,1
11. Крым	—	—	—	2,7	2,2	1,7	—	—	—	1,3	1,2	1,1	—	—	—	—	—	—	0,4	0,7	0,8	—	—	—	0,9	0,9	0,9	—	—	—	—	—	—	0,4	0,4	0,4
12. Сибирь	1,8	2,0	3,9	5,6	4,8	4,8	1,7	2,1	2,2	—	0,1	0,1	—	—	—	—	—	0,03	3,8	3,6	3,5	0,2	0,2	0,3	0,18	0,2	0,3	3,5	3,1	2,7	—	—	0 2	0,7	0,8	0,9
13. ДВО	0,5	0,4	0,5	5,3	5,6	7,4	1,2	1,0	0,7	0,1	0,2	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	1,6	2,0	—	—	—	0,3	0,3	0,4
13а. Бур.-Монг. респ.	—	—	—	—	—	—	0,1	0,1	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14 Казакск. респ.	1,7	2,0	2,2	2,5	1,9	1,7	—	—	—	0,5	1,1	1,7	—	—	—	—	—	0,02	—	—	—	0,2	0,2	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,5	0,7	0,9
15. УССР	28,0	29,3	40,0	40,8	39,2	39,0	15,8	19,5	32,7	37,9	37,1	36,7	15,9	16,1	16,5	0,9	0,9	0,9	16,6	16,6	16,8	26,6	26,1	26,5	64,3	63,8	62,5	5,2	4,7	4,5	6,8	6,7	4,9	24,3	24,6	25,1
16 БССР	—	—	—	—	—	—	0,9	0,7	0,7	0,1	0,1	0,1	—	—	—	0,2	0,4	0,3	1,4	1,4	1,6	0,2	0,2	0,2	0,4	0,4	0,5	2,3	2,5	3,3	2,6	2,6	2,4	0,3	0,3	0,3
17. ЗСФСР	49,5	47,4	28,6	1,5	1,8	2,7	1,2	1,1	1,0	0,3	0,3	0,4	—	—	—	0,1	0,5	0,6	1,2	1,4	1,5	—	—	0,1	0,2	0,2	0,3	1,4	3,4	4,2	—	—	—	9,9	10,4	10,6
18. Средн. Азия	0,3	0,3	0,4	0,3	0,2	0,3	1,1	1,0	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	0,3	0,8	0,8	1,1	—	—	0,3	—	—	—	—	—	0,1	—	—	—	0,4	0,6	0,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Кавказа с 4,5% до 5,5%, при увеличении основного капитала за два года на 60%, Закавказья с 9,9% до 10,6%, Казакской АССР с 0,5% до 0,9%, при удвоении основного капитала за два года, Узбекской и Туркменской ССР с 0,4% до 0,8%, при увеличении основного капитала за два года в 2,5 раза.

На ряду с отмеченной тенденцией перемещения промышленных центров на юг и юго-восток за 1925/26 и 1926/27 гг. в известной мере реализуется подход к индустриализации Ближнего и Дальнего Востока. Правда, два года слишком незначительный срок для того, чтобы делать определенные выводы. Однако, приведенная выше таблица отчетливо подтверждает указанную тенденцию. Так, Урал повышает свой удельный вес с 4,6% до 5,1%, при абсолютном росте его основных капиталов за два года на 50%. Сибирь повышает свой удельный вес с 0,7% до 0,9%, при абсолютном росте ее основных капиталов на 80%. Удельный вес Дальнего Востока также повышается с 0,3% до 0,4%, при чем основной капитал его госпромышленности возрастает за два года на 85%.

Изложенный процесс перемещения промышленных центров СССР протекает под влиянием не только отмеченного выше планового распределения капитальных затрат между отдельными отраслями промышленности, но отчасти также и в силу распределения капитальных затрат, падающих на одну отрасль промышленности, между районами ее распространения.

Собственно говоря, серьезно продуманного плана районирования отдельных отраслей промышленности мы до сих пор не имеем. Поэтому производимые капитальные затраты по отраслям промышленности не всегда являются следствием проработанного плана районирования промышленности. Несомненно, еще нередки случайности и ошибки в отнесении тех или других затрат на расширение и реконструкцию основного капитала какой-либо отрасли промышленности к тому или другому району.

Тем не менее, динамика географического размещения основных капиталов отдельных отраслей промышленности по районам за последние два года позволяет сделать также некоторые общие выводы (см. табл. 3).

За недостатком места остановимся на динамике географического размещения только двух основных отраслей промышленности — текстильной и металлической, которые к тому же наиболее отчетливо обнаруживают отмеченные выше тенденции перемещения промышленных центров.

Размещение основных капиталов текстильной промышленности по районам за последние два года в целом остается весьма устойчивым. Однако, некоторые сдвиги районов обнаруживаются и здесь. Главнейший район текстильной промышленности — Центрально-Промышленная область — незначительно снижает свой удельный вес — с 86,7% до 85,9%. Второй основной район — Северо-Западная область — также незначительно снижает свой удельный вес — с 7,3% до 7,2%. Это снижение удельного веса Северо-Западной и Центрально-Промышленной области происходит за счет повышения удельного веса молодых текстильных районов на окраинах СССР, где впервые приступлено к созданию текстильной (преимущественно хлопчатобумажной) промышленности.

Закавказье дает увеличение удельного веса с 0,1% до 0,6% за счет постройки новых хлопчатобумажных фабрик.

В Узбекской и Туркменской ССР в 1925/26 г. также положено начало развития текстильной промышленности постройкой новых хлопчатобумажных фабрик.

Общая сумма вложений в текстильную промышленность этих районов в 1926/27 г. составляет 1.700 тыс. руб. по Закавказью и 1.340 тыс. руб. по Средней Азии. Удельный вес этих затрат по отношению к затратам

по текстильной промышленности всего СССР, конечно, невелик (1,5% и 1,2%). Однако, эти затраты, несомненно, уже и теперь заложили фундамент последующего развития текстильной промышленности в этих районах.

Динамика основных капиталов металлической промышленности по районам за последние два года, прежде всего, весьма отчетливо обнаруживает тенденцию снижения удельного веса Северо-Западной области (с 20,1% до 17,3%) и увеличения удельного веса Центрально-Промышленной области (с 19,2% до 20,1%). Обращая на это внимание, мы пока воздерживаемся от каких-либо положительных выводов. Во всяком случае постепенное снижение (при абсолютном росте) удельного веса тяжелой индустрии в Северо-Западной области по ряду соображений как экономического, так и стратегического характера, нам представляется целесообразным. В то же время нельзя не признать целесообразным взятый курс на расширение и реконструкцию ряда крупных металлических заводов ЦПО, как Коломенского и Сормовского по паровозо-и вагоностроению и дизелестроению, завода „Красный Пролетарий“ (б. Бромлей) по дизелестроению и станкостроению и т. д. Мы полагаем, что Центрально-Промышленная область, как и Северо-Западная область, призвана сыграть крупную роль в индустриализации нашей страны, прежде всего, производством средств производства и оборудования транспорта. Попутно отметим значительное повышение удельного веса основных капиталов ЦПО по электротехнической промышленности (с 29,6% до 34,8%) при значительном понижении удельного веса Северо-Западной области (с 50,3% до 45,1%), вызванное преимущественно постройкой в Москве двух новых заводов трестом „ГЭТ“ („Трансформаторный“ и „Прожектор“) и Аккумуляторным трестом — элементного завода.

Некоторое снижение удельного веса основных капиталов металлической промышленности Украины и повышение удельного веса Урала пока еще не дает оснований для каких-либо выводов, тем более что проблема разграничения этих районов по „конкурирующим“ отраслям металлической промышленности все еще мало разработана.

В динамике географического размещения основных капиталов металлической промышленности следует отметить особенно быстрый темп увеличения основного капитала металлопромышленности Казакстана с 8,6 милл. руб. в 1925 г. до 22,0 милл. руб. в 1927 г., т.-е. почти на 200%. Это об'ясняется большим вложением средств в цветную металлургию района (Атбасар и Алтай — полиметалл).

Наиболее крупное новое строительство по металлической промышленности представлено следующими единицами: Керченский завод (Крым), Ростовский (Сев.-Кавказ), Свердловский — тяжелый машиностроительный (Урал) и Сталинградский тракторный (Нижнее Поволжье).

Отмеченные сдвиги в распределении основных капиталов государственной промышленности по районам за последние два года по существу являются лишь преддверием к последующему построению новой промышленной географип СССР. Эти сдвиги пока еще не оказали существенного влияния на удельные соотношения районов по продукции и числу занятых в промышленности рабочих, как это видно из следующей таблицы (см. стр. 222).

Сопоставляя показатели по рабочей силе и продукции с показателями по основным капиталам, возможно установить бо́льшую устойчивость удельного веса старых промышленных районов и более медленный темп роста молодых промышленных районов по рабочей силе и продукции по сравнению с теми процессами, которые были нами отмечены выше по движению основных капиталов госпромышленности по районам СССР.

Районы	1925/26 г.				1926/27 г.				% увелич. в 1926/27 г сравн. с 1925/26 г.			
	Основн. капитал	Число рабочих	Валовая продукц.	Товарн. продукц.	Основн. капитал	Число рабочих	Валовая продукц.	Товарн. продукц.	Основн. капитал	Число рабочих	Валовая продукц.	Товарн. продукц.
1. Сев.-Зап. обл.	12,5	9,7	13,6	14,5	12,0	9,9	13,9	15,3	105,9	109,5	122,9	126,2
2. Карельская АССР . .	0,1	0,2	0.3	0,3	0,1	0,2	0,3	0,3	193,9	97,1	127,2	132,8
3. Сев.-Вост. обл.	0,4	0,7	0,9	1,0	0,4	0,7	1,0	1,1	116,6	100,8	128,7	132,9
4. Уральск. „	5,2	7,1	4,1	3,9	5,4	7,0	4,3	3,9	114,3	105,9	125,4	121,1
5. Башкирская АССР . . .	0,5	0,6	0,7	0,5	0,6	0,6	0,7	0,6	113,3	112,9	129,9	123,2
6. Вят.-Ветл. обл.	0,3	0,7	1,1	0,9	0,3	0,6	1,0	0,9	111,4	92,1	112,0	119,5
7. Ср.-Волжск. „	1,2	1,6	1,7	2,0	1,1	1,7	2,0	2,2	105,8	112,9	141,2	136,9
8. Нижн.-Волж.„	1,1	1,6	2,2	1,9	1,1	1,5	1,9	1,9	111,8	106,9	101,5	120,6
9. ЦПО	37,6	40,6	44,6	42,3	36,4	39,4	44,0	41,6	106,8	103,8	118,5	117,9
10. ЦЧО	1,7	2,1	1,5	2,0	1,6	2,3	1,3	1,6	104,3	117,1	102,1	99,0
11. Западная обл.	1,1	1,3	1,3	1,8	1,2	1,3	1,3	1,6	110,4	102,6	115,2	112,3
12. Сев.-Кавк. кр.	3,8	2,3	3,4	3,4	4,2	2,3	3,5	3,4	122,2	112,7	126,7	118,4
13. Дагест. АССР	0.1	—	—	—	0,1	—	—	—	113,9	131,8	123,6	147,9
14. Крымская „	0,5	0,2	0,1	0,2	0,5	0,2	0,1	0,3	102,5	104,9	132,0	136,1
15. Сибирск. кр.	0,5	1,3	0,8	0,9	0,6	1,4	0,9	1,1	132,2	118,6	141,3	132,8
16. ДВО . . .	0,2	0,6	0,5	0,6	0,3	0,6	0,6	0,7	117,7	110,0	133,6	139,2
17. Бурят.-Монг. АССР . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	101,0	93,0	86,2
18. Авт. Якут. обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19. Казакск. АССР	0,4	0,3	0,2	0,3	0,7	0,4	0,3	0,4	148,8	128,9	162,7	146,4
20. Авт. Кирг. ССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21. УССР	24,1	25,5	17,5	18,9	24,2	26,3	17,6	18,2	111,1	110,6	120,6	115,8
22. БССР	0,3	0,8	1,2	1,4	0,2	0,7	1,1	1,3	113,7	103,1	109,2	110.4
23. ЗСФСР . . .	8,0	2,7	4,2	3,1	8,5	2,8	4,1	3,5	118,1	110,9	118,7	133,2
24. Узб.-Турк.ССР	0,4	0,1	0,1	0,1	0,5	0,1	0,1	0,1	163,5	125,3	182,2	199,4
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	110,3	107,4	120,2	119,9

Примечание: По Средней Азии не учтены продукция и число рабочих по хлопковой промышленности; основной капитал хлопковой промышленности учтен.

В частности, обращает на себя внимание не падение, как это было отмечено выше, по основным капиталам, но даже некоторый рост удельного веса Северо-Западной области и бóльшая устойчивость Центрально-Промышленной области.

Указанное явление об'ясняется, видимо, тем, что, с одной стороны, учтенные новые основные капиталы в известной части пока находятся в состоянии хозяйственного бездействия (незаконченные постройки), а с другой стороны, оказывает влияние увеличение производственной нагрузки существующих основных капиталов в старых промышленных районах.

Заключение

Заканчивая настоящий очерк, мы еще раз должны подчеркнуть, что в своей статье мы отнюдь не преследовали цели осветить основные проблемы промышленной географии СССР. Мы ставили своей задачей дать только известную констатацию существующего размещения основных капиталов государственной промышленности по экономическим районам СССР и показать те сдвиги в этом размещении, которые явились

следствием капитальных затрат на расширение и реконструкцию существующих предприятий и на постройку новых фабрик и заводов за последние два года (I/X 1925—I/X 1927 гг.).

Большим недостатком работы является неполный учет всей государственной промышленности СССР. В частности, мы вовсе не учли электростанций, которые должны стать одним из могущественных факторов сложения новой промышленной географии СССР. Однако, этот „недоучет“ может быть оправдан трудностями первого опыта, проделанного Секцией промышленной географии Промплана ВСНХ СССР, и теми специальными задачами, которые преследовались в настоящем очерке.

В последующих работах, разумеется, придется учесть основные капиталы всей государственной промышленности СССР. Но все же мы убеждены, что центр последующих работ по учету основных капиталов промышленности по районам лежит не здесь. Правильное представление о существующей промышленной географии СССР возможно получить только при учете промышленности по всем социальным ее формам, т.-е. при учете в районном разрезе также и кооперативной и частной промышленности.

В особенности, нас интересует построение синтетических районов крупной и кустарно-ремесленной промышленности, ибо последняя в своем развитии органически связана с крупной индустрией, ибо последняя, являясь базой для последующего развития фабрично-заводских форм промышленности, по целому ряду районов и отраслей промышленности является и долго еще будет являться единственной или преобладающей формой промышленного производства в СССР.

К таким районам следует, прежде всего, отнести национальные автономные области и республики Союза, поскольку здесь кустарно-ремесленная промышленность зачастую является доминирующей формой промышленности, в значительной мере обеспечивающей настоящее и ближайшее будущее их экономического благосостояния.

В этих районах не всегда целесообразно строить новые фабрики и заводы в силу отсутствия в них достаточных экономических предпосылок для органического роста здесь в ближайшее время крупных форм индустрии. Индустриализация этих районов в ближайшее время должна осуществляться не только постройкой здесь фабрик и заводов, но в еще большей степени всемерным поощрением развития мелких форм индустрии, которые обеспечивают трудовой заработок населению, ускоряют процесс индустриализации сельского хозяйства района и, главное, ускоряют процесс капиталонакопления в стране, необходимого для последующего расширенного воспроизводства основных капиталов советской промышленности и для скорейшего осуществления принципов новой промышленной географии СССР.

Впрочем, затронутый вопрос о взаимоотношении крупной и мелкой индустрии является лишь частью большой и сложной проблемы народнохозяйственной эффективности капитальных вложений в промышленность по районам, которая должна быть поставлена в качестве основной задачи последующих работ по районированию промышленности СССР.

Б. В. Волков

Влияние железнодорожной тарифной политики в области хлебных тарифов (экспортных и внутренних) на возможность развития зернового хозяйства в районе ж. д. Петропавловск—Акмолинск при сверхмагистрализации Сибирской ж. д.[1]

Железнодорожный транспорт влияет на хозяйство района тремя своими свойствами: ускорением продвижения груза, созданием более благоприятных условий для сохранности груза в пути и, наконец, удешевлением транспортных сношений между отдельными районами.

В настоящей работе, поскольку речь идет о влиянии железнодорожного транспорта на зерновое хозяйство района железной дороги Петропавловск — Акмолинск, первые два свойства железнодорожного транспорта не имеют существенного значения. Действительно при общем пробеге зерна на расстоянии 500—600 верст ускорение в продвижении его по железной дороге по сравнению с гужевой доставкой,[2] при гарантируемой ж.-д. коммерческой скорости продвижения в 125 верст в сутки, может выразиться лишь несколькими сутками, что не имеет существенного значения. Более благоприятные условия для сохранности груза в пути, создаваемые железнодорожным транспортом, также не имеют существенного значения, так как и при гужевой доставке зерна сохранность его обеспечивается в достаточной мере.

Поэтому все внимание в этой работе сосредоточено на третьем свойстве железнодорожного транспорта—на создаваемом им удешевлении транспортных сношений района с рынками сбыта зерна, что находит свое выражение в тарифных ставках, т.-е. в той тарифной политике, которая проводится в жизнь в той или другой отрезок времени.

Вся проблема, таким образом, сводилась к даче ответов на следующие вопросы: во-первых, какова была тарифная политика в отношении района, содействовала ли она развитию зернового хозяйства или, наоборот, задерживала это развитие; во-вторых, создались ли тарифной политикой необходимые и достаточные экономические предпосылки для освоения зерновым хозяйством земельных площадей района, принимая во внимание, что район географически расположен на расстоянии нескольких тысяч верст от рынков сбыта и, наконец, в третьих, если в настоящее время не имеется налицо необходимых и достаточных экономических предпосылок, то какие изменения в транспортных условиях сношения района с рынками сбыта надо произвести, чтобы достичь этой цели.

Дальнейшее изложение и пытается дать ответы на поставленные вопросы.

[1] Настоящая статья составлена автором по подготовленным им же материалам к генеральному плану, разрабатываемому Госпланом СССР.

[2] До ст. Петропавловск существующей Сибирской ж. д.

I. Выбор метода

Исходя из основной предпосылки, что влияние железной дороги, т.-е. ее хлебной тарифной политики, сказывается в том или другом нивелирующем влиянии на местные цены при железнодорожных станциях и что соответствующая местная станционная цена на зерно при работе на внешний в отношении того или другого района рынок передается через расходы по гужевой доставке вглубь района, мыслилась возможность разрешения поставленной выше задачи в двух направлениях. Первое направление мыслилось в изучении влияния железной дороги[1] в пространственном отношении, с некоторым лишь изучением влияния во времени, т.-е. в этом случае изучению подлежало влияние железной дороги на зерновое хозяйство в разных частях района, расположенных на разных расстояниях от железной дороги.

Второе направление мыслилось в превалирующем изучении влияния железной дороги на зерновое сельское хозяйство во времени, с некоторым лишь грубым учетом изменений влияния железной дороги на район в пространственном отношении.

И тот и другой методы имеют свои преимущества и свои недостатки. Вполне целесообразно было бы желание применения обоих указанных методов в целях полного изучения явления. Однако, осуществление этого желания возможно было бы при известном наличии материалов.

Первый метод, метод изучения явления в географическом отношении, требовал наличия данных, определяющих нивелирующее влияние железных дорог на местные цены на рыночные хлебные культуры. Определение стоимости гужевой подвозки зерна к железной дороге, определение базарной цены, определение себестоимости производства пуда рыночного хлебного зерна в разных частях района, процент площади рыночных хлебов в общей площади посева,—вот те главные элементы, географическое размещение которых необходимо было получить из имеющегося в наличии материала. В виду особенностей сибирской волости, где в волость входит то одно селение, то группа селений, разбросанных на десятки верст друг от друга, требовалось наличие поселенных данных, так как волостные данные не могли дать достаточной картины для учета влияния железной дороги. Материалом для применения первого метода могли послужить данные сельскохозяйственных переписей. Переписи в изучаемом районе производились в 1916, 1917 и 1920 годах, т.-е. в годы, на которых отразилось влияние на хозяйство империалистической и гражданской войн. Опубликованные данные не давали возможности получить всех упомянутых выше элементов, обращение же к сырым материалам переписи требовало как для добывания, так и особенно для обработки их такого времени и средств, которых в распоряжении автора не имелось.

Второй метод, метод изучения изменений явления во времени, требовал наличия данных об изменении тарифной политики, которое мыслилось как в изменении расстояний, так и в изменении тарифных схем и исключительных тарифов, данных о грузообороте участка Сибирской ж. д., обслуживающего в настоящее время район дороги Петропавловск—Акмолинск; требовались данные о рынках, с которыми связан район, данные о себестоимости производства пуда рыночной хлебной культуры, базарные цены и т. п. В географическом отношении здесь являлось возможным опереться на данные поуездные.

[1] В целях упрощения изложения в термин влияние железной дороги вкладывается понятие влияния хлебной тарифной политики железной дороги.

В поселенных данных крайней необходимости не было. В этом случае центр тяжести переносился на разработку публикуемых данных по транспортной статистике. В обработке данных о сельском хозяйстве являлось возможным опереться на данные бывшего Центрального Статистического Комитета, на опубликованные данные переписей 1916, 1917 и 1920 гг.

Вся совокупность обстоятельств, в которых производилась разработка темы, заставила остановиться на втором методе, так как в этом случае наличие материалов, возможность обработать их в данный срок, с затратой определенных средств, указывали на возможность выполнения всей работы.

При выборе района, который следует подвергнуть изучению, представлялась возможность остановиться или на непосредственном районе проектируемой железной дороги Петропавловск — Акмолинск, или на районе того участка Омской ж. д. (бывш. Сибирской), в состав которого входит и район проектируемой линии.

Остановить свой выбор на непосредственном районе проектируемой ж. д. значило свести все изучение к такому минимуму, который не мог бы дать самого грубого ответа на поставленную выше задачу. Хотя на выстроенной части дороги Петропавловск—Акмолинск от Петропавловска до Щучья (около 250 в.) и открыто временное движение, но оно открыто всего лишь в последние годы, с применением особых тарифных расчетов (перелом тарифа в Петропавловске), и вследствие этого в целом на всем непосредственном районе тяготения к проектируемой линии сказывается в большей степени еще влияние Омской железной дороги.

Выбор же для изучения района соответствующего участка Омской ж. д.,—который и сейчас в известной степени, а в ближайшем прошлом всецело обслуживал район проектируемой линии, представлял значительные преимущества и позволял проследить влияние железной дороги на зерновое сельское хозяйство района с момента открытия движения на участке (с 1896 г.) до настоящего времени. За этот период времени менялась и хлебная тарифная политика в отношении хлебных грузов этого района, менялось отношение района к внешним рынкам, вследствие сооружения новых железных дорог в Европейской части Союза и в Западной Сибири. Значительность района позволяла при пространственном изучении явления подойти с более грубой меркой, с уездной, что в свою очередь давало возможность подвергнуть обработке значительный материал текущей сельскохозяйственной статистики и материал нескольких сельскохозяйственных переписей. В силу сказанного был выбран второй район.

2. Выбор участка Омской ж. д. и определение общего района тяготения к нему

Для изучения влияния железной дороги выбран участок Омской ж. д.—от ст. Курган до ст. Омск. Район тяготения к этому участку, включая в себя целиком район тяготения проектируемой линии, в то же время несколько шире его. Взятие целиком участка Курган — Омск значительно облегчало дальнейшие подсчеты, так как большинство уездов тяготеет к этому району целиком.

Участок Курган—Омск был открыт для движения в 1896 г. Район тяготения грузов к участку в это время определялся[1] грубо следующими уездами:

[1] Границы района определялись следующим образом: брались точки, отстоящие на равном расстоянии от ст. Тюмень и от участка Курган — Омск; для выделения же западной и восточной границ района восстанавливались перпендикуляры из середины линий, соединяющих, с одной стороны, Курган с ближайшей на западе работающей по хлебу станцией, а с другой—Омск с ближайшей на востоке такой же станцией. Южной границей района считались южные границы Атбасарского и Акмолинского уездов.

	Доля уезда
Ялуторовский, б. Тобольской губ.	1/2
Ишимский „	1
Тюкалинский „	1
Курганский „	1
Петропавловский б. Акмолинск. обл.	1
Омский „	1
Кокчетавский „	1
Атбасарский „	1
Акмолинский „	1

До открытия движения на Омской ж. д., в то время называвшейся Сибирской ж. д., установленный выше район находился под влиянием ст. Тюмень, Екатеринбург — Тюменской ж. д., открытой для движения в 1885 г. В виду расположения в крайнем северо-западном углу в отношении района, влияние работы этой железной дороги на сельское хозяйство района участка Курган — Омск было незначительно и сказывалось, главным образом, на северо-западной части его.

В 1913 году было открыто движение по выстроенной железной дороге Тюмень — Куломзино (Омск). Часть установленного выше района начала тяготеть к выстроенной дороге. Район тяготения к участку Курган — Омск принял следующий вид. В него стали входить лишь следующие уезды:

	Доля уезда
Курганский, б. Тобольской губ.	1
Ишимский „	1/3
Петропавловский, б. Акмолинской обл.	1
Омский „	1
Кокчетавский „	1
Атбасарский „	1
Акмолинский „	1

В настоящее время открыто временное движение на участке Петропавловск—Кокчетав—Щучье (общим протяжением около 250 в.), что существенно изменило район тяготения к участку Курган — Омск. Однако, формально это не отразилось на грузообороте участка Курган — Омск, так как в виду перелома тарифа в Петропавловске для хлебных грузов, следующих с ветки Петропавловск — Щучье, они вторично регистрируются в Петропавловске и, следовательно, попадают в учет грузооборота этой станции.

3. Зерновое хозяйство района участка Курган — Омск и условия, в которых оно развивалось

Только что указанные районы являются районами общего тяготения грузов к данной железной дороге. Границы этих районов определялись, с одной стороны, в зависимости от конкуренции других железных дорог и водных путей сообщения (р. Иртыш), а с другой—в зависимости от тех изменений, которые внесло в границы района открытие в конце 1913 г. ж. д. Тюмень — Куломзино (Омск). Эти районы представляют собою лишь общий фон, на котором, как будет указано дальше, тарифная политика, кон'юнктура цен и другие факторы вышивали узор границ тяготения хлебных грузов к участку Курган — Омск.

Эти последние границы не есть величина устойчивая, наоборот, зависят от целого ряда переменных величин, они то приближаются к железной дороге, то отодвигаются от нее. Неурожай, например, хлеба в районе, поднимая местные цены, при относительной стабильности цены на рын-

ках сбыта, приближает границы района к железной дороге, обратная конъюнктура — понижение местных цен вследствие большого урожая, при той же относительной стабильности цен на рынках сбыта, отодвигает границы района от железной дороги вглубь общего района.

Однако, среди переменных величин, влияющих на географическое расположение границ района тяготения хлебных грузов, следует различать величины двух порядков: одни переменные величины, как, например, конъюнктура цен, зависящая от урожая, влияют короткое время, другие, как, например, транспортные условия связи района с рынками сбыта, влияют длительно.

В зависимости от колебаний границ находится и работа данного участка железной дороги по отправке хлебных грузов.

В отправках хлебных грузов со станций участка Курган — Омск находят непосредственное отражение результаты зернового хозяйства района, поскольку в районе не имеется значительного местного рынка, с которым зерновое хозяйство имело бы непосредственную связь через гужевую доставку и поскольку зерновое хозяйство района не является натуральным и нуждается в сбыте излишков зерна.

Отправка хлеба с участка Курган — Омск, с момента открытия движения и до настоящего времени, колебалась в пределах от 0,4 милл. пуд. (1896 г.) до 25,9 милл. пуд. (1915 г.). Если исключить 1896 год, как год, лишь к концу которого было открыто движение на участке, то колебания отправок хлебных грузов с участка выразятся цифрами от 2,6 милл. пуд. (1911 г.) до тех же 25,9 милл. пуд. (1915 г.).[1]

За отдельные годы отправка хлебных грузов колебалась в следующих пределах:

Годы	Всех хлебных грузов	В том числе: Пшеницы в зерне и муке	Пшеницы в зерне
	Тысячи пудов		
1896	370	236	184
1897	5.544	4.845	4.717
1898	8.057	5.555	5.449
1899	7.935	4.890	4.626
1900	6.514	5.178	4.728
1901	3.043	2.291	1.560
1902	3.588	2.195	1.681
1903	5.430	4.332	3.541
1904	9.496	8.221	6.934
1905	8.269	7.401	5.903
1906	12.844	9.845	8.022
1907	16.071	13.392	11.711
1908	12.430	11.611	9.712
1909	14.378	11.944	10.395
1910	4 210	3.165	2.286
1911	2.632	2.293	1.717
1912	15.498	12.885	12.047
1913	23.375	22.056	18.078
1923/24	4.386	2.295	1.884
1924/25	23.403	17.330	14.212

Несмотря на колебания за отдельные годы, наблюдается как общий рост отправки хлеба, так и увеличение значения отправок пшеницы (в зерне и муке).

[1] Взят период 1896—1915 гг. и 1923/24—1924/25 гг.

Отправлено со станций участка Курган — Омск в среднем в год:

Периоды	Всех хлебных грузов тыс. пуд.	В том числе: Пшеницы в зерне и муке тыс. пуд.	%	Пшеницы в зерне тыс. пуд.	%
1896—1900	5.684	4.141	72,8	3.941	69,4
1901—1905	5.965	4.888	81,8	3.924	65,6
1906—1910	11.987	9.991	83,3	8.425	70,4
1911—1913	13.835	12.411	89,5	10.881	78,6
1923/24—1924/25	13.895	9.812	70,5	8.048	57,9

Средняя годовая отправка хлебных грузов возрастала в следующем порядке:

Периоды	Средняя годовая отправка хлебн. грузов (%)
1896—1900	100
1901—1905	105
1906—1910	211
1911—1913	243
1923/24—1924/25	245

Средняя годовая отправка за отчетный период увеличилась в 2,5 раза. В средней годовой отправке отправка пшеницы в зерне и муке колебалась в пределах от 72,8% до 89,5% в довоенные годы и составляла 70,5% в современные годы.

Приведенные выше данные позволят установить, что район сбывает на рынок, главным образом, пшеницу, при чем преимущественно в зерне и лишь в пределах 10—12% в муке, что средняя годовая отправка хлебных грузов, мало возросшая в течение первых десяти лет, с момента открытия движения на участке Курган — Омск, в период с 1906 по 1910 гг., увеличилась более чем в два раза, в следующий же период с 1911 по 1913 гг., темп роста годовой отправки хлебных грузов заметно замедлился.

Все это вместе взятое указывает, что на переломе между указанными выше периодами произошел какой-то сдвиг в зерновом хозяйстве района. О причине сдвига, связанной с изменением транспортных условий сношения района с рынком, будет сказано дальше.

Те же данные об отправке хлебных грузов с участка Курган — Омск позволяют установить те рынки, с которыми было связано зерновое хозяйство района в изучаемый период времени.

Районы назначения	Отправлено Всех хлебн. грузов В милл. пуд.	Пшен. в зерне	Всех хлебн. грузов В %	Пшен. в зерне
Сев.-Восточный	0,7	0,6	7,8	9,1
Уральский	2,7	1,9	31,1	31,6
Центр.- Промышл.	0,3	0,2	3,9	3,1
Волжские	1,1	0,8	12,0	13,7
Восток[1]	0,6	0,3	7,4	4,6
Заграница	1,5	1,4	16,7	22,3
Прочие	1,9	1,0	21,1	15,6
Всего	8,8	6,2	100	100

В среднем за 19 лет среди рынков, с которыми был связан район, выделяются Уральский, заграничные рынки (при работе, главным образом, через Балтийское море), Волжский и северо-восточные.

Однако, не со всеми из указанных выше рынков установились, как показывают приводимые ниже таблицы, твердые постоянные связи.

[1] Все сибирские районы на восток от Омска.

Отправлено в среднем в год пшеницы с участка Курган — Омск (включая ст. Курган и Омск)

Районы назначения	1897—1900	1901—1903	1904—1906	1907—1909	1910—1911	1912—1913	1923/24	1924/25	В среднем за все годы
				Тысячи пудов					
Сев.-Восточный	456	10	954	880	278	1.413	—	2	566
Уральский	1.155	219	599	2.938	611	8.059	252	3.806	1.957
Центр.-Пром.	62	—	246	215	—	85	160	1.712	193
Волжск. районы	246	4	1.256	1.953	—	12	261	4.793	848
Восток[1]	3	78	841	8	166	775	370	242	279
Заграница	2.313	405	1.675	1.678	—	2.812	—	76	1.380
Прочие	534	635	901	2.318	232	869	249	2.616	970
Всего	4.789	1.351	6.472	9.990	1.287	14.025	1.292	13.247	6.193
				В процентах					
Сев.-Восточн.	9,5	0,7	14,8	8,8	21,6	10,1	—	—	9,1
Уральский	24,1	16,2	9,3	29,4	47,5	75,5	19,5	28,7	31,6
Центр.-Пром.	1,3	—	3,8	2,2	—	0,6	12,3	12,9	3,1
Волжск. районы	7.2	0.3	19,4	19,6	—	0,1	20,2	36,5	13,7
Восток[1]	0,1	5,8	13,0	0,7	12,9	6,5	28,7	1,8	4,6
Заграница	48,3	30,0	25,8	16,8	—	20,0	—	0,5	22,3
Прочие	9,5	47,0	13,9	22,5	18,0	6,2	19,3	19,6	15,6
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Среди приведенных выше периодов годы 1901—1903, 1910—1911 и 1923/24 являются годами с малыми отправками, вследствие постигавшего район неурожая хлебов. Однако, и в эти годы сохраняется рыночная связь с Уральским районом. В более благоприятные годы связь с этим районом поддерживается еще тесней. В период 1912—1913 гг. отправки в этот район достигли средней годовой цифры в 8 с лишком миллионов пудов. Связь района с заграничными рынками также, как связь с уральским рынком, надлежит считать постоянной, только особо неурожайные годы (1910—1911, а также 1923/24) разрывают ее. Связь с сев.-восточным рынком поддерживается также в течение всего периода, хотя она и не имеет для района того значения, как две предыдущие.

С остальными рынками наблюдается периодическая связь, так, например, с Волжскими районами поддерживалась связь лишь в период 1904—1909 гг., а до и после этого связь с этими районами была крайне слабой. В 1924/25 г. эта связь вновь возобновилась и в гораздо большей степени, чем это имело место в довоенное время.

С Центрально-Промышленным районом в довоенное время рыночные связи изучаемого района были крайне слабы. В 1924/25 г. этот район выдвигается на третье место.[2]

С Востоком наблюдалась более тесная связь района в 1904—1906 гг. в период Японской войны в целях, очевидно, снабжения армии. Связь эта восстанавливается в 1912—1913 гг. и сохраняется в несколько ослабевшем виде и в современные годы.

Из сделанного выше описания связей района с внешними рынками сбыта следует, что только с Уралом, заграницей и северо-востоком район поддерживал постоянные торговые связи. С остальными рынками район поддерживает свои связи спорадически, то с тем, то с другим, очевидно, в зависимости от благоприятно слагающейся кон'юнктуры цен. Отдаленность района от рынков сбыта и, как следствие этого, тяжесть транспортных условий связи с рынками играет видную роль, заставляя

[1] Все сибирские районы на восток от Омска.

[2] В 1920 г. было открыто движение по жел. дороге Казань — Свердловск (Екатеринбург), сократившее пробег грузов из района до рынков Центр.-Промышл. района.

район в создавшейся кон'юнктуре данного года искать тех рынков, которые позволяли бы ценою окупить стоимость издержек производства зерна. Небольшие относительно цифры отправок хлеба из района допускали более свободное маневрирование.

С уральским и северо-восточным рынками (малоемкими) район сохраняет связь и в малоурожайные годы. Заграничный же рынок является для района той отдушиной, через которую он может выпустить излишки зерна и в высокоурожайные годы, когда к тому же цена на местном рынке понижается, зато во время особо неурожайных годов, когда местная цена повышается, связь эта на время разрушается.

Прежде чем перейти к изложению того, как железная дорога повлияла на развитие зернового хозяйства, т.-е. на расширение посевных площадей, остановимся на характеристике изменений транспортных условий связи района с рынками сбыта, происшедших за изучаемый период времени.

Установившаяся на определенный момент транспортная связь между двумя центрами, обменивающимися между собою товарами, в дальнейшем подвергается изменению под влиянием новых тарифных условий, создающихся в последующее время. Сами тарифные условия меняются в зависимости от расстояний и от тарифных схем на перевозку того или другого товара.

За период времени с 1896 по 1925 гг. в отношении транспортной связи района с главными рынками сбыта хлеба (зерна и муки) происходили существенные изменения как в смысле изменения расстояний, вследствие сооружения новых железных дорог, так и в смысле изменения тарифных ставок на перевезку хлеба.

Для наглядности сопоставления были выбраны как главные центры тех областей, с которыми был связан район, так и главные порты, через которые район поддерживал свои торговые связи с заграницей. В отношении этих пунктов в дальнейшем и прослеживаются все изменения в тарифных условиях связи, которые произошли за время с 1896 по 1925 гг.

Под влиянием сооружения и открытия для общего пользования в 1898 г. дороги Рузаевка — Сызрань, в 1906 г.— Северных жел. дорог, в 1909 г. дороги Пермь — Кунгур — Екатеринбург (Свердловск), в 1913 г. дороги Тюмень — Куломзино (Омск), в 1920 г. Казань — Свердловск (Екатеринбург), расстояние между главными центрами района (Курган, Петропавловск, Омск) и главными пунктами, с которыми район связан торговыми хлебными операциями, произошли существенные изменения.

В общем, все изменения с 1896 по 1925 гг. свелись к следующим сокращениям расстояний (в верстах):

	От Омска	От Петропавловска	От Кургана
До Ленинграда	671	535	535
„ Москвы	327	191	191
„ Самары	—	—	—
„ Свердловска	136	—	—
„ Челябинска	—	—	—
„ Риги	353	217	217
„ Котласа	250	114	114

В результате сооружения новых дорог расстояние между главными пунктами района и портами и Москвой значительно сократилось. Особенное сокращение пробегов для грузов получилось при направлении их на Ленинград и Новый Порт. Омск выиграл в отношении прежнего соотношения с Курганом и Петропавловском лишних 136 верст, вследствие

открытия для движения в 1913 году дороги Тюмень — Куломзино (Омск), сократившей для него на указанное выше расстояние пробеги до главных перечисленных выше пунктов сбыта зерна.

С момента открытия движения на участке Курган — Омск новые тарифы для хлебных грузов вводились в следующие сроки: 1/XI 1897 г., 1/VIII 1901 г., 1/I 1907 г. и в 1925 г. [1]

Для перевозок зерна во внутреннем сообщении за весь довоенный период тарифные ставки не менялись; в 1925 г. тарифные ставки на коротких расстояниях до 500 верст значительно повышены, для расстояний свыше 3000 верст понижены против довоенных.

Тариф на перевозку муки до 1907 г. был равен тарифу на зерно, а в 1907 г. тариф на муку был несколько повышен против тарифа на зерно.

Тариф на перевозку хлебных грузов к портам и железнодорожным станциям, расположенным по западной сухопутной границе, был одинаков до 1907 г. и для зерна и для муки, отличаясь от внутренних тарифов для 1897 г. тем, что на коротких расстояниях (до 1000 верст) он был выше внутреннего, а для 1901 г. тем, что на расстояниях около 500 верст он был снижен и для расстояний 2000 и 3000—3500 верст повышен против внутреннего. В 1907 г. экспортный тариф на зерно сохранился, а на муку был повышен. Тариф 1925 г., установив одинаковые ставки для зерна и муки, значительно повысил ставку на коротких расстояниях, при некотором увеличении на других расстояниях, и дал снижение на расстояниях около 3.500 верст.

Начиная с 1896 г. до 1/VIII 1911 г. при сношениях района Курган — Омск с внутренними европейскими и заграничными западными рынками действовал челябинский перелом, при котором тарифная ставка исчислялась от пункта отправления до Челябинска, а затем от Челябинска до пункта назначения, что значительно повышало общую стоимость провоза хлеба по железным дорогам. Все повышения тарифных ставок на коротких расстояниях, имевшие место в тарифном законодательстве предыдущего периода, болезненно отражались на общей ставке для района, еще более повышая ее. Первого августа 1911 года излишне взыскиваемая плата за перелом была уменьшена на 40%, с 1/VIII 1912 г. — на 70% и, наконец, 1/VIII 1913 года перелом был совсем отменен.

Все изменения в расстояниях и тарифные ставки, включая и отмену челябинского перелома, нашли свое отражение в приводимой дальше таблице, где исчислены тарифные ставки от Петропавловска до главных рынков сбыта зерна.

Тарифные ставки (в коп.) от Петропавловска с пуда зерна за все расстояния, без дополнительных сборов

Периоды	До Нового Порта	До Риги	До Москвы	До Свердловска	До Котласа
1898	47,2	47,5	39,5	18,3	35,7
1899—1900	46,8	47,1	39,2	18,3	35,7
1901—1906	46,8	47,0	39,2	18,3	35,7
1907—1909	41,6	46,6	39,2	15,4	35,7
1910—1913[2]	32,8	39,0	31,7	15,4	20,5
1914—1915	32,8	39,0	31,7	15,4	20,5
1925	34,2	38,1	32,2	20,0	29,3

[1] Выключен период 1918—1924 гг., так как в этот период под влиянием падения курса рубля вводились огульные повышения в сотни процентов. Отменялись платные перевозки и т. д.

[2] На 1/VIII 1913 г., т.-е. при полной отмене челябинского перелома.

Главными переломными моментами в смысле уменьшения расходов по доставке зерна на внешние рынки являются, с одной стороны, конец 1906 г., когда открылась для движения дорога Ленинград — Вятка, а с другой — конец 1913 года, когда был окончательно отменен челябинский перелом.

В относительных величинах, например, для Петропавловска, снижение от 1898 г. к 1913 г. выразилось следующими величинами (в %%):

До Ленинграда	37
„ Москвы	20
„ Самары	23
„ Свердловска	16
„ Нов. Порта	31
„ Риги	18

Эти переломные моменты в изменениях транспортных условий связи района с рынками сбыта нашли свое отражение в соответствующих, приведенных раньше, изменениях средней годовой отправки хлебных грузов с участка Курган — Омск, отображающих на себе результаты развития зернового хозяйства в районе. В первое десятилетие, несмотря на открытие движения по участку, поскольку транспортные условия оставались неблагоприятными для развития зернового хозяйства, среднегодовая отправка мало изменялась, лишь с облегчением транспортных условий зерновое хозяйство получило сдвиг в своем развитии и средняя годовая отправка хлебных грузов с участка в первое же пятилетие удвоилась.

Перейдем теперь к анализу расширения посевных площадей в общем районе участка Курган — Омск.

В составе уездов, входящих в общий район участка Курган — Омск, в первый год работы этого участка, т.-е. в 1897 г., насчитывалось 1.008.000 десятин посева, из коих под пшеницей было занято 442 тыс. дес. или 43%.

Из них:

	Всего тыс. дес. посева	В том числе под пшеницей	%% под пшеницей
В Курганском	312	135	43
„ Ялуторовском[1]	101	31	31
„ Ишимском.	245	100	41
„ Тюкалинском	186	77	41
„ Петропавловском.	62	34	55
„ Омском	14	7	50
„ Кокчетавском	65	40	62
„ Атбасарском.	10	8	80
„ Акмолинском.	13	10	77
Всего	1.008	442	43

До этого зерновое хозяйство района находилось лишь под влиянием железной дороги Екатеринбург — Тюмень, открытой для движения в 1885 г. Станция Тюмень и ближайшие к ней оказывали свое влияние на хозяйство Курганского, Ялуторовского и отчасти Ишимского уездов, крайние точки которых отстояли от Тюмени от 160 до 360 верст (крайние точки Курганского уезда на расстоянии около 240 верст, Ялуторовского — около 160 верст, Ишимского — 360 верст). На остальные уезды влияние было незначительное за крайней удаленностью их от этой железной дороги. Хозяйство Тюкалинского уезда складывалось под влиянием р. Оби.

[1] Ялуторовский уезд входит в район половиной.

Только в Курганском и частях Ялуторовского и Ишимского уездов, ближе расположенных к Тюмени, зерновое хозяйство могло складываться под влиянием сношений с внешними, главным образом, уральским рынком, через железную дорогу. В остальных уездах оно складывалось под влиянием местных и северных рынков, с которыми связь поддерживалась или гужем или по воде.

Значительного развития площади посева достигли в Курганском, Ялуторовском, Ишимском и Тюкмалинском уездах, в остальных же уездах площади посева измерялись лишь несколькими десятками тысяч десятин, при чем в наиболее крупных по территории уездах (в Атбасарском и Акмолинском) площадь под посевом равнялась соответственно 10 и 13 тысячам десятин.

В первых четырех уездах под пшеницей было занято от 31% до 43% всей площади посева, а в остальных от 50% до 80%, при чем на Атбасарский и Акмолинский уезды падает наибольший процент пшеницы, а именно 80% и 77%.

В пониженном проценте пшеницы первых четырех уездов сказывается более интенсивная форма полевого хозяйства в отличие от южных Атбасарского и Акмолинского уездов, где высокий процент пшеницы вернее всего указывает на молодое экстенсивное полевое хозяйство, использующее накопившийся запас плодородия почвы (поднятие целинных земель).

В таком состоянии застает зерновое хозяйство района Сибирская железная дорога, прорезавшая район участком Курган — Омск, правильное движение на котором открылось в октябре 1896 года.

По грубым, по карте, прикидкам расстояния гужевого подвоза от дальних частей соответствующих уездов приблизились к следующим величинам (в верст.):

Для Курганского	80
„ Ялуторовского	80
„ Ишимского	220
„ Тюкалинского	180
„ Омского	220
„ Петропавловского	400 [1]
„ Кокчетавского	280

Что же касается Атбасарского и Акмолинского уездов, то, наоборот, лишь ближайшие к железной дороге части их расположились на расстоянии 300 верст (Атбасарский уезд) и 240 верст (Акмолинский уезд).

Дальнейшие улучшения в транспортной связи через железную дорогу произошли лишь в конце 1913 г., когда была открыта железная дорога Тюмень — Куломзино (Омск), прорезавшая Ялуторовский, Ишимский и Тюкалинский уезды.

В целях более удобного рассмотрения изменения основного элемента полевого хозяйства площадей посева, уезды, входящие в состав района, сгруппированы в четыре группы, в зависимости от дальности гужевого подвоза к железной дороге. В первую группу вошли Курганский и Ялуторовский уезды, с гужевой подвозкой с открытием движения на участке Курган — Омск не далее 80 верст, во вторую — Ишимский и Тюкалинский, с гужевой подвозкой не далее 220 в., в третью — Петропавловский, Омский и Кокчетавский, с гужевой подвозкой не далее 400 верст, и, наконец, в четвертую — Атбасарский и Акмолинский, с гужевой доставкой, начиная от 240 верст. При этом считалось, что первые три группы уездов в той или другой степени находятся под непосредственным влиянием железной дороги и что на четвертой группе это влияние сказывается

[1] Более заселенная часть этого уезда расположена на расстояниях до 120 верст от железной дороги.

лишь косвенно, поскольку железная дорога, изымая излишки в предыдущих трех группах уездов, содействует установлению более высокого уровня местных цен в этой группе уездов.

За время с 1897 по 1924 гг. произошли следующие изменения в транспортных условиях связи групп уездов с внешними рынками, общие для всех групп: в 1907 г. вследствие открытия движения на Северных жел. дор. сократилось расстояние до главных рынков сбыта местного зерна (для направления на Новый Порт это дало для Петропавловска уменьшение транспортных расходов на 6 копеек), в 1913 году в августе отменен челябинский перелом, что для того же Петропавловска при работе на Новый Порт дало дальнейшее уменьшение транспортных расходов на 9 коп., для I и II группы — в 1913 году открылось движение на дороге Тюмень — Куломзино (Омск), что сократило расстояние гужевого подвоза для Ялуторовского и Ишимского уездов до 60 верст, а для Тюкалинского уезда до 120 верст.

Помещаемые ниже абсолютные и относительные цифры указывают на те изменения площадей посева, которые произошли в отдельных группах уездов, входящих в район за время с 1897 по 1924 гг.

Годы		I гр.-Курган. и Ялутор. уезды		II гр.-Ишимск. и Тюкалин. уезды		III. гр.-Петропавл. Омск. и Кокчетав. у.		IV гр.-Атбасарск. и Акмол. уезды	
		Гуж. подвозка к ж. д. до 80 верст		Гуж. подвозка к ж. д. до 220 верст		Гуж. подвозка к ж. д. до 400 верст [1]		Гуж. подвоз. к ж. д., начиная от 240 в.	
		Вся площ. пос.	В т. ч. под пшен.	Вся площ. пос.	В т. ч. под пшен.	Вся площ. пос.	В т. ч. под пшен.	Вся площ. пос.	В т. ч. под пшен.
В тысячах десятин									
Сокращ. пробега (Сев. ж. д.)	1897	413	166	431	177	141	81	23	18
	1902	367	175	378	171	218	140	46	39
	1907	374	183	454	209	196	137	69	55
	1912	365	194	474	271	509	375	252	213
Отмена челяб. перел.	1913	440[2]	229[2]	711[2]	372[2]	694	508	277	232
	1915	484	249	769	409	865	636	304	247
	1916	506	261	793	428	1077	781	253	196
	1920	427	234	476	246	1016	660	—	—
	1924	—	—	—	—	—	—	118	88
В процентах к 1897 году									
Сокращ. пробега (Сев. ж. д.)	1897	100	100	100	100	100	100	100	100
	1902	89	105	88	96	155	173	200	217
	1907	91	110	104	118	139	169	300	305
	1912	88	117	110	153	351	462	1139	1183
Отмена челяб. перел.	1913	107[2]	138[2]	165[2]	210[2]	492	627	1204	1289
	1915	117	150	176	231	614	785	1322	1372
	1916	123	157	184	241	764	965	1100	1089
	1920	103	141	110	139	720	815	—	—
	1924	—	—	—	—	—	—	513	489

[1] Если взять освоенную часть Петропавловского уезда, то крайнее расстояние будет равно 220 верст.

[2] С открытием движения на дор. Тюмень — Куломзино (Омск), прорезавшей Ялуторовск., Ишимск. и Тюкалинск. уезды, дальность расстояния гужевой подвозки изменилась так: для Ялуторовск. у. до 60 верст, для Ишимского — до 60 верст, для Тюкалинского — до 120 верст.

В первых двух группах уездов, находившихся по сравнению с другими группами в более благоприятных транспортных условиях, за время 1897—1912 гг. влияние железной дороги мало отразилось на расширении посевных площадей. Здесь наблюдалось лишь обычное колебание площадей посева, связанное с урожаем хлебов,— после неурожая площади несколько сокращаются, после хорошего урожая увеличиваются. Сокращение транспортных расходов, связанное с открытием движения на Северных жел. дор., также не повлияло на расширение площадей посева. Если принять во внимание, что эти группы уездов принадлежат к числу тех, в которых полевое хозяйство до 1897 г. получило значительное развитие, то можно притти к заключению, что дальнейшее освоение новых площадей в этих группах уездов связано с освоением лишь мало удобных для земледелия площадей и что при этих условиях ни сооружение участка Курган — Омск, ни сокращение пробега, вследствие сооружения Северных железных дорог, не дало достаточного толчка для дальнейшего расширения площади посева. В 1913 г. отмена челябинского перелома и сооружение дороги Тюмень — Куломзино (Омск), благодаря уменьшению тарифной ставки и сокращению гужевого подвоза к железной дороге, создало необходимую предпосылку для освоения менее удобных для земледелия площадей, и площади посева начинают быстрее расти в обеих группах уездов.

В общем, рост общей посевной площади выражается в ежегодном приросте 5—6% от площади 1897 г.

Если железная дорога в общем и целом не оказала значительного влияния на рост общей посевной площади этих групп уездов, то в изменении пропорции посевов она оказала существенное влияние, изменив ее в сторону увеличения посева пшеницы, главного рыночного хлеба района.

В третьей и четвертой группе уездов процесс изменения площадей отличается от такового в первых двух группах уездов. Прежде всего, в транспортном отношении эти группы находились в менее благоприятных условиях по сравнению с первыми двумя группами, особенно четвертая группа, которую по существу следует считать за группу уездов, находившихся вне сферы непосредственного влияния железной дороги, вследствие дальности гужевого подвоза. Что касается третьей группы, то из уездов, входящих в нее, удлиняет гужевую доставку до 400 верст Петропавловский уезд, расположившийся в своей более заселенной части в расстоянии 100—120 верст вдоль железной дороги и лишь юго-западной своей частью отошедший от железной дороги на расстояние до 400 верст. Если внести эту поправку, то для этой группы уездов дальность гужевой доставки будет измеряться расстоянием до 220 верст.

Кроме того, эти две группы в момент открытия движения на участке Курган — Омск имели небольшие площади посева, третья — 141 тыс. дес. и четвертая — 23 тыс. дес., тогда как первая и вторая имели соответственно 413 и 431 тыс. дес. В третьей и четвертой группе имелся земельный простор, который давал возможность выбирать под распашку рентабельные в данных условиях участки земли.

В этих группах уездов изменение площадей выражалось следующими цифрами:

Ежегодный прирост площади в % от площади 1897 г.

	III группа	IV группа
1897—1902	+ 11	+ 20
1902—1907	— 3	+ 20
1907—1912	+ 42	+168
1912—1913	+141	+ 65
1913—1915	+ 61	+ 59
1915—1916	+150	—222

При незначительном увеличении площадей за период 1897—1907 гг., если принять во внимание значение абсолютных цифр, наблюдался бурный рост площадей в период 1907—1912 гг.

В 1913 г. наблюдался дальнейший бурный рост площадей в третьей и затихание его в четвертой группе уездов. Затихание роста происходит и в 1913—1915 гг. В 1916 г. наблюдается бурный рост для третьей группы и значительное снижение для четвертой группы.

Возможность отыскания рентабельных в условиях района участков земли для ведения земледельческого хозяйства создает для третьей группы уездов то положение, что в то время как в первое десятилетие открытие движения на участке Курган — Омск мало повлияло на рост площадей посева, небольшое изменение в транспортных условиях (уменьшение тарифной ставки, вследствие открытия движения на Северных ж. д.) дает значительный толчок для расширения площади посева. Дальнейшее снижение тарифной ставки (отмена челябинского перелома) дает еще более сильный толчок для расширения площади посева, которое увеличивается еще для Омского уезда, входящего в эту группу уездов, сокращением пробега, вызванного открытием движения на дороге Тюмень—Куломзино (Омск).

Влияние железной дороги на четвертую группу сказывается только в том, что, поддерживая цены на зерно в районе непосредственного тяготения к ней, она косвенно поднимает местные цены в той группе уездов, где имеется местный рынок в виде закупки хлеба киргизами и городским населением, а отчасти еще закупки хлеба вновь прибывающими переселенцами.

Полевое хозяйство этой группы уездов, развившись до удовлетворения потребностей рынка в период 1907—1912 гг., затем сильно замедляет своей темп роста. Под влиянием войны от 1913 г. к 1916 г. наблюдается значительное сокращение площади посева.

Все изложенное убеждает в том, что открытие движения на участке Курган—Омск, при проведенном одновременно тарифном мероприятии (челябинский перелом тарифа на зерно), мало повлияло в течение периода 1897—1907 гг. на развитие полевого хозяйства района. Смягчение значения челябинского перелома, вследствие открытия движения в 1906 г. на Северных ж. д., уже оказало свое влияние на развитие полевого хозяйства в третьей и четвертой группе уездов, где вследствие земельного простора являлось возможным выбрать земельные участки, на которых ведение полевого хозяйства было бы рентабельно в этих новых условиях. Полная отмена челябинского перелома в 1913 г. и дальнейшее изменение транспортных условий, вследствие сооружения новых железных дорог, создало необходимые предпосылки для значительного расширения площади посева во всех группах уездов.

Однако, ни отмена челябинского перелома, ни сооружение новых дорог не создало необходимых условий для охвата влиянием железной дороги всего района, где возможно земледелие. Так, напр., южные части Петропавловского и Кокчетавского уездов и уезды Атбасарский и Акмолинский остались вне сферы непосредственного влияния железной дороги.

Выше указано, что расширение площади посева происходило в значительной степени в зависимости от изменения транспортных условий связи района с внешними рынками.

Приводимые ниже данные убеждают, что наблюдался и другой процесс—рост товарности полевого хозяйства.

В главе о работе участка было указано, что средняя годовая отправка пшеницы (в зерне и муке) из района все возрастала. Считая, что отправки пшеницы находились в зависимости от урожая, изменения площади по-

сева и товарности хозяйства, в дальнейшем проводится сопоставление отправок пшеницы, урожайности и площадей посева с транспортными условиями связи района с рынками сбыта, т.-е. с тарифной ставкой. Считалось, что изменение транспортных расходов оказывает существенное влияние на товарность хозяйства, побуждая их или сдерживать или, наоборот, увеличивать предложение зерна.

Периоды	Отправлено в среднем за год пшеницы (зерно и мука)		Ср.-взвешен. урожай на десятину	Средняя площадь посева под пшеницей		Тарифная ставка Нов. Порта от Омска
	милл. пуд.	% %	пуд.	тыс. дес.	% %	коп.
1897—1900	5,0	100	64[1]	1094	100	51
1901—1903	2,0	40	30	1045	96	51
1904—1906	8,0	160	45	1170	107	51
1907—1909	11,7	234	42	1209	111	45
1910—1911	2,0	40	22	1525	139	40
1912—1913	16,0	320	40	1600	146	35

Если откинуть два периода—1901—1903 и 1910—1911 гг., когда вследствие неурожая хлебов отправка значительно сократилась, то в остальные периоды наблюдается как увеличение средней ежегодной отправки пшеницы, так и увеличение площади посева под пшеницей, при незначительных отклонениях урожая, если внести поправку в взвешенный урожай периода 1897—1900 гг., основанный лишь на показании одного особо урожайного года. Однако, средняя годовая отправка растет сильнее, чем увеличивается площадь посева, что в свою очередь необходимо об'яснить увеличением товарности хозяйства, связанного с уменьшением транспортных расходов, начиная с 1907 года.

В среднем, по расчету на одну десятину посева было отправлено:

в 1897—1900 гг. — 4,6 пуда
в 1904—1906 гг. — 6,9 пуда
в 1907—1909 гг. — 9,7 пуда
в 1912—1913 гг. —10,0 пуда

Несмотря, однако, на значительное увеличение площадей посева, особенно под посевом пшеницы, под влиянием создавшихся более благоприятных транспортных условий, охват влиянием железной дороги полевого хозяйства явно недостаточен.

Не имея, к сожалению, площади пашни, приходится ограничиться сопоставлением площадей посева 1913 г. с общей площадью уездов. Результаты таковы (в % %):

Курганский	16,7
Ялуторовский	4,5
В ср. по I гр. уездов	10,8
Ишимский	8,1
Тюкалинский	6,9
В ср. по II гр. уездов	7,4
Петропавловский	2,4
Омский	6,7
Кокчетавский	4,1
В ср. по III гр. уездов	4,3
Атбасарский[2]	2,1
Акмолинский[2]	1,8
В ср. по IV гр. уездов	1,9
В среднем по району	4,8

[1] Не характерно, так как данные имелись лишь за один особо урожайный год (1899 г.).

[2] Взято лишь 40% общей площади этих уездов, так как остальная часть непригодна для земледелия без орошения, для какового нет достаточно солидных источников.

Дальнейшее улучшение транспортных условий является первоочередной задачей для стимулирования развития полевого хозяйства в районе, так как дороговизна гужевой доставки препятствует дальнейшему освоению населением площадей.

4. Изменение транспортных условий связи района с рынками сбыта в целях охвата зерновым хозяйством всего района

В предыдущем разделе было установлено, что непосредственное влияние дороги распространялось лишь на часть района, другая же его часть испытывала только косвенное влияние, поскольку более высокая цена на зерно в части района, находившегося под непосредственным влиянием железной дороги, оказывала свое влияние на цену в той части района, которая непосредственно под влиянием железной дороги не находилась.

Здесь, естественно, встает вопрос, где проходит в общем районе та грань, за пределами которой прекращается непосредственное влияние железной дороги.

Такой гранью мы считаем изолинию, соединяющую пункты, где местная цена равна себестоимости производства пуда зерна, в данном случае пуда пшеницы.

Географическое расположение этой изолинии в общем районе тяготения к участку железной дороги Курган—Омск указывает на степень охвата непосредственным влиянием железной дороги зернового хозяйства общего района.

Местная цена и себестоимость производства пуда зерна являются величинами, зависящими от целого ряда переменных величин. В данном случае, поскольку речь идет о зерновом хозяйстве района, работающего через железную дорогу на внешние по отношению к нему рынки сбыта, местная цена зависит от цен на рынках сбыта, суммы транспортных расходов, стоимости гужевого подвоза к железной дороге, от торговых расходов и прибыли на капитал.

В случае работы района на несколько рынков, что имеет место и в данном случае, главное влияние на местную цену остается за тем рынком, который имеет большую емкость и цены на котором более устойчивы, так как эти свойства рынка дают известную устойчивость зерновому хозяйству района.

Себестоимость производства пуда зерна зависит от системы полевого хозяйства, от цен на рабочие руки, от степени применения усовершенствованных орудий обработки и сельскохозяйственных уборочных машин, от урожая.

Степень охвата влиянием железной дороги зернового хозяйства, поскольку речь о районе, который не целиком охватывается влиянием железной дороги, что имеет место и для изучаемого рынка участка Курган—Омск, завися от целого ряда переменных, не является какой-то постоянной величиной, а, наоборот, в е ч н о колеблющейся, увеличивающейся при благоприятных направлениях переменных величин и сужающейся при неблагоприятных условиях.

Географическое расположение упомянутой раньше изолинии подвержено как коротким, так и длительным колебаниям. Годичные колебания цен на внешних и местных рынках, зависящие, например, от урожая данного года, изменения в направлении тарифной политики, переход к другим системам полеводства (изменение себестоимости производства пуда зерна) и т. п.,—находят отражение в географическом расположении этой изолинии, то придвигая ее ближе к железной дороге, то отодвигая ее

вглубь района, удерживая измененное географическое расположение ее то в течение длительного, то короткого (примерно, годичного) периода времени.

В дальнейшем изложении прослеживается географическое расположение изолинии местных цен, равных себестоимости производства пуда пшеницы, в зависимости от влияния более постоянно действующих факторов. Влияние случайной кон'юнктуры цен, зависящей от колебаний урожая, вызывающих отклонение в географическом расположении на короткий промежуток времени, из'ято. Исключено также влияние колебаний себестоимости производства пуда зерна, в зависимости от колебаний урожая. Из рынков, с которыми связан изучаемый район, взят лондонский рынок, как дающий более устойчивую цену и как обладающий такой емкостью, которая может всецело поглотить излишки пшеничного зерна района даже в особо урожайные годы.

Моментом, к которому приурочены приводимые дальше расчеты, был выбран период непосредственно предшествовавший войне. Мотивом для выбора этого момента послужили следующие соображения: во-первых, данные о некоторых главных элементах имелись лишь за этот период (например, себестоимость производства хлебов), во-вторых, география размещения современных цен зависит в значительной степени от планового целевого начала, проводимого в настоящее время.

Себестоимость производства пуда пшеницы, поскольку устранены колебания урожая путем взятия в расчет средней нормы урожая, считалась величиной постоянной в интересующий отрезок времени. Существенные изменения ее могут произойти лишь в длительных путях реконструкции зернового хозяйства района. Стоимость гужевой доставки также условно принята за постоянную величину, в виду медленности изменения ее во времени.

Определим теперь степень охвата влиянием железной дороги зернового хозяйства района участка Курган—Омск и посмотрим, создались ли необходимые и достаточные транспортные предпосылки для охвата зерновым хозяйством всего района.

Точки расположения упомянутой выше изолинии в отношении железной дороги определялись по следующей формуле: устанавливалась цена на внешнем в отношении района рынке, вычитались все транспортные и торговые (включая торговую прибыль на всю операцию) расходы, определялась цена франко—станция отправления, разница между ценой франко—станция отправления и себестоимостью производства пуда пшеницы делилась на пудоверстную ставку гужевой доставки, частное от деления давало предельное количество верст гужевой доставки, при которой выручка от продажи равнялась себестоимости производства хлеба.

Если в одних и тех же условиях проделать вычисления по проведенной формуле для нескольких станций района, полученные результаты нанести на карту и конечные точки перпендикуляров соединить между собою, то получится та изолиния, о которой говорилось ранее.

Средняя лондонская цена на пуд русской пшеницы в 1913 г. равнялась 1 р. 24 к., а средняя пятилетняя за 1909—1913 гг. равнялась 1 р. 31 к.

Неизменяющаяся часть транспортных и торговых расходов для разных станций изучаемых жел. дор., состоящая из фрахта, накладных расходов в Ленинградском Торговом порту, дополнительных сборов на железной дороге, торговых накладных расходов и торговых прибылей, исчислена в сумме 25 к. на пуд.

Проектная цена франко—станция отправления, при проектировке на лондонский рынок через Ленинградский Торговый порт, при принятии средней пятилетней лондонской цены (1 р. 31 к.), будет:

	Лондонская цена за вычетом неизменяющихся расходов	Тарифная ставка конца 1913 г.	Цена франко—ст. отправл.
Для ст. Курган	106 к.	31 к.	75 к.
„ „ Петропавловск . . .	106 „	33 „	73 „
„ „ Омск	106 „	35 „	71 „

При вычитании из цены франко—станция отправления себестоимости производства пуда пшеницы получается величина расходов, могущих быть затраченными на оплату гужевого подвоза, при условии возврата ценою себестоимости производства пуда пшеницы.

Себестоимость производства пуда пшеницы, в зависимости от разных средних норм урожая для северной и южной части района, исчислена для северной части равной 40 к. за пуд, а для южной (около Атбасара и Акмолинска и южнее их) части в 55 коп. за пуд.

Стоимость гужевого подвоза определена в следующих величинах:

Версты	За все расстояние (копейки с пуда)	Версты	За все расстояние (копейки с пуда)
За 50 верст	9,0	за 225	30
„ 100 „	15,0	„ 250	32
„ 150 „	22,5	„ 275	35
„ 200 „	30,0	„ 300	39

Разница между ценою франко—станция отправления и себестоимостью производства зерна указывает, на каком расстоянии возможен гужевой подвоз к железнодорожной станции, при условии возврата ценой себестоимости производства пуда зерна.

Предельные расстояния гужевого подвоза к упомянутым выше станциям выразятся следующими величинами:

Для Кургана	275 верст
„ Петропавловска . . .	255 „
„ Омска	240 „

Если указанные величины нанести на карту и соединить их прямыми линиями, то получим изолинию, определяющую границы непосредственного воздействия железной дороги на зерновое хозяйство района и степень охвата влиянием железной дороги зернового хозяйства общего района.

Изолиния пройдет вблизи самых границ Петропавловского, Кокчетавского и Омского уездов. Атбасарский и Акмолинский остаются за гранями этой изолинии.

Таким образом, несмотря на все изменения в благоприятную сторону для района транспортных условий связи его с рынками сбыта, в 1913 г. не создалось необходимых и достаточных предпосылок для охвата влиянием железной дороги всего общего района, часть территории района (Атбасарский и Акмолинский уезды) остается вне влияния железной дороги.

К настоящему времени никаких существенных изменений в транспортных условиях сношения района с рынками сбыта не произошло, если

не считать открытия временного движения на дороге Петропавловск — Кокчетав—Щучье, о чем будет сказано дальше. Поэтому необходимо считать, что создавшиеся в 1913 году транспортные условия сохраняют свою силу и для настоящего времени.

В дальнейшем изложении принято, что интересы народного хозяйства требуют дальнейшего развития зернового хозяйства в этом отдаленном углу Союза в целях увеличения экспорта, каковое мыслится как в виде непосредственного экспорта зерна из района, так и в виде замещения им спроса на тех внутренних рынках, снабжение которых производится из районов, могущих сбывать свое зерно также и на экспорт.

Для дальнейшего освоения зерновым хозяйством земельных площадей района требуется дальнейшее изменение в благоприятную для района сторону транспортных условий сношения с внешними по отношению к району рынками сбыта.

Возможны следующие варианты разрешения поставленной задачи:

I вариант — существующее положение вещей, т.-е. перелом тарифа в Петропавловске для хлебных грузов, следующих со строящейся ж. д. Петропавловск — Кокчетав — Щучье;

II вариант — включение строящейся ж. д. Петропавловск — Щучье в общую сеть и применение развернутого прямого тарифа;

III вариант — достройка дороги до Акмолинска и применение развернутого прямого тарифа;

IV вариант — применение исключительного тарифа в $^1/_{150}$ в отношении ст. Щучье.

V вариант — достройка дороги до Акмолинска и применение к ст. Акмолинск исключительного тарифа в $^1/_{150}$ с пудо-версты.

Пользуясь только что изложенным методом, определим границы охвата влиянием железной дороги зернового хозяйства при всех указанных выше вариантах разрешения транспортной задачи.

В приводимых ниже расчетах приняты все те величины отдельных статей, которые только что приводились, т.-е. другими словами, весь расчет сделан в условиях 1913 г.

Проектная цена франко—станция отправления, при проектировке на лондонский рынок через Ленинградский Торговый порт, при принятии средней пятилетней лондонской цены (1 р. 31 к.) будет (в коп.):

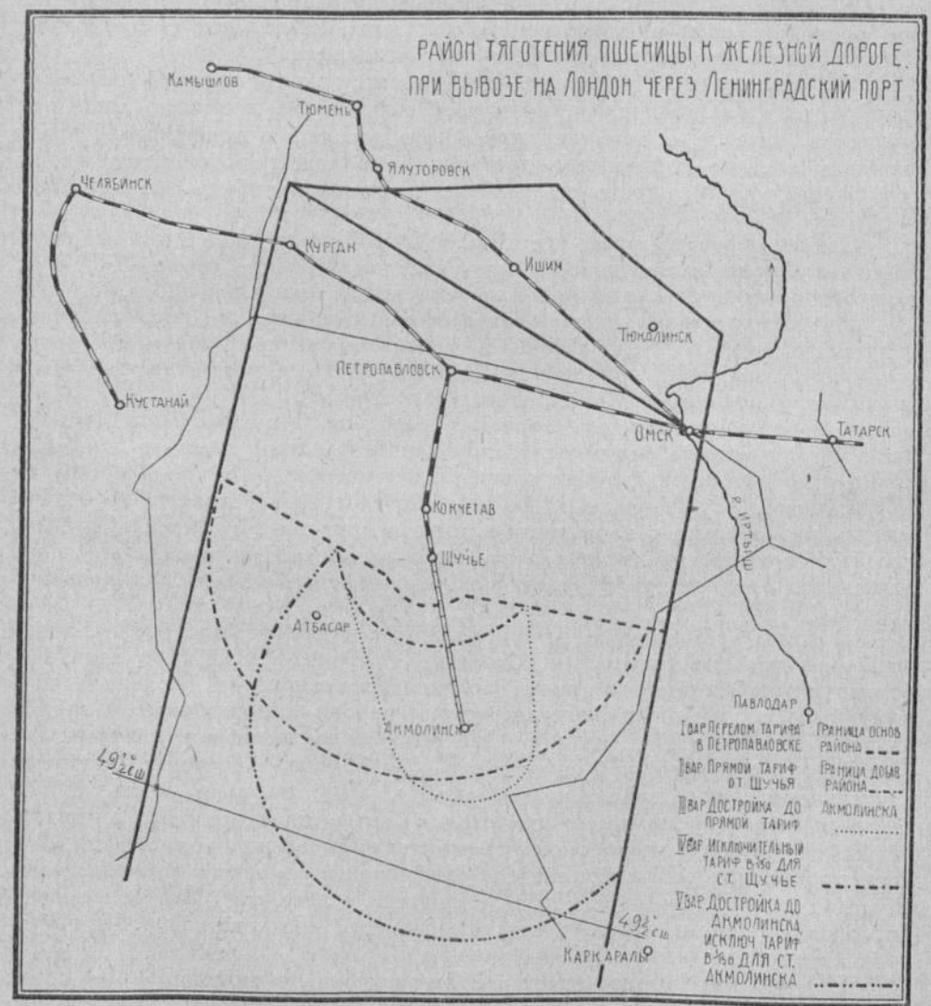
Варианты	Лондонская цена за вычетом неизменяющихся расходов	Курган		Петропавл.		Омск		Щучье		Акмолинск	
		Тарифная ставка [1]	Цена фр.— ст. Курган	Тарифная ставка [1]	Цена фр.— ст. Петропавл.	Тарифная ставка [1]	Цена фр.— ст. Омск	Тарифная ставка [1]	Цена фр—ст. Щучье	Тарифная ставка [1]	Цена фр.— ст. Акмолинск
I	106	31	75	33	73	35	71	41	65	—	—
II	106	31	75	33	73	35	71	35	71	—	—
III	106	31	75	33	73	35	71	35	71	38	68
IV	106	31	75	33	73	35	71	19	87	—	—
V	106	31	75	33	73	35	71	19	87	20	86

Вычтя из цены франко—станция отправления себестоимость производства пуда зерна и сопоставив разницу со стоимостью гужевого подвоза, получим, что предельными расстояниями, с которых зерно будет доставляться к соответствующим станциям, при условии возврата ценой себестоимости производства пуда зерна, будут следующие расстояния (в верстах):

[1] Тариф 1913 г.

Варианты	Курган	Петропавловск	Омск	Щучье	Акмолинск
I	275	255	240	51	—
II	275	255	240	107	—
III	275	255	240	—	81
IV	275	255	240	250	—
V	275	255	240	—	240

Более детальное расположение изолиний показано на прилагаемой картограмме:

На стр. 7 экономической записки ж. д. Петропавловск — Спасский завод,[1] на основании естественно-исторической характеристики

[1] Изд. Мин. Путей Сообщения, 1912 г.

края, сделанной проф. К. Д. Глинкой, устанавливается, „что в пределах района дороги Петропавловск—Спасский завод пространство до 52° с. ш. можно считать сплошь пригодным для земледелия, за исключением некоторых местностей, как, например, восточная часть Кокчетавского уезда и прилегающие к ней пространства Омского уезда, где земледелие невозможно, а также более мелких пятен и вообще неудобных земель". „Южнее 50 параллели, т.-е. от Атбасара и Акмолинска, черноземы если и встречаются, то лишь спорадически среди общего фона каштановых почв, также пригодных для земледелия, но уже не сплошь, как область чернозема, а в гораздо меньшей степени, главным образом, вследствие их солонцеватости и сухости климата. В области бурых почв, северная граница которых начинается от 50 параллели в пределах Атбасарского уезда и понижается до 49 в пределах Каркаралинского, земледелие без орошения если и возможно, то как исключение, для орошения же в этом районе нет достаточно солидных источников".

На картограмме нанесена $49^1/_2{}^\circ$ с. ш., около которой проходит граница, за южными пределами которой земледелие возможно лишь при орошении. Вместе с тем, как уже было указано в приведенной выше выписке, в этом районе нет достаточно солидных источников, чтобы возможно было осуществить таковое в сколько-нибудь значительных размерах.

Таким образом, можно установить, что охват влиянием железной дороги площади, заключенной между участком Курган—Омск и $49^1/_2{}^\circ$ с. ш. означает охват всей пригодной для земледелия площади района.

Из приложенной картограммы видно, что три первые варианта охватывают район в недостаточной степени. Даже при достройке дороги до Акмолинска, при применении развернутого прямого тарифа, район возможного земледелия охватывается недостаточно.

Только последние два варианта разрешения поставленной задачи дают благоприятные результаты, при чем последний вариант наиболее полно отвечает возможностям развития земледелия в районе.

Однако, осуществление его требует достройки дороги до Акмолинска, что связано с вложением капитала порядка 30—40 милл. рублей, что про применении тарифа в $^1/_{150}$ для главного груза дороги—зерна, делает все предприятие в целом заведомо нерентабельным для железной дороги.

В то же время с точки зрения сельского хозяйства достройка дороги до Акмолинска не является необходимой. Сельское хозяйство заинтересовано в том, чтобы вся сумма расходов по транспорту (железнодорожному и гужевому) от предельных границ района не превышала, в данном случае, 20 + 33 = 53 к., из коих 20 коп.—есть тарифная плата за все расстояние при тарифной ставке в $^1/_{150}$, а 33 коп.—стоимость гужевой доставки от границ района к Акмолинску. Этой же цели возможно достичь и другим путем, кроме сооружения дороги до Акмолинска, а именно, путем создания транспортного комбината (железнодорожного и автотранспорта), который построил бы свою тарифную схему применительно к указанному только что расчету, тарифная ставка в $^1/_{150}$ к. за железнодорожный пробег и полная стоимость гужевой доставки за пробег грузового автомобиля.

При условии предоставления этому комбинату монопольного права пользования тарифом в $^1/_{150}$, вся перевозка зерна сосредоточится в его руках. В этом случае исключительный тариф в $^1/_{150}$ приобретет совершенно другой характер и будет служить лишь простым элементом расчета общей платы, взимаемой за услугу железнодорожно-авто-транспортным комбинатом; для земледельческого хозяйства района это решение

является наиболее отвечающим его интересам, так как при этих условиях достигается охват влиянием железной дороги земледельческого хозяйства по V наиболее благоприятному варианту, без значительных затрат со стороны народного хозяйства на достройку дороги до Акмолинска.

Обслуживание района автотранспортом может осуществляться постепенно по мере освоения земледельческим населением новых площадей, в то время как сооружение дороги до Акмолинска требует затрат всего капитала в короткий срок, при условии, что капитал может быть из'ят лишь по истечении нескольких десятилетий.

Для общей сети в результате вовлечения в земледельческую эксплоатацию новых земель получаются десятки миллионов пудов нового груза, который даже при условии оплаты им другим дорогам лишь расходов, зависящих от движения, увеличит доходность их путем снижения расходов, зависящих от движения.

5. Возможность развития полевого хозяйства района

Осуществление выбранного варианта вовлечения в сферу влияния железной дороги полевого хозяйства района создает условия, при которых земледельческое хозяйство на крайних гранях района получает цену, равную себестоимости производства его.

По мере приближения к станции железной дороги цена на зерно будет нарастать. Около ст. Щучье добавок к цене, равной себестоимости производства его, выразится 32 копейками.

В предыдущем изложении было указано, как создавшиеся в 1913 г. транспортные условия, сократившие транспортные расходы примерно, на 15 коп., отразились на развитии площадей посева в полосе, вовлеченной в сферу железной дороги. Дальнейшее сокращение транспортных расходов дает более могучий толчок для развития полевого хозяйства, так как уже условия 1913 г. создали обстановку, при которой явилась возможность вести рентабельно земледельческое хозяйство в значительной части района.

Все это убеждает, что при условии осуществления упомянутого выше варианта развитие полевого хозяйства достигнет возможного максимума.

Здесь не рассматривается вопрос, как произойдет освоение новых площадей под земледельческое хозяйство,—путем ли перехода киргизов к земледельческому труду, или путем вселения переселенцев, или тем и другим путем вместе.

Считается, раз будут созданы необходимые предпосылки для рентабельного земледельческого труда, процесс пойдет тем или другим путем.

Наибольшее значение имеют расчеты для Атбасарского и Акмолинского уездов, которые вовлекаются вновь в сферу влияния железной дороги при осуществлении намеченного варианта.

При осуществлении намеченного варианта в сферу влияния жел. дор. вовлекается около 40% территории этих уездов, т.-е. вся та часть, на которой возможно земледелие без орошения.

По данным, помещенным в Экономической записке района железной дороги Петропавловск—Спасский завод, изданной М. П. С., на стр. 128 указано, что в этих частях упомянутых уездов неудобные земли составляют для Атбасарского 18,8%, а для Акмолинского 27,3%, а степь, годная под пашню, составляет для первого уезда 75,6%, а для второго 86,7% от удобной земли.

Упомянутые части Атбасарского и Акмолинского уездов соответственно равняются 4.616 тыс. дес. и 10.177 тыс. дес.

После производства расчетов получится, что в Атбасарском уезде имеется 2.833 тыс дес., а в Акмолинском 6.415 тыс. дес. годной для пашни степи, а всего 9.248 тыс. дес.

Считая, что посевная площадь может быть доведена в пределах ближайших 15 лет до 30% от площади, годной под пашню, получится, что на конец этого периода посев составит кругло 2.800 тыс. дес., что составит всего лишь 19% от общей площади уездов.

Пользуясь данными того же источника, помещенными на страницах 186—188, можно установить, что переселенческие хозяйства, прожившие в районе 7—10 лет, сеют около 12 десятин и дают свободных излишков (за вычетом всего потребления внутри хозяйства) кругло 350 пудов, получится, что к концу пятнадцатилетия можно ожидать свободных излишков до 82 милл. пудов. За вычетом местного киргизского и городского потребления можно считать, что на железную дорогу к концу периода поступит до 80 милл. пудов.

Надо считать, что в первый период, который может охватить и все пятнадцатилетие, будет наблюдаться экстенсивное использование площади, затем по мере истощения почвы будет наблюдаться переход к более интенсивным формам полевого хозяйства.

Сочетание полевого хозяйства с интенсивным животноводством является той системой хозяйства, которая позволит наилучшим способом использовать как естественные пастбищные угодия, так и создаст возможность введения паро-травопольной системы полеводства.

Улучшенное животноводство даст возможность использовать в хозяйстве нерентабельные в смысле вывоза на внешние рынки зерновые культуры, появляющиеся в хозяйстве вследствие перехода к более интенсивным формам полевого хозяйства.

И. А. Фатьянов

Итоги районирования Киргизии

Киргизская Автономная область образовалась в конце 1924 года в результате национального размежевания Средней Азии.

В состав Киргизии вошли: часть территории 7 уездов бывш. Турк, республики—Пишпекского, Андижанского, Наманганского, Ферганского-Ошского, Кокандского и Аулиэ-Атинского; полностью два уезда—Каракольский и Нарынский Семиреченской области.

Существовавшее при Туркреспублике районирование представляло собою временное районирование, оно было проведено наспех, без учета целого ряда решающих обстоятельств. Киргизстан был разделен на 4 округа: Пишпекский, Каракол-Нарынский, Джаляль-Абадский и Ошский.

Двухлетнее существование принятого административного деления области показало полную непригодность существующей системы, особенно двух округов—Пишпекского, переименованного в 1926 году во Фрунзенский, и Каракольского.

Недостатки указанного районирования округов сводились к следующим основным моментам: первое—экономического, второе—национального и третье—административно-управленческого характера.

В существовавший Каракол-Нарынский округ были включены бывшие до нацразмежевания Средней Азии два обособленных как экономически, так и политически, района—Каракольский и Нарынский уезды.

Нарынский район резко отличается по направлению своего хозяйства от Каракольского. В то время как Каракольский район, в связи с наличием в нем европейского населения (30% от всего населения) и происшедшего оседания киргизов на землю, в виду окончания работ по землеустройству,—имеет основным направлением хозяйства земледелие, Нарынский же является чисто скотоводческим, об'единяя кочующие киргизские скотоводческие хозяйства.

Из всей посевной площади округа $^4/_5$ посева сосредоточены в Каракольском районе, в то время как $^3/_4$ поголовья скота в округе сконцентрированы в Нарынском районе.

В среднем на 1 хозяйство в Каракольском районе приходится 1,99 гектаров посева и 15,9 голов скота, в Нарынском же—0,7 гектаров посева и 51,6 голов скота.

В виду резкого различия в направлении хозяйственной деятельности населения округа выявилась полная невозможность руководства Каракольским окрисполкомом хозяйственной жизнью Нарынского района, обладающего специфическими особенностями, требующими особых подходов к работе, специальных мероприятий и т. д. Руководящая деятельность Каракол-Нарынского окружного центра ограничивалась пределами Каракольского района, и богатый скотоводством Нарынский скотоводческий район (до одного миллиона голов скота) остался совершенно без экономического руководства.

Отсутствие руководства, а также экономических мероприятий, предоставившее Нарынский район непосредственно самому населению, создало

целый ряд отрицательных явлений, отразившихся на хозяйственном и культурном строительстве не только для населения района, но также и на экономике области.

Ярким показателем отсутствия экономического руководства районом может служить стоимость бюджетного набора по Нарынскому району. На 15 июля п. г. стоимость бюджетного набора по району определялась в 31 р. 01 коп., в то время как по Фрунзенскому округу и Каракольскому району средняя стоимость набора равна 19 р. 26 коп. (Каракол—19 р. 42 коп.), превышение более чем на 50%.

Надо сказать, что приведенное расхождение стоимости набора по районам явление не случайного характера, а носящее характер постоянный, принимающий все более угрожающие размеры. Кроме того, Нарынский район, лежащий от своей ближайшей границы до центра округа — города Каракола на расстоянии около 250 верст, экономически к нему совершенно не тяготеет, а в свою очередь Каракольский район в торговом отношении совершенно не связан с Нарыном.

Торговым тяготением Нарынского района является южная часть Киргизии — Ошский и Джаляль-Абадский округа и, главным образом, Ферганская долина, отчасти город Фрунзе, но отнюдь не Каракол.

От гор. Нарына, запроектированного центра Нарынского кантона, до гор. Каракола свыше 400 верст, от центра ближайшей волости — 300 верст и от отдаленной—500 верст.

Помимо дальности расстояния от гор. Каракола, Нарынский район представляет собой территорию, совершенно обособленную от других административных единиц области. С юга район граничит с Китаем, на западе отрезает его от юга Киргизии мощный Ферганский хребет, на севере отграничивает Александровский массив, и наконец, на востоке — хребет Терской-Алатау.

Затем киргизы, населяющие Нарынский район, происходят из других родов, чем киргизы Каракольского района. Основными родами нарынских киргизов являются: Даулес, Саяк, Черик, Азы, Момолдор, в то время как Каракольские киргизы принадлежат, главным образом, к роду Оразбахты.

В виду различия родовых групп киргизов, земли общего пользования (джайляу) находятся в обособленном пользовании каждого района.

Выделением Нарынского района в самостоятельную административную единицу более правильно разрешается вопрос, связанный с обеспечением возвращения киргизов из Китая, и будет способствовать обратному возвращению киргизского населения, бежавшего в пределы Китая в 1916 г.

Помимо вышеуказанных мотивов, необходимо принять во внимание и мнение самого населения, требующего выделения Нарынского района в самостоятельную административную единицу и не желающего подчиняться Каракольскому окрисполкому.

По указанным мотивам настоятельно требовалось выделение Нарынского района в самостоятельную административную единицу.

Затем была налицо острая необходимость расчленения существующего Фрунзенского округа, диктуемого следующими основными соображениями: Фрунзенский округ включал в свой состав две национальные группы, более или менее равные по своему составу, так, например, в состав первой группы входило киргизское население, исчисляемое 116.290 душ, в состав второй—европейское население—украинцы, великороссы и немцы, исчисляемые 88.170 душ (без города Фрунзе, в котором европейского населения свыше 20 тысяч душ).

В связи с необходимостью более правильного разрешения национального вопроса и в целях широкого вовлечения в советскую хозяйственную и культурную работу национальных меньшинств и, в первую

очередь, наиболее сильную и компактную часть из них—европейскую,—районированием предусмотрено выделение из равнинной части Фрунзенского округа, лежащей в долине р. Чу, европейского кантона.

Выделение европейского кантона исчерпывающим образом разрешает национальный вопрос в Чуйской долине и устанавливает нормальные взаимоотношения между народностями, населяющими округ почти в равных размерах.

Соподчинение киргизских и европейских волостей, расположенных на равнине на север от Александровского хребта, одному исполкому, не разрешая национального вопроса, вносило крупные осложнения в работу советского аппарата, не давая ему возможности охватить своей работой советское, хозяйственное и культурное строительство двух национальностей, резко отличных по своему образу жизни, навыку и структуре хозяйства.

Кроме того, европейское население Чуйской долины настойчиво требовало организации самостоятельной административной единицы, с подчинением непосредственно центру области.

Направление хозяйства европейского населения земледельческое, со средней обеспеченностью одного хозяйства 4,2 гектар. посева; направление же хозяйства киргизского населения — скотоводческое, с наличием в среднем лишь всего 1,3 гектар. посева на хозяйство.

Затем выделение из состава Фрунзенского округа Таласского района диктуется следующими обстоятельствами: Таласский район, занимая долину у р. Талас, с населением около 70.000 душ, отграничен от своего окружного центра массивом Александровского хребта и по существу своего расположения совершенно не связан с центром округа г. Фрунзе.

Для связи волостей, расположенных в Таласском районе с центром округа гор. Фрунзе приходилось покрывать свыше 430 верст. Район экономически не связан с Фрунзенским округом, имея торговое тяготение к г. Аулиэ-Ата, расположенному в 30 верстах от центра района.

Таласский район представляет собой замкнутую территорию, окруженную с севера и востока Александровским хребтом и с юга массивом Таласского Алатау, и возможен к обслуживанию лишь в порядке его выделения в самостоятельную административную единицу.

Затем киргизы Таласского района принадлежат к основному племени киргизского народа „Сол“, в то время как киргизы Чуйской долины принадлежат к племени „Он“.

Родовые взаимоотношения между указанными племенами (не родами) весьма обострены и выделение Таласского района в самостоятельную административную единицу разрешает родовой вопрос киргизов Фрунзенского округа.

В виду различия в происхождении киргизов Таласского района и Чуйской долины, земли общего пользования (джайляу) находятся в обособленном пользовании каждого района.

Население Таласского района настойчиво требовало выделения его в самостоятельную административную единицу.

По указанным мотивам, имеющим к тому же и крупное политическое значение, существовавший Фрунзенский округ пришлось упразднить и из него создать на занимаемой им территории три новых административных единицы — Фрунзенский кантон, об'единяющий европейское население, Чуйский кантон с киргизским населением и Таласский кантон, смешанный по населению и обособленный от остальной территории Киргизии.

Существующее волостное деление в области потребовало одновременного проведения работы по видоизменению и укрупнению волостной системы районирования по следующим обстоятельствам.

Европейское и узбекское население, составляющее около 35% всего населения Киргизии (европейцев около 20% и узбеков около 15%), лишено самоуправления и находится на положении нацменьшинства в киргизских волостях. Для разрешения национального вопроса потребовалось выделение нацменьшинств в самостоятельные волости, при чем новым районированием предусмотрено выделение 11 европейских и 1 узбекской волости и гор. Узгена.

Для более планомерного развития хозяйственных и культурных мероприятий признано необходимым об'единение киргизских волостей, имеющих однородность направления хозяйств и связанных между собой торговлей. Новое районирование должно обеспечить урегулирование и правильное использование джайляу, имеющих общие выпасные угодия и используемых населением отдельных районов совместно.

Новое районирование также должно способствовать изжитию родовой борьбы, имеющей в быте киргизов большое значение.

Для подведения материальной базы к намеченному проведению волостного бюджета была предусмотрена необходимость иметь волостные образования с достаточной финансовой мощностью.

Учет указанных факторов дал возможность запроектировать взамен существующих 72 волостей—52 волости, выделив европейское и узбекское население в национальные волости там, где это представлялось возможным.

Районирование в большей части относится к северной части нашей области, т.-е. Фрунзенского и Каракол-Нарынского округов. Что же касается районирования южных округов (Джаляль-Абадского и Ошского), то решено в южной части произвести лишь некоторое уточнение и укрупнение отдельных волостей, в основном оставив существующую систему административного деления. Дело в том, что и южная часть Киргизстана далеко не совершена в отношении районирования, но, благодаря целому ряду политических и экономических причин, а также территориальному расположению и разбросанности этой части области, от более радикального районирования пришлось отказаться.

Что же касается вопроса сокращения расходов на содержание административного аппарата, как основного момента, принимаемого обычно за основу в целом ряде районов в Союзе при производстве районирования, в нашей области этот момент доминирующего значения не имел, напротив, в отдельных местах административные расходы даже несколько увеличились. Здесь нужно особо отметить, что существовавшая до сих пор система районирования являлась временной, ни в какой степени не отвечавшей экономическим, политическим и прочим потребностям и поэтому было бы правильно считать существовавшее до сих пор районирование временным районированием, являвшимся лишь наметкой, и в оценке расходов на обще-административный аппарат нужно исходить лишь после проведения нового районирования Киргизстана.

При проведении новой системы районирования была существенная необходимость создать такую обстановку, при которой дальнейшее культурное и хозяйственное строительство не только в республике в целом, но и в отдельных районах, особенно в киргизских, было бы целиком обеспечено.

Дело в том, что до сих пор все сколько-нибудь серьезные экономические и культурные центры находились преимущественно в европейских центрах, что не создавало необходимой обстановки для культурного и хозяйственного строительства среди киргизского населения.

Вместе с тем, школы, больницы, волостные центры, даже зачастую сельские, находились в европейских селах, что на ряду с наличием возможности экономического и культурного развития киргизского народа порождало постоянно целый ряд национальных трений. Новое районирование даст возможность всерьез поставить вопрос о создании культурных и хозяйственных очагов уже на киргизской территории (постройка больниц, школ, сельскохозяйственных учреждений и т. д.).

Проект районирования в свое время был согласован с широкими массами населения. Была проведена большая агитационная кампания на местах, при чем по приблизительному подсчету в обсуждении вопроса районирования участвовало свыше 30.000 человек, кроме волостных, сельских, окружных, и областных исполкомов и советов.

Таким образом, новое районирование, несомненно, в общем отвечает нуждам и потребностям момента.

В результате районирования получилась следующая картина:

Наименование кантонов	Территор. в км		Число волостей		Распределение волостей по национальностям							
					Фактически существующих				Запроектированных			
	Всего	В том числе под джайляу	Фактически существующих	Запроектированных	Киргизских	Европейск.	Узбекск.	Смешан.	Киргизских	Европейск.	Узбекск.	Смешан.
Фрунзенский	3561	—	6	5	—	—	—	6	—	5	—	—
Чуйский	11896	6779	—	3	—	—	—	—	3	—	—	—
Таласский	12813	3182	12	5	8	4	—	—	3	2	—	—
Каракольский	36431	24925	8	10	2	—	—	7	6	4	—	—
Нарынский	54727	30733	8	8	8	—	—	—	8	—	—	—
Ошский	45798	23085	19	12	10	—	—	8	6	—	1	5
Джаляль-Абадский	3043?	10910	19	9	11	—	1	8	3	—	—	6
Обл. центр. Фрунзе	82	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
По области	195740	99614	72	52	39	4	1	28	29	11	1	11

Из этой таблицы видно, что республика делится на 7 кантонов, в том числе на 52 волости.

Следующая таблица характеризует уже состав сельсоветов, при чем в числе 454 советов мы имеем 94 европейских, 19 узбекских и 27 смешанных (см. стр. 252).

Количество населения и национальный состав кантонов представляет собою следующую картину, при чем предварительные данные происходящей демографической переписи подтверждают, что количество населения увеличится примерно до одного миллиона (см. стр. 252).

Хозяйственное положение новых об'единений, взятое за основу, при производстве районирования, представляет собою следующую картину (см. табл. на 253 стр.).

Поголовье скота, приведенное выше, является минимальным, так как производство учета об'ектов обложения по сельхозналогу показывает

Состав сельсоветов

Наименование кантонов	Количество сельсоветов	Распределение сельсоветов по национальностям				В среднем приходится сельсоветов на 1 вол.	
		Киргизских	Европейских	Узбекских	Смешанных	Фактич. существ.	Запроектированных
Фрунзенский	46	9	36	—	1	13,0	9,2
Чуйский	31	26	5	—	—	—	10,3
Таласский	55	37	15	—	3	4,6	11,0
Каракольский	92	65	21	—	6	11,5	9,2
Нарынский	26	24	—	—	2	3,25	3,25
Ошский	105	76	5	13	11	5,5	9,5
Джаляль-Абадский	99	77	12	6	4	5,2	10,0
По области	454	314	94	19	27	6,3	8,7

Количество населения

Наименование кантонов	Число хозяйств	Население				
		Всего	В том числе: Киргиз.	Европейцев	Узбек. и родств. им народн.	Прочие
Фрунзенский	14.430	75.630	6 330	67.150	—	2.150
в городах	—	47.235	—	—	—	—
Чуйский	17.460	72.480	69.540	2.940	—	—
Таласский	11.940	60.550	40.420	18.080	2.050	—
Каракольский	21.710	107.670	68.010	33.940	—	5.720
в городах	—	12.585	—	—	—	—
Нарынский	15.960	68.400	65.720	—	—	2.680
в городах	—	1.135	—	—	—	—
Ошский	33.102	185.082	123.317	6.980	54.785	—
в городах	—	15.327	—	—	—	—
Джаляль-Абадский	29.029	126.100	96.690	6.070	23.340	—
в городах	—	7.000	—	—	—	—
По области	143.352	695.912	470.027	135.160	80.175	10.550
в городах	—	83.282	—	—	—	—
Всего	—	779.194	—	—	—	—

Примечание: Население по сельским местностям приведено без населения не занятого сельским хозяйством, исчисленного в 35.000 душ.

Посевная площадь и поголовье скота

Наименование кантонов	Посевная площадь в гектарах и %%			Скота в переводе в крупн. гол. и %%				
	Всего	В том числе: Полив.	Богар.	Лошадей	Крупн. рогат. скота	Овец и коз	Свиней	Всего
Фрунзенский	55.777 —	38.194 —	17.583 —	16.678 22%	44.237 58%	11.623 16%	3.258 4%	75.796 100%
Чуйский	20.751 —	17.098 —	3.653 —	20.502 33%	22.137 35%	20.104 32%	75 —	62.818 100%
Таласский	31.450 —	28.437 —	3.013 —	34.194 39%	26.395 31%	25.513 29%	737 1%	86.839 100%
Каракольский	39.601 —	22.656 —	16.945 —	29.627 34%	34.399 40%	20.434 24%	2.200 2%	86.660 100%
Нарынский	11.220 —	9.430 —	1.800 —	41.383 31%	33.201 25%	59.433 44%	10 —	134.027 100%
Ошский	80.833 —	49.978 —	30.855 —	33.793 33%	45.880 45%	21.418 21%	744 1%	101.835 100%
Джаляль-Абадский	70.192 —	48.585 —	21.607 —	27.216 35%	35.039 45%	15.158 20%	404 —	77.817 100%
По области	309.824 —	214.378 —	95.456 —	203.393 32%	241.288 39%	173.683 28%	7.428 1%	625.792 100%

в 1925/26 г. фактическое превышение над приведенными выше статистическими данными по отдельным группам на 15 — 20%.

Таким образом, вопрос национального оформления для всех национальностей, населяющих Киргизию, в достаточной степени обеспечен, а также в достаточной степени обеспечено и вовлечение национальных меньшинств в широкую советскую и хозяйственную работу.

Крайняя разбросанность республики, а также целый ряд национальных, культурных и бытовых особенностей не дали возможности идеально построить районирование. Однако, исходя из тех условий, в которых находится Киргизия, районирование разрешило основные задачи культурного, хозяйственного и национального порядка.

Количество посевной площади в оседлых и количество поголовья в кочевых районах — основные факторы, определяющие хозяйственную мощь кантонов и волостей, в достаточной степени предусмотрены. Правда, специфически кочевой Нарынский район, благодаря целому ряду причин, на ближайшие годы, вероятно, потребует от республики известной материальной поддержки, но переживаемая экономическая и национальная обстановка в этом районе оправдывает эту меру и, несомненно, в самые ближайшие годы сумеет компенсировать произведенные затраты.

Новое административное деление (районирование Киргизстана): во-первых — разрешает национальный вопрос, обеспечивая вовлечение широких масс трудящихся нацменьшинств в дело советского строительства; во-вторых — приближает к широким массам трудящихся советский аппарат, чего при существовавшем до сих пор районировании не было; в-третьих — обеспечивает более правильное развитие советско-хозяйственного и культурного строительства отдельных районов и, в-четвертых — обеспечивает воз-

можность более правильного руководства со стороны республиканских центров.

Однако, по мере изживания культурной отсталости, внедрения товарных отношений, изжития натуральных форм хозяйства и родовых отношений, а также с расширением хозяйственного и железнодорожного строительства, развитием целого ряда хозяйственных отраслей как в связи с развитием сельского хозяйства и скотоводства, так и с использованием недренных богатств, может изменить соотношение отдельных районов и вынудить в будущем поставить вопрос об уточнении существующего районирования.

В настоящее время административное деление является наиболее приемлемым, наиболее отвечающим национальным, экономическим и культурным запросам республики.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Экономическая пресса областей и республик Союза[1]

I. Экономические журналы Центрально-Промышленной области

1. „Экономическое строительство". Ежемесячный журнал Моссовета. Тираж 1000 экз., средний об'ем 4,8 п. л. в месяц. Существует пятый год.

Для такого целостного экономического индустриального района, каким является ЦПО, естественно было бы иметь не только ряд губернских экономических журналов, но и областной руководящий орган. Между тем, в области с половины 1925 г. нет ни одного экономического журнала, в котором могла бы найти приют областная экономическая мысль и могло бы освещаться народное хозяйство области. Таким органом следовало бы сделать журнал Моссовета „Экономическое строительство", который должен выполнять роль экономического органа и Моссовета и ЦПО.

По сжатости статей, по сконцентрированности экономической мысли и содержания, журнал выделяется из всех аналогичных губернских органов Центрально-Промышленной области. Давая в статьях по народному хозяйству обзор отдельных его отраслей, журнал умело придает им характер проблемы, которая требует разрешения и которая авторами статей частично разрешается или же ставится на рельсы, ведущие к ее разрешению. Касаясь вопросов крупной, мелкой и кустарной промышленности, сельского хозяйства, транспорта, финансов, кредита и торговли, журнал также уделяет внимание кооперации и социально-экономическому расслоению деревни. Значительное место уделяется журналом хозяйству Москвы: жилищному вопросу, транспорту, отоплению и т. д. Однако, журнал старается держаться местного губернского хозяйства, поскольку хозяйство Москвы, как союзного центра, находит отражение во многочисленных хозяйственных и экономических органах столицы. На ряду с обзорами хозяйства и его отраслей в журнале имеется ряд ценных статей, ставящих острые хозяйственные проблемы, как, например, проблема частного капитала, рационализация производства и торговли, режим экономии, вопросы труда, его воспроизводства и безработицы. В постановке некоторых вопросов журнал поднимается до уровня центральных экономических журналов, как, например, в вопросе установления районного баланса народного хозяйства (статья проф. М. Довнар-Запольского, № 11—12).

---

[1] Авторами настоящего обзора являются т. т.: П. К. Горшечников (журналы ЦПО, ЦЧО, Украины — „Местное хозяйство" и „Хозяйство и план", ЗСФСР, Сев.-Вост. обл., Вятско-Ветлужской обл., Зап. Сибири и Якутии); А. А. Зеленко (журналы Средн. Азии); И. Е. Лерман (журналы Сев.-Зап. обл., Украины — „Хозяйство Украины", Сев. Кавказа, Нижне-Волжской обл., Ср.-Волжской обл. и Урала) и Ш. Я. Турецкий (журналы Зап. обл., Казакстана и ДВО).

Обзор охватывает журналы, вышедшие в 1926 г.

По своему построению журнал разбивается на отделы: „Народное хозяйство“, „Кон'юнктурное обозрение“, „Уездное и волостное хозяйство“ и „Библиография“. Первый отдел заполнен статьями и обзорами, характеризующими народное хозяйство Московской губернии. Откликаясь на острые вопросы хозяйственной политики, журнал значительное внимание уделяет социальному анализу народного хозяйства, внимательно следит за развитием частного торгового, промышленного и финансового капитала. Например, ст. К. Фокина „Частный кредит в Московской губернии“ (№ 10) дает обзор развития частного легального кредита (Об-ва Вз. Кред.) за три четверти 1925/26 года и отмечает в этой области ряд интересных явлений. Странным, с точки зрения автора, является тот факт, что в то время как за три квартала 1925/26 г. вклады частной клиентуры в государственных кредитных учреждениях в Москве и Московской губернии увеличились на 40%, вклады частных кредитных учреждений возросли только на 20%, несмотря на больший процент выдаваемый последними по вкладам. Об'яснение этому можно найти только в стремлении клиентов к большей верности вложений денег и гарантии своевременного их из'ятия. Из вкладов ОВК $^2/_3$ приходится на долю разных частных вкладчиков, значительная часть которых, очевидно, состоит из лиц свободных профессий и высших групп служащих.

При своем компактном размере (5 печ. листов), журнал в небольших статьях (4—8 стр.) умело ставит ряд хозяйственных проблем, дает обзоры состояния и динамики многих отдельных отраслей народного хозяйства губернии, уездов и даже волостного хозяйства и умело соблюдает пропорцию в их освещении. Журнал, несомненно, является одним из лучших губернских экономических журналов, однако, сжатость содержания статей делает его интересным для хозяйственников и экономистов, но придает ему некоторую сухость в глазах рядового читателя, не специалиста. Журнал по сконцентрированности статей, отражающих индустриализованное и интенсифицированное хозяйство Московской губернии и его проблемы, может быть типовым. Журнал этот необходимо превратить в областной экономический орган, который должен поставить своей задачей руководящее участие в хозяйственном строительстве области.

2. „Спутник Советов“. Орган Иваново-Вознесенского Губисполкома. Издается в г. Иваново-Вознесенске, существует третий год, тираж 1.400 экз., размер 140—145 стр. на книжку, или 9,5 печ. листа в месяц.

Журнал затрагивает вопросы советского строительства, общественной взаимопомощи, кооперации, сельского и лесного хозяйства, коммунального хозяйства, народного просвещения, здравоохранения и т. д. На ряду с отделами юридическим и официальным, журнал уделяет место полемике по поводу различных вопросов советского строительства.

По общему характеру — это журнал именно советского строительства. Статьи экономического характера занимают приблизительно около 37% журнала. Большая часть этих статей носит обыкновенный информационный характер, глубоко не затрагивая серьезных хозяйственных проблем губернии. Что касается отдельных статей и заметок по разным общественным, административным и социально-культурным вопросам, то они носят обыкновенно газетный характер. При наличии местной газеты, журнал в значительной степени теряет оправдание для своего существования.

3. Между тем, Иваново-Воскресенским же Губпланом в начале 1926 г. издавался[1] ежемесячный экономический журнал „Иваново-Вознесенское Хозяйство“, при тираже 750 экз. и размере 142—194 стр. на номер или 10,5 печ. листа в месяц. №№ 1 и 2.

[1] Кроме 1 и 2 номера за 1926 г., других номеров не оказалось не только в ряде крупных библиотек Москвы, но и в Книжной палате, что как будто указывает на прекращение журнала.

Редакция ставила своей задачей отражение проделанной работы учреждениями в области экономики. Затрагивая вопросы промышленности, лесного хозяйства, коммунального хозяйства, торговли, кооперации, транспорта, кредита и финансов и т. д., журнал соответственно поставленным узким задачам, действительно, концентрирует, главным образом, обзоры отраслей хозяйства. Постановка же хозяйственных проблем, попытки и методы их разрешения, волевое плановое воздействие на народное хозяйство губернии, — в журнале выявлены слабо. Теоретические и методологические вопросы экономического строительства губернии, вопросы индустриализации и реконструкции народного хозяйства журнал почти не затрагивает. В общем, журнал за малым исключением только регистрирует экономическую действительность, а не руководит народным хозяйством губернии. В связи с таким характером статей журнал приобретает известную сухость. Что касается освещения динамики отдельных отраслей народного хозяйства, то здесь журнал дает довольно полное представление. Внешне журнал издается хорошо.

Вместо „Спутника Советов“ и рецензируемого журнала было бы целесообразно издавать один ежемесячный экономический журнал, который от роли „регистратора“ экономических фактов поднялся бы до роли руководителя и организатора народного хозяйства губернии.

4. „Тульский край“. Краеведческий журнал Губплана, Губернского отдела ассоциации по изучению производственных сил ЦПО и Общества краеведения. Выходит 1 раз в три месяца в г. Туле. Тираж 1.000 экз., размер 51—62 стр. на книжку или 1,7 печ. листа в месяц. №№ 1—3.

Отражая краеведческую работу, особенно по изучению производительных сил, и результаты ее, журнал затрагивает и вопросы экономики губернии, поскольку изучение их производится в порядке исследовательской краеведческой работы. Однако, большая часть материала журнала посвящена естественно-историческим и общественно-историческим вопросам. Большинство статей написаны обстоятельно, интересны для чтения и фиксируют иногда ценные результаты исследовательской работы по краю.

5. „Нижегородское Хозяйство“. Планово-экономический журнал — орган Губплана, издается в Нижнем Новгороде с конца 1926 года. Тираж 1.000 экз. Размер 111 стр. в номере (in quarto), т.-е. 14 печ. л. в месяц. №№ 1 и 2.

Журнал имеет четыре отдела: „Статьи“, „Обзоры и хроника“ „Критика и библиография“, а также „Приложения“. В первом отделе прежде всего даются статьи общего характера, освещающие хозяйственные вопросы всего Союза (№ 2). Далее идут статьи уже по народному хозяйству губернии и, наконец, статьи по разным вопросам экономического и социально-культурного порядка. Статьи по вопросам общесоюзного характера излагают то, что говорится или пишется в центре, не внося нового в освещение экономики Союза. Статьи по народному хозяйству губернии в большинстве случаев состоят из обзоров состояния отраслей народного хозяйства с освещением их динамических процессов. Эти статьи отражают экономику губернии, но не вдаются в глубокий анализ экономических явлений. На ряду с этими статьями, имеются статьи с актуальной постановкой проблем хозяйства, например, ст. П. Львова „О нуждах павловской металлической промышленности“ (№ 2), ст. проф. В. К. Задарновского „Возможно ли существование и развитие хл.-бум. промышленности в Нижегородском крае“ (№ 1), ст. А. Клочковой „К плановой работе в Нижегородской губ.“ (№ 1). Отдел „Статьи“ имеет около 48%

емкости журнала. Второй отдел „Обзоры и хроника“ занимает около 28% журнала и содержит информационный материал о заседаниях пленумов и секций руководящих организаций и учреждений губернии, вплоть до речей ораторов на заседании, а также заметки по народному хозяйству губернии и по краеведению. Без ущерба для журнала этот отдел в части „Пленумы и секции“ в № 2 (13%) мог бы быть из'ят из журнала с перенесением в местную газету, а в других своих частях сокращен. Отдел „Критики и библиографии“ занимает непропорционально большое место в журнале (около 15% емкости журнала). Статьи в „Приложениях“ составляют в значительной степени сырой отчетный материал. Если первый номер журнала может быть назван хорошим, то второй уже обнаруживает несомненное ухудшение и производит впечатление разбухшего, многословного и малоорганизованного. Второй номер меньше всего характеризует журнал как „планово-экономический“, так как вопросы экономического анализа народного хозяйства губернии, его отраслей и отдельных проблем затронуты недостаточно. Он оказался загроможденным обзорами, информациями и заметками, и мало руководит народным хозяйством губернии на основе плановости, построенной на экономическом анализе состояния и динамики хозяйства. Журналу нужно перестроиться в сторону большей сжатости изложения и вернуться к выполнению задач, поставленных первым номером.

Для губернского журнала он слишком велик. Кроме того, его можно удешевить (хотя бы в смысле уменьшения его убыточности) за счет меньшего раскошествования во внешней стороне издания.

6. „Наше Хозяйство“. Ежемесячный журнал Рязанского Губисполкома. Тираж 500 экз. Размер двойного номера 129—140 стр. или 5,5 печ. листа в месяц. №№ 1—4.

Этот журнал представляет собой тип журнала, который хозяйственные проблемы края ставит в актуальной форме, не загромождая журнал информационным материалом и сухими обзорами. Разрабатывая в некоторых частях ряд экономических проблем и касаясь методологии разрешения их, журнал пытается выйти за рамки губернского масштаба. Такие проблемы, как схема генерального плана народного хозяйства (ст. С. Шарова „О схеме генерального плана развития народного хозяйства“, № 1—2, 1926 г.), баланс народного хозяйства волости (А. Селиванов, „Опыт построения схемы баланса народного хозяйства волости“, № 3—4) настолько хорошо затронуты, что это было бы впору союзному экономическому журналу. Журнал имеет отделы: „Статьи“, „Обзоры“, „Корреспонденции“, „Хроника“, „Распоряжения центральной и местной власти“, „Библиография“ и „Приложения“. Давая экономический анализ явлениям хозяйственной жизни, журнал не стремится в статьях дать большое количество сырого цифрового материала. Наоборот, этот материал перерабатывается с целью выявления соответствующей экономической тенденции. Обзоры определенных отраслей народного хозяйства дают представление о путях и достижениях. Сельское хозяйство, денежные обороты крестьянского хозяйства (ст. П. Розова, № 3—4), вопросы коллективизации, земельные отношения в деревне, проблема сырья, губернский волостной бюджет, кооперация и т. д. нашли достаточное освещение в журнале. Не ограничиваясь освещением отдельных отраслей хозяйства губернии, журнал касается рационализации аппарата управления, вопросов краеведения и социально-культурных вопросов. Оставаясь в основном экономическим журналом, он дает иногда статьи и по другим вопросам, поскольку они ставят важную проблему, имеющую отношение к народному хозяйству. В смысле постановки актуальных проблем, творческого воздействия и руководства народным хозяйством губернии журнал

может быть типовым губернским журналом для сельскохозяйственной губернии. К ряду недостатков следует отнести полное отсутствие в некоторых статьях цифрового материала, что придает им слишком общий характер.

7. „Тверской край“ — Ежемесячник Тверского Губисполкома. Тираж 700 экз., размер номера 58—64 стр.

Журнал содержит обстоятельные обзоры по отдельным отраслям народного хозяйства губернии. Вместе с тем, в ряде статей дается углубленный анализ (например, ст. Н. Иванова „Внутренняя организация сельскохозяйственных коллективов“, № 7—8) вопросов народного хозяйства, освещается положение частного капитала на рынке заготовок, сельско-городские „ножницы“, накладные расходы в торговле и т. д. Особенное внимание обращено на вопросы, касающиеся сферы обращения и, в частности, на вопросы торговли, цен, роли в торговле частного капитала. Между тем, вопросы производства как-то оставались в тени. Правда, вопросы торговли, особенно цен, стояли за это время наиболее остро в ряду других вопросов экономики не только губернии, но и Союза. Однако, это, разумеется, не должно заслонять основных вопросов промышленности крупной, мелкой и кустарной, сельского хозяйства, а также вопросов, связанных с индустриализацией и реконструкцией народного хозяйства. Между тем, в этом отношении в журнале наблюдается существенный пробел.

Охватывая крупнейшие проблемы губернии, как, например, хлебофуражный баланс, сельскохозяйственное районирование, бюджет, журнал ограничивается описательно-аналитическим изложением. Помимо всех отраслей народного хозяйства губернии, журнал затрагивает и чисто политические моменты, вопросы краеведения, информацию о деятельности губернских хозяйственных органов и имеет отдел библиографии. Несмотря на некоторую сухость журнала, получающуюся из-за значительного количества статей, похожих больше на отчеты и доклады учреждений, чем на журнальные статьи, все же журнал производит впечатление солидного губернского органа. Если бы к глубокому проникновению журнала в народное хозяйство, что он пытается делать, присоединить еще элемент волевого планового руководства при стремлении к индустриализации и реконструкции народного хозяйства губернии и сделать некоторое перераспределение статей в сторону увеличения освещения сферы производства, то он мог бы быть солидным губернским экономическим органом и организующим народное хозяйство центром. Статьи журнала, как общее правило, проработаны и написаны сжато.

8. „Наше Хозяйство“. Ежемесячный орган Владимирского Губплана и Губисполкома. Выходит со второй половины 1926 г. двойными номерами. Тираж 500 экз. Размер двойного номера 142—174 стр.

Освещая вопросы промышленности, сельского хозяйства, финансов, торговли и кооперации, жилищного строительства, коммунального хозяйства, труда, энергетики и т. д., журнал имеет общий характер печатного органа, отражающего народное хозяйство губернии как в его статическом состоянии, так и в динамике. Для освещения вопросов труда журнал иногда выделяет специальные отделы (№ 11—12).

Регистрация экономических фактов достигает в некоторых статьях такой подробности, что мелкие факты и цифры загромождают статью и превращают ее в сухой обзор или отчет, хотя и обстоятельный, но мало доступный для чтения и неинтересный для рядового читателя, не специалиста. На ряду с этими обзорами, журнал уделяет внимание отраслям хозяйства, освещая их в более актуальной форме. К таким статьям относятся обзоры по картофеле-обрабатывающей промышленности, о емко-

сти сельского и городского рынка и о кустарной промышленности. Однако, журнал не чужд и общих экономических проблем. Так, вопросы режима экономии, снижения розничных цен и вопросы сел.-хоз. налога поставлены в журнале достаточно хорошо. Ставя эти проблемы в общем виде, статьи, касающиеся их, пытаются дать решение этим проблемам в конкретных условиях губернии. Совершенно неоправдываемым нужно признать печатание в одном и том же журнале (№ 5, 1926 г.) двух статей по кон'юнктуре. Одна по торговой кон'юнктуре за второй квартал 1925/26 г., а другая—„Основные черты хоз. кон'юнктуры в I полугодии 1925/26 г." Являясь хорошим органом, отражающим экономику губернии, журнал в то же время слабо выполняет роль центра, организующего и активно воздействующего на народное хозяйство губернии. Журнал может быть сокращен до размеров, оставляемых хорошим губернским журналам.

II. Северо-Западная область

1. „Хозяйство Сев.-Зап. края". Ежемесячный журнал Сев.-Зап. ЭКОСО и об'единенных хозяйственных организаций Сев.-Зап. области. Ленинград. Год издания третий. Тираж 1.100, размер 10—12 печ. листов в месяц.

Прекрасный журнал, занимающий первое место среди местных экономических органов. Экономические проблемы освещаются и изучаются с ясным и правильным представлением о главнейших особенностях края, выделяющих его из числа других областей. К этим особенностям относятся: 1) причудливое сочетание высокоразвитой и концентрированной социалистической ленинградской обрабатывающей промышленности с допотопными, грубопримитивными способами производства в земледелии, хищническими приемами в звероловстве и, отчасти, рыболовстве, при почти полном отсутствии в этих отраслях народного хозяйства форм общественного хозяйства и слабом еще пока их регулировании государством; 2) большое значение хозяйства области для развития хозяйства всего Союза (производство средств производства, экспорт леса, пушнины, скота, льна и т. д.); 3) наличность в крае ископаемых, строительных материалов, источников энергии, могущих в будущем устранить зависимость края от привозимого сырья и топлива.

Отсюда и широкий диапазон трактуемых вопросов, умело увязывающий интересы края с интересами Союза, избегающий уродливых явлений районного экономического патриотизма и разрешающий задачи местного хозяйства в свете и духе общих перспектив хозяйственного развития и экомической политики всего Союза. Такая постановка журнала об'ясняется, в первую очередь, его исключительным положением в ряду других областных органов: журнал имеет возможность опереться на силы квалифицированных экономистов Ленинграда. Журнал отличается вдумчивой разработкой тем и чуткостью к запросам дня. Выдержаны и цельны кон'юнктурные обзоры. Хорошо систематизирован и дает достаточно полную интерпретацию отдел законодательства.

Недостатки прошлого года,— недостаточное внимание к вопросам торговли, бюджета, кредита, потребительской кооперации, дифференциации крестьянства и т. д.,— в этом году изжиты. Однако, в подборе статейного материала все же не всегда чувствуется плановость и системность. Кроме того, журналу следовало бы больше внимания уделить вопросам краеведения (в настоящее время им уделяется от $^1/_2$ до $^3/_4$ листа на номер), и несколько больше места вопросам местного хозяйства.

Далеко выходя за пределы экономики края, журнал довольно часто открывает свои страницы вопросам общественной и мировой экономической жизни. К чести журнала следует отнести, что и в этих случаях он пользуется лишь силами своих ленинградских сотрудников, не прибегая к экономистам Москвы.

Если в области мирового хозяйства журнал не берет на себя задачи разработки экономических проблем, а ограничивается лишь весьма недурным наблюдением за текущей мировой хозяйственной кон'юнктурой (факты — без анализа), то в области вопросов союзной экономики „Хоз. Сев.-Зап. края" стремится, очевидно, удовлетворить запросы читателя и в части анализа и разрешения сложных явлений экономики переходного периода.

Тем не менее, журнал не может, конечно, заменить или исключить потребность в пользовании московскими журналами не только в отношении мировой, но и союзной экономики. Внешне журнал издается очень хорошо.

2. „Промышленность и торговля". Ежемесячный журнал, посвященный вопросам экономики, орган Сев.-Зап. Обл. Промбюро ВСНХ. Ленинград. Об'ем 8,5—9 листов в месяц. Тираж 2.200 экз. (Выходит преимущественно двойными номерами по 17—18 л.)

Далекий от теоретических вопросов, узко замкнувшись в пределы хозяйственной жизни Ленинграда, журнал преимущественно служит интересам освещения практических нужд ленинградской промышленности как с точки зрения экономической, так и с точки зрения технической. Этой последней (технической) стороне состояния, развития и перспектив ленинградской промышленности журнал уделяет весьма большое внимание. Однако, эти вопросы находят свое отражение и в другом журнале „Техника и производство", специально посвященном вопросам промышленной техники и издаваемом Сев.-Зап. ЭКОСО.

Освещая эти вопросы не в свете широкой увязки проблем экономики и техники, а на фоне совершенно изолированного и сугубо-практического рассмотрения моментов техники, хотя и с явными и положительными целями ее поднятия и усовершенствования, оба журнала делают, с одной стороны, полезное социалистическое дело, борясь с секретами производства, непримиримыми с нашей советской экономической системой, и делая их широким общественным достоянием, укрепляя неизвестную капиталистическому миру национализацию техники, а с другой стороны, направляют местную техническую мысль в сторону самостоятельных, без помощи Запада и Америки, усовершенствований и изобретений.

Вопросы торговли и кредита освещаются в журнале „Пром. и торговля" лишь в меру их отношения к промышленности, как, напр., в деле реализации продукции или кредитования ленинградской промышленности. Недурно поставлен отдел „Хозяйство и право", заключающий в себе статьи, главным образом, по вопросам промышленного права, судебную практику и отдельные моменты из области применения права в хозяйственной жизни. Журнал одновременно выполняет функцию информационного органа о деятельности ленинградских промышленных предприятий.

Вместе с тем „Промышленность и торговля" ведет некоторые отделы, совершенно параллельно тем, которые имеются в „Хоз. Сев.-Зап. края". Таковы обзоры состояния промышленности, торговли и кредита, обзоры законодательных актов и пр. Таким образом, „Промышленность и торговля", с одной стороны, дублирует отделы, имеющиеся в „Хоз. Сев.-Зап. края" и „Технике и производстве", а с другой, оправдывает свое существование лишь наличностью богатой информации о жизни и деятельности ленинградских промышленных предприятий и их об'единений.

Вот почему следует признать, что „Пром. и торговля“ или может быть совершенно упразднена или сведена до органа чисто информационного характера с размером до 1—2 печ. листов в месяц.

В остальном мы высказались бы за слияние этих двух журналов в один журнал Облплана и Северо-Зап. Обл. Промбюро ВСНХ с отделами промышленности и торговли в нем.

Это слияние: 1) устранило бы параллелизм; 2) оказало бы весьма благотворное действие на единый журнал путем распространения на него высокоценного влияния вневедомственной обще-экономической плановой мысли Ленинградского Облплана и экономистов, сотрудничающих в „Хозяйстве Сев.-Зап. края“; 3) увеличило бы круг влияния статей, помещаемых в этом последнем журнале (тираж теперь лишь 1.100 экз.); 4) дало бы весьма значительную экономию, так как тираж такого единого журнала был бы не меньше, а больше тиража журнала „Промышленность и торговля“, выходящего сейчас в 2.200 экз. и приближался бы к 2.500 экз., что дало бы уже ему возможность приблизиться к самоокупаемости, о чем теперь, разумеется, не может быть и речи.

Вместе с тем, журнал чрезвычайно выиграл бы и по своему содержанию, став интересным для гораздо большего круга читателей, чем каждый из них, взятый в отдельности.

Информацию же из „Промышленности и торговли“ следовало бы или выделить в особый маленький бюллетень в 1—2 печ. листа или помещать в газете.

3. В Карелии имеется два экономических журнала:

а) „Экономика и статистика Карело-Мурманского края“. Орган Плановой Комиссии и Статуправления АКССР, выходит непериодически (в 1926 г. вышли №№ 4—6, за январь — апрель, № 7—8 за май — сентябрь). Тираж журнала 1.000 экз., размер выпусков 12—14 листов, много петита. Издается на двух языках.

б) „Вестник Карело-Мурманского края“. Орган СНК АКССР и Правления Мурманской жел. дороги, выходит 2—3 раза в месяц и реже. Тираж 1.000 экз., размер 2—4 печ. листа (т.-е. 6—7 листов в месяц).

Первый журнал — экономический. В его первом отделе дается освещение общих вопросов экономики Карелии („Бюджетные права Карелии“, № 7—8. „К вопросу о районировании в Карелии“, „Лесные пожары Карелии“, „Кредит АКССР и его ближайшие перспективы“, № 4—6 и т. д.). Этот отдел занимает до $3^1/_2$—4 листов текста на двух языках.

Второй отдел посвящен вопросам краеведения (2—3 листа). Отделу статистики уделено до $2—2^1/_2$ печ. листа. В этом отделе даются статистические сведения при обширном об'яснительном тексте по всем отраслям хозяйства Карелии („Состав населения Карельской республики“, № 4—6) „Промышленность и труд“, № 4—6 и т. д. Затем следует официальный отдел — действия и распоряжения правительства АКССР и хроника.

„Вестник Карело-Мурманского края“ — научно-популярный краеведческий иллюстрированный журнал. Так он характеризуется издателями журнала. Журнал в первом отделе освещает, главным образом, жизнь Мурманской железной дороги и связанные с ней вопросы, а также отчасти и общие вопросы экономической жизни края („Колонизация в районе Мурманской железной дороги“, № 8—9, „Экспортно-импортные работы“, № 9). Этот отдел занимает $1^1/_4—1^1/_2$ печ. листа. Второй отдел посвящен вопросам краеведения. Здесь освещается работа Карело-Мурманской Комиссии Географического общества, отдельные вопросы практики краеведения, отдельные обследования. Третий отдел озаглавлен „Рыбные и звериные промыслы“. В журнале также освещаются вопросы просвещения, профдвижения. Небольшой отдел посвящен хронике работы Правления Мурманской железной дороги.

В отношении отдела краеведения в этом журнале есть некоторый параллелизм с таким же отделом в журнале „Экономика и статистика Карело-Мурманского края“.

Исходя из того, что подход этих двух журналов к жизни края весьма различен: у одного с точки зрения дорожного хозяйства, у другого — с точки зрения экономики края в целом, — можно было бы высказаться за их раздельное существование. Однако, ж. д. имеет для этого края такое огромное значение, что плановый охват его экономики невозможен без учета ее роли, нужд, конкретных вопросов ее жизни. Поэтому возможно и второе решение: слияние обоих журналов, с выделением в об'единенном журнале отдела „Жизнь дороги“.

III. Центрально-Черноземная область

1. „Народное хозяйство Центрально-Черноземной области“. Ежемесячный орган Воронежского Бюро Особой комиссии по ЦЧО при Госплане РСФСР, 10—12 печ. листов в месяц. Тираж 500 экз.

Журнал насыщен материалами, посвященными различным вопросам восстановления Центрально-Черноземной области. С этой точки зрения рассматриваются все отдельные экономические вопросы жизни области. Справедливо уделяемое внимание проблеме восстановления области и весьма солидная ее разработка заслоняют, однако, интересы сегодняшнего дня. Конкретная экономика области не освещается. Случайные попытки в этом отношении касаются лишь отдельных губерний. О состоянии народного хозяйства области по журналу предетавления нельзя составить. Все содержание статейного материала проникнуто лишь задачами будущего, вследствие чего все больные и волнующие вопросы экономической современности, а главным образом, экономической политики, не отражены в журнале. По этой же причине краеведению отводится весьма большое место. Вместо статей, знакомящих читателя с анализом конкретного состояния и динамики хозяйства области, — разбухла экономическая хроника.

Статьи, посвященные вопросам восстановления области, интересны и правильно сочетают общие директивы центральной власти с специфическими особенностями края.

Необходимо большее внимание наблюдению и изучению социально-экономических процессов, происходящих, главным образом, в деревне, поскольку сельское хозяйство является доминирующей отраслью народного хозяйства области. С другой стороны, следовало бы усилить интерес журнала к вопросам индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

IV. Украина

1. На первое месте здесь бесспорно должен быть поставлен журнал „Хозяйство Украины“. (Ежемесячный журнал ЭКОСО УССР, 10 печ. листов в месяц. Тираж 1.400 экз.)

Название журнала не соответствует его содержанию. Он далеко выходит за пределы хозяйства УССР, поставив себе, очевидно, задачей исследования и в области всего хозяйства Союза.

Это не только орган, наблюдающий и исследующий явления украинской экономической жизни. Будучи республиканским органом, „Хоз. Украины“ значительное место отводит освещению проблем общесоюзного характера,

как, напр., индустриализация СССР, наши хозяйственные затруднения, контрольные цифры СССР и т. д.

Журнал связан с солидными местными научными силами, в своих исследованиях подымающихся до высот теоретической мысли крупных столичных органов. Очевидно, однако, что количество местных его сил для этого не вполне достаточно, почему „Хоз. Украины" довольно часто прибегает к сотрудничеству московских экономистов. Журнал стремится держать читателя также и в курсе вопросов мирового хозяйства. Не останавливаясь на отдельных деталях, следует указать, что „Хоз. Украины" как по широте охвата тем, так и по их трактовке, может нередко соперничать и с московскими журналами.

Нам, однако, представляется необходимым сделать одно замечание. Будучи органом союзной республики, а не крупной области СССР, „Хоз. Украины" имеет, очевидно, целью сделать для читателя излишним чтение московских экономических журналов всесоюзного характера. В этих соображениях „Хоз. Украины" и расширяет сферу своего внимания включением общесоюзных вопросов, занимающих иногда $^4/_5$ всего места, отводимого статьям в журнале. Вопросы украинской экономики ютятся по этой причине, главным образом, в отделе „Обзоры", а не „Статей".

Поскольку социальные основы украинской и союзной экономики одни и те же, постольку анализ проблем общесоюзного характера на страницах „Хоз. Украины" необходим для уяснения читателю хозяйственных явлений общего для Союза и Украины характера. Однако, эти вполне закономерные запросы должны удовлетворяться так, чтобы не оставлять в тени вопросов экономики Украины. Вместе с тем, нет сомнения, что при всех достоинствах журнала, он все же не сумеет заменить собой экономических органов всесоюзного значения. Поэтому в общем плане союзной журнальной сети внимание его должно быть обращено в основном на разработку вопросов украинской экономики. С этой точки зрения все содержание журнала должно быть радикально перестроено.

Тем не менее, мы все же, в заключение считаем необходимым отметить большое положительное значение журнала.

2. „Местное хозяйство". Ежемесячный журнал Киевского Исполкома. Издается в г. Киеве, тираж 1000 экз., разм. 4 печ. листа в месяц.

В журнале печатаются статьи на русском и украинском языках, со значительным преобладанием первого. Стараясь дать глубокий экономический анализ по ряду хозяйственных вопросов, журнал принимает облик академического печатного органа; живая хозяйственная действительность в значительной степени в журнале скрадывается. Журнал мало руководит народным хозяйством и не дает полной картины его состояния и развития. При небольшом об'еме журнала многие статьи слишком велики и вносят диспропорцию в освещение отдельных отраслей хозяйства и его проблем. К таким статьям относятся статьи: К. В. Введенского „Киевская контрольная ярмарка в 1926 г." (№ 7), ст. В. Ландо, „Анализ перспективного плана развития сахарной промышленности" (№ 4 и 8). Наличие больших статей, имеющих или теоретический характер или характер больших обзоров при незначительности статей по отдельным отраслям хозяйства, делает журнал оторванным от экономической жизни округа и с этой точки зрения бледным. Что касается самих статей, то они глубоко проработаны, а некоторые из них представляют весьма ценные исследования (напр., ст. В. Руденского в №№ 9—12 „Опыт с.-х. районирования Киевского округа"). Выдающееся положение Киева должно было наложить отпечаток на журнал, почему вопросы, затрагиваемые им, по своему значению далеко выходят за пределы округа. В этом смысле журнал представляет большой интерес и ценность.

Учитывая то обстоятельство, что запад Украины представляет собою, в сущности, самостоятельный экономический район в противоположность горнопромышленному востоку, журнал было бы целесообразно расширить до 5 печ. листов в месяц, увеличив количество статей по отдельным отраслям и проблемам народного хозяйства округа и придав ему большую актуальность.

3. „Хозяйство и план". Ежемесячный орган Одесского Окрплана, тираж 500 экземпляров, размер двойного номера 81—100 страниц, или в среднем в месяц 4,7 печ. листа.

Крупное экономическое значение Одессы для Союза и особенно для южной его части и далеко незаконченный процесс восстановления как самого Одесского порта, так и его грузооборота, придал и журналу особый характер. Ставя проблемы восстановления Одессы и народного хозяйства Одесского округа, журнал по характеру статей вполне отражает его. Отдельные проблемы Одесского округа нашли постановку и попытки их разрешения в ряде статей по сельскохозяйственному районированию (А. М. Вайндрах, „О сельскохозяйственном районировании Одесского округа", №№ 6—9), по основному капиталу местной промышленности (ст. Я. С. Гросман, „Перспективы восстановления основного капитала развития одесской местной промышленности", №№ 4—5), по рыболовству, по курортному строительству, по оборотным средствам торгово-промышленных предприятий (ст. П. Я. Кранцфельда, № 4—5), по сел.-хоз. рынку, по кредиту и др. Тщательность разработки статей и экономического анализа материала (указ. ст.ст. А. М. Вайндраха, Я. С. Гросмана, П. Я. Кранцфельда) идет настолько далеко, что статьи принимают исследовательский и академический характер. В шести номерах за 1926 г. помещено 11 статей на 217 страницах, что дает в среднем на 1 статью 19,8 страницы. Для окружного журнала это едва ли может быть признано нормальным. Многие помещенные в журнале статьи написаны настолько хорошо, что заслуживают внимания не только со стороны работников округа, но и более крупных об'единений. Нельзя не отметить существенного недостатка журнала — в нем нет статей, затрагивающих проблемы Одесского порта и портового хозяйства. На ряду с отделом „Статьи и исследования", затронутым выше, в журнале имеется отдел „Хроника", в котором, главным образом, дается информация о деятельности секций Окрплана. Этот отдел занимает 30—35% емкости журнала. Поскольку через секции Окрплана проходят все вопросы народного хозяйства округа в целом и по главным отраслям, постольку здесь находит отражение все народное хозяйство округа. Этот отдел дает подробную информацию о работе секций с обилием цифрового материала и является довольно сухим и трудным для чтения, хотя и представляет значительную ценность для работников учреждений округа в качестве справочного материала. Было бы целесообразнее давать картину состояния и динамики народного хозяйства, а также ставить его проблемы в ряде специальных небольших статей за счет сокращения хроники.

V. Западная область

1. „Советское строительство". Ежемесячный общественно-экономический журнал, издаваемый Госпланом БССР, размер 17—18 п. л., тираж 1.500 экз. №№ 1—12.

Журнал этот следует поставить в ряду лучших областных органов. Предшествовавший „Советскому строительству" журнал „Народное хозяйство Белоруссии" влачил жалкое существование и несколько раз прекращался изданием. „Советское строительство" смогло в первом же

году своего существования сконцентрировать вокруг себя лучших практиков и теоретиков экономистов БССР.

С каждым месяцем качество помещаемого материала и структура самого журнала улучшаются. Первый номер журнала содержит в себе 8 отделов: 1) Экономические вопросы, 2) Советское строительство, 3) Теория марксизма и общие вопросы, 4) За советским рубежом, 5) Кон'юнктурные обзоры, 6) По округам, 7) Критика и библиография и 8) Хроника и заметки. Здесь мы имеем двоякого рода подразделения: по проблемам и по характеру помещаемых материалов. Совершенно ни к чему в № 1 введен отдел „Теория марксизма и общие вопросы", дефект этот в дальнейшем редакцией исправлен и отдел этот вовсе исключен.

В журнале не соблюдается строгой градации между I отделом и отделом IV („Кон'юнктура и обзоры"), В I отделе надлежало бы помещать статьи обще-экономического содержания, а в IV всевозможные кон'юнктурные и статистические обзоры состояния отдельных отраслей народного хозяйства республики. Между тем, в первом отделе систематически помещаются статистические обзоры отдельных отраслей промышленности. Фактически в IV отделе помещаются исключительно кон'юнктурные обзоры, занимающие почти в каждом номере от 2—5 печ. листов (исключение составляет последний, 12 номер), при чем обращает на себя внимание то, что обзоры эти все без исключения (в каждом номере) составляются одним и тем же автором. Совершенно бесспорно, что отдел этот можно было бы безболезненно сократить по крайней мере наполовину и даже больше.

Вряд ли еще какой-либо орган сможет себе позволить такую роскошь, как ежемесячные обзоры на 40—60 печ. страницах. Наиболее слабым отделом журнала следует признать отдел „Критика и библиография", который во многих номерах вовсе отсутствует, а зачастую ограничивается одной лишь заметкой. Кроме того, журналу надлежало бы больше связаться с местами и усилить отдел „По округам".

8—10 печ. листов отведено в журнале I отделу „Экономические вопросы". Отдел этот отражает подлинную характеристику хозяйства Белорусской республики. Естественно, в каждом номере помещено по несколько статей по вопросам сельского и лесного хозяйства—основы белорусской экономики. Отдел этот ограничивается преимущественно вопросами республиканского хозяйства, почти не затрагивая общесоюзных проблем. Журнал ограничивается статьями преимущественно практического характера. Мало уделяется внимания вопросам экономической политики. Целый ряд вопросов получает довольно слабое отражение. От центрального белорусского журнала следовало бы, по справедливости, ожидать освещения таких вопросов, как кустарно-ремесленная промышленность, доминирующая в этом крае, затем вопросов частного капитала, играющего в БССР немаловажную роль. Слабо освещены вопросы обращения и, в частности, вопросы товарооборота и денежного обращения. Соответствующее место в журнале отведено вопросам промышленности, кредита, и налога. К числу дефектов журнала следует отнести незначительное внимание вопросам сельскохозяйственной и промысловой кооперации БССР. Вообще кооперативные проблемы слабо затрагиваются в журнале. И лишь в 12 номере мы получим сразу целых 4 статьи, посвященных кооперации (потребительской, производственной и кредитной). Журнал совершенно не касается вопросов краеведения.

Обозревая журналы от № 1 до № 12 за 1926 г., мы видим, что качественный отбор статей в I отделе постепенно улучшается. Здесь нельзя не отметить ряда исследовательских работ лесоэкономического характера В. И. Перехода. Статьи „Экономика белорусского лесного хозяйства" (№ 6), „Плановость и рационализация белорусского лесного хозяйства" (№№ 8—9 и 10), „Типы лесных хозяйств Белоруссии" (№ 7),— представляют не только локальный интерес, но и имеют большое значение для молодой лесоэкономической науки. Автор выдвигает ряд важнейших методологических и теоретических проблем лесоэкономики и на этой канве дает анализ конкретной действительности. В № 4 мы имеем не безынтересную статью „Промышленное садоводство Белоруссии", Михановской, в № 6 мы имеем статью исследовательского типа Куликова „Белорусская деревня", где автор дает весьма интересный и сложный анализ общехозяйственного положения деревни. Заслуживает безусловного внимания исследовательская работа Б. А. Бабицкого „Производственный минимум в крестьянском хозяйстве БССР" (№№ 9, 10, 11, 12).

Отделу II „Советское строительство" отведено в журнале до половины печатного листа, в некоторых номерах отдел этот вовсе отсутствует. Здесь затрагиваются вопросы и районирования и перевыборов советов, организации и состояния советского аппарата, вопросы просвещения, кодекс о браке, семье и опеке и т. д., и т. п. Непонятно, почему в этот отдел, а не в I или IV (Обзоры) попадают статьи о состоянии отдельных отраслей народного хозяйства (скажем, статья Яцковского в № 4 „Состояние местного транспорта и его экономическое значение для БССР").

В общем differentia specifica различных отделов в журнале еще не выработана.

Отдел III „За советским рубежом" на продолжении ряда номеров (4, 6, 8, 9) заполняется статьями одного автора, правда, посвященными изучению экономического положения Польши; лишь в № 11 появилось несколько статей о мировом рынке масла, о спичечной мировой промышленности и о хозяйственном положении Литвы. Отделу этому остается еще пожелать многого. Однако, следует полагать, судя по последним номерам, что отдел этот налаживается.

На отделе IV „Кон'юнктура и обзоры" мы уже останавливались выше. Остается лишь добавить, что отдел этот надлежало бы преобразовать в отдел „Кон'юнктура и статистика" и этим самым разрешить вопрос о нецелесообразности самостоятельного существования трехмесячного „Бюллетеня ЦСУ БССР", где затрагиваются параллельно вопросы кон'юнктуры и состояния отдельных отраслей народного хозяйства БССР. Вместе с тем, с улучшением этого отдела представится возможность упразднить (если таковой еще до настоящего времени не упразднен) и существование ежемесячного „Статистического листка" того же ЦСУ.

Отдел V „По округам" дает экономические обзоры отдельных частей Белорусской ССР, при чем обзоры эти не охватывают всего окружного хозяйства в целом, а останавливаются на отдельных характерных для округа отраслях хозяйства. Отдел этот следует усилить большей увязкой с местами.

Наконец, отдел VIII „Хроника и заметки" является необходимой информационной частью журнала о деятельности Госплана и центральных органов БССР. Однако, отдел этот по об'ему на протяжении всех почти номеров непомерно велик.

В целом журнал производит вполне благоприятное впечатление и при устранении отмеченных дефектов безусловно оправдает свое существование. Журнал находится на верном пути завоевания одного из первых мест среди областных журналов Союза, он пустил глубокие корни в экономическую жизнь Белорусской республики. Однако, следует признать, что журнал этот в настоящее время разбух. Об'ем в 17—18

печ. листов для органа Белорусского Госплана, при жестком урезывании центральных экономических органов СССР, надлежит считать чрезмерным. Он может быть без ущерба для дела значительно сокращен.

2. „Экономическая Жизнь". Ежемесячный экономический журнал Смоленского Губисполкома. 9-й год издания.

Фактически журнал этот в продолжение 1926 г. не является ежемесячным и выходит один раз в два и даже в три месяца. „Экономическая Жизнь" не ограничивается одной лишь Смоленской губернией, она охватывает целый ряд хозяйственных вопросов той части Западной области, которая примыкает к Смоленску и имеет тенденцию стать центральным областным органом. По сравнению с родственным ему журналом „Советское строительство" Белоруссии журнал этот безусловно стоит позади. Здесь мы не найдем экономических статей исследовательского характера, даже отдельных серьезных работ. Все затрагиваемые вопросы носят узко-практический, чисто локальный характер.

Журнал делится на две части: I. Статьи и обзоры и II. Хроника. В I отделе затрагиваются отдельные частные вопросы различных отраслей хозяйства губернии и области. II отдел в свою очередь делится на 2 части: „Союзная хроника" и „Местная хроника". Первая часть содержит фактический материал о состоянии различных отраслей народного хозяйства СССР, вторая часть чисто „хроникерская" — информационная—о губс'ездах, конференциях, о состоянии хозяйства в губерниях, входящих в Западную область (Брянская и Гомельская).[1] В общем все материалы, помещаемые в журнале, от статей до информационных заметок, производят впечатление сырых, совершенно необработанных материалов. Целый ряд статей носит столь узко специальный характер, что вряд ли может интересовать среднего губернского хозяйственника, на которого и рассчитан журнал. Кроме того, некоторые статьи, как „Картина засоренности крестьянской ржи в Смоленской губернии" проф. Я. Я. Алексеева (№ 8—9), совершенно не подходят для экономического журнала и могут безусловно представить интерес для естественников — ботаников. Для помещения же такой статьи в экономический орган необходимо результаты Смоленской контрольной семенной станции подвергнуть экономическому анализу, а не предлагать читателю столь первичный, совершенно необработанный для экономиста материал.

Для какого „смертного" хозяйственника или экономиста будет понятно следующее заключение автора по поводу одной произведенной пробы зерна: „В составе ее мы находим 4288 зерна ржи, 3 склероция спорыньи, 3 зерна Polygonum lapathifolium, одно зерно Polygonum convolvulus, одно зерно льна и 2,040 зерен костра"! Совершенно непонятно, на какого читателя рассчитывает журнал, помещая статьи, испещренные латинской терминологией, математическими формулами, с подробным описанием процесса производства анализа зерна.

В журнале на протяжении всего 1926 г. нельзя назвать ни единой статьи чисто экономического характера. В лучшем случае вы найдете добросовестную статистическую таблицу или ряд цифр. Или возьмем такие статьи того же Алексеева „К вопросу о перезимовывании картофеля в поле" и проф. Ренарда „Основные моменты семеноводственной работы Энгельгардтовской областной сельскохозяйственной опытной станции", коим в № 10—12 журнала отводится чуть ли не 2 печ. листа (1/4 номера). Несомненно, работы эти подошли бы больше для специального журнала. Ряд статей совершенно не походит на тип журнальных статей

[1] Часть Гомельской губернии уже отошла теперь к Белоруссии.

в том смысле, как их следует понимать, и могли бы безусловно освещаться на страницах местной ежедневной прессы. Так, хотя бы статья санврача (так и подписывается) Локшина (№ 6—7) „О сооружении биологического окислительного фильтра при Смоленской губернской больнице", где выдвигается вопрос о водопроводо-канализационном устройстве Покровской горы города Смоленска. Вопрос безусловно очень почтенный, однако, в таком виде было бы более целесообразным поставить его на обсуждение не в губернском ежемесячном (вернее, трехмесячном) экономическом органе, а в местной ежедневной газете. В журнале, можно сказать, превалирует количество над качеством. Отбор статей либо слаб, либо отбор этот вовсе отсутствует, вследствие чего „Экономическая Жизнь" может уделить свыше листа такой статье, как „Быт и материальное положение инженерно-технических работников Смоленской губернии" (№ 4—5). Слабы также обзоры и статьи по промышленности и торговле. Что касается хроники на 50—60 страниц в каждом номере, то она могла бы быть безусловно сокращена, по крайней мере, наполовину.

В общем надлежало бы журнал коренным образом перекроить, слив с ним „Бюллетень Смоленского Губстатбюро" (если таковой еще существует), выходящий ежемесячно в размере 7 печ. листов, и создать единый орган областного типа.

3. „Бюллетень Брянского Губплана".

Журнал производит гораздо более благоприятное впечатление, чем „Экономическая Жизнь" Смоленского Губисполкома. Бюллетень ограничивается практическими вопросами текущей хозяйственной практики Брянской губернии. Однако, ряд принципиальных вопросов, освещаемых на страницах бюллетеня представляет экономический интерес и для губерний, аналогичных по своей хозяйственной структуре. Об'ем бюллетеня превышает обычно 3 печ. листа, при чем свыше листа занимает II отдел „В Губплане", где помещены ежемесячные кон'юнктурные обзоры губернии и около двух листов отведено статьям. Второй отдел не носит информационного характера, как это имеет место в большинстве аналогичных губплановских бюллетеней. Кон'юнктурные обзоры, охватывая целый ряд кон'юнктурных показателей, дают цельное представление о состоянии хозяйства губернии и в незначительной мере отстают от обзоров, помещаемых в наших центральных экономических журналах. Статьи, помещаемые в бюллетене производят довольно благоприятное впечатление. Так, в № 6 мы имеем небезынтересную статью М. Иванцова „Девять лет советского строительства в с.х. Брянской губернии", где автор дает анализ динамики отдельных элементов с. х. за период советской власти, сравнивая все величины с довоенными данными.

В номере за ноябрь 1926 г. обращает на себя внимание небольшая по об'ему статья Калягина и Чулкова „Лесная кооперация и методы ее работы", представляющая незаурядный интерес не только для узкого круга читателей бюллетеня, но и для широкой читательской массы экономистов и хозяйственников. Большой интерес для специалистов представляет также статья экономического характера „Борьба с лесными вредителями в 1926 г. в Брянской губернии и ее перспективы".

Вместе с тем, следует обратить серьезное внимание на улучшение литературной обработки статей, которые зачастую носят характер поэзии в прозе (как, например, статья В. Филина „Ногайская степь в Карачевском уезде" в № 6 и др.).

VI. Северный Кавказ

„Северо-Кавказский край". Ежем. журнал Сев.-Кавк. Крайплана, 10 п. л. в месяц, тираж 750 экз.

Журнал производит весьма отрадное впечатление. Несмотря на то, что в поле зрения журнала включаются и вопросы народного образования, здравоохранения, административные и гражданско-правовые, не говоря уже об археологии, „Северо-Кавказский край„ является все же экономическим журналом, незаурядно справляющимся со своими задачами. Мало того, что журнал чутко откликается на экономическую злобу дня, как режим экономии, поднятие производительности труда, снижение цен и т. д., в трактовке этих вопросов „Северо-Кавказский край" не повторяет общих и шаблонных фраз, а вдумчиво осуществляет очередные лозунги экономической политики партии и власти в соответствии с местными особенностями.

Злоба дня не заслоняет от журнала интересов органической работы. В этом отношении нужно отдать справедливость и широкому диапазону экономических проблем, занимающих внимание журнала, и их разнообразию, и их серьезной и интересной разработке.

В отличие от многих других журналов статьи „Сев.-Кавк. края" в сжатой форме стараются исчерпать большое содержание.

Вопросы промышленности, торговли, кооперации, сельского хозяйства, транспорта, финансов, рассматриваются в масштабе края в целом и дают ясное представление о достижениях и недостатках краевого хозяйства. Деловой анализ не лишен трезвой и беспристрастной самокритики, как, напр., в вопросах борьбы с частным капиталом в области хлебозаготовок, уродливого трестирования местной промышленности и т. д.

Достаточное внимание уделяется плановым вопросам и социально-экономическим процессам нашего переходного времени как в городе, так и в деревне, хотя, в частности, проблемам расслоения крестьянства в 1926 г. журнал не отводит того заслуженного места, которое они занимали в нем в 1925 г. Этот недостаток на ряду со слабым освещением вопросов труда все же не устраняет, однако, общих достоинств журнала.

На ряду с серьезной разработкой проблем местного краевого значения „Сев.-Кавк. край" отличается иногда теоретическими статьями, не лишенными интереса и для союзной экономики и экономической политики, как, напр., методология составления контрольных цифр, планирование сельского хозяйства и т. д. С отдельными редкими ляпсусами своих авторов журнал успешно справляется собственными силами. В общем мы должны его отметить, как выдержанный и хорошо поставленный журнал.

VII. Экономические журналы Закавказья

1. „Экономический Вестник Закавказья". Орган Высшего Экономического Совета ЗСФСР, Тифлис, 3-й год изд. Выходит 2 раза в месяц, тираж 2.000 экз. Средний размер номера 8,2 печ. листа, т.-е. 16,4 листа в месяц.

По составу статей журнал охватывает все отрасли народного хозяйства в федеративном или местном разрезе. Журнал разбивается на ряд отделов, из которых в среднем за весь 1926 г. приходится на „Статьи"— 7,6% всей емкости журнала, на „Очерки и заметки" — 20%, на „Обзоры" — 27%, на отделы: „На местах" — 5,2%, „Восток" — 4,6%, „Экономическая хроника" — 19%, „Обзор местной прессы" — 2,9%, „Библиография" —2,2%, „Законодательство СССР"—5,7%, „Официальный отдел"— 5,7%. Со второй половины года журнал уже не печатает обзора местной прессы, однако, на отделы—„На местах", „Восток", „Экономическая хроника" приходилось за весь 1926 г. 29% всей емкости журнала, на печатание же законодательных актов союзных и федеративных — 11,4%. Таким образом, информационная и официальная часть журнала занимает в нем до 40%.

Общий характер подавляющего большинства статей и очерков, а следовательно, и весь облик журнала носит описательный характер. Журнал мало уделяет внимания проблемам народного хозяйства в актуальной их постановке. Творческое воздействие на народное хозяйство республики, вопросы методологии экономического строительства тоже в значительной степени чужды рассматриваемому журналу. Отрасли народного хозяйства и их динамика в общереспубликанском масштабе тоже представлены слабо. Журнал в целом не имеет центральной идеи, которая пронизывала бы все содержание журнала. При реконструктивном периоде, в который вступило народное хозяйство ЗСФСР, журнал еще не воспринял творческих методов воздействия на хозяйство, а ограничивается очерками и заметками, в большинстве случаев регистрирующими экономические факты. Случайность набора статей при отсутствии выдержанного плана журнала и центральной его идеи лишает его того влияния, которое он мог бы иметь при иной постановке. При таком ведении журнала он превращается в печатный орган, главным образом, отражающий экономические факты. Между тем, основная его задача — руководить народным хозяйством федерации на основе уже имеющегося опыта и, таким образом, сделаться центром, об'единяющим творческие активные силы края. Исключением из этой характеристики является отдел „Статьи", но он занимает только 7,6% журнала. Вопросы рационализации производства, научной организации труда, режима экономии почти совсем не затрагиваются „Экономическим Вестником Закавказья". При 40% всей емкости журнала, занимаемой информационным материалом, статьи описательного характера и обзоры занимают около 30%. Между тем, наличие местных республиканских журналов в Армении и Азербейджане дает возможность разгрузить журнал даже от ценного информационного материала, имеющего местный характер. Часть информационного материала может быть печатаема в газетах, что будет иметь даже большее значение, чем опубликование в журнале. При таком составе печатаемого в журнале материала и его качестве, об'ем его приходится признать чрезмерным.

2. Журнал „НОТ и хозяйство". Ежем. орган Зак. КК. и НК. РКИ ЗСФСР. Тифлис, 3-й г. изд. Тир. 1400 экз. Средний об'ем 8,5 п. л. в месяц.

Журнал освещает те вопросы экономики ЗСФСР, которые очень мало затрагиваются „Экономическим Вестником Закавказья", а именно: вопросы научной организации труда и методологии ее, вопросы рационализации хозяйства, труда и управления. Вместе с тем, в журнале имеются отделы, иллюстрирующие состояние рационализаторской работы РКИ и т. д, как, например, отделы: „Из материалов РКИ", „Практика НОТ", „Уголок антинота". Эти по существу информационные отделы за 1926 г. имеют 27% емкости журнала. Реферирование местных журналов занимает около 4,7%, „Хроника"— 8,6% и отдел „На борьбу за экономию"— 4%.

В общем около 44% емкости журнала приходится на информацию, связанную с рационализацией производства, научной организацией труда, режимом экономии и т. д. При этом информация захватывает и отдельные республики. В отделе „Рационализация хозяйств" печатаются статьи, освещающие вопросы, по своему характеру сходные со статьями „Экономического Вестника Закавказья", что указывает на наличие параллелизма и конкуренции между обоими журналами.

Попытку организации журнала такого характера в сельскохозяйственной окраине и при современных условиях едва ли можно считать удачной. Журнал свою рационализаторскую работу направляет на борьбу с бюрократизмом, агитируя за оздоровление быта, касаясь финансов, производительности труда, режима экономии и т. д. Иначе говоря, журналу приходится уделять внимание самым разнообразным вопросам. На ряду с ценными статьями, дающими правильное решение какой-либо проблемы, журнал изобилует заметками и статьями, которые имеют лишь косвенное отношение к основным задачам журнала. Выполнение целей журнала в той народнохозяйственной обстановке, в которой он находится, сильно затруднено и ему приходится обращать свои взоры туда, где нельзя ожидать крупного экономического эффекта от его влияния. Сельское хозяйство, являющееся основным источником народного дохода края, остается вне сферы наблюдения и влияния журнала. Искусственность создания в ЗСФСР печатного органа по научной организации труда выделяется с большой выпуклостью. Загроможденность журнала информационным материалом не находит оправданья, так как ценная часть этого материала могла бы найти место на страницах газет и местных журналов.

Все это ставит задачу об'единения журнала „НОТ и хозяйство" с „Экономическим Вестником Закавказья". Это тем более целесообразно, что оба журнала являются в значительной степени односторонними. При об'единении же их экономика Закавказья на меньшем количестве печатных листов нашла бы более полное и лучшее отражение, а при изменении характера об'единенного журнала в сторону актуальности и творческого воздействия на народное хозяйство он мог бы быть организующим центром для хозяйства всей федерации.

3. Ежемесячный журнал „Экономический Вестник Азербейджана". Орган Высш. ЭКОСО Азерб. ССР. Баку, 6-й г. изд. Тираж 1000 экз. Средний размер номера 5,4 п. л.

Журнал затрагивает вопросы землеустройства, хлопководства, виноградарства, животноводства, рыболовства, местного хозяйства. В нем нашли отражение проблемы социалистического накопления, финансов и кредита, кооперации, расслоения крестьянства, нормирования труда в сельском хозяйстве и т. д. Останавливаясь по преимуществу на местных вопросах, журнал пытается затронуть и вопросы экономики восточных и западно-европейских государств. За исключением нескольких статей, ставящих хозяйственные вопросы и пытающихся дать обоснованное решение, большинство журнального материала представляет из себя обзоры различных отраслей хозяйства или районов. Сухость этих обзоров, обильно снабженных абсолютными цифрами, убивает всякое желание у неспециалиста их прочитывать. Вопросы теоретического характера, методологии, актуальные проблемы народного хозяйства и попытки действенного разрешения их почти отсутствуют. Из вопросов, затрагиваемых журналом, статьи и заметки, освещающие экономическую жизнь Востока (Персия, Турция и др.) и экономику Западно-Европейских государств, занимают слишком большое место. На эти заметки приходится 13,5% емкости журнала за 1926 г. Между тем, экономика отдельных районов Азербейджана освещена гораздо слабее.

Журнал, как орган национальной республики, имеет бесспорное право на существование. Однако, столь же бесспорна и необходимость качественного его улучшения и, в частности, усиление его внимания к вопросам местного хозяйства.

4. „Экономический Вестник Армении". Орган ЭКОСО и Госплана ССР Армении, выходит раз в два месяца в г. Эривани, 4-й г. изд. Тираж 500 экз. Средний размер номера 8,2 п. л.

Журнал затрагивает вопросы хлопководства, виноградарства, лесного и водного хозяйства, шелководства и др. отраслей сельского хозяйства. Кустарная, мелкая и цензовая промышленность, жилищное строительство, финансы, районирование и кооперация тоже отражены в журнале. Отличительная черта „Вестника Армении" — обилие статей при небольшом об'еме, занимаемом обзорами и информационным материалом. Однако, замечается многословие, а зачастую и загромождение ненужным для журнальной статьи материалом.

Идея реконструкции народного хозяйства выявлена слабо. Журнал носит по преимуществу описательный характер и его можно упрекнуть в пассивности. По качественному состоянию журнала его можно было бы значительно сократить. Однако, принимая во внимание национальный момент, следует высказать пожелание об улучшении его качества при существующем об'еме.

VIII. Нижне-Волжская область

1. „Нижнее Поволжье". Ежем. орган Саратовского Губплана, 5—8 л. Тираж 800 экз.

До июля с. г. журнал был также органом Нижневолжского Облплана. Несмотря на нынешнее официальное издание его одним лишь Саратовским Губпланом, „Нижнее Поволжье" и в настоящее время по существу является органом областным как по своему содержанию, так и по отсутствию другого соответствующего органа.

Журнал заметно прогрессирует. Проблемы хозяйственного возрождения области более углубленно, чем раньше, ставятся в связь с ее предварительным изучением. Вопросы сельского хозяйства, в частности, борьба с засухой и отыскание наилучшего типа засухоустойчивого хозяйства справедливо превалируют. Однако, освещаются они, во-первых, лишь с теоретической стороны, в ущерб освещения реальной сельскохозяйственной экономики, а, во-вторых, с оставлением вне поля зрения социальных процессов современной деревни (расслоение крестьянства, сельскохозяйственный кредит, с.-х. кооперация, коллективизация сельского хозяйства и т. д.). Отсутствует также освещение борьбы социалистических элементов с капиталистическими в сфере промышленного производства и обмена. Слабо затронуты вопросы торговли, кооперации, труда, хлебозаготовок.

Общий недостаток журнала — недостаточное внимание к моментам реконструкции и рационализации областного хозяйства.

Имея в виду обслуживание журналом всей Нижне-Волжской области и его небольшой размер, следовало бы признать, что значительное сокращение его вряд ли целесообразно. Следует установить для него стандарт в 5 листов в месяц (вместо 5—8 листов в настоящее время).

2. „Хозяйство на новых путях". Орган Сталинградской Губернской Плановой Комиссии. Второй год издания, 6—7 печ. листов в месяц, тираж 900 экз. Сталинград.

К достоинствам журнала следует отнести прежде всего ясное и правильное представление о плане работ журнала в соответствии с особенностями хозяйства губернии. В этом отношении журнал не только по размеру печатаемого материала уделяет наибольшее внимание сельскому хозяйству, но и вносит достаточно продуманное освещение перспектив его развития на началах его реконструкции и рационализации. Упорно

и добросовестно отыскивается наилучшее направление развития сельского хозяйства, наиболее рациональная система земледелия и, в частности, полеводства, играющего превалирующее значение в хозяйстве губернии. Однако, полеводство не заслоняет от внимания журнала задач развития огородничества, садоводства и животноводства.

Внимательно изучаются процессы расслоения крестьянства, при чем, в отличие от других местных журналов, „Хозяйство на новых путях" не только открыло на своих страницах дискуссию по этим вопросам, но и несколько углубило методологию изучения расслоения, хотя и не до тех высот, к которым звал тов. Крицман в своих статьях в московском журнале „На аграрном фронте".

Экономические явления других областей народного хозяйства губернии не всегда освещаются и изучаются с достаточной полнотой. Так, например, мало можно судить по журналу о состоянии промышленности, торговли, кооперации, финансов. По отношению к этим отраслям в журнале нет ни должного внимания, ни соответствующей плановости, хотя нет номера журнала, в котором бы не было соответствующих статей по указанным отраслям.

Контрольные цифры губернии и общие плановые вопросы нашли значительное отражение в журнале, хотя и не по всем отраслям народного хозяйства.

Не вполне удовлетворительно ведется отдел обзоров в журнале, скорее наполненный хроникой, чем обзорами о состоянии экономики губернии.

Не претендуя на богатство теоретической мысли, „Хозяйство на новых путях" удовлетворяет практические потребности губернского хозяйственника и лишь иногда, в частности, по вопросам сельского хозяйства, подымается на высоту сочетания научных данных и потребностей хозяйства губернии.

Несмотря на указанные выше дефекты, журнал безусловно достоин положительной оценки.

Его можно выделить, как один из лучших губернских журналов.

IX. Средне-Волжская область

1. „Вестник Среднего Поволжья". Ежем. орган Самарского Губисполкома и Средневолжской Губ. Плановой Комиссии, от 5 до 10 печ. листов в месяц. Тираж 600 экз.

Слабый журнал. Кругозор статейного материала не выходит за пределы сельского хозяйства. Правда, Средне-Волжская область является по преимуществу сельскохозяйственной, а потому исключительное внимание уделяемое вопросам сельского хозяйства, как-будто, вполне понятно. Однако, положение это вызывает целый ряд возражений. Во-первых, трактовка вопросов сельского хозяйства требует иного подхода и иных тем. В журнале больше агрономии и ветеринарии, чем сельскохозяйственной экономики. С другой стороны, о состоянии и развитии сельского хозяйства области или даже Самарской губернии никак нельзя судить по „Вестнику Среднего Поволжья". Разрозненные, отдельные, мелкие темы, иногда с излишним многословием, иногда с примитивным пониманием основных категорий теоретической экономии, лишены связи и цельности. Не уделяется внимания кооперированию процессов производства, сбыта кредита и т. д. Не изучается роль частного капитала в хлебозаготовках и в торговле промышленной продукцией. Не отражены моменты индустриализации сельского хозяйства и т. д. Во-вторых, несмотря на преобладающее для области значение сельского хозяйства, нельзя проходить мимо столь

актуальных для области вопросов, как судоходство, судостроение, рыболовство, кожевенная промышленность, а в известной степени, и горнодобывающая промышленность, имеющая весьма серьезные перспективы для развития (сланец, фосфориты).

Торговля, кооперация, кредит, бюджет,— все это не находит отражения в журнале. В „Вестнике Среднего Поволжья" нельзя найти присутствия не только исследовательской мысли, но и постановки простого наблюдения над массами различных экономических явлений.

Отсутствие плана и системы сказывается как в неудовлетворительной разработке вопросов экономического значения, так и во включении в сферу внимания экономического органа вопросов чисто административного и бытового характера.

Журнал требует основательного освежения.

2. „Труд и хозяйство". Ежем. журнал Госплана Татарской ССР, Казань. Средний об'ем 9 печ. листов, тираж 600 экз., год издания 6-ой.

Два момента заслуживают особого внимания в оценке всякой национальной экономической прессы. К первому относится характер отношения данной национальной республики и ее прессы к взаимодействию и сочетанию элементов общефедерального, союзного и национально-автономного. Второй момент заключается в том или ином отношении к сочетанию элементов национального и экономического.

К чести „Труда и хозяйства" следует отнести, что он держится правильной советской линии в обоих вопросах. Журнал совершенно избегает всякой тени шовинизма, доходящего часто до забвения не только связи, но и зависимости отдельных национально-автономных образований от общефедерального целого. С другой стороны, журнал, очевидно, правильно уяснил себе, что момент национальный должен играть подчиненную роль по отношению к моменту экономическому, поскольку и самый расцвет освобожденных национальностей возможен лишь на новой социально-экономической базе социалистического строительства. Лишенный обоих недостатков, „Труд и хозяйство" совершенно последовательно проводит в своих статьях точку зрения не замкнутого национально-хозяйственного целого, а части экономического района Союза ССР.

Диапазон изучаемых и освещаемых вопросов экономики республики отличается достаточной широтой. Нет почти ни одной отрасли народного хозяйства, которой бы журнал не уделял соответствующего внимания. В этом отношении следует отметить значительный прогресс в сравнении его с прошлогодним охватом тем, когда оставались в тени вопросы кооперации, кустарной промышленности, коммунального хозяйства и пр. Заметно значительное улучшение и в смысле более углубленного социального анализа экономических явлений. Изучается дифференциация крестьянства, значение и удельный вес элементов обобществленного хозяйства в городе и деревне, внедрение планового начала в хозяйство республики и т. д.

Весьма значительное внимание, которое уделяется вопросам сельского хозяйства, находит свое оправдание в превалирующем для республики значении этой отрасли народного хозяйства. И здесь, на ряду с отмеченным уже изучением расслоения крестьянства, журнал живо откликается не только на вопросы, которые стихийно ставятся в порядок дня, как, напр., хлебозаготовки, размер посевной площади и т. д., но и на целый ряд вопросов, свидетельствующих о достаточном понимании журналом предстоящих больших задач по реконструкции сельского хозяйства. Это, с одной стороны, борьба с экстенсивностью земледелия, уклон в сторону технических культур, а с другой — упорная и довольно успешная пропаганда поднятия чрезвычайно важных для экономики республики

птицеводства и животноводства (стоит вспомнить хотя бы о том, что Казанская губ. до войны занимала второе место в России по вывозу яиц).

Интересы сельского хозяйства не заслоняют от внимания журнала и нужд молодой промышленности, стоящей сейчас на пути дальнейшего развития, по своему значению выходящего за пределы Татарской республики. Таковы стекольная и кожевенная промышленность, предназначенные обслуживать и внешний по отношению к ТССР потребительский рынок.

Есть, конечно, и дефекты в смысле полноты освещения экономических явлений края. Так, напр., недостаточное внимание уделяется лесному делу, столь важному при богатствах края лесами, водному транспорту, играющему пока при слабой сети железных дорог и примитивном бездорожье такую выдающуюся роль, изучению производительных сил ТССР и т. д.

С другой стороны, следует признать, что анализ трактуемых вопросов не отличается ни глубиной теоретической мысли, ни широтой экономического горизонта. Темы разрабатываются добросовестно и тщательно, но в большинстве случаев в скромных пределах наблюдения экономических фактов, без теоретических попыток об'яснения их причинной и следственной связи.

В этом смысле журнал требовал бы большей квалификации сотрудников, тем более, что он сам поставил себе задачей выходить иногда за пределы экономики ТССР, или района, и освещать вопросы общесоюзного значения. Дефект этот умеряется лишь тем, что журнал в своей несомненно полезной и добросовестной работе обслуживается исключительно местными силами, естественно растущими в процессе работы.

Тем не менее, надо признать, что с задачами своими журнал справляется не плохо, что несмотря на дефекты он с каждым годом значительно прогрессирует и с полным правом может занять далеко не последнее место среди местных экономических органов, превосходя многие из них отмеченными выше достоинствами.

X. Вятско-Ветлужская область

1. Вятско-Ветлужский край. Журнал Вятского Губисполкома. 10 печ. листов в месяц. Тираж 1.000 экз.

До августа 1926 г. журнал являлся органом Оргбюро Вятско-Ветлужского края и Вятского Губисполкома. С упразднением Крайплана и Оргбюро журнал издается Вятским Губисполкомом, но попрежнему охватывает вопросы, относящиеся не только к Вятской губернии, но и ко всему краю.

Журнал — посредственной. Теоретическая мысль отсутствует. Проблемы краевого значения освещаются с точки зрения мелких отдельных вопросов. Хозяйство края в целом и по его отраслям не нашло отражения в журнале. Возможно, что это об'ясняется неоформленностью края. Официально, таким образом, край не имеет сейчас своего органа.

Вопросы изучения производительных сил края заслонили совершенно вопросы состояния и динамики хозяйства края. До 75% материала журнала посвящается Вятской губернии. Журнал не имеет строго-экономического лица, включая в сферу своего внимания и вопросы административные, народного образования, здравоохранения и т. д.

В трактовке отдельных тем губернского масштаба точно также не замечается стремления изучить народное хозяйство губернии в целом. Наоборот, внимание журнала распыляется по различным и не всегда актуальным экономическим вопросам, лишенным синтетического освещения. Статьи пространны и многословны. Журнал может быть сокращен на 40—50%.

XI. Экономические журналы Северо-Восточной области

1. „Северное хозяйство". Журнал Областной Плановой Комиссии и Архангельского Губисполкома, выходит ежемесячно или раз в два месяца. 3-й год издания. Тираж 800 экземпляров. Размер около 110 страниц на номер.

Уделяя внимание вопросам сельского хозяйства, промышленности, торговли и т. д., журнал недостаточно останавливается на вопросах лесного хозяйства и кредита. Статьи большей частью затрагивают хозяйственные отрасли и проблемы отдельных губерний, недостаточно останавливаясь на отраслях и проблемах областного характера. Динамика областного хозяйства в целом и по отдельным его отраслям, за малым исключением, в журнале не освещена.

На ряду с освещением хозяйственных вопросов губерний журнал имеет большой отдел экономической хроники, занимающий 15—20% всего его об'ема, что придает журналу характер разрозненности, распыленности и случайности напечатанного материала. Загроможденный информационными статьями и корреспонденциями с мест, журнал мало руководит народным хозяйством области. При наличии ряда интересных статей по социально-экономической характеристике населения, промыслам, лесной промышленности, бюджету крестьянина, аэросанному движению, в журнале отсутствуют статьи теоретического характера и по методологии экономического строительства области. При явно выраженной тенденции к улучшению в последних номерах журнала заметно и усиление областного элемента. В связи с ликвидацией Обплана журнал с 12-го номера превратился в орган Арханг. Губисполкома. Едва ли следует приветствовать ликвидацию его областного направления

2. Ежемесячный журнал „Коми Му", издается в Усть-Сысольске Обл. Испол. Ком. области Коми и Обл. бюро краеведения. Существует 3-й год, тираж 1.000 экз., размер 48 стр. в номере

Журнал имеет отделы экономический и краеведческий. Экономические статьи носят характер обзоров какой-либо отрасли народного хозяйства. При этом размер многих статей настолько велик, что они печатаются в ряде номеров журнала.

В статьях краеведческих затрагиваются вопросы просвещения, ботаники, геологии, географии края, его истории и археологии и т. д. Многие статьи громоздки и забиты лишним для журнальной статьи материалом. Несмотря на невысокое качество многих статей, некоторое многословие и описательность, а не постановку проблем, и несмотря на неспособность журнала действительно руководить народным хозяйством области, сокращать его нецелесообразно. Для окраинной национальной области журнал все же удовлетворителен и является центром, группирующим вокруг себя имеющихся в области работников. Без его существования далекий Северо-Восток остался бы без этого, хотя и незначительного, культурно-организующего центра, что создало бы угрозу распыления культурных творческих сил края. Вместе с тем необходимо обратить внимание на повышение качества журнала.

XII. Урал

1. „Хозяйство Урала". Ежем. журнал Уралсовета, 10—11 п. л. в месяц. Тираж 1.500 экз.

Прекрасный журнал. Широко охватывает различные экономические проблемы в тесной связи с экономикой края. Несмотря на все значение уральской промышленности, правильно избегает „сверхиндустриалист-

ского“ уклона и уделяет серьезное внимание вопросам земледелия и лесного хозяйства. Анализ экономических проблем края строится не только с учетом специфических хозяйственных особенностей края, но с оценкой удельного веса Урала в хозяйстве СССР, с одной стороны, и связи и зависимости хозяйства края от всего хозяйства Союза — с другой.

Внимательно следит за процессами обобществления, в частности, в области кооперативной торговли в деревне. Достаточное отражение находит в журнале социальная сторона современной экономики. Изучается зарплата и бюджет рабочего, обложение населения фабрично-заводских поселков, дифференциация крестьянства, при чем в последнем вопросе от шаблонных группировок по посеву и скоту установлен переход к изучению наиболее неисследованной части проблемы — средств производства крестьянского хозяйства. Изучаются производительные силы края. Большое место уделено контрольным цифрам Урала. Бывают статьи и общесоюзного значения, как, напр., по вопросам методики сельскохозяйственного районирования. Включаются и вопросы мировой экономики, тесно связанные с уральской, как, напр., по вопросам металлургии.

Во всем журнале чувствуется строгая плановость, рациональная пропорция частей, совершенное отсутствие поверхностных и общих фраз, разумный и трезвый деловой подход и насыщенность разнообразным и интересным материалом. Даже корреспонденции и информация смело могут похвастаться выбором серьезных и актуальных вопросов. Библиография приурочена к потребностям края.

2. „Еженедельник“ Уральского Обл. Сов. Нар. Хоз., Уральского Горнозаводского Синдиката и Уральского Обл. Бюро Совета Синдикатов. 12 печ. листов в месяц. Тираж 1.000 экз.

Если „Хозяйство Урала“ является экономическим журналом с исследовательским уклоном, то „Еженедельник“ — орган по преимуществу информационный. Если „Хозяйство Урала“ уделяет внимание народному хозяйству Урала в целом или его отдельным отраслям, то „Еженедельник“ останавливается на отдельных вопросах, имеющих отношение почти исключительно к области промышленности.

Однако, на ряду с беглыми заметками чисто информационного и газетного характера имеется довольно много обзоров состояния отдельных отраслей промышленности, по своему содержанию, размеру и изложению вполне подходящих к типу экономических обзоров, помещаемых в ежемесячном органе. Таковы обзоры Е. Банных (1926 г., № 1) „Кожевенные сырьевые ресурсы Уралобласти“. Официальный обзор без подписи — „Предварительные итоги работы уральской промышленности за 1925/26 оп. г. и программа на 1926/27 г.“ (№ 3—4), В. Крапивина (№ 5—6) „Сметные цены изделий уральской промышленности на 1926/27 оп. год и пути к снижению их“ и т. д.

С другой стороны, в „Еженедельнике“ имеется специальный отдел „Статистика“, где помещаются данные о состоянии промышленности Урала. Если издание „Еженедельника“ и не следует прекращать, в виду различных задач, которые ставят себе „Хозяйство Урала“ и „Еженедельник“, то размер его, во всяком случае, может быть сокращен на 50—75%. В крайнем случае, журнал может быть даже совсем закрыт с перенесением главнейших материалов по обзорам и статистике в „Хозяйство Урала“. Вместо „Еженедельника“ следовало бы организовать ежемесячный (или двухнедельный) Информационный бюллетень Уральского Обл. Совнархоза, об'емом до 2 печ. листов в месяц.

XIII. Казакстан

1. „Народное хозяйство Казакстана“. Периодический орган Госплана, выходит с апреля 1926 года в г. Кзыл-Орде, тираж 600 экз., об'ем 10 печ. листов.

Журнал выходит спорадически, вне установленного срока, по мере накопления материалов. Как молодой орган журнал производит весьма благоприятное впечатление. Он является преимущественно журналом экономическим. Правда, небольшое внимание уделяется и вопросам советского строительства. Журнал затрагивает все отрасли народного хозяйства Казакстана, представляющие не только местный интерес. Прежде всего в журнале естественно преобладают вопросы хлопководства и скотоводства — экономическая база Казакстана.

Программа журнала приводится в предисловии редакции в № 1. Она подразделяется на XIV (!) отделов: I) общие вопросы планового строительства, II) сельское хозяйство, III) промышленность, IV) финансы и кредит, V) кооперация, торговля, VI) транспорт, связь, VII) статистика, кон'юнктурная работа, контрольные цифры народного хозяйства, VIII) социально-культурный, IX) производственные планы, X) на местах, XI) научно-исследовательская работа в Казакстане, XII) вопросы труда и быта, XIII) библиография и XIV) действия и распоряжения правительства КССР.

Необходимость этого органа справедливо обосновывается редакцией тем, что „Казакстан благодаря малой изученности представляет собой в большинстве случаев terra incognita, а благодаря беспощадной колонизационной политике царского правительства в экономическом отношении тенденциозно освещенный“. По подбору материалов и самому своему построению журнал в общем производит не плохое впечатление. Правда, журнал Казакстанского Госплана еще окончательно не сконструировался, все же его физиономия в достаточной мере определяется в первых вышедших номерах.

В журнале имеются статьи по вопросам планового строительства, сельского хозяйства и его специальных, технических культур. Сравнительно мало внимания в журнале уделяется вопросам промышленности. Вопросы торговли и кредита до сего времени не нашли в журнале никакого отражения.

Одним из самых больших дефектов журнала следует считать полнейшую оторванность его от периферии. Несмотря на обещание редакции ввести специальный отдел „на местах“, никакого материала о местном хозяйстве и местной жизни еще не имеется. Точно также несмотря на то, что журнал преследует своей целью всесторонне изучить Казакстан, вопросы краеведения на страницах „Народного хозяйства Казакстана“ не нашли еще себе места. Этого рода материалы можно было бы помещать за счет сокращения статей второстепенного характера.

Из рук вон плохо обстоит дело с библиографией, которая фактически отсутствует или ограничивается одной слабой заметкой.

Следует вовсе из'ять из журнала „действия и распоряжения правительства КССР“, которые безусловно помещаются в местной ежедневной прессе. Кроме того, необходимо четко разбить весь помещаемый материал на отделы, которые фигурируют лишь в предисловии редакции, а не в журнале.

В общем и целом, журнал „Народное хозяйство Казакстана“, при устранении отмеченных недостатков и при более критическом отборе материалов, может стать центральным экономическим органом КССР. Журнал еще молод и на этой стадии своего существования он обещает в будущем стать на должную высоту.

XIV. Средняя Азия

По средне-азиатскому району мы остановимся на следующих журналах: 1) „Народное хозяйство Средней Азии“, издание Средне-Азиатск. Эк. Бюро, Ташкент, об'ем номера около 12 печ. листов, тираж 800 экз. и 2) „Вестник ирригации“, издание Уводхоза Ср. Азии, 8—10 печ. листов, тираж 1000 экз.

1. Свой отзыв мы начнем с журнала „Народное хозяйство Ср. Азии“, как общеэкономического журнала и представляющего наибольшую ценность. Журнал этот начал выходить в конце 1924 г. в качестве органа Средне-Азиатского Экономического Совета (ныне Эконом. Бюро). Выпускается как ежемесячник, однако, по большей части двойными номерами. Об'ем отдельного выпуска 12—14 печ. листов. По своему содержанию журнал чисто экономический, при чем ему свойственен известный кон'юнктурный и практический характер: значительное место занимают статьи по актуальным вопросам текущей кон'юнктуры и экономической политики. В общем журнал довольно успешно справляется со своей ролью областного экономического органа и в качестве такового имеет крупную практическую ценность (особенно в виду недостаточной вообще освещенности Средней Азии, как экономического района).

О сокращении его едва ли может итти речь. Его можно оставить в теперешнем об'еме — 6—7 листов в месяц.

2. Что касается „Вестника ирригации“, существующего 5-й год, то по содержанию он вполне соответствует своему заглавию. Освещает он исключительно вопросы обводнения и осушения, применительно, главным образом, к средне-азиатскому материалу, однако, с чрезвычайно широким использованием иностранного опыта. Главное внимание отводится чисто техническому освещению затрагиваемых вопросов, однако, журнал дает также известный экономический анализ их.

Участие в журнале принимают первоклассные специалисты по вопросам водного хозяйства, почему он представляет крупную ценность для всех изучающих эти вопросы. Естественно возникает, однако, вопрос, что „Вестник“ ведет параллельную работу с такими изданиями, как Известия Научно-Мелиорационного Института и Известия Гидрологического Института, издающиеся в Ленинграде. Известный параллелизм, несомненно, имеется, но следует иметь в виду, что Средняя Азия представляет как раз тот район Союза, в котором ведется большинство крупных и государственно важных ирригационных работ. Поэтому „Вестник“, так сказать, гораздо теснее связан с производством, чем издающиеся в Ленинграде журналы. Об'ем „Вестника“ следует признать достаточным (8—9 печ. лист.). Возможно некоторое сокращение.

XV. Западная Сибирь

1. Ежемесячный журнал „Жизнь Сибири“. Издается Сиб. Крайисполкомом в г. Новосибирске. Существует 5-й год, тираж 1.250 экз. Средний размер 8,5 п. л. в месяц.

Журнал широко ставит и охватывает основные проблемы народного хозяйства Западной Сибири. Идея индустриализации народного хозяйства Сибири и интенсификация сельского хозяйства, положенная в основу журнала, придает всем статьям, затрагивающим вопросы и отрасли народного хозяйства, широкий, глубокий и актуальный характер. Преодоление громадных сибирских пространств путем усиления транспорта выдвигает проблему сверхмагистрализации Сибирской железной дороги, использования речных водных путей и Северного морского пути, на что журналом обращено должное внимание. Колоссальные хозяйственные возможности, которые таит в себе Сибирь, нашли прекрасное отражение в журнале. Вопросы сельского и лесного хозяйства, землеустройства, промышленности, особенно горной, вопросы торговли, процессов социально-экономического расслоения и т. д. затронуты настолько хорошо, что читатель получает цельное представление об экономических проблемах края, его состоянии, перспективах и методах разрешения стоящих перед краем задач в условиях совершенно конкретной реальной действительности. Творческое организующее влияние журнала несомненно.

При ряде хороших методологических статей по экономическому строительству, при практической постановке проблем и разрешении их, журнал научно, просто и достаточно популярно вводит читателя в курс задач народного хозяйства области и незаметно заражает его энтузиазмом творчества. При наличии статей по экономике края, журнал захватывает и краеведческую работу. Но статьи по этому отделу проникнуты той же идеей активного творческого воздействия на народное хозяйство. Информация занимает около 9% журнала и вполне содержательна. Журнал должен быть оставлен в том же об'еме, в каком он выходит.

XVI. Якутия

1. „Хозяйство Якутии“. Двухмесячный общественно-экономический журнал, издаваемый Якутским Госпланом в г. Якутске. Тираж 700 экз., размер книжки около 130 стр.

Якутская автономная республика занимает 18% всей союзной территории, и имеет 0,2% населения Союза и обладает плотностью в 0,08 человека на 1 кв. километр. При этом городское население составляет 3,8% всего населения края. Громадная по территории, едва заселенная, покрытая вековыми и неизведанными лесами с неизученными естественными богатствами, Якутия отрезана от культурной части не только Союза, но и Сибири. Тем большее значение должен играть местный журнал, который следует расценивать соответственно условиям его существования.

Имея универсальный характер, журнал „Хозяйство Якутии“, в первую очередь, уделяет внимание народному хозяйству края. Однако, статьи по народному хозяйству, за исключением статей нескольких авторов, написаны многословно, имеют сырой цифровой материал, не дают экономического анализа и даже недостаточно выполняют роль информационных статей. Особенной громоздкостью и даже малограмотностью выделяются передовые статьи (№№ 2—3 и 4 за 1926 г.). В журнале не редкость, когда освещение определенного вопроса начинается длинным ненужным посторонним вступлением. Более того, напр., в передовой статье № 4 журнала имеются места, которые трудно понять из-за безграмотного изложения. Якутскому республиканскому журналу можно позволить многое чего нельзя позволить центральному губернскому органу, однако, грамотность все же составляет непременное условие.

Принимая во внимание условия существования Якутии, нужно признать ценными и интересными статьи о районировании и о состоянии якутской торговли. Как общее правило, во многих статьях отсутствует сжатость мысли и изложения.

В общем, по народному хозяйству затронуты вопросы районирования, транспорта, кредита, бюджета, рыбопромышленности, кооперации и даны обзоры всего народного хозяйства в целом. Несомненно большой интерес представляют статьи и заметки краеведческого характера, так как пополняют наши знания о мало исследованной Якутии. Вопросы вымирания якутских детей, смертности молодых женщин и заболевания населения

вообще, вопросы быта населения, — нашли достаточное отражение в журнале. Статьи, дающие конкретный материал, имеют особую ценность.

В общем, журнал является опорным пунктом, около которого об'единяются культурные силы края. При том состоянии журнала, как его характеризует 2—3 и 4 номера, возможно было бы провести сокращение на 30—40%, отчего фактический материал и ценность этих книжек не уменьшилась бы. Однако, было бы целесообразнее за счет сокращения об'ема громоздких многословных и малосодержательных статей увеличить журнал статьями более сжатыми и ценными.

Журнал в первую очередь нуждается в улучшении редактирования, которого Якутия, очевидно, сама не в состоянии выделить. Пройдя хорошую редакцию, тот же литературный материал будет выглядеть совершенно иначе и займет значительно меньше места.

Учитывая огромное организующее и воспитательное значение, которое имеет журнал для этого девственного края, вряд ли стоит уменьшать его теперешний об'ем.

XVII. Дальне-Восточная область

1. „Экономическая жизнь Дальнего Востока". Ежемесячный орган Дальневосточного Крайисполкома, 12—13 печ. листов в месяц, тираж 800 экз.

Разделяя свое внимание между различными отраслями народного хозяйства области, журнал останавливается по преимуществу на отдельных вопросах частного значения. Мало изучается хозяйство края в целом. Актуальные вопросы о ценах, основном капитале, хлебозаготовительном и сырьевом рынке и т. д. отсутствуют. Социальная сторона экономических процессов освещается весьма слабо. Удельный вес и роль частного капитала, расслоение деревни, состояние и развитие кооперации и т. д. не находят отражения в журнале. Нет должного внимания вопросам планирования и регулирования народного хозяйства края. Исследовательских работ почти нет.

К числу достоинств журнала следует отнести значительное внимание, уделяемое сельскому хозяйству, наблюдение за хозяйственной жизнью соседних стран Китая и Японии, с которыми Дальневосточный край связан интересами внешней торговли, изучение производительных сил богатейшего края, систематизация материала. Тем не менее, по состоянию материалов журнал может быть сокращен на 50%, с доведением его, примерно, до 6 листов в месяц.

2. „Советское Приморье". Ежемесячный орган Приморского Губплана. Год издания 4-й. Тираж 1.000 экз., издается во Владивостоке.

Журнал этот в 1926 г. выходил довольно неаккуратно. Большинство номеров — двойных. Об'ем журнала за год резко уменьшился от 20—21 печатного листа в 1—2 номере до 7 листов в следующем 3—4 номере. Вопросы, затрагиваемые в журнале, не ограничиваются вопросами хозяйства и экономики, здесь и народное образование, и здравоохранение, право, колонизация, районирование, краеведение, Красная армия, и ряд других вопросов местной жизни.

В этом смысле журнал носит несколько универсальный характер и не ограничивается, как это имеет место во многих областных журналах, узкими рамками текущей хозяйственной практики.

„Советское Приморье" охватывает проблемы местной областной жизни довольно всесторонне. Журнал этот, повидимому, может рассчитывать на довольно широкую читательскую массу. Однако, разношерстность помещаемого материала не может быть отнесена к положительным качествам журнала. Отбор материалов зачастую страдает большими недостатками. К числу дефектов следует отнести архитектонику журнала, который не подразделен на отделы; все статьи, независимо от их содержания, смешаны в журнале. Это, конечно, затрудняет ориентировку и стушевывает физиономию журнала.

Как и следовало ожидать, в журнале ярко отражается одна из основ приморского хозяйства—рыболовство и рыбная промышленность. В каждом номере журнала мы находим одну—две статьи, посвященные вопросу рыбного хозяйства. Хорошо освещены вопросы сельского хозяйства, лесное хозяйство, вопросы местной промышленности. Должное внимание уделяется краеведению, национальному вопросу, советскому строительству и проч.

Начиная с № 3—4, по структуре и размещению материалов журнал производит уже более благоприятное впечатление. Здесь, как и в следующих номерах, мы находим отдел „По районам и селам", где освещаются вопросы советского строительства и хозяйства мест. Однако, отдел этот по сравнению с общим об'емом журнала занимает ничтожное место—ему уделяется 3—10 страниц, все заметки носят локанический отрывистый характер и дают слабое освещение периферийной жизни.

В № 3—4 мы имеем также весьма слабый (2 страницы) отдел „За рубежом", состоящий из небольших заметок о производстве и рынках сбыта Японии и Китая. Отдел этот следовало бы усилить и помещать, действительно, полные экономические обзоры соседних дальневосточных стран. Между тем, в последующих номерах и эти две странички „За рубежом" вовсе отсутствуют. Из статей в этом номере (№ 3—4) обращают на себя внимание „Липовецкие копи и значение их углей для Приморья" и „Рыбные ресурсы прибрежных вод русского Сахалина и возможность его колонизации", но вслед за этой статьей чисто экономического характера мы наталкиваемся на статью чисто археологического свойства, в роде „Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива" и тут же вслед „Болезни статистики", а за этой в свою очередь, статья тоже „болезненного" свойства—„Владивостокский фельдшерско-акушерский техникум",—вот образчик вермишели из „Советского Приморья". Последующие номера сохраняют, примерно, тот же характер.

Последний, имеющийся в нашем распоряжении № 7—8 „обогащен" еще одним отделом „Кон'юнктурный обзор народного хозяйства Владивостокского округа за III квартал 1925/26 г." на 2½ печ. листа. Почему именно обзор за III квартал? Куда выпали первые два квартала? Их никак не удалось найти во всех просмотренных номерах за 1926 г. Здесь снова много внимания вопросам местного хозяйства за исключением вопросов регулирования краевого хозяйства и вопросов экономической политики. Слабо освещена кооперация, торговля и вопросы обращения вообще.

Журнал нуждается в качественном улучшении. Учитывая экономические особенности собственно ДВО, являющейся приморской областью, и то обстоятельство, что Хабаровский журнал „Экономическая жизнь ДВО" уделяет главное внимание проблемам континента, а не Приморья, что вызвано наличием в составе ДВО другой экономически резко отличающейся от Приморья области—Ленско-Байкальской, а также учитывая отдаленность края от центра,—журнал „Советское Приморье" необходимо поддержать.

ОТДЕЛ VI

Статистика

С. Розентул

Проблемы труда в перспективном плане

1. Баланс труда и проблема безработицы

Правильная проектировка и полный учет динамики численности и занятий населения имеет в общем перспективном, как и в генеральном плане развертывания нашего народного хозяйства первостепенное значение.

Как будет возрастать население за ближайшие годы и, в частности, насколько возрастут наши трудовые резервы? Как, с другой стороны, будет увеличиваться спрос на труд и какова будет динамика безработицы? Каков будет приток сельского населения в города? Как будет расти удельное значение пролетариата и, как вообще говоря, изменится распределение населения по роду занятий? Степень удовлетворительного решения всех этих вопросов является, несомненно, одним из основных критериев правильности всего перспективного плана в целом.

Проблему вовлечения всего трудоспособного населения в производство и ликвидации безработицы можно решить в условиях планового хозяйства двумя методами:

1) Путем развертывания в первую очередь наиболее трудоемких отраслей народного хозяйства. При этом методе численность трудоспособного населения должна быть полностью учтена в самой генеральной установке планирования.

2) Путем уменьшения рабочего времени, напр., путем сокращения продолжительности рабочего дня или удлинения отпусков, или, наконец, повышения установленного возраста, по достижению которого подростки допускаются к работе при одновременном увеличении продолжительности школьной подготовки. При этом методе генеральная установка плана развертывания народного хозяйства проектируется из расчета достижения максимального об'ема продукции при минимальной затрате рабочей силы; продолжительность же рабочего времени одного трудящегося получается путем деления всей суммы потребного труда на общее число занятых лиц.

Второе решение вопроса является с социалистической точки зрения наиболее совершенным, так как общая ориентировка плана на максимальное расширение продукции позволяет быстрее повышать уровень благосостояния широких масс трудящихся как путем более быстрого увеличения общего фонда зарплаты, так и путем сокращения рабочего времени. С другой стороны, этот метод вовлечения всех трудящихся масс в производство содействует увеличению количества лиц, занятых в отдельных отраслях, вызывает падение удельной продукции на одного трудящегося и вместе замедление темпа роста индивидуальной зарплаты. При большой же безработице или при большом наплыве сельского населения в города увеличение кадра занятых лиц может в отдельных отраслях сопровождаться даже некоторым понижением индивидуальной зарплаты, что, естественно, могло бы вызвать дальнейшее падение производительности труда в этих отраслях.

Если, таким образом, идеальное решение проблемы безработицы путем одного только регулирования рабочего времени станет для нас возможным только после того, как мы подымемся на более высокую ступень социалистического строительства, то в настоящее время мы должны комбинировать оба метода, развертывая, с одной стороны, в периоды значительного избытка рабсилы наиболее трудоемкие отрасли народного хозяйства и одновременно сокращая также продолжительность рабочего времени, но с таким расчетом, чтобы индивидуальная зарплата во всех отраслях непрерывно повышалась.

2. Динамика численности населения

Наиболее доброкачественным исходным материалом для проектирования динамики численности и занятий населения являются данные всеобщих демографических переписей. К сожалению, вследствие дороговизны их, такие переписи проводились у нас до войны очень редко. Последняя такая перепись была произведена у нас царским правительством в 1897 году. После революции мы имеем: 1) всеобщую перепись 1920 г., охватившую, однако, в связи с военными действиями не всю территорию СССР, 2) перепись 1923 г., охватившую только городское население, и, наконец, 3) всеобщую перепись 1926 г., материалы которой еще находятся в стадии самой предварительной переработки и данными которой мы может воспользоваться только для определения динамики общей численности населения городского и сельского.

По отношению к численности населения довоенная Россия находилась по сравнению с другими странами в особенно выгодном положении, значительно превышая другие европейские страны и уступая только двум внеевропейским странам — Британской Индии и Китаю, как можно видеть из следующей таблицы:

Таблица 1

Численность населения к началу мировой войны

	(в милл. душ)		
Китайская республика	336	Австро-Венгрия . . .	52
Британская Индия .	316	Соед. Королевство и Ирландия	46
Россия	177	Франция	40
Сев. - Америк. Соед. Штаты	102	Италия	36
Германия	68	Бразилия	24
Япония	54	Испания	20

Численность населения России взята нами по исчислениям В. Г. Михайловского, внесшего целый ряд поправок в исчисления бывш. Центрального Статистического Комитета. По данным переписи 1897 г., общая численность населения России составила 128,2 милл. Таким образом, за период 1897 — 1914 население увеличилось на 49 милл. душ, или на 38,3%. Весьма высокий прирост населения довоенной России, значительно превышающий прирост других стран, происходил, как вообще в аграрных странах, с невысоким уровнем культуры при высокой рождаемости и высокой смертности, особенно среди детей. Результатом этого явился весьма низкий процент трудоспособного населения. Так, по исчислениям В. Г. Михайловского на тысячу душ населения приходилось в возрасте от 18—59 лет: в России (1897 г.) 496 душ; в Германии 520 (1910 г.); в Англии—551 (1911 г.); во Франции 567 (1911 г.) и в Соед. Штатах — 654 (1910 г.). Таким образом, по проценту нетрудоспособного населения Россия в значительной степени превышала другие страны, особенно Соед. Штаты, в которых большое значение имеет

ежегодная иммиграция значительного числа лиц в рабочем возрасте. Нетрудно видеть, что огромный процент нетрудоспособного населения должен был еще более сократить размеры продукции на душу населения, обусловленную уже низкой производительностью труда некультурной и бедной капиталами страны.

Война и революция весьма тяжело отразились на численности населения России, вызвав сокращение рождаемости и увеличение смертности. В результате прирост населения сначала прекратился, а с 1917 г. началась и непосредственная убыль его. Вместе с тем, значительное сокращение территории, обусловленное отпадением Финляндии, Польши, Литвы, Эстонии и Латвии и аннексией Бессарабии Румынией, вызвало механическое сокращение населения. В результате гражданской войны, эпидемий, и голода убыль населения продолжается до 1923 г., после которого опять начинается рост его. Определить общий урон, нанесенный населению СССР всеми этими бедствиями, можно на основании следующей таблицы, данные которой с поправками, внесенными Госпланом в исчисления ЦСК, несколько ниже данных В. Г. Михайловского:

Таблица 2

Динамика населения России [1]

	В миллионах душ				В %% к 1897г.			
	Городское	Сельское	Армия	Всего	Городское	Сельское	Всего	Городское в %% ко всему населению
1	2	3	4	5	6	7	8	
А. В пределах б. Росс. Империи								
9 февр. 1897 г. . . .	19,9	104,6	1,1	125,6	100,0	100,0	100,0	15,9
1 янв. 1914 г.	30,9	135,2	1,4	167,5	155,1	129,3	133,1	18,5
Б. В пределах СССР								
9 февр. 1897 г.	15,9	87,4	0,7	104,0	100,0	100,0	100,0	18,3
1 янв. 1914 г.	25,4	113,1	1,2	139,7	159,8	129,4	134,3	18,2
1 „ 1917 г.	27,8	102,4	11,5	141,7	174,8	117,2	136,2	19,6
28 авг. 1920 г.	20,1	110,7	3,5	134,3	126,4	126,7	129,1	15,0
15 мар. 1923 г.	20,7	112,8	0,6	134,1	130,1	129,1	129,0	15,4
1 янв. 1927 г.	25,7	119,1	0,6	145,4	161,6	137,2	139,8	17,8

При нормальном естественном приросте в 1,7%, население в теперешних границах СССР должно было бы к 1923 г. увеличиться по сравнению с 1914 г. на 18%, или на 25 милл. человек. Вместо этого оно сократилось на $5^1/_2$ милл., или в общем на 21,8% численности 1914 г. И это помимо механического уменьшения населения на 28 милл. человек в связи с сокращением территории!

Вместе с огромными потерями населения происходит также значительное изменение распределения его между городом и деревней. Царствовавший в эпоху гражданской войны голод и резкое сокращение работы городских отраслей народного хозяйства обусловливают передвижение населения из города в деревню, и процент городского населения, который до войны непрерывно возрастал, начинает сокращаться. Однако, с началом восстановительного процесса и усилением спроса на рабочие руки во внеземледельческих отраслях народного хозяйства процесс роста городов опять возобновляется, и за последние 4 года (1923—1927 гг.) городское

[1] Б. Гухман, „Динамика численности и занятий населения СССР", „Плановое Хозяйство", № 8, 1926 г. По последним данным переписи 1926 г. цифры населения на 1 янв. 1927 г. несколько выше приведенных в таблице.

Таблица 3

Динамика населения СССР за ближайшие годы
(В милл. душ)

Дат	Все население			В том числе в возрасте 15—59 лет		%% трудоспособного насел. ко всему населению	
	Общая численность	В т. ч. в городе	Гр. в % к гр. 2.	Общая численность	В т. ч. в городе	Все насел. (гр. 5 к гр. 2)	Городское (гр. 6 к гр. 3)
1	2	3	4	5	6	7	8
К началу							
1923	133,5	20,7	15,5	72,9	12,7	54,7	61,3
1924	136,1	21,5	15,8	75,2	13,4	55,3	62,3
1925	139,0	22,7	16,3	77,5	14 2	55,8	63,6
1926	141,9	24,8	17,5	79,9	15,9	56,4	64,0
1927	144,8	25,7	17,8	82,3	16,6	56,9	64,5
1928	147,8	26,7	18,1	84.8	17,3	57,4	65,0
1929	151,0	27,6	18,3	87,2	18,0	57,8	65,2
1930	154,5	28,7	18,6	89,5	18 6	58 0	65,0
1931	157,7	29,7	18,8	91,3	19,2	57,9	64,7
1936	174,5	35,1	20,1	95,5	21,7	54,8	62,0
1941	190,4	40,6	21,3	102,7	24,3	53,9	59,9
Абсолютный прирост в милл.							
с 1927 по 1931	15,8	4,5	—	11,4	3,3	—	—
с 1931 по 1936	16,8	5,4	—	4,2	2,5	—	—
с 1936 по 1941	15,9	5,5	—	7,2	2,6	—	—
Увеличение в %%							
Первое пятилетие	111,1	118,3	106,5	114,3	120,8	102,9	101,4
Второе „	110,6	118,0	107,8	104.6	113,2	95,5	96,9
Третье „	109,1	115,7	106,0	107,5	112,0	98,5	97,6

население возрастает более чем на 24%, и процентное отношение городского населения ко всему населению увеличивается с 15,4% до 17,8%, быстро приближаясь к довоенному уровню.

Имея данные о численности населения и распределении его между городом и деревней, а также по возрастам, за отчетные годы, легко можно с достаточной долей достоверности запроектировать динамику численности населения и за ближайшие годы, так как коэффициенты рождаемости и смертности в нормальных условиях меняются очень медленно, и направление и величина изменения их могут быть также приблизительно установлены.

В табл. 3 приведена запроектированная В. А. Зайцевым для генерального плана динамика численности городского и общего населения на ближайшие годы, с выделением численности трудоспособной части населения (в возрасте от 15 до 59 лет).

Табл. 3 одна из основных таблиц, определяющих нашу генеральную установку проектирования. Основной вывод, приведенный уже при анализе общих методологических вопросов перспективного плана,[1] заключается в том, что за перспективное пятилетие 1926/27—1930/31 гг. мы будем иметь весьма быстрый прирост трудоспособного населения, которое достигает 11,4 милл., в том числе в городах 3,3 милл. человек. Этот прирост значительно увеличит предложение рабсилы как в деревне, так и в городе и поэтому должен быть уравновешен соответственным расширением спроса, в частности, путем развертывания трудоемких отраслей сельского хозяйства. Наоборот, за вторую и третью пятилетку скажется влияние сильного сокращения рождаемости в 1915—1923 гг., и прирост трудоспособного населения резко упадет. Следовательно, за эти два следующих пятилетия нам придется особенно сильно развертывать менее трудоемкие отрасли народного хозяйства и, в частности, усиленно механизировать и тракторизовать сельское хозяйство, увеличивая вместе с тем продукцию, приходящуюся на 1 работника, занятого в производстве. Таким образом, начиная со второго пятилетия, мы сумеем поставить перед собой уже полностью проблему: максимум продукции при минимуме затраты рабочей силы, с тем, чтобы постепенно сокращать рабочее время, когда рост производительности труда будет обгонять рост об'ема продукции, приходящегося на одного трудящегося.

Помимо этого основного вывода, отметим еще следующее:

1) Рост городов будет продолжаться у нас довольно быстрым темпом и процент городского населения к концу пятилетия составит уже 18,8%, т.-е. превысит уже довоенный уровень.

2) Прирост населения будет происходить при некотором сокращении рождаемости и одновременном падении смертности, тенденции наблюдаемой уже сейчас и обыкновенно сопровождающей процесс урбанизации и повышения уровня жизни населения.

3. Занятия населения и баланс труда

Если при проектировании общей численности населения мы имеем в своем распоряжении в достаточной степени достоверный материал за отчетные годы и довольно хорошие коэффициенты для экстраполяции динамики населения на будущие годы, то в гораздо худшем положении мы находимся при проектировании распределения населения по занятиям.

[1] См. С. Г. Струмилин, „К перспективной пятилетке Госплана", „Плановое Хозяйство", № 3, стр. 27.

Относительно все же значительно более надежны наши расчеты динамики численности наемной рабсилы, где мы имеем для различных отраслей народного хозяйства в большей или меньшей степени достоверные отчетные данные текущей статистики. Для других же занятий мы вынуждены использовать менее достоверные и неполные данные налоговой статистики и периодических выборочных обследований, опираясь еще на данные городской переписи 1923 г., которые в условиях восстановительного процесса и значительной текучести непролетарских групп городского населения быстро стареют. Что касается сельского населения, то последние опубликованные данные всеобщей переписи относятся к 1897 г., т.-е. значительно устарели, даже в условиях медленно меняющего свою структуру села. К тому же, весьма значительные группы населения в трудоспособном возрасте, как, например, домашние хозяйки и учащиеся, переписями не выделяются. Это затрудняет составление баланса труда. Все же, комбинируя данные разных источников, можно приблизительно в порядке первой прикидки составить общий баланс труда за текущие годы и, ориентируясь на общую динамику развертывания нашего народного хозяйства, запроектировать вероятную динамику этого баланса и на ближайшие пять лет.

В табл. № 4 приведена запроектированная нами динамика численности рабсилы (см. стр. 295).

Ежегодные темпы изменения численности рабсилы исчислены по отдельным отраслям экспертным путем в соответствии с предполагаемым развертыванием этих отраслей и намеченным ростом производительности труда. При этом следует иметь в виду, что рост продукции на одного рабочего будет происходить по двум причинам:

1) В связи с общей рационализацией и механизацией отдельных отраслей нашего народного хозяйства. Влияние этой причины особенно скажется в госпромышленности.

2) В связи с изменением общей структуры нашего народного хозяйства и усилением удельного значения отраслей, в которых продукция на одного рабочего относительно больше. Влияние последнего момента сказывается, например, весьма сильно в торговле, где вследствие сокращения удельного значения частного сектора, в котором величина оборота на одно занятое лицо относительно невелика, механически возрастает средне-взвешенный оборот на одно лицо, занятое во всей торговле в среднем.

Общие темпы роста численности рабсилы показаны в табл. 5 (стр. 296).

Как видно из приведенных таблиц, общая численность лиц наемного труда должна, по нашему проекту, возрасти за пятилетие с 10,5 милл. человек до 12,9 милл., или на 26,4%. Больше всего возрастет численность наемной рабсилы в строительстве (на 92,9%), что соответствует огромному увеличению строительных работ в нашем плане (+184,7%). Меньше всего запроектирован рост численности в промышленности (19,2% по цензовой), что об'ясняется ожидаемым значительным возрастанием производительности труда, обусловленным новыми капитальными вложениями. (Рост продукции фабрично-заводской промышленности намечен в 77,0% по ценам 1913 г.)

В табл. 6 показана динамика численности лиц наемного труда в процентах к общему итогу (см. стр. 297).

В связи с резким возрастанием численности строителей удельная роль их в общей численности лиц наемного труда значительно возрастает. Вместе с тем несколько понижается доля работников других отраслей.

В табл. 7 приведен запроектированный нами баланс использования городского населения СССР (см. стр. 298).

Таблица 4

Численность лиц наемного труда в СССР
(В тысячах человек)

Отрасли хозяйства	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Промышленность								
А. Крупная								
1) рабочие	1.618	1.950	2.458	2.647	2.746	2.830	2.884	2.925
2) служащие	188	206	264	283	296	307	316	321
Итого по всей круп. промышл.	1 806	2.156	2.722	2.930	3.042	3.137	3.200	3.246
Б. Мелкая пром.	384	384	400	420	430	440	450	460
Итого по I гр.	2.190	2.540	3.122	3.350	3.472	3.577	3.650	3.706
II. Торговля	484,0	696,3	925,4	983,9	1.024,8	1.046,1	1.110,2	1.153,6
III. Строительство								
А. Промышл.	72.0	78,7	240,8	247,4	212,3	273,3	254,8	231,9
Б. Транспорт	64,0	111,8	169,0	189,9	394,2	505,6	582,6	648,3
В. Жилстроит.	90,9	154,4	197,3	220,2	242,6	260,4	279,2	299,9
Г. Прочее	145,6	205,7	268,5	302,6	372,9	421,0	467,9	508,9
Итого по III гр.	372,5	550,6	875,6	960,1	1.222,0	1.460,3	1.584,5	1.689,0
IV. Транспорт								
А. Железнодор.	858,3	869	1.041,6	1.100	1.148	1.200	1.246	1.295
Б. Водный	99	103	108	120	128	136	143	150
В. Местный	130	140	149	157	165	173	181	190
Итого по IV гр.	1.087,3	1.112	1.298,6	1.377	1.441	1.509	1.570	1.635
V. Госуд. общ. учр. и связь								
А. Работн. просвещ. и искусств.	528	579	671	700	730	760	795	830
Б. Работн. здравоохран.	298	332	387	399	420	441	460	480
В. Работн. связи	83	97	104	107	112	115	119	122
Г. Прочие (служащ. госаппар. и общ. раб.)	727	785	786	790	800	810	820	830
Итого по V гр.	1.636	1.793	1.948	1.996	2.062	2.126	2.194	2.262
VI. Прочие								
А. Прислуга	150	171	202	210	216	223	230	237
Б. Поден.	354	401	474	498	523	549	576	605
Итого по VI группе	504	572	676	708	739	772	806	842
VII. Сел.-хоз. рабочие	1.300	1.500	1.700	1 785	1.865	1 923	1.979	2 038
Всего по (I—VII)	7,573,8	8 763,9	10.546,5	11.160,0	11.825,8	12.411,4	12 893,5	13.325,6

Таблица 5

Численность лиц наемного труда СССР
(В %% к предыдущему году)

Отрасли хозяйства	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1930/31 г. в %% 1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Промышленность								
А. Крупная								
1. Рабочие	120,5	126,0	107,7	103,7	103,1	101,9	101,4	119,0
2. Служащие	109,6	128,2	107,2	104,6	103,7	102,9	101,6	121,6
Итого по крупн. пром.	119,4	126,3	107,6	103,8	103,1	102,0	101,4	119,2
Б. Мелкая промышл.	100,0	104,2	105,0	102,4	102,3	102,3	102,2	115,0
Итого по I группе	116,0	122,9	107,3	103,6	103,0	102,0	101,5	118,7
II. Торговля	143,9	132,9	106,3	104,2	102,1	106,1	103,9	124,8
III. Строительство								
А. Промышленность	109,3	306,0	102,7	85,8	128,7	93,2	91,0	96,3
Б. Транспорт	174,7	151,2	112,4	207,6	128,3	115,2	111,4	383,6
В. Жилстроительство	169,9	127,8	111,6	110,2	107,3	107,2	107,3	152,0
Г. Прочее	141,3	130,5	112,7	123,2	102,9	111,1	108,8	189,5
Итого III группе	147,8	159,0	109,7	127,3	119,5	108,5	106,6	192,9
IV. Транспорт								
А. Железнодор.	101,2	119,9	105,6	104,4	104,5	103,8	103,9	124,3
Б. Водный	104,0	104,9	111,1	106,7	106,2	105,1	104,9	138,9
В. Местный	107,7	106,4	105,4	105,1	104,8	104,6	105,0	127,5
Итого по IV группе	102,2	116,8	106,0	104,6	104,7	104,0	104,2	126,7
V. Госуд. общ. учр. и связь								
А. Работы, просв. и искусств	100,6	115,9	104,3	104,3	104,1	104,6	104,4	123,7
Б. „ здравоохранен.	111,4	116,6	103,1	105,3	105,0	104,3	104,3	124,0
В. „ связи	116,8	107,2	102,9	104,7	102,7	103,5	102,5	117,3
Г. Прочие (служ. госаппарат. и общ. раб.)	108,0	101,1	100,5	101,3	101,3	101,2	101,2	105,6
Итого по V группе	109,6	108,6	102,5	103,3	103,1	103,2	103,1	116,1
VI. Прочие								
А. Прислуга	114,0	118,1	103,9	102,8	103,2	103,1	103,0	111,3
Б. Поденные	113,3	118,2	105,1	105,0	105,0	104,9	105,0	127,6
Итого по VI группе	113,5	118,2	104,7	104,4	104,5	104,4	104,5	124,6
VII. Сельскохоз. рабочие	115,4	113,3	105,0	104,5	103,0	103,0	103,0	119,9
Всего по (I—VII)	115,7	120,3	105,8	106,0	105,0	103,9	103,4	126,4

Таблица 6

Общая численность лиц наемного труда СССР
(В %% к итогу)

Отрасли хозяйства	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Промышленность								
А. Крупная								
1. Рабочие	21,4	22,2	23,3	23,7	23,2	22,8	22,4	22,0
2. Служащие	2,4	2,4	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,4
Итого по крупн. пром.	23,8	24,6	25,8	26,3	25,7	25,3	24,8	24,4
Б. Мелкая	5,1	4,4	3,8	3,7	3,6	3,5	3,5	3,4
Итого по I группе	28,9	29,0	29,6	30,0	29,3	28,8	28,3	27,8
II. Торговля	6,4	8,0	8,8	8,8	8,7	8,4	8,6	8,7
III. Строительство								
А. Промышленность	1,0	0,9	2,3	2,2	1,8	2,2	2,0	1,7
Б. Транспорт	0,8	1,3	1,6	1,7	3,3	4,1	4,5	4,9
В. Жилстроительство	1,2	1,8	1,9	2,0	2,1	2,1	2,2	2,3
Г. Прочее	1,9	2,3	2,5	2,7	3,1	3,4	3,6	3,8
Итого по III группе	4,9	6,3	8,3	8,6	10,3	11,8	12,3	12,7
IV. Транспорт								
А. Железнодор.	11,3	9,9	9,9	9,8	9,7	9,7	9,7	9,7
Б. Водный	1,3	1,2	1,0	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1
В. Местный	1,7	1,6	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4
Итого по IV группе	14,3	12,7	12,3	12,3	12,2	12,2	12,2	12,2
V. Госуд. общ. учр. и связь								
А. Раб. просв. и искусств	7,0	6,6	6,4	6,3	6,2	6,1	6,1	6,2
Б. „ здравоохр.	3,9	3,8	3,7	3,6	3,6	3,6	3,6	3,6
В. „ связи	1,1	1,1	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9
Г. Прочие (служащ. госаппар. и общ. раб.)	9,6	9,0	7,4	7,1	6,8	6,5	6,4	6,3
Итого по V группе	21,6	20,5	18,5	17,9	17,5	17,1	17,0	17,0
VI. Прочие								
А. Прислуга	2,0	1,9	1,9	1,9	1,8	1,8	1,8	1,8
Б. Поденные	4,7	4,6	4,5	4,5	4,4	4,4	4,5	4,5
Итого по VI группе	6,7	6,5	6,4	6,4	6,2	6,2	6,3	6,3
VII. Сельскохоз. рабоч.	17,2	17,1	16,1	16,0	15,8	15,5	15,3	15,3
Всего по (I—VII)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 7

Баланс использования городского населения СССР в рабочем возрасте

(В тыс. душ)

Годы / Род занятий	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1930/31 г. в % к 1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Приход								
Население в рабочем возрасте	14.326	15.934	16.629	17.321	17.976	18.603	19.603	120,5
Б. Расход								
1. Лица наемного труда . . .	5.988	7.049	7.454	7.955	8.303	8.615	8.884	126,0
2. Кустари и ремесленники .	430	485	503	522	542	563	585	120,6
3. Сельские хозяева	940	948	966	985	1.004	1.024	1.044	110,1
4. Торговцы	225	266	267	268	269	270	270	101,5
Итого по 2—4 . . .	1.595	1.699	1.736	1.775	1.815	1.857	1.899	111,8
5. Лица свободных профессий	41	40	42	44	46	48	50	125,0
6. Хозяева с наемн. рабочими	21	17	15	14	13	11	10	58,8
7. Прочие занятия	79	68	69	71	73	75	76	111,8
Итого по 5—7 . . .	141	125	126	129	132	134	136	108,8
Итого по 2—7 . . .	1.736	1.824	1.862	1.904	1.947	1.991	2.035	111,6
8. Иждив. гос. и общ. учрежд.	1.011	1.049	1.100	1.155	1.210	1.300	1.400	133,5
9. Рантьеры, домовладельцы .	54	54	54	54	54	54	54	100,0
10. Прочие (деклассиров.) . . .	279	286	293	300	307	321	321	112,2
Итого по 8—10 . .	1.344	1.389	1.447	1.509	1.571	1.668	1.775	127,8
11. Домашние хозяйки	3.171	3.456	3.585	3.718	3.855	3.997	4.143	119,9
12. Учащ. (труд. возраста, живущ. на средства родных)	378	425	437	449	462	475	490	115,0
13. Прочие иждивенцы	757	734	655	655	675	695	726	98,9
Итого по 11—13 . .	4.306	4.615	4.677	4.822	4.992	5.167	5.359	116,1
Итого расх. по 1—13 . .	13.374	14.877	15.440	16.190	16.813	17.441	18.053	121,3
В. Остаток								
Неиспользованная рабсила . .	952	1.057	1.189	1.131	1.162	1.163	1.146	108,4
То же в % к приходу . . .	6,6	6,6	7,2	6,5	6,5	6,2	6,0	—

Для составления этого баланса необходимо было прежде всего выделить часть лиц наемного труда, проживающих в городах и поселениях городского типа. Подробный расчет, сделанный по отдельным отраслям, показал, что численность лиц наемного труда, живущих в городах, составляет около $^2/_3$ общей численности наемной рабсилы и что это отношение останется довольно постоянным и на ближайшие годы. В общем лица наемного труда составляли в 1925/26 г. 44% всего трудоспособного городского населения и около 62% самостоятельного населения.

В 1930/31 г. эти проценты соответственно возрастут до 46 и 65. В отношении 1925/26 г. численность городского пролетарского самостоятельного населения возрастет на 26% при общем росте городского трудоспособного населения на 20,5%. Таким образом, городской пролетариат, играющий теперь уже огромнейшую роль в общем населении города, за пятилетие еще увеличит свое значение.

Из других групп населения запроектирован общий рост на 11,8% для лиц разных городских профессий, не эксплоатирующих чужого труда (сельских хозяев, торговцев, кустарей и ремесленников). Такой темп роста находится в соответствии с запроектированной динамикой продукции и доходов этих групп. Относительно большую группу составляют еще иждивенцы государственных и общественных учреждений (инвалиды, учащиеся-стипендиаты и проч.). Темп роста этой группы предположен особенно большой в связи с постепенным увеличением охвата инвалидов кассами Соцстраха. Остальные группы самостоятельного населения численно невелики.

Из несамостоятельных групп населения численность домашних хозяек взята по данным бюджетных обследований и рост их запроектирован пропорционально росту городского населения. Численность учащихся иждивенцев вычислена приблизительно на основании данных текущей статистики. Что касается прочих частных иждивенцев, в число которых входят также больные и калеки, находящиеся на иждивении родных, то в отношении их предположено, что в первые годы численность их будет сокращаться вместе с переходом части их на иждивение Соцстраха и в другие группы населения; в дальнейшие же годы предположено, что численность частных иждивенцев опять будет возрастать вместе с общим подъемом уровня благосостояния городского населения.

Число неиспользованных работников получено в качестве балансового остатка. Так как последние составляют всего 6—7% трудоспособного городского населения, приблизительность исчисления баланса должна весьма сильно сказаться на достоверности цифр неиспользованной рабсилы, которая фактически за отчетные годы несколько выше, тем более, что, например, многие домашние хозяйки или учащиеся иждивенцы частных лиц охотно взяли бы работу, если бы они могли достать ее. Все же общую тенденцию эти цифры показывают правильно, и надо думать, что при общем росте лиц наемного труда на 26% и повышении численности всего трудоспособного населения на 20%, неиспользованная рабсила, достигнув максимума в 1926/27 г. или в 1927/28 г., в дальнейшем абсолютно будет стабилизоваться, обнаруживая относительную тенденцию к сокращению.

В табл. 8 приведен намеченный нами общий баланс использования населения в городе и в деревне (см. стр. 300).

Следует отметить, что при учете использования общего трудоспособного населения нами применены совершенно различные методы для города и для деревни. Если в городе учтены физически занятые лица, то в деревне такой учет представлялся совершенно невозможным, во-первых, вследствие отсутствия данных, во-вторых, в связи с тем, что боль-

Таблица 8

Баланс труда по СССР

Отрасли народного хозяйства	1925/26 г.			1930/31 г.			1930/31 в % к 1925/26 г.		
	Село	Город	Всего	Село	Город	Всего	Село	Город	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Приход									
Население в милл. душ	117,1	24,8	141,9	128,4	29,7	157,7	109,3	119,8	111,1
В том числе в рабочем возрасте (15—59 лет)	63,95	15,93	79,88	72,08	19,20	91,28	112,7	120,5	114,3
Б. Расход									
I. Сельское хозяйство									
а) Хозяева и помог. чл. семьи.	31,13	0,95	32,08	36,77	1,04	37,81	118,1	109,5	117,9
б) Лица наемного труда	1,65	0,05	1,70	1,98	0,06	2,04	120,0	120,0	120,0
Итого по сел. хоз.	32,78	1,00	33,78	38,75	1,10	39,85	118,2	110,0	118,0
II. Промышленность									
1. Крупная									
Лица наемного труда	0,46	2,26	2,72	0,52	2,73	3,25	113,0	120,8	119,2
2. Мелкая									
а) Хозяева и помог. чл. семьи.	1,07	0,49	1,56	1,39	0,59	1,98	129,9	120,4	126,9
б) Лица наемного труда	0,10	0,30	0,40	0,12	0,34	0,46	120,0	113,3	115,0
Итого по всей промышл.	1,63	3,05	4,68	2,03	3,66	5,69	124,5	120,0	121,6
III. Торговля									
а) Хозяева и помог. чл. семьи.	0,14	0,27	0,41	0,14	0,27	0,41	100,0	100,0	100,0
б) Лица наемного труда	0,26	0,67	0,93	0,35	0,80	1,15	134,6	119,9	125,8
Итого по торговле	0,40	0,94	1,34	0,49	1,07	1,56	122,5	114,9	116,4
IV. Строительство и ремонт									
а) Хозяева и помог. чл. семьи.	0,72	—	0,72	0,80	—	0,80	—	111,1	111,1
б) Лица наемного труда	0,16	0,71	0,87	0,36	1,33	1,69	225,0	192,0	192,9
Итого по строительству.	0,88	0,71	1,59	1,16	1,33	2,49	131,8	192,0	156,5
V. Транспорт	0,41	0,89	1,30	0,52	1,12	1,64	126,8	125,8	126,7
VI. Госуд. и обществ. учрежд. и связь	0,46	1,49	1,95	0,60	1,66	2,26	130,4	111,4	116,1
VII. Прочие трудовые занятия.									
а) Хозяева и помог. чл. семьи.	—	0,11	0,11	—	0,13	0,13	—	118,2	118,2
б) Лица наемного труда	—	0,68	0,68	—	0,84	0,84	—	123,5	123,5
Итого по проч. занятиям.	—	0,79	0,79	—	0,97	0,97	—	122,8	122,8
VIII. Домашнее хозяйство	19,24	3,46	22,70	21,04	4.15	25,19	109,3	119,9	111,0
Всего по I—VIII	55,83	12,33	68,16	64,80	15,06	81,00	116,1	122,1	118,8
В том числе лиц наемного труда	3,50	7,05	10,55	4,45	8,88	13,33	128,3	126,0	126,4
В остатке лиц трудоспособн. возраста	8,12	3,60	11,72	7,28	4,14	11,32	—	115,0	—
В том числе:									
IX. Нетрудов. группа и иждивенцы государ. и обществ. учрежд.	—	1,39	—	—	1,77	—	—	127,4	—
X. Иждивенцы частных лиц	—	1,16	—	—	1,22	—	—	105,2	—
XI. Неиспользованная рабсила	—	1,05	—	—	1,15	—	—	109,5	—

Таблица 9

Баланс труда сельского населения в милл. рабочих лет

Приблизительное исчисление

Показатели	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1930/31 г. в % к 1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Общ. числен. насел. в милл. душ	114,6	116,3	117,1	119,1	121,2	123,3	125,7	128,0	109,3
В том числе трудоспособного	61,80	63,17	63,95	65,72	67,48	69,23	70,92	72,08	112,7
II. Площадь посева в милл. десятин.									
а) Технич. культуры	3,59	4,52	5,82	5,38	5,81	6,27	6,77	7,31	125,6
б) Корне-клубнеплоды	5,63	6,33	6,97	7,27	7,67	8,10	8,55	9,05	129,8
в) Прочие культуры	77,60	82,13	86,35	91,69	94,45	97,29	100,12	103,14	116,1
III. Числен. скота в перев. на крупный в милл. голов	63,7	69,4	74,3	78,0	80,8	83,7	86,8	90,0	121,1
IV. Баланс труда									
А. В приходе — запас труда в милл. человеко-лет, считая по 280 раб. дней в году	61,80	63,17	64,01	65,72	67,48	69,23	70,92	72,10	109,3
Б. В расходе									
1. Полеводство									
а) Пряд.-техн. культ. (считая по 128 раб. дней на 1 десят.).	1,64	2,07	2,66	2,46	2,66	2,87	3,10	3,34	125,6
б) Корне- клубнеплоды (по 67 дней на 1 десятину)	1,34	1,51	1,67	1,74	1,86	1,93	2,04	2,17	129,8
в) Зерновые и пр. (по 28 дней на 1 десятину	7,76	8,29	8,64	9,17	9,44	9,73	10,01	10,31	116,1
Итого по полеводству	10,74	11,79	12,97	13,37	13,96	14,53	15,15	15,82	121,9
2. Луговодство (по 10 дней на 1 дес.)	1,39	1,41	1,43	1,44	1,46	1,47	1,49	1,50	104,9
3. Садовн. и огор. (по 3,1 дн. на 1 душу)	1,22	1,29	1,30	1,32	1,34	1,36	1,38	1,43	109,3
4. Животноводство (по 40 дн. на 1 гол. скота)	9,91	9,92	10,63	11,15	11,55	11,97	12,41	12,77	120,0
5. Перераб. прод. сел.хоз. (по 8 дн. на 1 душу)	3,28	3,32	3,35	3,40	3,46	3,51	3,57	3,66	109,3
Итого по 2—5	15,80	15,94	16,71	17,31	17,81	18,31	18,85	19,36	115,8
Итого по животноводству и полеводству	26,54	27,73	29,68	30,68	31,77	32,84	34,00	35,18	118,5
6. Лесное хозяйство по 2,8 дн. на душу (в 1925/26 г.)	1,15	1,16	1,18	1,23	1,28	1,33	1,38	1,44	122,0
7. Рыболовство и охота 1 дн. на душу (в 1925/26 г.)	0,40	0,41	0,42	0,44	0,45	0,47	0,49	0,50	120,0
8. Поездки и обществ. подв. по 6 дн. на 1 душу	2,46	2,48	2,52	2,55	2,59	2,64	2,70	2,75	109,3
9. Строит. и ремонт. раб. 1,9 дн. на 1 душу (в 1925/26 г.)	0,78	0,79	0,80	0,82	0,84	0,86	0,88	0,90	112,5
10. Домашн. хоз. по 40 дн. на душу	18,78	19.01	19,24	19,55	19,92	20.27	20,66	21,04	109,3
Итого по 1—10	50,01	51,58	53,84	55,27	56,85	58,41	60,11	61,81	114,8
11. Внеземлед. занят. (по 8 дн. на душу)	3,29	3,32	3,35	3.40	3,47	3 53	3,59	3,66	109,3
Всего в расходе	53,30	54,90	57,19	58,67	60,32	61,94	63,70	65,47	112,7
В остатке (аграрное переселение)	8,50	8,27	6,82	7,15	7,16	7,29	7,22	6,63	98,2

шинство кустарей, ремесленников и прочих неземледельческих групп сельского населения обычно одновременно занимаются в несезонное для основного занятия время еще сельским хозяйством. В виду этого численность всех этих групп сельского населения приведена к годовым, исходя из продолжительности сезона. Что касается основного земледельческого населения, то численность его определена в следующей таблице, исходя из общих размеров с.-х. продукции и общего количества труда, необходимого для получения этой продукции. Нормы труда на единицу продукции взяты на основании бюджетных данных. Аналогично этому число домашних хозяек получено из расчета рабочих часов, расходуемых на домашнее хозяйство на душу сельского населения.

В связи с различными методами исчисления численности лиц отдельных профессий в городе и в деревне, сложение итогов этих исчислений сделано условно. Более правильный учет и уточнение баланса использования рабсилы станет возможным только после обработки данных переписи 1926 г.

Наконец, в табл. 9 (стр. 301) показан развернутый за пятилетие баланс использования труда в сельском хозяйстве, составленный исключительно по динамике продукции и нормам расхода труда в различных отраслях, исчисленных приблизительно на основании данных бюджетных обследований.

Данные табл. 9 незначительно разнятся от данных табл. 8. Несмотря на всю приблизительность исчисления, они подтверждают общую тенденцию, отмеченную уже выше, а именно, что в течение перспективного пятилетия, при намеченных темпах развертывания производства и роста производительности труда, рост спроса на рабочую силу во всяком случае не будет отставать от роста предложения ее, так что размеры неиспользованной рабсилы, если не удастся понизить продолжительность рабочего времени, вероятно стабилизируются на уровне 1926/27 г., обнаруживая в дальнейшие годы относительное падение вместе с общим ростом числа занятых лиц. Окончательно вопрос о полном вовлечении трудоспособного населения в производство можно будет решить только в последующее пятилетие.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 28 Экономико-Статистической Секции Госплана СССР

под ред. С. Г. Струмилина

Составляется по материалам Бюро Кон'юнктурного Совета и Статбюро Госплана

СОДЕРЖАНИЕ

А. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.

Б. Текущие динамические таблицы

I. Хлебные заготовки

1. Заготовки хлебофуража основн. планов. заготовительными организациями за 1926/27 г.
2. То же по культурам.

II. Промышленность

1. Динамика крупной госпромышленности СССР за 1925/26 и 1926/27 хоз. годы.
2. Динамика главнейших отраслей производства крупной госпромышленности СССР в 1925/26 и 1926/27 хоз. годах.

III. Труд

1. Заработная плата рабочих крупной промышленности в I квартале 1926/27 гг.
2. Движение числа застрахованных по СССР в 1924/25 и 1925/26 гг.
3. Движение числа безработных, состоящих на пособии, и числа пенсионеров по СССР 1924/25 и 1925/26 гг.
4. Число оплаченных дней по временной нетрудоспособности на 100 застрахованных по СССР 1925/26 гг.
5. Нормы пособий безработным и инвалидам труда в среднем за месяц по СССР в 1924/25 и 1925/26 гг.
6. Средний страховой тариф по СССР в 1925/26 г.
7. Приходо-расходный бюджет Соцстраха по СССР в 1924/25 и 1925/26 гг.
8. Численность застрахованных по СССР и их средняя фактическая зарплата.

А. Основные показатели народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.

№ по пор.	Показатели	Единица счета	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 год				1926/27 год					
					Кварталы				Месяцы					
					I	II	III	IV	Окт.	Ноябрь	Дек.	Январь	Фев.	Март
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
	I. Хлебные заготовки (средн. за месяц)													
1	Заготовка хлеба	Тысячи тонн	580	560	960	885	472	878	1.697	1.688	1.572	(992)	(907)	—
2	Заготовит. цена ржи . .	Товарн. коп.	28	48	45	53	42	—	40	40	39	39	70	—
3	То же	Черв. коп.	47	86	80	103	80	—	71	71	70	70	71	—
	II. Промышленность (средн. за месяц)													
4	Добыча угля	Тысячи тонн	1.315	1.340	1.975	2.136	1.974	2.045	2.511	2.684	2.774	(2.480)	(2.666)	—
5	Добыча нефти	„ „	495	580	640	621	711	764	793	823	885	(831)	(768)	—
6	Выплавка чугуна . . .	„ „	55,0	107,6	161,2	177,9	195,2	201,2	234,4	233,6	251,1	(242,9)	(233,5)	—
7	Прокатка металла . . .	„ „	57,5	115,9	161,9	179,7	184,5	192,7	229,5	224,1	237,1	(228,7)	(232,6)	—
8	Произв. хлоп.-бум. пряжи	„ „	8,5	15,4	21,1	20,3	19,6	19,1	23,0	23,4	23,6	(22,1)	(22,7)	—
9	Произв. хлоп.-бум. ткани	Милл. метр.	69,6	124,9	167,8	169,1	166,7	169,4	197,8	205,2	208,3	(191,0)	(193,4)	—
10	Сумма продукции промышл.	Милл.черв. р.	288,9	410,2	557,1	597,7	607,8	628,9	695,4	716,5	755,4	(720,0)	718,4)	—
11	Сумма продукции промышл.	По дов. ценам в милл. руб.	133,3	213,3	282,8	299,2	298,9	308,9	341,2	351,9	371,2	(354,5)	(355,8)	—
12	Выработка на 1 чел. в день	По дов.ценам в рублях	—	7,39	7,63	8,02	8,43	8,70	8,47	8,92	—	—	—	—
	III. Труд (средн. за месяц)													
13	Число рабочих цензовой промышленности . .	Тысячи	1.618	1.894	2.294	2.399	2.465	(2 523)	(2.576)	(2.592)	(2.609)	(2.624)	—	—
14	Средняя дневная заработная плата промышл. рабочих (реальная) .	В условн. моск. коп.	91,5	110,0	126,2	123,7	121,3	127,8	(127,9)	(127,7)	(126,8)	(126,7)	—	—
15	Средняя основная заработная плата промышл. рабочих (по-													

16	Ж.-д. перевозки	Милл. тонно-км	5,62	6,95	9,75	9,51	9,32	10,0	12,3	(11,2)	(10,6)	(9,5)	28,7	—
17	Средн.-суточная погрузка	Тыс. вагонов	13,5	17,4	24,1	23,6	22,8	26,6	28,8	28,6	26,3	23,8	—	—
18	Валовой доход жел. дор.	Милл.черв.р.	56,7	79,5	105.0	109,1	108,9	122,2	—	—	—	—	—	—
	V. Торговля (средн. за месяц)													
19	Реализация по 12 синдик.	Милл.черв.р.	52,1	94,9	141.2	158,7	163,8	193.3	—	—	—	—	—	—
20	Оборот Моск. тов. биржи.	„ „ „	129,6	249,3	384,1	231,5	264,3	387,1	880,1	401.0	282,2	264,4	—	—
21	Реализация по 291 производ. об'един. ВСНХ	Милл.черв.р.	198,1	304,5	424,3	445,8	454,7	515,4	—	—	—	—	—	—
22	Вывоз из СССР	„ „ „	—	42,3	57,6	45.1	46,2	49,9	65.5	66,2	76,6	55,3	—	—
23	Привоз в СССР	„ „ „	—	52,8	64,8	57.2	52,0	50,8	58,1	39,6	34,8	38,5	—	—
	VI. Финансы (средн. за месяц)													
24	Поступл. обыкн. доходов	Милл.черв.р.	122,6	196,1	274,2	303,9	290,4	301.8	342,7	400,6	420,3	386,8	356,4	—
25	В том числе налог. и пошл.	„ „ „	53,9	94,9	37,6	156,0	123,2	163,1	181,1	226,8	224,5	229,6	188,2	—
	VII. Кредит (на 1 число мес.)													
26	Сумма вкладов и тек. счетов по Госбанку и 4 акц. банкам . .	Милл.черв.р.	277	567	853,3	850,9	829,3	810,7	868,3	937,6	983,3	1.044,1	1.035,0	1.054,4
27	Остаток задолж. по учетно-ссудным операциям	Милл.черв.р.	586	1.251	2.030,5	2.178,5	2.229,7	2.287,8	2.536,4	2.577,9	2.627,0	2.556,6	2.552,2	2.541,4
	VIII. Денежное обращение													
28	Денежн. масса на кон. мес.	Милл.черв.р.	406	799	1.246,6	2.241,3	1.200,8	1.283,9	1.417,2	1.400,8	1.412,6	1.357,6	1.355,6	1.346,5
29	Денежн. масса на кон. мес.	Милл. тов. р.	238	446	701,1	649,6	626,0	713,2	795,3	787,9	797,2	760 0	758,2	759,4
30	Эмиссия за месяц . . .	Милл.черв.р.	49,9	43,3	42,1	21,7	1,7	44,6	74,1	— 16,4	11,8	— 55 3	— 1,7	— 9,1
31	Эмиссия за месяц . . .	Милл. тов. р.	29,4	24,5	22,6	11,3	1,7	24,7	41,5	— 9,2	6,6	— 30,9	— 0,9	— 5,1
	IX. Индексы цен (на 1 число мес.)													
32	Оптовые Госплана . . .	1913 г.=100	170,2	179,2	178,2	191,7	192,3	180,6	178,8	178,2	177,8	177,2	178.6	178,8
	а) промышл.	„	215,7	192,4	197,0	199,8	203,3	203,6	204,1	203,7	203,9	203.2	202,8	200,5
	б) сел.-хоз.	„	134,2	166,9	161,1	183,9	181,7	160,1	156,6	155,8	155,0	154,5	157,3	159,5
33	Всес. бюдж. нов. (40 тов.)	„	—	—	190,0	202,9	212,4	205,2	202,9	203,5	207,5	206,7	209,9	207,6
	„ „ стар. (24 тов.)	„	195,7	202,0	202,1	221,9	232,7	223,9	220,0	221,6	224,2	221;9	226.0	224,2
	а) пром. нов. (40 тов.)	„	—	—	231,0	233,2	242,0	240,2	237,8	236,4	236,7	235,5	232,4	228,9
	„ стар. (24 тов.)	„	253,9	228,3	231.4	234,8	246,5	247,5	249,2	249,8	250,3	247,9	245.7	244,2
	б) с.-хоз. нов. (40 тов.)	„	—	—	185,5	209,9	223,0	209,6	204,6	206,2	211,8	211,2	218.6	215,5
	„ стар. (24 тов.)	„	163,2	187,5	185,8	214,7	224,9	210,8	203,7	205,8	209,6	207,3	214,9	213,0

Б. Текущие динамические таблицы

Таблица 1

Отдел I. ХЛЕБНЫЕ ЗАГОТОВКИ

Заготовки хлебофуража основными плановыми заготовительными организациями в 1926/27 г.

I. По районам

(В декатоннах)

Районы / Месяцы	Потребляющий	Вотско-Вятский	Татреспублика	Башреспублика	Оренбургская губ.	Поволжье	Центр.-Земледельческ. район	Урал	Северн. Кавказ	Сибирь	Казахстан	ДВК	Крым	Итого по РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Всего по СССР
Кварт. VII–IX	2256,8	208,8	773,9	646,2	3314,3	24072,0	19010,6	3456,9	90527,9	3868,0	4488,8	160,3	7370,1	160154,6	93602,8	169,1	531,6	254458,1
Кварт. X–XII	4960,2	418,6	8854,4	10593,8	13325,0	68794,1	44093,2	24485,6	89016,8	52739,1	30950,3	—	3032,4	351263,5	143421,0	710,2	292,0	495686,7
Январь 1927 г.[1]	1259,2	444,6	3521,0	3374,9	2744,8	17602,6	8198,4	6773,3	10628,5	11833,0	8885,6	—	265,9	75531,8	22848,0	508,9	303,4	99192,1
Февраль „ [1]	1122,5	421,4	3114,1	3847,7	3393,0	14296,0	7604,0	7769,5	9029,6	11580,1	7973,0	—	253,9	70404,8	19358,1	408,0	543,7	90714,6
Всего с начала кампании на 1/III 1927 г.[1]	9598,7	1493,4	16263,4	18462,6	22777,1	124764,7	78905,2	42485,3	199202,8	80020,2	52297,7	160,3	10922,3	657354,7	279229,9	1796,2	1670,7	940051,5
На тот же срок 1926 г. . . .	13917,2	2129,1	18265,6	15313,5	10065,0	75532,5	68621,8	30492,5	204229,0	42566,9	19846,9	—	16297,6	517277,6	211905,8	2901,2	601,3	732685,9
8 мес. камп. 1926/27 г. в % % к тому же периоду пред. года. . . .	69	70	89	121	226	165	115	139	98	188	264	—	67	127	132	62	278	128

Таблица 2

II. По культурам

Культуры / Месяцы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Кукуруза	Бобовые	Крупяные	Итого главных хлебов	Масличные	Прочие	Всего
Квартал VII–IX.	46863,8	152733,5	12662,8	22042,1	2422,0	1375,9	1705,6	239805,7	14408,9	243,5	254458,1
Квартал X–XII.	93980,9	252907,0	45727,4	20510,0	22133,5	4177,1	15517,1	454953,0	40319,1	414,6	495686,7
Январь 1927 г.[1]	22415,1	47333,2	13344,9	1705,5	5225,9	1198,6	3797,3	95020,5	3584,8	586,8	99182,1
Февраль 1927 г.[1]	19928,5	44084,9	12980,9	1413,4	4161,4	950,5	3686,7	87206,3	2796,7	711,6	90714,6
Всего с начала кампании на 1/III 1927 г.[1]	183188,3	497058,6	84716,0	45671,0	33942,8	7702,1	24706,7	876985,5	61109,5	1956,5	940051,5
На тот же срок 1926 г.	139517,6	276337,1	49620,0	86138,2	26895,0	5309,6	46877,9	630695,4	100312,2	1678,3	732685,9
8 мес. кампании 1926/27 г. в % % к тому же периоду предыдущ. года.	131	180	171	53	126	145	53	139	61	117	128

[1] Данные предварительные.

Отдел II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Таблица 1

Динамика крупной госпромышленности СССР за 1925/26 и 1926/27 хоз. годы

№№ по пор.	СРОКИ	Ср.-мес. число раб. в тыс. чел.		Валовая продукция											
				В миллионах рублей				В %% к нач. пер. соотв. г.				В %% к соотв. пер. пр. г.			
				По дов. ценам		По совр. ценам		По дов. цен.		По совр. цен.		По дов. цен.		По совр. цен.	
		1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	А. За месяц														
1	Октябрь	1.764	1.950	281,8	341,2	552,3	695,4	100	100	100	100	150	121	148	126
2	Ноябрь	1.823	1.968	271,6	351.9	535,3	716.5	96	103	97	103	152	130	152	134
3	Декабрь	1.866	1.986	294,9	371,2	583,6	755,4	105	109	106	109	149	126	151	129
4	Январь	1.901	2.007	285,1	354,5	567,1	720,0	101	104	103	104	138	124	143	127
5	Февраль	1.925	2.018	297,6	355,8	594,3	718,4	106	104	108	103	141	120	147	121
6	Март	1.946	—	314,8	—	631,8	—	112	—	114	—	141	—	149	—
7	Апрель	1.930	—	321,7	—	653,1	—	114	—	118	—	149	—	158	—
8	Май	1.896	—	284,6	—	579,4	—	101	—	105	—	129	—	138	—
9	Июнь	1.898	—	290,4	—	591,0	—	103	—	107	—	128	—	138	—
10	Июль	1.905	—	270,3	—	549,8	—	96	—	99,5	—	132	—	141	—
11	Август	1.914	—	309,5	—	629,5	—	110	—	114	—	139	—	148	—
12	Сентябрь	1.933	—	346,8	—	707,5	—	123	—	128	—	131	—	138	—
	Б. За квартал														
I	Октябрь—декабрь	1.818	1.968	848,3	1.064,3	1.671,2	2.167,3	100	100	100	100	150	125	151	130
II	Январь—март	1.924	—	897,5	—	1.793,2	—	106	—	107	—	140	—	146	—
III	Апрель—июнь	1.908	—	896,7	—	1.823,5	—	106	—	109	—	135	—	145	—
IV	Июль—сентябрь	1.917	—	926,6	—	1.886,8	—	109	—	112	—	134	—	142	—
	В. За год	1.892	—	3.569,1	—	7.174,7	—	—	—	—	—	—	—	146	—

Примечания: 1) Крупная госпромышленность учитывается ЦОС'ом ВСНХ и составляет около 80% цензовой промышленности.
2) Валовая продукция оценена по методу целых отраслей (валовой оборот отрасли за вычетом потребленных в ней полуфабрикатов ее производства).
3) Валовая продукция по современ. ценам получена переводом из довоен. по средне-месячному промышл. индексу Госплана.
4) Цифры за январь и февраль предварительные.

Таблица 2

Динамика главнейших отраслей производства крупной промышленности СССР в 1925/26 и 1926/27 хоз. годах

СРОКИ	Добыча угля		Доб. нефти		Металлургическое производство						Текстильное производство							
					Выплавка чугуна		Выплавка мартена		Прокатка металла		Хл.-бум пряж. (пряд. и угар.)		Шерстяная пряжа		Льняная пряжа		Хл.-бум. готов. товар.	
	В тыс. тонн	В %% к соотв. мес. пред. года	В тыс. тонн	В %% к соотв. мес. пред. года	В тыс. тонн	В %% к соот. мес. пред. год.	В тыс. тонн	В %% к соот. мес. пред. год.	В тыс. тонн	В %% к соот. мес. пред. год.	В тоннах	В %% к соот. мес. пред. год.	В тоннах	В %% к соот. мес. пред. год.	В тоннах	В %% к соот. мес. пред. год.	В милл. метр.	В %% к соот. мес. пред. год.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1925/26 г.																		
Октябрь	1.915,4	121	646,9	111	159,2	218	226,7	172	166,8	170	22.071	156	3.038	130	5.101	119	175,4	154
Ноябрь	1.917,5	145	628,2	113	153,4	207	208,3	171	153,6	168	19.918	162	2.719	133	4.593	131	157,9	156
Декабрь	2.092.9	150	645,1	125	171,1	192	216.1	154	165,4	164	21.403	154	3.009	131	5.205	136	170,2	141
Январь	2.026,0	147	635,4	123	181,2	199	234.0	157	168,0	154	20.159	138	2.756	119	5.260	131	163,2	133
Февраль	2.115,6	146	583,2	115	163,3	183	226,7	160	177,0	162	20.809	140	2.868	124	5.623	138	169,4	137
Март	2.266,1	155	643,9	112	189,2	177	263,9	165	194.1	173	19.871	131	2.872	125	5.793	139	174,6	137
Апрель	2.162,1	203	666,3	114	190,1	181	249,7	169	198,4	174	20.945	132	2.918	130	6.380	157	182,5	139
Май	1.797,8	171	728,4	117	198,8	162	250,6	144	172 8	132	17.405	109	2.425	108	5.095	130	139,4	108
Июнь	1.962 2	156	738,6	120	196 8	153	247,0	142	182.2	143	20.486	116	2.588	111	5.622	144	178.3	128
Июль	2.006,4	157	758,9	123	191,1	154	236,9	150	173,5	153	14.030	109	1.876	95	3.869	125	128,9	128
Август	1.939,4	152	784,2	128	197,7	140	252,0	148	188,3	146	20.328	123	2.560	108	5.697	147	171,3	137
Сентябрь	2.191,4	140	747,5	114	214,7	146	279.1	141	216,4	141	22.974	111	3.304	115	6.530	137	208,1	127
1926/27 г.																		
Октябрь	2.510,7	131	793,3	123	234,4	147	290,8	128	229,5	138	23.035	104	3.372	111	6.487	127	197,8	113
Ноябрь	2.683,7	140	823,1	131	233,6	152	294,8	142	224,1	146	23.398	117	3.480	128	6.670	145	205,2	130
Декабрь	2.773,8	132	884,5	137	251.1	146	303,0	140	237,1	143	23.563	110	3.498	116	6.624	128	208,3	122
Январь	2.480,0	123	831,3	131	242,9	134	293,7	125	228,7	136	22.100	109	3.243	118	6.194	118	191,0	117
Февраль	2.666,4	126	768,0	132	233,5	143	285,5	121	232.6	132	22.700	109	3.311	115	6.260	111	193,4	114
Март	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Апрель	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Май	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Июнь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Июль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Август	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сентябрь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 1

Отдел III. ТРУД

Заработная плата рабочих крупной промышленности в I квартале 1926/27 г.

№№ по порядку	Союзы	В червонных рублях и копейках				В условных московских рублях и коп.			
		Октябрь	Ноябрь	Декабрь	В среднем за I квартал	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	В среднем за I квартал
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	А. Месячная в рублях								
	По всей промышленности	58,62	58,17	58,68	58,49	31,00	30,52	30,15	30,56
	В том числе:								
1	Металлисты	68,11	67,91	68,26	68,09	35,95	35,68	35,53	35,72
2	Текстильщики	49,60	49,86	50,45	49,97	24,94	24,71	24,97	24,87
3	Горнорабочие	57,15	55,34	55,91	56,13	33,45	32,33	31,98	32,59
4	Химики	59,12	58,42	59,89	59,14	31,34	30,73	31,29	31,12
5	Кожевники	76,20	76,02	77,48	76,57	39,87	39,34	39,62	39,61
6	Печатники	78,54	77,26	77,17	77,66	37,33	36,51	35,82	36,55
7	Пищевики	66,46	66,11	67,69	66,75	32,90	32,46	32,74	32,70
8	Швейники	69,28	69,58	69,61	69,49	33,08	33,41	32,78	33,09
9	Писчебумажники	53,97	52,33	53,55	53,28	30,12	29,13	29,53	29,59
10	Деревообделочники	58,83	55,62	54,95	56,47	30,92	28,89	28,53	29,45
11	Сахарники	42,42	41,13	39,79	41,11	27,28	26,67	25,20	26,38
12	Строители	58,06	60,20	55,66	57,97	33,01	33,28	31,73	32,67
13	Коммунальники	76,69	73,97	74,32	74,99	35,92	34,84	34,22	34,99
	Б. За проработанный день в копейках								
	По всей промышленности	242,7	242,9	244,0	243,2	128,3	127,5	127,0	127,6
	В том числе:								
1	Металлисты	284,9	283,2	284,7	284,3	150,1	148,8	148,2	149,0
2	Текстильщики	204,4	206,3	208,7	206,5	102,8	102,3	103,4	102,8
3	Горнорабочие	239,5	235,5	233,0	236,0	140,8	138,1	133,8	137,6
4	Химики	244,5	245,9	250,3	246,9	129,3	129,2	130,8	129,8
5	Кожевники	315,6	321,9	321,7	319,7	165,1	166,5	164,5	165,4
6	Печатники	321,6	323,7	321,8	322,4	152,9	152,9	149,3	151,7
7	Пищевики	276,9	277,9	281,5	278,8	137,1	136,5	136,2	136,6
8	Швейники	287,6	287,7	291,3	288,9	137,4	138,1	137,4	137,6
9	Писчебумажники	218,6	220,4	220,0	219,7	122,0	122,6	121,9	122,2
10	Деревообделочники	241,7	236,9	229,1	235,9	126,9	122,9	118,9	122,9
11	Сахарники	145,3	155,0	164,8	155,0	94,1	100,5	104,9	99,8
12	Строители	239,9	251,3	230,5	240,6	136,3	138,9	131,3	135,5
13	Коммунальники	332,7	325,5	320,8	326,3	155,8	153,4	147,7	152,3

Примечание: Таблица составлена по данным Центрального Бюро Статистики Труда. Данные охватывают крупную промышленность, предприятия с числом рабочих 250 чел. и выше.

Таблица 2

Движение числа застрахованных по СССР в 1924/25 и 1925/26 гг.

(В тысячах человек)

Месяцы, кварталы, годы	В территориальных кассах							В транспортных кассах			Всего по СССР
	Всего	В том числе:						Всего	В том числе:		
		РСФСР	УССР	БССР	Турк. ССР	Узб. ССР	ЗСФСР		по жел.-дор. транспорту	по водному транспорту	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1925/26 год											
1 октября	6.293,6	4.625,7	1.246,2	102,3	15,9	70,1	233,4	1.337,3	1.190,6	146,7	7.630,9
1 ноября	6.403,6	4.650,9	1.312,1	105,6	16,3	76,9	241,8	1.334,4	1.190,9	143,5	7.738,0
1 декабря	6.461,4	4.666,4	1.343,0	106,3	17,2	82,4	246,1	1.278,1	1.154,7	123,4	7.739,5
1 января	6.512,3	4.720,3	1.326,0	108,9	17,6	80,7	258,8	1.264,0	1.156,3	107,7	7.776 3
1 февраля	6.488,7	4.737,0	1.280,3	110,3	16,4	83,0	261,7	1.249,4	1.146,5	102,9	7.738,1
1 марта	6.575,3	4.814,0	1.282,5	112,1	17,3	84,2	265,2	1.275,5	1.167,9	107,6	7.850,8
1 апреля	6.680,9	4.881,9	1.315,1	113,8	17,9	82,9	269,3	1.300,2	1.186,0	114,2	7 181.1
1 мая	6.778,4	4.926,4	1.359,8	116,4	19,3	82,4	274,1	1.340,8	1.208,1	132,7	8.119,2
1 июня	7.003,0	5.084,9	1.424,4	118,6	19,0	81,5	274,6	1.384,6	1.240,2	144,4	8.387,6
1 июля	7.288,5	5.282,2	1.506,3	120,6	20,0	82,3	277,1	1.433,1	1.274,1	159,0	8.721,6
1 августа	7.339,1	5.332,8	1.492,3	123,2	20,0	88,1	282,7	1.447,1	1.281,7	165,4	8.786,2
1 сентября	7.433,8	5.371,5	1.531,8	130,5	19,9	88,0	292,1	1.463,7	1.292,6	171,1	8.897,5
1 октября	7.295,5	5.272,4	1.495,5	129,6	18,6	87,3	292,1	1.499,5	1.330,1	169,4	8.795,0
I квартал	6.422,6	4.663,4	1.313,7	105,8	16,8	78,2	244,7	1.304,4	1.173,0	131,4	7.727,0
II „	6.553,5	4.784,0	1.294,5	111,3	17,1	83,0	263,6	1.269,0	1.161,9	107,1	7.822,5
III „	6.922,0	5.031,1	1.398,3	117,4	19,1	82,2	273,9	1.364,0	1.226,1	137,9	8.286,0
IV „	7.355,0	5.327,2	1.508,3	126,3	19,7	87,0	286,5	1.459,0	1.292,1	166,9	8 814,0
В среднем за 1925/26 г.	6.813,3	4.951,4	1.378,7	115,2	18,2	82,6	267,2	1.349,1	1.213 3	135,8	8.162,4
„ „ „ 1924/25 г.	5.627,5	—	—	—	—	—	—	1.131,1	—	—	6.758,6
1925/26 г. в % к 1924/25 г.	121,1	—	—	—	—	—	—	119,3	—	—	120,8

Таблица 3

Движение числа безработных, состоящих на пособии, и числа пенсионеров по СССР (без ЗСФСР) в 1924/25 и 1925/26 гг.

(В тысячах человек)

Месяцы, годы	Число безработных, состоящих на пособии на последнее число месяца							На 1000 застрахованных приходится безработных	Число пенсионеров на последнее число месяца					На 1000 застрахованных приходится пенсионеров
	Всего	В том числе: I категории			II категории				Всего	В том числе:				
		Мужч.	Женщ.	Об. пола	Мужч.	Женщ.	Об. пола			Инвалидов труда	Семьи умерших кормильцев	Итого пенсионеров	Иждивенц. содер. в инвалид. учрежд.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1925/26 год														
Сентябрь	238,1	47,2	7,6	54,8	100,7	82,6	183,3	32,2	493,0	265,9	210,9	476,8	16,2	67,0
Октябрь	250,1	52,9	7,9	60,8	102,0	87,3	189,3	33,6	506.7	274,5	214,6	489,1	17,6	68,1
Ноябрь	270,6	61,3	7.9	69,2	109,8	91,6	201,4	36,3	517.3	281,1	218,7	499,8	17,5	69,5
Декабрь	311,4	79,1	8,4	87,5	126,1	97,8	223,9	41.6	528,1	287,6	223,3	510,9	17,2	70,6
Январь	352,3	95,5	9,2	104.7	145,4	102,2	247.6	47,3	539,1	294,6	227,4	522,0	17,1	72,3
Февраль	387,3	109,7	9,5	119,2	162,5	105,6	268,1	51.2	548,4	299,9	231,4	531,3	17,1	72,6
Март	400,9	116 0	10,1	126,1	168,1	106,7	274.8	52,2	557,2	304,9	235,2	540,1	17,1	72.5
Апрель	401,2	113,5	10,1	123,6	170,7	106,9	277,6	51,3	567,6	311,4	239,3	550,7	16,9	72,6
Май	372,1	99,9	10,1	110.0	160,0	102,1	262,1	46,0	576,3	316,6	242,9	559,5	16,8	71,3
Июнь	345 8	89,4	10,1	99,5	149,7	96,6	246,3	41,0	584,4	321,5	246,2	567,7	16,7	69,3
Июль	331,1	82,3	10,4	92,7	144,3	94,1	238,4	38,9	595.5	328,7	250,3	579,0	16,5	70,1
Август	321,7	78,3	10,5	88,8	140,3	92,6	232,9	37,4	603,7	334,1	253,0	587,1	16,6	70,2
Сентябрь	317,2	75,9	11,3	87,2	135,8	94,2	230,0	36,9	606.6	339.4	256,2	595,6	11,0	70,6
В среднем за 1925/26 год	335,2	86,6	9,5	96,1	141,4	97,7	239,1	42 5	556,2	304,8	234,7	539,5	16.7	(70,4)
В среднем за 1924/25 год	299,3	62,8	9,0	71,8	124 2	103,3	227,5	—	444,5	—	—	—	—	—
1925/26 год в % % к 1924/25 году	112,0	137,9	105,6	133,8	113,8	94,6	105,1	—	125,1	—	—	—	—	—

Таблица 4

Число оплаченных дней по временной нетрудоспособности на 100 застрахованных по СССР (без ЗСФСР) в 1925/26 г.

Месяцы	Общие заболевания и увечья			Карантин и уход за больными			Беременность и послеродовый период		Всего		
	Мужч.	Женщ.	Об. пола	Мужч.	Женщ.	Об. пола	Женщ.	На всех застрах.	Мужч.	Женщ.	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Октябрь	74,0	77,7	74,9	0,4	3,3	1,1	63,5	15,0	74,4	144,5	91,0
Ноябрь	67,9	72,5	69,0	0,4	3,4	1,1	58,9	14,1		134,8	84,2
Декабрь	75,5	87,2	78,3	0,5	3 9	1,3	67,5	16,0	76,0	158,6	95,6
Январь	67,2	76,4	69,4	0,5	3,3	1,2	63,6	15,3	67,7	143,3	85,9
Февраль	74,0	85,3	76,7	0,5	3,5	1 2	65,6	15,8	74,5	154,4	93,7
Март	89,3	113,0	95,0	0,6	4,6	1,6	69,1	16,7	89,9	186,7	113,3
Апрель	90,0	108,0	94,4	0,5	5,1	1,6	71,4	17,5	90,5	184,5	113,5
Май	68,5	74,5	69,9	0,3	3,1	1 0	59,4	14,6	68,8	137,0	85,5
Июнь	67,6	72,8	69,0	0,3	3,0	0,9	56,0	14,1	67,9	131,8	84,0
Июль	67,4	65,3	66,9	0,3	2,5	0,8	57,0	14,3	67,7	124,8	82,0
Август	62,7	56,5	61,2	0,3	2,3	0,8	57,5	14,4	63,1	116,3	76,4
Сентябрь	62,1	62,1	62,1	0,3	2,7	0,9	62,0	15,3	62,5	126,9	78,3
За 1925/26 г.	863,5	943,6	883,0	4,9	40,2	13,5	748,9	182,9	868,4	1.732,8	1.079,5

Таблица 5

Нормы пособий безработным и инвалидам труда в среднем за месяц по СССР (без ЗСФСР) в 1924/25 и 1925/26 гг.

(В червонных рублях)

Месяцы	Пособия безработным			Пенсии инвалидам труда			
	I катег.	II катег.	В средн.	I катег.	II катег.	III катег.	В средн.
1	2	3	4	5	6	7	8
1925/26 г.							
Октябрь	13,44	8,96	10,05	23,04	15,36	11,52	14,46
Ноябрь	13,51	9,01	10,16	23,46	15,64	11,73	14,73
Декабрь	14,32	9,55	10,89	24,96	16,64	12,48	15,67
Январь	15,23	10,15	11,66	26,05	17,37	13,03	16,36
Февраль	15,23	10,15	11,71	26,16	17,44	13,08	16,43
Март	15,30	10,20	11,80	25,96	17,31	12,98	16,31
Апрель	15,35	10,23	11,81	25,65	17,10	12,83	16,12
Май	15,54	10,36	11,89	26,16	17,44	13,08	16,44
Июнь	15,61	10,41	11,91	26,30	17,53	13,15	16,54
Июль	15,79	10,53	12,00	27,23	18,15	13,62	17,12
Август	15,63	10,42	11,86	27,77	18,51	13,89	17,45
Сентябрь	15,66	10,44	11,88	29,12	19,41	14,56	18,31
В среднем за 1925/26 г. (взв.)	15,16	10,08	11,54	26,11	17,39	13,04	16,39
То же за 1924/25 г.	10,29	6,89	7,71	18,59	12,39	9,29	11,68
1925/26 в % к 1924/25 г.	147,3	146,3	149,7	140,5	140,4	140,4	140,3

Примечание: 1924/25 год дан по СССР без ДВО и ЗСФСР.

Таблица 6

Средний страховой тариф по СССР (без ЗСФСР) за 1925/26 г.

(В % к заработной плате)

Месяцы	По всему кругу страхуемых	По полному страхованию	По частичн. страхованию
1	2	3	4
Октябрь	13,72	13,89	6,09
Ноябрь	13,79	13,98	6,74
Декабрь	13,59	13,76	6,62
Январь	13,59	13,72	7,30
Февраль	13,48	13,57	7,28
Март	13,48	13,56	6,80
Апрель	13,44	13,53	6,15
Май	13,40	13,51	5,73
Июнь	13,28	13,44	4,70
Июль	13,12	13,39	4,17
Август	13,07	13,39	4,26
Сентябрь	13,09	13,34	4,64
В среднем 1925/26 г.	13,40	13,58	5,54

Таблица 7

Приходо-расходный бюджет Соцстраха по СССР (без ЗСФСР) в 1924/25 и 1925/26 гг.

№№ по порядку	Статьи прихода и расхода	В тыс. рублей		В % % к итогу	
		1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6
	А. Приход				
1	По фондам пенсий и пособий и губерн. опер. фондам	290.674	431.237	64,7	63,3
2	По всесоюзному и республиканским фондам социальн. страхования	34.636	55.198	7,7	8,1
3	По местному и республик. фондам лечебн. помощи	124.320	195.028	27,6	28,6
	Всего поступило (1—3)	449.630	681.463	100,0	100,0
	Б. Расход				
1	Расходы на застрахованных и членов их семей				
	а) По временной нетрудоспособности:				
	1. Общие заболевания	86.088	146.559	20,5	21,6
	2. Карантин и уход за больными	1.070	1.985	0,2	0,3
	3. Заболевания от проф. увечья	8.713	16.906	2,1	2,5
	4. Беремен. и послеродов. период	14.681	23.375	3,5	3,5
	Итого (1—4)	110.552	188.825	26,3	27,9
	б) Дополнительные виды:				
	5. На детское придан. застрахов.	2.172	4.017	0,5	0,6
	6. На кормление	3.745	6.952	0,9	1,0
	7. На погребение	943	2.166	0,2	0,3
	Итого (5—7)	6.860	13.135	1,6	1,9
	8. На детск. придан. жен. застрах.	11.273	18.188	2,7	2,7
	9. На кормление жен. застрахов.	20.515	34.941	4,9	5,2
	10. На погребение жен. застрахов.	4.966	8.717	1,2	1,3
	Итого (8—10)	36.754	61.846	8,8	9,2
	11. Прочие расходы	48	84	0,0	0,0
	Всего по п. 1	154.214	263.890	36,7	39,0
2	По безработице				
	а) I категория	7.951	14.979	1,9	2,2
	б) II категория	14.631	23.732	3,5	3,5
	Итого (а—б)	22.582	38.711	5,4	5,7
	в) По временной нетрудоспособн.	116	186	0,0	0,0
	г) Дополнительные виды (безработн. и их женам)	2.063	3.090	0,5	0,5
	д) Прочие расходы	4.234	6.286	1,0	0,9
	Всего по п. 2	28.995	48.273	6,9	7,1
3	По инвалидности	61.484	110.335	14,7	16,3
4	На дома отдыха	8.953	14.773	2,1	2,2
5	На санатории	12.690	23.275	3,0	3,4
6	По профилактике	119	139	0,0	0,0
7	Прочие расходы	4.776	4.998	1,2	0,7
	Итого (1—7)	271.231	465.683	64,6	68,7
8.	Организационные расходы	19.639	27.460	4,7	4,1
	Итого (1—8)	290.870	493.143[1]	69,3	72,8
9.	Передано Здравотделу	128.925	184.696[2]	30,7	27,2
	Всего израсходов. (1—9)	419.795	677.839	100,0	100,0

Примечания: 1) Кроме того, передано Цекомбанку из средств, изъятых у местных страхорганов и зачисленных в фонд кредитования рабочего жилстроительства, 12.454 тыс.руб. 2) В суммы, переданные органам НКЗ, вошли 9.645 тыс.руб., переданные в фонд рабочего жилстроительства за счет 12-процентного отчисления из фондов лечебной помощи.

Таблица 8

Численность застрахованных по СССР и их средняя фактическая зарплата

(По данным единовременного учета Цустраха СССР)

Отрасли труда	Число застрахованных на 1 января 1926 г. (в тыс.)				Средняя зарплата за декабрь 1925 г. в черв. руб.			
	Госуд.	Кооп. и общест.	Част.	Итого	Госуд.	Кооп. и общест.	Част.	В среднем
Все отрасли труда	5.846,4	674,5	397,8	6.918,7	54,86	57,49	42,27	54,45
В том числе:								
А. Сел. хозяйство	162,9	6,5	5,7	175,1	33,25	37,54	33,94	33,46
В том числе:								
Землед. и спец. виды растениевод. и животновод	56,7	4,7	3,3	64,7	35,13	33,11	24,65	34,03
Лесоводство и лесоустройство	65,4	0,2	0,4	66,0	24,94	25,42	35,17	25,00
Заготовки и вывоз леса	39,6	1,1	1,4	42,1	43,25	47,50	38,10	43,19
Промысловые — охота и рыболовство	1,2	0,5	0,6	2,3	82,04	61,83	60,71	70,27
Б. Вся промышленность	2453,9	122,3	165,8	2.742,0	55,00	54,55	43,63	54,70
В том числе:								
а) цензовая	2410,8	78,7	64,2	2.553,7	54,98	60,99	63,55	55,37
б) от 6 рабочих до ценза	37,1	29,0	43,7	109,8	56,61	45,35	50,36	51,18
в) ниже 6 рабочих	6,0	14,6	57,9	78,5	49,32	33,34	34,97	46,98
Добывающая пром.	313,6	0,9	3,0	317,5	50,19	42,56	36,84	50,04
В том числе:								
а) цензовая	311,1	0,7	1,8	313,6	50,21	42,79	42,45	50,15
б) от 6 рабочих до ценза	2,2	0,2	1,1	3,5	46,06	41,99	27,54	39,88
в) ниже 6 рабочих	0,3	—	0,1	0,4	60,33	35,33	36,13	53,21
В том числе:								
Добыча минеральн. углей	218,2	0,1	0,8	219,1	50,84	56,04	27,55	50,77
а) цензовая	217,9	0,1	0,4	218,4	50,83	59,04	28,71	50,80
б) от 6 рабочих до ценза	0,3	—	0,4	0,7	52,19	46,08	26,28	39,55
в) ниже 6 рабочих	—	—	—	—	—	—	—	—
Обрабатывающ. пром.	2140,3	121,4	162,8	2.424,5	55,70	54,63	50,50	55,32
а) цензовая	2099,7	78,0	62,4	2.240,1	55,70	61,14	64,18	56,10
б) от 6 рабочих до ценза	34,9	28,8	42,6	106,3	57,27	45,38	50,97	51,56
в) ниже 6 рабочих	5,7	14,6	57,8	78,1	49,32	33,34	34,97	35,67
В том числе:								
1. Обработка металл.	664,0	8,4	27,7	700,1	62,79	57,90	61,40	62,68
а) цензовая	656,8	6,1	14,6	677,5	62,72	60,65	73,90	62,93
б) от 6 рабочих до ценза	6,7	1,8	5,0	13,5	70,14	54,48	62,59	65,37
в) ниже 6 рабочих	0,5	0,5	8,1	9,1	63,05	33,66	36,52	37,43
В том числе:								
1) Произв. металлич. изд. и матер.	154,3	6,0	20,9	181,2	57,07	57,86	57,23	57,11
а) цензовая	149,8	4,0	8,9	162,7	57,00	60,79	73,64	57,96
б) от 6 рабочих до ценза	4,1	1,5	4,6	10,2	60,12	56,09	60,72	59,84
в) ниже 6 рабочих	0,4	0,5	7,4	8,3	54,20	34,41	34,74	35,35
2) Машиностроение	285,6	2,3	3,1	291,0	69,53	57,73	95,67	64,13
а) цензовая	283,7	2,0	2,5	288,2	69,48	60,32	105,52	69,73
б) от 6 рабочих до ценза	1,8	0,2	0,3	2,3	76,36	39,40	72,39	72,58
в) ниже 6 рабочих	0,1	0,1	0,3	0,5	83,89	27,21	49,30	51,92
3) Электротехнич.	28,8	—	0,5	29,3	81,31	82,46	101,66	81,59
а) цензовая	28,1	—	0,2	28,3	80,56	—	104,16	80,70
б) от 6 рабочих до ценза	0,7	—	0,1	0,8	109,75	94,55	111,47	109,75
в) ниже 6 рабочих	—	—	0,2	0,2	179,17	16,00	91,16	93,91

Отрасли труда	Число застрахованных на 1 января 1926 г. (в тыс.)				Средняя зарплата за декабрь 1925 г. в черв. руб.			
	Госуд.	Кооп. и общест.	Част.	Итого	Госуд.	Кооп. и общест.	Част.	Вереднем
II. Обработка дерева	79,4	3,8	8,6	91,8	49,77	44,35	47,61	49,35
а) цензовая	77,1	2,3	4,4	83,8	49,71	44,35	51,06	49,63
б) от 6 рабочих до ценза	1,9	1,2	2,3	5,4	53,65	43,38	50,21	50,03
в) ниже 6 рабочих	0,4	0,3	1,9	2,6	43,17	48,08	36,08	38,45
III. Обработка волокн. веществ.	735,2	8,9	32,6	776,7	45,64	46,52	47,84	45,73
а) цензовая	731,2	6,0	11,8	749,0	45,60	47,09	66,65	45,92
б) от 6 рабочих до ценза	3,6	2,5	9,8	15,9	52,35	44,71	40,74	44,08
в) ниже 6 рабочих	0,4	0,4	11,0	11,8	64,54	48,77	33,61	35,04
В том числе:								
Обработка хлопка	507,6	0,6	8,0	516,2	46,13	42,16	43,42	46,12
а) цензовая	507,3	0,5	3,2	511,0	46,13	39,31	58,33	46,20
б) от 6 рабочих до ценза	0,2	0,1	3,9	4,2	52,12	42,58	34,47	35,23
в) ниже 6 рабочих	0,1	—	0,9	1,0	78,95	70,00	43,94	48,49
Обработка шерсти	62,5	1,4	6,9	70,8	48,43	52,41	43,83	48,08
а) цензовая	62,4	1,0	3,2	66,6	48,42	57,10	58,60	49,03
б) от 6 рабочих до ценза	0,1	0,4	1,6	2,1	57,47	40,57	31,29	34,71
в) ниже 6 рабочих	—	—	2,1	2,1	47,03	23,20	28,12	28,37
Обработка льна	88,2	0,4	0,4	89,0	34,99	43,38	19,15	34,98
а) цензовая	86,3	0,4	—	86,7	34,88	43,42	—	34,92
б) от 6 рабочих до ценза	1,9	—	0,3	2,2	40,31	42,80	17,80	38,26
в) ниже 6 рабочих	—	—	0,1	0,1	25,00	43,17	23,16	24,81
Швейное произв.	24,6	5,2	7,3	37,1	57,47	49,13	38,45	52,73
а) цензовая	23,4	3,3	0,1	26,8	56,48	50,64	71,18	55,85
б) от 6 рабочих до ценза	1,1	1,6	1,3	4,0	77,21	46,11	62,34	60,62
в) ниже 6	0,1	0,3	5,9	6,3	62,34	47,58	32,10	33,31
Трикотаж. произв.	10,1	0,5	5,9	16,5	60,05	38,14	68,25	61,93
а) цензовая	10,0	0,4	3,6	14,0	60,12	40,86	88,17	65,17
б) от 6 рабочих до ценза	0,1	0,1	1,0	1,2	36,66	24,73	42,43	40,86
в) ниже 6 рабочих	—	—	1,3	1,3	121,87	42,00	39,67	40,33
IV. Произв. бумаги и изд. из бумаги	42,6	1,3	1,8	45,7	56,96	38,21	57,98	56,53
а) цензовая	42,1	1,1	0,9	44,1	57,01	36,75	58,21	56,59
б) от 6 рабочих до ценза	0,4	0,2	0,4	1,0	51,39	40,25	75,71	60,36
в) ниже 6 рабочих	0,1	—	0,5	0,6	58,65	60,00	43,29	46,12
V. Обраб. минер. вещ.	126,1	1,7	3,4	131,2	49,76	63,56	46,83	49,84
а) цензовая	124,0	1,2	1,7	126,9	49,68	67,92	49,22	49,84
б) от 6 рабочих до ценза	1,8	0,3	1,0	3,1	57,21	49,67	47,30	53,79
в) ниже 6 рабочих	0,3	0,2	0,7	1,2	44,30	41,78	39,72	41,18
В том числе:								
Производств. строительн. материалов	37,5	0,8	1,2	39,5	54,40	43,76	40,77	54,16
а) цензовая	35,7	0,4	0,3	36,4	54,77	42,40	45,98	54,60
б) от 6 рабочих до ценза	1,5	0,3	0,6	2,4	54,41	51,65	39,87	51,05
в) ниже 6 рабочих	0,3	0,1	0,3	0,7	42,65	39,90	36,03	39,71
VI. Обраб. пищевых и вкусов. веществ.	224,0	78,5	62,3	364,8	56,88	53,36	46,59	54,45
а) цензовая	209,3	47,2	21,7	278,2	57,59	61,19	54,78	57,99
б) от 6 рабочих до ценза	12,1	19,2	18,1	49,4	46,87	45,23	49,41	47,12
в) ниже 6 рабочих	2,6	12,1	22,5	37,2	42,03	30,90	36,56	35,26
VII. Обраб. животн. продукт.	71,7	9,0	18,9	99,6	69,28	55,05	44,78	63,68
а) цензовая	68,7	5,8	4,2	78,7	69,53	59,84	75,75	69,17
б) от 6 рабочих до ценза	2,5	2,4	3,7	8,6	62,68	45,28	56,66	55,50
в) ниже 6 рабочих	0,5	0,8	11,0	12,3	65,66	44,76	28,26	30,53
VIII. Химическ. пром.	97,9	1,3	4,5	103,7	64,89	53,17	63,43	64,97
а) цензовая	96,7	0,7	2,2	99,6	64,78	72,59	79,48	65,16
б) от 6 рабочих до ценза	1,0	0,5	1,2	2,7	75,78	27,08	68,92	62,82
в) ниже 6 рабочих	0,2	0,1	1,1	1,4	64,98	59,46	52,33	54,67

Отрасли труда	Число застрахованных на 1 января 1926 г. (в тыс.)				Средняя зарплата за декабрь 1925 г. в черв. руб.			
	Госуд.	Кооп. и общест.	Част.	Итого	Госуд.	Кооп. и об. общест.	Част.	В среднем
IX. Произв. и передача электрич. энергии	26,5	0,4	0,2	27,1	69,42	41,76	66,34	69,02
а) цензовая	24,1	0,1	0,1	24,3	69,51	44,00	103,94	69,62
б) от 6 рабочих до ценза	2,1	0,2	—	2,3	77,44	41,45	55,92	68,67
в) ниже 6 рабочих	0,3	0,1	0,1	0,5	45,58	40,56	21,47	38,95
X. Графич. произв.	72,9	8,1	2,8	83,8	75,29	78,22	69,89	75,39
а) цензовая	69,7	7,5	0,8	78,0	76,13	80,42	85,58	76,66
б) от 6 рабочих до ценза	2,8	0,5	1,1	4,4	57,23	49,93	76,53	60,92
в) ниже 6 рабочих	0,4	0,1	0,9	1,4	54,10	55,33	48,34	50,18
В. Строительное дело	116,4	11,8	7,1	135,3	73,18	62,80	48,85	71,04
В том числе:								
Постройка и отделка зданий	74,0	10,2	3,6	87,8	79,66	63,99	50,74	74,16
Постр. дорог, дор. и искусств. сооружений	19,0	0,1	1,2	20,3	50,15	136,00	44,25	55,28
Артельн., подрядн. и проч. строительные работы	23,4	1,5	2,3	27,2	77,46	64,51	51,72	74,13
Г. Передвижение	1.114,1	14,1	15,6	1.143,8	54,77	46,92	45,78	54,57
В том числе:								
Паров. железн. дороги	946,5	—	—	946,5	54,09	—	—	54,09
Электр. жел. дор.	29,9	—	—	29,9	67,07	—	—	67,07
Водный транспорт	74,3	0,8	0,4	75,5	61,29	67,79	54,38	61,32
Ручная переноска, перевозка, автогужевой извоз и проч. виды передв.	63,4	13,3	15,2	91,9	51,69	45,76	45,57	49,84
Д. Учреждения	1.999,1	519,8	203,6	2.722,5	55,55	58,60	35,19	54,69
В том числе:								
I. Государственное управление	649,0	2,6	—	651,6	45,24	44,52	—	45,24
А. Центральные учреждения	34,1	—	—	34,1	126,50	—	—	126,50
Б. Обл. и губ. управл. и обл. и губ. представ. центральных учреждений	114,6	1,0	—	115,6	64,29	38,79	—	64,05
В. Окружные и уездные учреждения	181,6	0,9	—	182,5	49,69	53,05	—	49,71
Г. Районные (волостные) управлен.	284,7	0,6	—	285,3	29,08	51,79	—	29,09
Д. Сельские советы	20,9	0,1	—	21,0	29,13	31,13	—	29,14
II. Суд и юридич. обслужив. насел.	31,2	0,1	—	31,3	50,95	61,71	36,37	50,97
III. Охрана обществ. безопасности и порядка и места заключения	108,8	0,9	—	109,7	42,81	28,80	22,37	42,69
IV. Народн. просвещен. и соц. воспит.	346,6	13,0	0,8	360,4	43,74	46,48	61,67	43,88
а) Научн. учр. и высш. учебн. завед.	50,0	0,1	—	50,1	62,40	20,21	67,33	62,31
б) Школы массов. типа (I и II ст., 7 и 9-лет., школы для подростков)	173,3	0,9	—	174,2	37,76	42,99	17,24	37,78
в) Прочие учебные заведения	65,5	2,4	0,7	68,6	47,32	52,81	65,42	47,68
г) Учрежд. дошкольн. типа соц.-прав. охр. несовершеннолетн. и воспит. дефект.	29,8	0,8	—	30,6	37,22	44,33	27,36	37,40
д) Музеи, выставки, архивы, библ., клубы и проч.	20,6	8,8	0,1	29,5	41,88	45,71	49,45	43,04
V. Врачебно-санитарное дело	214,5	4,8	0,8	220,1	44,07	51,07	53,24	44,24

Отрасли труда	Число застрахованных на 1 января 1926 г. (в тыс.)				Средняя зарплата за декабрь 1925 г. в черв. руб.			
	Госуд.	Кооп. и общест.	Част.	Итого	Госуд.	Кооп. и общест.	Част.	В среднем
VI. Учр. соц. обеспеч. (для взросл.)	2,7	0,2	—	2,9	37,70	49,02	20,00	38,75
VII. Учр. по обслуж. и сод. сел. хоз.	19,3	1,3	0,1	20,7	47,22	52,76	72,97	47,66
VIII. Учр. по обсл. и сод. промышл., торговли и транспорта	21,9	3,9	4,4	30,2	84,63	65,65	60,40	78,47
IX. Учреждения связи	79,5	0,1	0,2	79,8	55,04	106,05	110,61	55,21
X. Таможенные учреждения.	4,1	—	—	4,1	68,85	—	—	68,85
XI. Кредитные учреждения.	31,8	37,9	1,1	70,8	100,42	57,16	123,62	78,46
XII. Страхование	28,0	—	—	28,0	68,98	—	—	68,98
XIII. Транспортные учрежден.	61,9	1.8	0,8	64,5	82,89	60,95	74,60	82,12
XIV. Управл. коммунальн. учреждений (трамв., эл. осв., водопр., канал.)	37,6	0,6	—	38,2	60,34	58,06	—	60,31
XV. Коммунвл. учрежд. (кроме трамв.)	25,6	0,8	0,8	27,2	53,79	59,99	37,56	53,58
XVI. Упр. тор. и торг.-пром. предприят.	101,2	35,7	2,0	138,9	110,07	83,28	84,66	102,90
XVII. Упр. строит. пред. (строит. конт.)	14,8	1,5	0,3	16,6	90,51	86,18	112,71	90,46
XVIII. Торговые заведения	90,0	230,6	41,8	362,4	85,36	53,56	66,20	62,83
XIX. Склады	61,4	10,2	4,0	75,6	62,85	69,57	58,85	63,56
XX. Литература, искусство и зрел.	37,4	6,3	2,0	45,7	85,49	83,74	69,71	84,50
а) издательское дело	18,8	3,9	0,2	22,9	90,99	101,19	71,54	92,47
б) теат. студ., цирки, кинем. орк., хоры	18,7	2,4	1,8	22,9	80,09	54,69	69.59	76,75
XXI. Учр. обществ. питан., общежит. и гигиен.	26,7	53,9	22,0	102,6	49,67	45,48	39,62	45,29
а) стол. кафе, рестор., гостиницы	15,1	19,4	14,3	48,8	50,58	46,84	42,09	46,65
б) бани	5,0	0,1	0,8	5,9	37,46	36,59	31,99	36,69
в) парикмахерские, прачечные	2,9	1,2	3,1	7,2	40,73	48,54	39,02	41.14
г) домоуправл. и жил. товариществ.	3,7	33,2	3,8	40,7	79,79	44,66	31,78	45,65
XXII. Дом. хоз. с наемным трудом	—	—	119,5	119,5	—	—	17,69	17,69
XXIII. Професс. и обществ. организации	—	108,9	—	108,9	—	68,22	—	68,22
XXIV. Разные учрежден. и предприятия	5,1	4.7	3,0	12,8	52,33	42,21	27,35	43,11

Примечания: 1. Таблица дает сведения о численности лиц, работающих по найму и охваченных социальным страхованием на 1 января 1926 г. и об их зарплате, выплаченной в течение декабря 1925 г. В таблицу не вошли частично застрахованные во всех территориальных страхкассах, а также страхуемые полностью в территориальных кассах ЗСФСР, Узб. ССР, в Мервской страхкассе Туркменской ССР, работающие в трудколлективах БССР, а также полнозастрахованные ряда касс РСФСР (Сталинградской губ., уездных касс Гомельской губ., Саратовской губ. и других, с общей численностью застрахованных 225.302 чел.).

По всему СССР не охвачено упомянутой сводкой 7,6% всех полнозастрахованных, состоящих на учете касс на 1 января 1926 г.

2. Учет составлялся на основании расчетных ведомостей. По некоторым административным учреждениям расчетные ведомости составлялись общие с подведомственными им учреждениями (школами, больницами и т. д). Вследствие этого преувеличено число застрахованных в окружных и уездных учреждениях, в районных (волостных) управлениях и сельсоветах, в управлении коммунальными учреждениями и в управлении торговых и торгово-промышленных предприятий. Преуменьшено, по этой же причине, число лиц в группах: охрана общественной безопасности и порядка (за счет милиции), народное просвещение и социальное воспитание, врачебно-санитарное дело, торговые заведения и склады и коммунальные учреждения.

ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Бюллетень Сектора Мирового Хозяйства

под редакцией С. А. Фалькнера

№ 3 (23) Апрель 1927 г.

Содержание бюллетеня № 3 (23)

А. Кон'юнктура мирового хозяйства

(Сводная таблица показателей)

Б. Динамика отдельных отраслей

I. Промышленность

1. Строительство в Германии в 1922—26 гг.
2—4. Германская перепись 1925 г.
   - А. Число предприятий и численность занятого в них населения по переписям 1907 и 1925 гг.
   - Б. Сопоставление данных переписи 1925 г. с данными переписи 1907 г. (в совр. границах).
   - В. Моторные установки в германском народном хозяйстве в 1907 и 1925 гг
5. Мировая продукция чугуна в 1913 г. и 1919—1926 гг.
6. Мировая продукция стали в 1913 г. и 1919—1926 гг.
7. Мировая добыча нефти в 1923—1926 гг.
8. Мировое потребление хлопка в 1922—1926 гг.

II. Денежный и капитальный рынок

9. Внешняя эмиссия ценных бумаг Соед. Штатов
10. Эмиссия ценных бумаг в Голландии в 1922—1926 гг.

III. Обобщающие показатели

11. Платежный баланс Англии за 1924—1926 гг.
12. Платежный баланс Германии в 1925 и 1926 гг.

А. КОН'ЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Сводная таблица Сектора мирового Хозяйства

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1926 год										1927 год	
		Месячные средние					Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1. Промышленность																			
1. Общий об'ем продукции крупной промышленности (Индексы в %% к 1913 г.)	а) Соед. Штаты [1] 1) добывающ.	100	103,9	142,0	133,3	137,7	122,5	140,9	133,3	146,3	156,1	162,6	169,1	169,1	178,9	171,3	162,6	—	—
	2) обрабатыв.	100	119,7	141,0	133,9	148,1	142,2	162,3	156,4	152,9	155,2	150,5	160,0	160,0	157,6	144,6	133,9	—	—
	б) Англия [2]	100	80,9	88,8	90,9	87,2	90,8	90,8	62,9	62,9	62,9	50,3	50,3	50,3	64,1	64,1	64,1	—	—
	в) Франция [3]	100	—	96,4	112,3	116,7	129,2	127,1	122,8	114,5	123,9	116,1	129,6	121,0	122,4	127,4	127,0	124,1	—
	г) Германия **	100	—	—	79,5	96,3	89,2	89,2	89,1	94,1	94,6	97,0	102,2	104,5	—	—	—	—	—
	д) СССР [4]	100	—	35,0	48,7	78,4	98,6	104,2	106,5	94,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Добыча угля (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	43.088	36.057	49.736	43.213	44.231	44.143	42.829	43.813	42.740	46.202	47.084	49.507	52.090	57.395	60.933	59.147	62.000	61.000
	б) Англия	24.336	21.133	23.450	22.646	20.694	21.657	14.235	22.200	—	—	—	—	(2.750)	(3.500)	7.700	19.862	21.911	21.708
	в) Франция [5]	3.564	2.595	3.140	3.675	3.935	4.088	4.566	4.200	3.942	4.430	4.381	4.365	4.392	4.568	4.645	4.648	4 629	4.451
	г) Германия [6]	11.782	9.929	5.185	9.902	11.061	10.611	11.424	10.086	10.678	11.756	13.074	12.879	12.876	13.517	13.496	13.775	13.355	12.700
	д) СССР	2.642	865	1.075	1.259	1.473	2.116	2.266	2.162	1.798	1.962	2.006	1.939	2.191	2.511	2.684	2.774	(2.480)	(2.666)
	е) Мировой показатель [7]	95.058	78.240	91.730	90.178	91.197	92.406	92.810	92.054	68.580	74.595	77.656	80.282	86.405	95.082	102.596	112.662	115.261	—
3. Добыча нефти (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	2.880	6.462	8.489	8.275	8.761	7.589	8.413	8.327	8.700	8.587	9.025	9.257	9.082	9.603	9.664	10.022	9.971	9.580
	б) СССР	715	399	435	516	601	583	644	666	728	739	759	784	747	793	823	(885)	(831)	(768)
4. Выплавка чугуна (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	2.601	2.276	3.391	2.632	3.082	2.970	3.497	3.505	3.537	3.287	3.276	3.247	3.186	3.387	3.288	3.141	3.153	2.985
	б) Англия	869	415	630	620	528	510	578	530	90	42	18	14	13	13	13	100	442	577
	в) Франция [5]	757	440	453	638	706	707	772	768	783	778	792	814	785	816	790	827	805	716
	г) Германия [6]	910	783	411	651	848	631	717	668	736	720	768	850	880	935	983	1065	1 060	967
	д) СССР	351	17,0	32,5	62,2	129,0	163	189,2	190,1	199,1	197	191	198	215	234	234	251	(243)	(234)
	е) Мировой показатель [8]	6.160	4.328	5.383	5.141	5.811	5.479	6.371	6.293	5.980	5.662	5.695	5.784	5.741	6.064	5.951	6 074	6.368	6.126
5. Выплавка стали (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	2.564	2.927	3.682	3.117	3.741	3.863	4.560	4.190	4.008	3.811	3.709	4.069	3.993	4.158	3.782	3.527	3.868	3.785
	б) Англия	649	494	718	696	626	715	797	675	46	35	33	54	97	94	98	324	742	832
	в) Франция [5]	581	373	415	576	618	630	726	683	667	694	718	704	706	742	714	741	673	628
	г) Германия [6]	981	976	525	820	1.018	816	950	869	900	977	1.022	1.141	1.142	1.174	1.257	1303	1.308	1.233
	д) СССР	354	29,8	61,7	95,0	176,7	226	266	249,7	250,6	247,1	237	252	279	291	295	303	(294)	(286)
	е) Мировой показатель [9]	5.797	5.284	5.982	5.952	6.854	6.865	7.049	7.419	6.650	6.568	6.539	7.028	7.056	7.293	6.958	7.047	7.723	—
6. Хлопчатобумажная промышленность	а) Соед. Штаты (потребл. хлопка в тыс. кип)	465	507	543	460	536	567	535	576	517	519	461	501	571	569	584	605	605	590
	б) Франция [10] (выраб. хл.-бум. пряжи в тыс. м. т.)	*	17,14	17,49	17,37	18,20	18	20,40	18,88	17,85	19,62	18,06	18.70	18,69	18,94	18,69	19,34	—	—
	в) СССР * (выраб. хл.-бум. пряжи в тыс. м. т.)	25,30	4,86	6,45	9,78	17,42	20	19,87	20,95	17,41	20,49	14,03	20,33	22,97	23,04	23,40	23,56	(22,10)	(22,70)
	г) Англия [11] (эксп. хл.-бум. тканей в миллион. *кв. м*)	480,8	291,8	288,5	309,7	308,9	306	336,9	236	254,2	274,2	301	249,2	260,9	257,5	232,4	200,7	269,2	250,0

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1926 год										1927 год	
		Месячные средние					Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
7. Судостроение [13] Строящийся тоннаж (в тыс. брутто тонн)	а) Соед. Штаты	148	139	42	42	89	—	101,8	—	—	117,3	—	—	70,6	—	—	151,6	—	—
	б) Англия	1.957	1.469	1.395	1.297	885	—	43	—	—	841	—	—	775	—	—	760	—	—
	в) Франция	229	189	111	197	174	—	56	—	—	154	—	—	135	—	—	143	—	—
	г) Германия	545	416	324	355	234	—	17	—	—	149	—	—	127	—	—	211	—	—
	д) Мировой показатель [12]	3.179	—	2.580	2.546	2.070	—	10	—	—	1.971	—	—	1.851	—	—	1.933	—	—
II. Товарообмен 1. Движение оптовых цен (в золотом исчислении) Индексы: 1913 г.=100 [14]	а) Соед. Штаты (Bradstreet)	100	132	145	140	151	145	142	140	138,5	138	137	138	139	138	139	139	136	136
	б) Англия (Economist)	100	146	152	158	165	154	152	150	150	150	150	153	158	157	155	148	146	149
	в) Франция Statistique gèn)	100	139	130	135	134	121	114	111	114	111	106	118	115	123	129	129	127	128
	г) Германия (Stat. Reichsamt) [15]	100	—	—	137,3	141,6	134	133,1	132,7	132,3	131,9	133,1	134,0	134,9	136,2	137,1	137,1	135,9	135,6
	д) СССР (Госплан)	100	—	135	174	183	194	196	197	189	183	182	180	179	178	178	177	179	179
	е) Мировой индекс оптов. цен С.М.Х [25]	100,0	137,4	140,7	143,0	149,1	142	139,5	138,9	139,1	138,8	138,4	140,4	141,0	143,3	143,1	(143,6)	(141,4)	(140,7)
2. Движение стоимости жизни Официальные индексы: 1913 г. или 1914 г.=100	а) Соед. Штаты [16]	100	169	171	171	175	—	—	—	—	175	—	—	—	—	—	176	—	—
	б) Англия [16]	100	181	174	175	175	172	168	167	168	170	170	172	174	179	179	175	172	171
	в) Франция [17]	100	297	327	364	400	451	—	—	485	—	—	539	—	—	545	—	—	—
	г) Германия [18]	100	42 [15]	59 [15]	115	140	139	138	140	140	141,5	142	143	142	142	144	144	145	145
	д) СССР [19]	100	—	149	201	204	225	229	239	233	227	228	222	220	222	224	222	226	—
3. Внешняя торговля (ценность в милл. зол. ден. единиц) а) Привоз (только для потребления внутри страны)	а) Соед. Штаты (доллары)	146,4	253,9	309,6	292,1	344,7	381	383,6	389,3	312,5	327,3	331,3	336,6	343,5	371,3	367,2	350,4	349,4	312,0
	б) Англия (фунт. стерл.)	54,9	68,3	76,6	86,1	96,6	83	94,8	91,2	73,7	86,8	90,8	92,6	93,6	100,7	102,3	101,8	103,7	83,0
	в) Франция (фр.)	701,8	835,1	848,6	903,9	889,1	1.000	948,3	884,5	719,1	789,6	631,5	768,0	685,4	780,7	884,0	1.051	837,0	973,7
	г) Германия (марки)	897,5	516,7	512,0	759,1	1.035,7	661	745,3	723,1	702,8	791,9	942,1	919,7	823,4	990,1	1.000	1.060,6	1.094,0	1.094,4
	д) СССР (руб.) [21]	101,7	22,5	12,0	18,2	39,8	32	37,0	40.4	26,7	29,7	31,3	33,4	33,6	38,8	27,9	24,3	26,7	27,2
б) Вывоз (только товаров внутренней продукции)	а) Соед. Штаты (доллары)	204,0	313,8	340,9	374,8	401,5	345	354,9	379,2	348,1	328,7	360,5	385,6	440,9	448,9	473,5	456,1	412,2	373,0
	б) Англия (фунт стерл.)	43,8	54,6	60,1	60,6	63,9	62	66,4	52,7	45,8	50,1	57,3	49,8	50,7	53,2	53,1	49,7	55,4	52,9
	в) Франция (фр.)	573,4	720,4	790 0	933,7	935 5	791	823,1	767,0	730,6	711,9	668,6	813,2	770,2	933,1	943,3	1.107	966,3	936,4
	г) Германия (марки)	841,4	330,8	508,5	545,7	733,2	783	823,1	779,3	729,6	758,8	821,3	833,9	836,4	879,8	876,3	832,5	798,5	755,9
	д) СССР (руб.) [21]	118,4	6,8	17,2	25,2	30,5	28	36,2	35,0	26,4	37,5	35,4	36,4	41,5	47,3	47,4	53,7	40,1	34,4
III. Денежное обращение [13] 1. Количество всех видов денег в обращении (в милл. ден. единиц на конец месяца)	а) Соед. Штаты (доллары) [22]	2.575	4.733	4.951	4.993	5.008	4.814	4.806	4.854	4.871	4.835	4.858	4.864	4.906	4.933	4.949	5.001	4,713	—
	б) Англия (фунт. стерл.) [23]	29,6	398,3	397,6	397,8	385,3	372	381,8	382,3	383,9	379,5	379,7	376,1	370,8	369,1	365,1	379,7	363,1	364,0
	в) Франц. (фр.) [23]	5.714	36,359	39.114	40.885	51.085	50.991	52.127	52.208	52.735	53.914	56.022	55.346	55.010	54.578	53.263	52.907	52,172	52.697
	г) Германия (зол. мар.) [22]	6.070	1.295,2 мард.	2.274 бум.м.	4.274	5.181	4.924	5.050	5.030	5.042,8	5.169,4	5.281,8	5.304,5	5.459,9	5.495,0	5.421,2	5.799,8	5.390,0	5.458,1
	д) СССР (черв. руб.) [22]	2.299,6	117,6	322,0	742,7	1.269,3	1.245	1.264,2	1.222,8	1.172,9	1.209,4	1.233,9	1.274,6	1.343,1	1.417,2	1.400,8	1.412,6	1.357,3	1.355,6

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1926 год										1927 год	
		Месячные средние					Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
2. Валютные курсы	а) Соед. Штаты	100	100 [13]	100 [13]	100 [13]	100 [13]	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	б) Англия	100	95,2 [13]	89,3 [13]	97,0 [13]	99,7 [13]	99,9	99,9	99,9	99,9	100,0	99,9	99,8	99,8	99,7	99,6	99,7	99,7	99,7
Индексы курсовой цен. данной валюты на Нью-Йоркской бирже	в) Франция	100	37,6 [13]	26,9 [13]	28,0 [13]	19,4 [13]	19,8	18,6	17,6	16,4	15,2	12,8	14,7	14,8	15,2	17,7	20,5	20,5	20,4
	г) Германия	100	0,06 [13]	—	100 [13]	100 [13]	100	100	100	100	100	100	100	100	99,9	99,7	99,9	99,7	99,6
	д) СССР	100	—	—	—	—	100,1	100,1	100	100,1	100,1	100,1	100,1	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	е) Мировой индекс валютных курсов С. М. Х. [25]	100 [24]	—	—	—	79,5	80,1	80,5	80,2	80,0	80,0	79,6	79,9	79,9	79,7	82,3	82,6	82,7	82,8
3. Обороты расчетных палат (в миллиардах ден. единиц)	а) Соед. Штаты (Нью-Йорк, долл.)	7,89	18,16	17,83	20,82	23,64	21,2	28,09	25,96	23,39	24,19	23,83	21,68	21,36	24,33	22,25	26,72	25,56	23,06
	б) Англия (Лондон, фунт. стерл.)	1,37	3,10	3,05	3,29	3,37	3,4	3,49	3,31	3,22	3,24	3,47	3,12	3,07	3,40	3,44	3,44	3,68	(3,16)
	в) Франция (Париж, франки)	1,53	13,14	19,89	30,67	30,96	37,4	47,47	44,60	48,7	49,6	55,8	46,2	42,2	45,1	49,8	43,3	30,3	28,5
	г) Германия (Рейхсбанк, з. м.)	6,10	—	—	2,52	4,24	3,9	4,41	4,47	4,50	4,61	4,90	4,77	4,64	5,20	5,45	5,85	5,84	5,74
	д) СССР (Расчетный Отдел Госбанка Черв. рубл.)	—	—	0,02	0,06	—	0,1	0,50	0,51	0,36	0,24	0,29	0,29	0,35	0,35	0,44	0,55	0,41	0,42
IV. Транспорт	а) Соед. Штаты [26] (в тыс. груженых вагонов)	—	3.650	4.145	4.120	4.255	3.965	4.100	4.112	4.456	4.451	4.545	4.785	4.931	5.205	4.627	4.095	3.921	4.142
1. Погрузка жел. дорог. (месячная — в милл. тонн, кроме Соед. Штатов и Франции)	б) Англия	33,78	25,45	29,00	28,38	27,2	27,3	31,3	28,5	6,0	10,4	10,3	11,1	12,6	15,3	17,9	25,2	—	—
	в) Франция (суточная — в тыс. гружен. вагон.) [27]	—	44,3	50,4 [29]	53,2	53,9	57,1	58,6	55,4	53,7	55,8	52,8	54,4	55,5	58,7	57,3	52,1	48,6	(53,1)
	г) Германия [28]	35,25	33,25	20,02	21,70	30,91	25,8	28,72	27,07	27,53	30,63	32,95	33,68	34,44	38,96	38,69	34,88	—	—
	д) СССР	13,09	—	5,07	5,85	7,58	8,3	10,25	10,18	8,59	9,18	9,69	10,10	11,20	12,19	11,69	(10,58)	(9,51)	(10,38)
2. Судооборот морских портов (в тыс. регистровых тонн)	а) Соед. Штаты	8.923	10.836	11.073	11.427	11.601	8.9	9.324	9.888	11.987	13.380	16.131	15.833	15.206	15.219	15.188	13.586	(10.201)	—
	б) Англия	9.741	8.590	10.149	10.045	9.814	8.6	9.775	9 843	6.253	8.412	9.643	10.286	9.705	9.929	9.246	9.918	9.949	8.772
	в) Франция	5.052	5.183	6.047	6.268	6.735	5.4	6.729	7.040	6.948	7.087	7.063	6.971	7.131	7.510	6.832	6 948	6.070	5.092
	г) Германия	4.435	3.735	5.106	5.104	5.666	4.5	5.142	5.228	5.330	6.319	7.558	8.088	7.797	7.448	7.531	6.610	5.920	—
	д) СССР	2.599	308	428	500	2.168	1.5	1.539 [31]	2.320 [30]	2.421 [30]	2.790	3.186	3.733	3.920	(4.000)	—	—	—	—
	е) Мировой показатель [33]	56.313 [34]	54.093	60.786	64.145	68.810	60.4	67.492	67.958	67.541	73.906	81.109	82.064	79.982	80.093	77.793	—	—	—
V. Труд	а) Соед. Штаты (индекс числа занят. раб. в пром.)	100 [35]	88,4	100,0	90,3	91.2	9	93,7	92,8	91,7	91,3	89,8	90.7	92,2	92,5	91,4	90,9	89,4	—
1. Безработица	б) Англия, % % [36]	—	13.4	11,6	10,4	11.3	1	9,8	9,1	14,3	14,6	14,4	14,0	13,7	13,6	13,5	11,9	12,1	10,9
	в) Герман., % % [37]	2,9	1,5	9,6	13,5	6,7	2	21,4	18,6	18,1	18,1	17,7	16,7	15,2	14,2	14,2	16,7	17,1	16,2
	г) Франция (в тысяч) [38]	—	5,5	1,9	0,7	0,6		0,5	0,4	0,4	0,5	0,3	0,4	0,3	0,4	0,6	17,2	56,3	80,9
	д) СССР, % %	—	—	—	—	12,8***		—	13,5	—	—	12,5	—	—	—	—	—	—	—
	е) Вся Европа (в тыс.) [39]	—	—	—	2.480	2.424	4.2	3.932	3.642	4.200	4.200	4.000	3.900	3.700	(3.600)	(3.700)	(4.200)	(4.300)	(4.000)
2. Реальная заработная плата Индексы в % % к довоенной	а) Соед. Штаты (шт. Нью-Йорк) [40]	100	117	125	128	127	1	127,8	127,5	127,3	128,0	(127,9)	(127,7)	(127,5)	—	—	—	—	—
	б) Англия [41]	100	107,9	99,0	101,1	103,0	1	107,1	107,8	107,1	105,9	105,9	104,7	103,4	100,6	100,6	103,4	105,2	105,9
	в) Франция (углекопы)	100	102,3	107,8	106,0	99,6		—	—	96,5	—	—	91,1	—	—	—	—	—	—
	г) Германия [42, 44]																		
	1) необуч. рабоч.	100	80,8 [43]	79,5	91,8	93,5	1	104,8	103,8	103,6	103,0	101,7	101,6	102,9	102,8	101,8	101,5	101,4	101,0
	2) обуч. рабоч.	100	62,2 [43]	62,2	85	87,7		94,2	93,3	93,1	92,5	91,3	91,2	92,4	92,2	91,3	90,9	90,8	90,5
	д) СССР [45]	100	31,5	53,7	—	—		89,5	92,6	86,5	92,0	98,5	96,8	102,9	101,7	100,1	98,9	(94,5)	—

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1926 год										1927 год	
		Месячные средние					Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
3. Стачки и локауты	а) Соед. Штаты																		
А—число конфликтов	А	—	1.112	1.553	1.249	1.301	7[illegible]	80	—	—	—	89	104	96	72	51	37	—	—
Б—число участн. (в тысячах)	Б	—	1.613	757	655	428	4[illegible]	26	—	—	—	79	16	27	12	10	10	—	—
В—число потерян. человеко-дней (в тыс.)	б) Англия																		
	А	1.459	576	628	710	604	6[illegible]	63	68	37	32	25	36	34	22	17	19	36	28
	Б	664	552	405	613	442	2[illegible]	37	51	2.673	1.082	1.052	1.002	1.002	903	651	464	—	—
	В	9.800	19.850	10.670	8.420	7.970	36[illegible]	460	424	36.114	23.387	23.018	21.018	21.015	18.510	16.007	3.176	130	65
	в) Франция																		
	А	1.073	665	—	1.269	918	19[illegible]	285	198	192	144	167	147	122	—	—	—	—	—
	Б	220	290	—	243	120	3[illegible]	37	55	78	23	28	28	20	—	—	—	—	—
VI. Денежный и капит. рынок																			
1, Учетный процент центральн. эмиссионных банков	а) Соед. Штаты .	3,5	4,2	4,4	3,6	3,4	[illegible]	4	3,5	3,5	3,5	3,5	4	4	4	4	4	4	4
	б) Англия . . .	4,8	3,7	3,5	4 0	4,6	[illegible]	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
	в) Франция . . .	4,0	5,0	5,0	6,0	6,5	[illegible]	6	6	6	6	6	7,5	7,5	7,5	7,5	6,5	6,5	5,5
	г) Германия . .	5,9	6,6	39,5	10,0	9,0	[illegible]	7	7	7	6,5	6	6	6	6	6	6	5	5
	д) СССР	6,0	12,0	10,0	8,0	8,0	[illegible]	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
2. Эмиссия ценных бумаг (в милл. долларов)	а) Соед. Штаты .	—	358,7	358,7	466,1	518,0	5[illegible]	608,8	520,0	647,3	579,0	522,2	209,2	485,9	479,1	427,3	541,9	743,4	692,8
	б) Англия . . .	100,7	215,7	109,0	89,3	137,9	12[illegible]	108,2	79,8	50,9	140,6	122,1	10,3	85,9	154,0	143,3	109,5	156,3	90,3
	в) Франция . . .	42,4	113,4	59 2	23,6	15 9	1[illegible]	12.9	8,1	38,3	14,6	6.8	7,5	4.9	10,1	22,2	12,2	16,9	9,8
	г) Германия . .	24,5	3,7	2,4	5,4	26,4	[illegible]	8,6	13,1	9,1	30,8	23,3	23,3	129,8	19,4	6,9	62,4	23,8	21,0
Вся эмиссия	Мировой показатель[46] . .	—	586,7	568,3	630,4	—	71[illegible]	770,1	662,6	793,9	807,6	703,6	286,7	756,0	684,1	643,1	754,9	—	—
В том числе внешняя эмиссия (включая колониальн.)	а) Соед. Штаты .	—	52.6	22,9	83,8	91,0	6[illegible]	50,6	127,3	97,4	111,2	110,6	41.2	132,4	114.1	100,4	96,0	111,6	89,4
	б) Англия . . .	80,1	54,1	49,6	49,9	39,8	1[illegible]	53,5	35,8	31,1	75.1	68,7	3,8	36,5	79,1	61,4	35,4	84,2	26,7
3. Курсы акций	а) Соед. Штаты (Annalist, 25 пром. акций)	100	169	185	198	262	30[illegible]	271	249	252	266	280	294	295	286	295	308	301	310
Индексы	б) Англия (Lond. and Cambr. Ec. S. 20 пром. акций) .	100	133	162	160	180	18[illegible]	182	177	182	186	181	184	187	190	197	192	197	191
	в) Франция Lond. a. Cambr. Ec. Serv. — 10 металлопром. акций) . .	100[47]	117	151	136	99	[illegible]	102	97	99	104	123	121	145	147	145	115	123	128
	г) Германия (W. u. St. — Общий индекс)	100	9,4	16,2	26,4	28,6	[illegible]	28,0	30,5	30,3	32,1	34,6	37,9	39,0	42,5	45,1	44,9	52,0	56,0
4. Банкротства (число)	а) Соед. Штаты .	1.213	1.868	1.597	1.643	1.572	1.7[illegible]	1.882	1.742	1.640	1.574	1.661	1.516	1.360	1.420	1.614	1.987	2.227	1.859
	б) Англия . . .	294	423	451	422	418	3[illegible]	494	389	285	395	423	309	291	407	391	336	375	—
	в) Германия . .	815	84	22	504	932	1.9[illegible]	1.871	1.302	1.046	913	701	493	467	485	471	435	493	473

Примечания к сводной таблице

[1] Индексы Survey of Current Business, перечисленные по основанию 1913 г.= 100.

[2] Индекс London and Cambridge Economic Service (по 7 отраслям).

[3] Индексы Societé d'études et d'informations économiques.

[4] По данным о крупной промышленности, подведомственной ВСНХ.

[5] В послевоенных границах (включая Эльзас-Лотарингию).

[6] В послевоенных границах (без Эльзас-Лотарингии, Саарской области и Польской части Верхней Силезии). Для довоенной Германии месячная средняя 1913 г. составляла 15.843 тысячи метрических тонн угля, 1.397 тысяч метрических тонн чугуна и 1.429 тысяч метрических тонн стали. Цифры за 1924 и 1925 гг. по данным журнала „Stahl und Eisen".

[7] Добыча 12 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Голландии, Франции, Саарской области, Германии, Польши, Чехо-Словакии, Брит. Индии, Южной Африки и СССР.

[8] Продукция 10 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Люксембурга, Польши, Франции, Германии, Швеции, Канады и СССР.

[9] Выплавка 11 стран: Соединенных Штатов, Англии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Италии, Швеции, Германии, Польши, Канады и СССР.

[10] Приближенные цифры, исчисленные нами на основании данных Statistique générale de la France.

[11] Экспорт хлопчатобумажных тканей составляет около 80% всей их продукции.

[12] По след. странам: Соединенным Штатам, Англии, Ирландии, Английским колониям, Франции, Бельгии, Италии, Нидерландам, Испании, Швеции, Дании, Германии, Данцигу, Японии и проч. странам.

[13] Годовые показатели относятся к концу года.

[14] Индексы на конец месяца, кроме Германии, для которой дана месячная средняя.

[15] Новый индекс Statistisches Reichsamt, вычисленный в 1924 г. и опубликованный впервые в „Wirtschaft und Statistik", № 23, 1926 г.

[16] Индексы на конец квартала (Соедин. Штаты, 1913 г.= 100) или месяца (Англия, июль 1914 г.= 100).

[17] Квартальный полный индекс г. Парижа. 1 января – 30 июня 1914 г.= 100.

[18] Месячная средняя; 1913/14 г.= 100.

[19] Конец месяца; 1913 г.= 100.

[20] С февраля 1925 г. новый расширенный индекс (приблиз. на 10% выше старого).

[21] Только по европейской границе; в милл. рублей по ценам 1913 г.

[22] Все виды денег, включ. звонк. монету.

[23] Только бумажные деньги: банкноты (Франция), банкн. и казнач. бил. (Англия).

[24] Паритет = 100.

[25] Индекс Сектора Мир. Хоз. Госплана СССР, взвешенный по доле участия отдельных стран и частей света в мировой торговле, в среднем за 1922, 1924, 1925 гг.

[26] Месячные показатели, полученные путем умножения недельной средней за данный месяц на $4^1/_3$.

[27] Средняя погрузка по главным железным дорогам, включая государственные (кроме Эльзас-Лотарингии).

[28] В послевоенных границах без жел. дор. Эльзас-Лотарингии, в границах сети современных Reichseisenbahnen.

[29] Неполные цифры, вследствие оккупации Рура.

[30] Кроме портов Тихого океана.

[31] Кроме Владивостока.

[32] Кроме Ленинграда и Владивостока.

[33] Исчислено по 28 странам.

[34] Без судооборота Греции, Чили и Палестины.

[35] Данные Bureau of Labor Statistics, 1923 г.= 100.

[36] % безработных среди застрахованных рабочих.

[37] % полных безработных среди членов профсоюзов.

[38] Число безработных, получающих пособие от государства.

[39] Только безработица, учитываемая официальной статистикой, по 17 странам: Англии, Франции, Бельгии, Италии, Голландии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Австрии, Венгрии, Чехо-Словакии, Польше, Финляндии, Латвии, Эстонии.

[40] Исчислено по индексу стоимости жизни гор. Нью-Йорка.

[41] Исчислено по индексам о номинальной плате проф. Боули (8 производств).

[42] До сентября 1924 г. исчислено по индексу стоимости жизни за период реализации платы (с 7 числа отчетного месяца по 7 число следующего месяца), а за последующие сроки — по индексу соответствующего месяца, с февраля 1925 г. по новому индексу стоимости жизни (см. выше примечание 20), средняя месячная за 1925 г. исчислена также по новому индексу.

[43] Средняя за апрель, июль, октябрь, ноябрь и декабрь.

[44] В связи с расширением немецкой официальной статистикой круга регистрируемых профессий данные за 1925/26 г. изменены.

[45] Данные Ц. Б. Статистики Труда.

[46] Эмиссия 9 стран: Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Нидерландов, Швеции, Дании и Германии.

[47] Средняя за 1904—1913 гг.= 100.

* Цифры за 1925/26 г. изменены в связи с включением угарно-вигоньевой пряжи.

** Индекс продукции важнейшего промышленного сырья.

*** Средняя за январь, апрель, октябрь январь.

Б. Динамика отдельных отраслей

Отдел I. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Строительство в Германии за 1922—1926 гг. *Таблица 1*

Постройки начатые и запроектированные

Месяцы	1922		1923		1924		1925		1926	
	Жилые постройки	Управления[1] и обществ. сооружения	Жилые постройки	Управления[1] и обществ. сооружения	Жилые постройки	Управления[1] и обществ. сооружения	Жилые постройки	Управления[1] и обществ. сооружения	Жилые постройки	Управления[1] и обществ. сооружения
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Январь . .	2.460	365	483	236	687	214	2.447	596	2.272	744
Февраль. .	4.623	379	441	169	675	153	2.401	524	3.387	701
Март . . .	6.271	488	516	391	1.263	654	4.345	1.066	2.728	714
Апрель . .	7.486	437	385	215	965	699	4.338	1.270	4.532	736
Май. . . .	8.346	516	638	300	1.778	996	3.573	997	3.429	264
Июнь . .	2.312	409	741	359	1.698	449	3.454	978	3.698	561
Июль. . .	2.495	496	612	341	1.408	368	4.270	1.516	4.099	744
Август . .	1.829	392	549	339	1.487	321	2.755	984	3.285	559
Сентябрь .	1.715	294	412	187	1.708	675	2.997	1.235	4.260	1.142
Октябрь .	1.618	249	579	203	2.805	887	4.598	1.742	3.958	744
Ноябрь . .	696	313	296	183	2.087	723	2.740	1.089	3.896	830
Декабрь. .	458	269	308	139	1.647	689	3.971	964	5.167	898
	40.309	4.607	5.960	3.062	18.208	6.828	41.889	12.961	44.711	8.637

[1] Управления, церкви, школы, газовые заводы, водопроводы, канализация, каналы, порты, мосты, улицы, гаражи и т. п.

Источник: Die Bauwelt, I, 1927 г.

Германская перепись 1925 г.

Таблица 2

А. Число предприятий и численность занятого в них населения по переписям 1907 и 1925 гг.

№№ по порядку	Отрасли хозяйства	1907 год								1925 год			
		Довоенная территория				Современная территория				Число предприятий	Численность занятого населения		
		Число предприятий	Численность занятого населения			Число предприятий	Численность занятого населения						
			Всего	В том числе женщин			Всего	В том числе женщин			Всего	В том числе женщин	
				Абсолютные числа	Проценты			Абсолютные числа	Проценты			Абсолютные числа	Проценты
	I. Несельское садоводство и скотоводство, морское промышленное рыболовство	40.127	136.723	35.000	25,6	37.382	129.100	33.002	25,6	17.890	61.730	15.603	25,3
1	Несельское садоводство и скотоводство	36.701	127.317	34.242	26,9	33.956	119.694	32.244	26,9	17.437	52.946	14.966	28,3
2	Морское (промышл.) рыболовство	3.426	9.406	758	8,1	3.426	9.406	758	8,1	453	8.784	637	7,3
	II. Промышленность, включая горную и строительную	1.957.553	10.701.485	2.216.379	20,7	1.808.165	9.843.065	2.072.008	21,1	1.842.913	12.482.442	2.872.813	23,0
3	Горная, соляная и торфяная	3.660	607.919	15.662	2,6	3.358	495.279	14.042	2,8	2.688	629.492	9.496	1,5
4	Предприятия, комбинированные с горной промышленностью	—	—	—	—	—	—	—	—	84	149.981	1.340	0,9
5	Синдикатная промышл.	41.865	747.217	82.969	11,1	38.129	681.883	73.243	10,7	33.640	652.002	90.688	13,9
6	Производство железа и прочих металлов	2.420	453.391	12.515	2,8	2.134	383.998	10.876	2,8	3.069	322.154	12.086	3,8
7	Предприятия, комбинированные с производством железа и проч. металлов	—	—	—	—	—	—	—	—	461	292.410	13.624	4,7
8	Производство металлических товаров	147.159	739.074	86.515	11,7	135.117	695.405	84.609	12,2	149.329	852.690	143.760	16,9
9	Производство машин, аппаратов и транспортных средств	15.189	742.973	12.778	1,7	14.144	698.017	12.370	1,8	41.196	1.220.553	71.419	5,9
10	Электрическая промышл., точная механика и оптика	22.912	184.571	24.882	13,5	21.346	178.740	24.343	13,6	47.104	593.000	145.011	24,5
11	Химическая промышл.	7.622	206.104	42.631	20,7	7.285	196.560	41.121	20,9	8.732	314.323	73 467	23.4
12	Текстильная промышл.	132.157	1.097.345	562.318	51,2	125.429	1.016.035	520.062	51,2	122.598	1.196.120	681.262	57,0
13	Бумажная и полиграфическая промышленность	33.097	426.986	125.551	29,4	31.347	410.825	120.887	29,4	35.658	569.666	191.868	33,7
14	Кожевенная и линолеумовая промышленность	34.392	137.729	14.400	10,5	31.969	130.391	14.118	10,8	33.648	164.650	23.865	14,5
15	Каучуковая и азбестовая промышленность	361	28.761	8.023	27,9	356	28.664	8.007	27,9	1.333	67.712	23.852	35,2
16	Деревообрабатывающая промышленность	232.407	826.919	59.167	7,2	212.775	764.835	56.273	7,4	218.091	945.357	88.164	9,3
17	Производство музыкальных инструментов и игрушек	14.491	83.445	22.723	27,2	14.357	83.091	22.711	27,3	20.140	118.616	41.394	34,9
18	Пищевая и вкусовая промышленность	292.080	1.262 711	368.125	29,2	267.333	1.168.000	342.626	29,3	291.934	1.345.664	482.938	35,9
19	Швейная промышленность	755.434	1.455.768	746.960	51,3	697.639	1.358.101	698.029	51,4	600.906	1.436.215	748.044	52,1
20	Строительная промышленность (включая вспомогательные производства)	218.601	1.628.674	30.103	1,8	202.113	1.486.656	27.737	1.9	224.697	1.469.949	24.991	1,7
21	Водо-газо-электроснабжение	3.706	71.898	1.055	1,5	3.334	66.585	954	1,4	7.605	141.888	5.544	3,9
	III. Торговля и транспорт (включая гостиницы и рестораны)	1.158.777	3 300.621	1.231.978	37,3	1.057.852	3.073.876	1.138.123	37,0	1.465.986	4.240.837	1.612.863	38,0
22	Торговля	760.160	2.100.430	745.428	35.5	696.792	1.955.684	689.937	35,3	1.127.835	3.115.608	1.144.056	36,7
23	Страховые предприятия	23.803	69.104	4.254	6,2	22.466	66.161	4.026	6,1	20.246	96.702	20.534	21,2
24	Транспорт (включая почту и жел. дороги)	74 409	327.683	12.450	3,8	68.576	310.900	11.745	3,8	61.987	312.431	13.358	4,3
25	Гостиницы и рестораны	300.405	803.404	469.846	58,5	270.018	741.131	432.415	58,3	255.918	716.096	434.915	60,7
	IV. Театры, сценические предприятия, учреждения для профтехнического образования	24.479	87.661	19.204	21,9	23.244	82.578	18.153	22,0	13.438	84.576	23.458	27,7
26	Театры, музыкальные, спортивные и сценические предприятия	24.479	87.661	19.204	21,9	23.244	82.578	18.153	22,0	10.343	79.051	20.680	26,2
27	Учреждения для профтехнического образования	—	—	—	—	—	—	—	—	3.095	5.525	2.778	50,3
	V. Производство предметов санитарии и гигиены	60.714	158.656	22.275	14,0	55.956	146.823	20.731	14,1	72.115	184.068	40.616	22,1
	Все отрасли	3.314.750	14.385.146	3.524.836	24,5	2.982.599	13.275.442	3.282.017	24,7	3 412 342	17.053.653	4.565.353	26,8

Таблица 3

Б. Сопоставление данных переписи 1925 г. с данными переписи 1907 г. (в современных границах, увеличение (+) или уменьшение (—) в 1925 г. по сравнению с 1907 г.)

№№ по порядку	Отрасли хозяйства	Абсолютные числа			Проценты		
		Изменение численности предприятий	Изменение численности занятого населения		Изменение численности предприятий	Измен. числен. занят. населен.	
			Всего	В том числе женщин		Всего	В том числе женщ.
	I. Несельское садоводство и скотоводство, морское промышл. рыболовство	—	—	—	—	—	—
1	Несельское садоводство и скотоводство	—	—	—	—	—	—
2	Морское (промышл.) рыболовство	—	—	—	—	—	—
	II. Промышленность, включая горную и строительную	+ 34.748	+ 2.639.377	+ 800.805	+ 1,9	+ 26,8	+ 38,6
3	Горная, соляная и торфяная						
4	Предприятия, комбинированные с горной промышленностью	— 586	+ 284.194	— 3.206	— 17,5	+ 57,4	— 22,8
5	Силикатная промышленность	— 4.489	— 29.881	+ 17.445	— 11,8	— 4,4	+ 23,8
6	Производство железа и прочих металлов						
7	Предприятия, комбирирован. с производством железа и пр. металлов	+ 1.396	+ 230.566	+ 14.834	+ 65,4	+ 60,0	+ 136,4
8	Производство металлическ. товаров	+ 14.212	+ 157.285	+ 59.151	+ 10,5	+ 22,6	+ 69,9
9	Производство машин, аппаратов и транспортных средств	+ 27.052	+ 522.536	+ 59.049	+ 191,3	+ 74,9	+ 477,4
10	Электрическая промышленность, точная механика и оптика	+ 25.758	+ 414.260	+ 120.668	+ 120,7	+ 231,8	+ 495,7
11	Химическая промышленность	+ 1.447	+ 117.763	+ 32.346	+ 19,9	+ 59 9	+ 78,7
12	Текстильная промышленность	— 2.831	+ 180.085	+ 161.200	— 2,3	+ 17,7	+ 31,0
13	Бумажная и полиграфическая промышленность	+ 4.311	+ 158.841	+ 70.981	+ 13,8	+ 38,7	+ 58,7
14	Кожевенная и линолеумовая промышленность	+ 1.679	+ 34.259	+ 9.747	+ 5,3	+ 26,3	+ 69,0
15	Каучуковая и азбестовая промышл.	+ 977	+ 39.048	+ 15.845	+ 274,4	+ 136,2	+ 197,9
16	Деревообрабатывающая промышл.	+ 5.316	+ 180.522	+ 31.891	+ 2,5	+ 23,6	+ 56,7
17	Производство музыкальных инструментов и игрушек	+ 5.783	+ 35.525	+ 18.683	+ 40,3	+ 42,8	+ 82 3
18	Пищевая и вкусовая промышл.	+ 24.601	+ 177.664	+ 140.312	+ 9,2	+ 15,2	+ 41,0
19	Швейная промышленность	— 96.733	+ 78.114	+ 50.015	— 13,9	+ 5,8	+ 7.2
20	Строительная промышл. (включая вспомогательн. производства)	+ 22.584	— 16.707	— 2.746	+ 11,2	— 1,1	— 9,9
21	Водо-газо-электроснабжение	+ 4.271	+ 75.303	+ 4.590	+ 128,1	+ 113,1	+ 481,1
	III. Торговля и транспорт (включая гостиницы и рестораны)	+ 408.134	+ 1.166.961	+ 474.740	+ 38,6	+ 38,0	+ 41,7
22	Торговля	+ 431.043	+ 1.159.924	+ 454.119	+ 61,9	+ 59,3	+ 65,8
23	Страховые предприятия	— 2.220	+ 30.541	+ 16.508	— 9,9	+ 46,2	+ 410,0
24	Транспорт (включая почту и жел. дороги)	— 6.589	+ 1.531	+ 1.613	— 9,6	+ 0,5	+ 13,7
25	Гостиницы и рестораны	— 14.100	— 25.035	+ 2.500	— 5,2	— 3,4	+ 0,6
	IV. Театры, сценические предприятия, учреждения для профтехнического образования	— 9.806	+ 1.998	+ 5.305	— 42,2	+ 2,4	+ 29,2
26	Театры, музыкальные, спортивные и сценические предприятия	— 12.901	— 3.527	+ 2.527	— 55,5	— 4,3	+ 13,9
27	Учреждения для профтехнического образования	—	—	—	—	—	—
	V. Производство предметов санитарии и гигиены	+ 16.159	+ 37.245	+ 19.885	+ 28,9	+ 25,4	+ 95,9
	Все отрасли	+ 429.743	+ 3.778.211	+ 1.283.336	+ 14,4	+ 28,5	+ 39,1

Источник: „Wirtschaft und Statistik", 1927 г.

В. Моторные установки в германском народном хозяйстве в 1907 и 1925 гг.

Таблица 4

(В лошадиных силах)

№ № по порядку	Отрасли хозяйства	1907 (довоенная территория)		1907 (современная территория)		1925		Увеличение (+) или уменьшение (−) в 1925 г. по сравнению с 1907 г. в современных границах[1]			
		Первичные двигатели	Электромоторы	Первичные двигатели	Электромоторы	Первичные двигатели	Электромоторы	Электромоторов		Перв. двиг. и электромоторов в 1925 г. по сравнению с перв. двигат. в 1907 г.	
								в лош. сил.	в %	в лош. сил.	в %
1	Горная, соляная и торфяная промышленность	1.355.427	300.495	1.104 673	244.903	1.416.750	1.672.915	+ 1.804.416	+ 736,8	+ 2.728 005	+ 247,0
2	Предприятия, комбинированные с горной промышлен.					366.609	376.404				
3	Силикатная промышленность	505.787	121.316	461.784	110.761	388.978	511.977	+ 401.216	+ 362,2	+ 439.171	+ 95,1
4	Производство железа и прочих металлов	1.066.236	283.131	903.102	239.812	525.290	1.545.707				
5	Предприятия, комбинированные с производством железа и проч. металлов	—	—	—	—	380 716	1.237 468	+ 2.543.363	+ 1.060,6	+ 2.786.079	+ 308,5
6	Производ. металлич. товаров	259.206	94.084	243.913	88 533	88.685	448.730	+ 360.197	+ 406,9	+ 293.502	+ 120,3
7	Производство машин, аппаратов и транспортных средств	362.170	184.331	340.078	173.087	164.105	1.271.169	+ 1.098.082	+ 634,4	+ 1.095.196	+ 322,1
8	Электрическ. промышленность, точная механика и оптика	55.555	52.077	53.777	50.411	13.220	438.490	+ 388.079	+ 769,8	+ 397.933	+ 740,0
9	Химическая промышленность	222.984	76.153	212.727	72.651	264.362	684.051	+ 611.400	+ 841,6	+ 735.686	+ 345,8
10	Текстильная „	881.950	104.001	816.686	96.305	572.811	706.257	+ 609.952	+ 633,4	+ 462.382	+ 56,6
11	Бумажная и полиграфическая промышленность	443.166	125.029	426.326	120.279	366.360	610.855	+ 490.576	+ 407,9	+ 550.889	+ 129,2
12	Кожевенная и линолеумовая промышленность	58.055	19.947	54.978	18.889	36.704	118.465	+ 99.576	+ 527,2	+ 100.191	+ 182,2
13	Каучуковая и азбестовая промышленность	22.159	5.557	22.093	5.540	20.950	76.629	+ 71.089	+ 1.283,2	+ 75.486	+ 341,7
14	Деревообрабатывающая пром.	406 578	84.352	376.085	78.025	422.102	600.368	+ 522.343	+ 669,5	+ 646.385	+ 171,9
15	Производство музыкальных инструментов и игрушек	11.597	6.619	11.551	6.592	10.111	33.664	+ 27.072	+ 410,7	+ 32.224	+ 279,0
16	Пищевая и вкусовая промышленность	1.090.209	183.549	1.008.443	169.783	741.236	965.610	+ 795.827	+ 468,7	+ 698.403	+ 69,3
17	Швейная промышленность	44.285	23.936	41.318	22.332	27.056	109.797	+ 87.465	+ 391,7	+ 95.535	+ 231,2
18	Строительная промышленность (включ. вспомог. производ.)	159 829	27 069	145.924	24.715	225.312	216.747	+ 192.032	+ 777,0	+ 296 135	+ 202,9
	Все отрасли, включая горную и строительн. промышленность (без водо-газо - электроснабжения)	6.945.193	1.691 646	6.223.458	1.522.618	6.031.357	11.625.303	+10.102.685	+ 663,5	+ 11.433.202	+ 183,7

[1] Без Саарской области.

Источник: „Wirtschaft und Statistik", 192

Таблица 5

Мировая продукция чугуна за 1913 г. и 1919—1926 гг.

(В тысячах метр. тонн)

№№ по порядку	Страны	1913	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926[1]
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Соед. Штаты	31.464	31.512	37.512	16.956	27.312	40.692	31.584	36.984	39.696
2	Англия	10.428	7.524	8.160	2.664	4.980	7.560	7.428	6.336	2.481
3	Франция	9.072	2.448	3.432	3.420	5.124	5.436	7.656	8.472	9.395
4	Бельгия	2.484	252	1.116	876	1.608	2.148	2.844	2.544	3.393
5	Люксембург	2.544	612	696	972	1.680	1.404	2.160	2.364	2.489
6	Италия	427	240	88	61	157	236	304	482	452
7	Испания	425	294	251	346	210	400	497	468	467
8	Швеция	732	492	468	312	264	288	516	432	467
9	Германия	10.920	5.292	6.024	8.136	9.192	4.944	7.812	10.176	9.636
10	Саарская обл.	—	—	972	1.152	1.152	1.020	1.392	1.452	1.626
11	Австрия	2.382	62	100	224	321	342	267	380	330
12	Венгрия	—	—	—	71	99	125	116	93	160
13	Чехо-Словакия	—	626	710	543	344	750	1.050	1.165	1.250
14	Польша	1.032	336	432	444	480	516	336	312	310
15	СССР	4.212	108	120	120	192	528	756	1.548	2.337
16	Канада	1.032	828	984	600	384	900	600	576	792
17	Япония	240	780	721	652	694	797	820	838	864
18	Китай	152	169	127	128	203	264	305	305	305
19	Индия	207	325	317	377	345	624	891	902	904
20	Австралия	48	258	350	358	85	335	423	446	457
21	Прочие страны	203	102	184	151	102	203	203	254	305
	Весь мир	78.004	52.260	62.764	38.563	54.928	69.512	67.960	76.529	78.116

[1] По большинству стран данные предварительные.

Источники: 1) Bulletin Mensuel de Statistique Société des Nations, Génève, 1926. 2) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1926, 3) Iron Trade Review, 1927.

Таблица 6

Мировая продукция стали за 1913 и 1919—1926 г.

(В тысячах метр. тонн)

№№ по пор.	Страны	1913	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926[1]
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Соед. Штаты	30.768	34.236	41.532	19.536	35.124	44.184	37.404	44.844	47.892
2	Англия	7.788	8.028	9.216	3.768	5.976	8.616	8.328	7.512	3.618
3	Франция	6.972	2.160	3.048	3.108	4.476	5.112	6.912	7.416	8.386
4	Бельгия	2.460	336	1.248	792	1.560	2.292	2.880	2.412	3.374
5	Люксембург	1.212	384	588	768	1.404	1.200	1.884	2.088	2.224
6	Италия	936	732	768	696	984	1.140	1.356	1.788	1.554
7	Испания	242	241	203	400	234	463	539	580	625
8	Швеция	744	552	492	228	348	312	552	516	494
9	Германия	11.772	6.312	7.680	8.268	11.712	6.300	9.840	12.192	12.348
10	Саарская область	—	—	672	924	1.260	996	1.452	1.572	1.727
11	Австрия	2.626	167	237	360	492	508	377	469	488
12	Венгрия	—	33	62	166	264	295	251	238	257
13	Чехо-Словакия	—	785	972	917	640	1.000	1.349	1.500	1.599
14	Польша	1.608	648	888	840	996	1.128	684	792	752
15	СССР	4.248	204	168	192	360	732	1.140	2.124	3.023
16	Канада	1.056	936	1.128	684	492	900	660	744	787
17	Япония	305	831	844	843	908	959	1.098	1.168	1.219
18	Китай	102	5	52	48	102	132	152	152	152
19	Индия	—	190	158	186	152	218	340	456	457
20	Австралия	—	181	171	212	224	203	311	357	366
21	Прочие страны	102	203	152	102	102	203	203	203	203
	Весь мир	72.941	57.164	70.279	43.038	67.811	76.893	77.712	89.123	92.545

[1] По большинству стран данные предварительные.

Источники: 1) Bulletin Mensuel de Statistique de la Société des Nations, Génève, 1926, 2) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1926, 3) Iron Trade Review, 1927.

Мировая добыча нефти за 1913 и 1923—1926 гг. *Таблица 7*

(В тысячах баррилей).

№№ по порядку	Страны	1913		1923		1924		1925		1926	
		Колич.	В % % к миров. прод.	Колич.	В % % к миров. прод.	Колич.	В % % к миров. прод.	Колич.	В % % к миров. прод.	Колич.	В % % к миров. прод.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Соед. Штаты . .	248.446	64,8	732.407	71,9	713.940	70,4	764.740	71,5	767.780	70,3
2	Мексика	25.696	6,7	149.585	14,7	139.587	13,8	114.827	10,7	89.02	8,1
3	СССР	62.684	16,3	39.156	3,8	45.162	4,5	55.000	5,1	69.200	6,3
4	Венецуэла	—	—	4.059	0,4	9.500	0,9	20.913	2.0	36.40	3.3
5	Персия	—	—	28.793	2,8	32.370	3,2	34.670	3,2	36.00	3,3
6	Румыния	13.555	3,5	10.867	1,0	14.296	1,3	17.351	1,6	22.500	2,1
7	Голландская Индия	11.172	2,9	19.868	1,9	21.000	2,0	21.500	2,0	21.400	2.0
8	Перу	2.183	0,6	5.699	0,6	7.879	0,8	9.120	0,9	10.800	1,0
9	Брит. Индия . . .	7.930	2,1	8.320	0,8	8.150	0,8	7.500	0,7	7.200	0,7
10	Аргентина . . .	131	0,1	3.400	0,3	3.844	0,4	4.132	0,4	7.000	0,6
11	Польша	7.816	2,0	5.373	0,5	5.710	0,6	4.819	0,4	5.700	0 5
12	Колумбия	—	—	494	0,1	500	0,1	800	0,1	5.400	0,5
13	Тринидад	501	0,2	3.031	0,3	4.284	0,4	5.000	0,5	4.800	0 4
14	Саравак	—	—	3.940	0,4	4.500	0,4	4.29	0,4	4.400	0,4
15	Япония	1.942	0,5	1.789	0,2	1.960	0.2	2.000	0,2	2.000	0,2
16	Египет	95	—	1.054	0,1	1.107	0,1	1.200	0,1	1.150	0,1
17	Прочие страны . .	1.243	0,3	2.135	0,2	1.175	0,1	1.469	0,2	1.655	0,2
	Всего . .	383.394	100	1.019.970	100	1.013.964	100	1.069.331	100	1.092.405	100

Источники: 1) La Revue Pètrolifére, 2) Tägliche Berichte, 3) Oil Engineering and Finance, 4) The Economist.

Мировое потребление хлопка за 1922—1926 гг.

Таблица 8

(В тысячах кип)

№№ по порядку	Страны	1912/13 г. Средние за полугодие	С 1/II 1922 г. по 1/VIII 1922 г.	С 1/VIII 1922 г. по 1/II 1923 г.	С 1/II 1923 г. по 1/VIII 1923 г.	С 1/VII 1923 г. по 1/II 1924 г.	С 1/II 1924 г. по 1/VIII 1924 г.	С 1/VIII 1924 г. по 1/II 1925 г.	С 1/II 1925 г. по 1/VIII 1925 г.	С 1/VIII 1925 г. по 1/II 1926 г.	С 1/II 1926 г. по 1/VIII 1926 г.	С 1/VIII 1926 г. по 1/II 1927 г.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Европа											
1	Великобритания	1.912	1.488	1.506	1.264	1 377	1.341	1.563	1.672	1.646	1.376	1.416
2	Франция	638[1]	601	551	628	543	520	533	589	567	612	625
3	Германия	706[1]	609	607	407	388	584	568	643	647	501	702
4	Италия	372	425	460	433	456	486	478	524	521	516	482
5	Чехо-Словакия	—	173	116	138	191	226	218	266	270	207	217
6	Испания	165	225	210	141	174	192	171	181	203	204	190
7	Бельгия	129	121	133	139	147	149	150	155	176	177	179
8	Швейцария	45	45	48	47	50	51	53	55	59	55	52
9	Польша	—	117	125	103	88	91	108	101	85	105	174
10	Австрия	419[2]	54	53	53	58	75	61	75	89	70	64
11	Голландия	42	55	55	52	36	20	62	74	76	76	79
12	Швеция	41	38	45	39	43	43	44	39	46	45	47
13	Португалия	37	33	35	51	51	40	31	44	41	44	42
14	Финляндия	—	15	16	16	16	14	13	15	18	21	20
15	Дания	13	8	16	12	11	10	10	8	12	9	10
16	Норвегия	6	4	4	3	3	3	6	4	3	3	3
	Азия											
17	Индия	849	1.151	1.216	1.036	1.140	925	1.207	1.233	942	1.122	1.262
18	Япония	790	1.260	1.283	1.293	1.174	1.163	1.181	1.278	1.344	1.472	1.443
19	Китай	—	760	870	739	713	858	766	844	910	845	1.000
	Америка											
20	Соед. Штаты	2.893	2.893	3.257	3.365	3.069	2 543	2.918	3.209	3.151	3.244	3.402
21	Канада	54	83	92	85	80	72	66	95	114	97	91
22	Мексика	24	68	73	63	73	76	106	87	115	107	103
23	Бразилия	91	250	275	395	194	185	281	252	362	420	189
24	Прочие страны	—	156	42	44	46	45	102	71	94	110	114
	Мировые итоги	10.138[3]	10.889	11.384	10.759	10.415	10.015	11.168	12.126	12.338	12.343	12 934

[1] Данные для Франции и Германии в 1913 г. перечислены Сектором Мирового Хозяйства и выражают потребление хлопка указанными странами в их современных границах.

[2] Для 1913 г. Австрия дана в старых границах (Австро-Венгрия).

[3] В мировые итоги включены страны и не упомянутые в таблице.

Источники: 1) International Cotton Bulletin, 1925, 1926, 1927; 2) Manchester Guardian Commercial, 1925 и др.

Таблица 9

Отдел II. ДЕНЕЖНЫЙ И КАПИТАЛЬНЫЙ РЫНОК

Внешняя эмиссия ценных бумаг Соед. Штатов [1] (в тысячах долларов)

№№ по порядку	Страны и части света	1922		1923		1924		1925		1926	
		Государственная и муниципальная	Частная	Государственная и муниципальная	Частная	Государственная и муниципальная	Частная	Государственная и муниципальная	Частная	Государственная и муниципальная	Частная
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Англия	—	—	—	—	—	—	—	15.500	—	6.000
2	Франция	31.000	51.975	—	—	100.000	57.200	—	20.000	—	—
3	Бельгия	—	—	—	—	80.000	10 000	50.000	—	50.000	1.400
4	Люксембург	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10.000
5	Италия	—	—	—	—	—	—	100.000	10.585	—	43.248
6	Голландия	47.400	18.220	—	—	46.000	—	—	0.200	—	—
7	Швейцария	—	—	20.000	—	30.000	—	—	—	—	—
8	Швеция	—	—	—	—	30.000	—	—	39.250	—	22.500
9	Норвегия	20.475	—	20.000	—	31.500	1.400	40 100	1.800	4.000	—
10	Дания	—	5.000	—	—	—	—	37.000	9.000	—	—
11	Германия	—	—	—	—	110 000	10.000	95.350	147 600	73.500	250.750
12	Саарская обл.	—	—	—	—	—	—	7.000	—	—	—
13	Австрия	—	—	25.000	—	—	3.000	7.500	8.000	7.000	3.000
14	Венгрия	—	—	—	—	9.000	—	10.000	3.000	6.000	—
15	Чехо-Словакия	21.500	—	—	—	10 750	—	25.000	4.000	—	—
16	Польша	—	—	—	—	—	—	35.000	—	—	15.000
17	Финляндия	—	—	10.000	—	7.000	12.000	10.000	—	15.000	—
18	Юго-Славия	25.000	—	—	—	3.000	—	6.000	—	6.000	—
19	Греция	—	—	—	—	11.000	—	—	—	—	—
20	Болгария	—	—	—	—	—	—	—	—	4.500	—
	Прочие	—	—	—	—	—	—	—	15.250[2]	—	12.200[2]
	Европа	145.375	75.195	75.000	—	468.250	93.600	422.950	274.185	166.000	364.098
	Азия [3]	100.000	—	50.000	19 900	150 000	37.000	—	66.500	19.740	10.000
	Канада	201.119	42.357	50 250	29.832	149.010	112.370	145.960	112 260	101.192	237.748
	Центральная и Южная Америка	169.930	4.000	117.500	4 200	159.750	76.030	147 430	63.020	327 582	112.621
	Австралия	16 000	2.500	—	—	—	—	75 000	—	—	
	Африка	—	—	0.345	—	—	—	—	—	—	—
	Общий итог	632.424	124.052	293.095	53.932	927.010	319.000	791.340	515.965	614.514	724.467

1922—1925 гг. по исчислению „Wirtschaft und Statistik"; 1926 г. по исчислению Сектора Мирового Хозяйства Госплана СССР. Сверх итогов, приведенных в таблице, получается нераспределенный остаток в сумме: для 1922 г.—43.024; для 1923 г.—8.186; для 1924 г.—7.616; для 1925 г.—18 713 и для 1926 г.—22.634 тыс. долларов. Имеющиеся материалы не позволяют установить назначения этой эмиссии.

[1] По регистрации „The Commercial and Financial Chronicle".

Общая сумма эмиссии вместе с конверсией, в виду того, что нет возможности выделить для отдельных стран (за исключением Канады), приходящуюся на каждую из них долю конверсии. В среднем за 1922—26 гг. конверсии составляют около 18% общей суммы внешней эмиссии; около половины конверсий приходится на одну Канаду. Для стран других континентов конверсионные выпуски составляют ничтожный процент.

[2] Общества международного финансирования.

[3] 1922 г.—Голландская Индия; 1923 г.—Голландская Индия 50 милл. долл.; Япония 19,9 милл. долл.; 1924, 1925 и 1926 гг.—Япония.

Таблица 10

Эмиссия ценных бумаг в Голландии в 1922 — 1926 гг. (в тысячах флоринов)

	1922	1923	1924	1925	1926
Государственная и муниципальная эмиссия					
а) внутренняя. .	287.162	207.356	229.949	52.390	56.059
б) внешняя. . .	16.000	2.400	45.791	44.654	110.152
Итого . . .	303.162	209.756	268.740	97.044	166.211
Частная					
а) внутренняя. .	133.015	35.100	131.318	101.828	120.174
б) внешняя. . .	625	8.406	3.340	99.254	173.498
Итого. . . .	133.640	43.506	134.658	201.082	293.672
Всего					
а) внутренняя. .	420.177	242.456	354.287	154.218	176.233
б) внешняя. . .	16.625	10.806	49.131	143.908	283.650
Итого . . .	436.802	253.262	403.398	298.126	459.883
В %% к итогу					
а) внутренняя. .	96	96	88	52	38
б) внешняя. . .	4	4	12	48	62

Источник: „Frankfurter Zeitung", 1927.

Таблица 11

Отдел III. ОБОБЩАЮЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Платежный баланс Англии за 1924 — 1926 гг. [1] (в милл. фунтов стерлингов)

Статьи	1924	1925	1926
Пассив			
Превышение импорта над экспортом товаров и драгоценных металлов	324	384	477
Сальдо платежей британского правительства иностран. госуд	25	11	—
Итого. . . .	349	395	477
Актив			
Чистый доход от судоходства	140	124	120
Чистый доход от помещения капиталов за границей.	220	250	270
Доходы от краткосрочных помещений и комиссионных услуг.	60	60	60
Доходы по прочим статьям.	15	15	15
Итого. . . .	435	449	465
Баланс			
(Превышение актива (+), превышение пассива (—)	+ 86	+ 54	— 12

[1] Исчислен „Board of Trade" (за исключением инвестиций капиталов и погашения задолженности).

Источник: „Board of Trade" 1927.

Таблица 12

Платежный баланс Германии в 1925 и 1926 гг.[1]

(В миллионах марок)

Статьи	1925	1926
Актив		
I. Текущие статьи		
Видимый экспорт (без драгоценных металлов) . . .	8.960	10.100
Репарационные поставки	660	700
Доходы от услуг (сальдо)	140	180
„ „ туристов (сальдо)	30	40
II. Капитальные статьи		
Импорт капиталов:		
а) Займы	1.200	1.700
б) Прочие	2.740	—
Итого . . .	13.750	12.750
Пассив		
I. Текущие статьи		
Видимый импорт (без драгоценных металлов) . . .	11.810	9.600
Репарационные платежи	1.000	1.270
Уплата процентов по заграничным займам	190	180
II. Капитальные статьи		
Повышение импорта золота и серебра над экспортом	680	550
Экспорт капиталов:		
а) Увеличение девизного покрытия валюты . .	150	140
б) Уплата займов, предоставление кредитов и проч.	—	980
Итого . . .	13.750	12.750

[1] Исчислен „Reichskreditgesellschaft".

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В статье „Движение дисконта и проблема регулирования его" („План. Хоз.", № 12, 1926 г.) на стр. 95 я цитирую несколько строк из заметки, помещенной в „Финансовой Газете" 22 января 1926 г.: „Общества взаимного кредита являются регулятором частного денежного рынка и подготовляют рынок для размещения на нем госзаймов".

Эта цитата принадлежит И. И. Кауфеленбауму.

Между тем, по недосмотру я приписала ее профессору Кауфеленбауму.

Считаю это досадной ошибкой и приношу свое извинение проф. З. С. Кауфеленбауму.

С товарищеским приветом С. Шахновская

Исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
12	21 сн.	опять поступил	приступил
14	21 „	14,1	14,5
16	6 св.	в 1930/31 г.	к 1930/31 г.
16	11 сн.	так	как
18	28 „	составит	составил
21	1 св.	еще другой	другой
23	4 „	сведений	сведенных
30	5 „	ралличные	различные

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ГОСПЛАН СССР

Москва 19, Воздвиженка, 5. Телеф. 1-35-42.

И. Г. АЛЕКСАНДРОВ

„ДНЕПРОСТРОЙ“

Предисловие

Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО

Ц. 1 р.

Н. Эйсмонт и

А. Аксамитный

„ВОЛГО-ДОНСКОЙ КАНАЛ“

Ц. 75 к.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Временные технические условия и нормы проектирования и возведения железобетонных сооружений. II изд. Ц. 1 р. 20 к.

Временные нормы расхода строительных материалов по Урочному Положению для плотничных, каменных и штукатурных работ с соответствующими изменениями и дополнениями Урочного Положения. II изд. Ц. 20 к.

Временные на 1926 г. поправочные коэффициенты к нормам затраты рабочей силы по Урочному Положению для строительных работ и изменения и дополнения Урочного Положения. II изд. Ц. 15 к.

Примерные нормы для расчета и проектирования конструкций, применяемых в жилищном строительстве. Ц. 90 к.

Временные строительные правила и нормы для постройки жилых домов в поселках. Ц. 1 р.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 г.

НА ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА ГОСПЛАНА СССР

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Москва 19, Воздвиженка, 5, тел. 1-35-42

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на 1927 г.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Журнал ставит своей задачей в обстановке борьбы планового социалистического начала со стихией рынка твердой рукой проводить классовую пролетарскую линию, намечаемую руководящими органами партии, освещая вопросы экономики и экономической политики с точки зрения ленинизма.

Журнал предназначается не только для квалифицированных экономистов, но и для всего партийного и советского актива, борющегося на передовых позициях нашего хозяйственного фронта.

В журнале имеются следующие отделы:

1. **Экономика и экономическая политика.** Руководящие статьи по основным вопросам экономической политики, теории и практики планового хозяйства, экономические исследования и пр.
2. **За Советским рубежом.** Статьи и обзоры по мировой экономике.
3. **Экономика и техника.** Энергетика. Наши реконструктивные достижения. Новейшие достижения техники как иностранной, так и союзной и пр.
4. **По районам.** Статьи по вопросам экономического развития районов. Районирование.
5. **Критика и библиография.** Систематические обзоры вновь выходящей экономической литературы.
6. **Статистика.** Статистические исследования. Статистический бюллетень народного хозяйства СССР под редакцией С. Г. Струмилина. Статистический бюллетень мирового хозяйства под ред. С. А. Фалькнера.

Журнал выходит ежемесячно книгами в 18—20 печатных листов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ на 1927 г.:

На 12 мес. в пер.—24 руб. С приложениями—59 руб.
„ „ „ б/пер.—20 „ „ „ —55 „
На 6 мес. в пер.—13 руб. С приложениями—48 руб.
„ „ „ б/пер.—11 „ „ „ —46 „

В 1927 году к журналу „Плановое Хозяйство“ будут даны следующие приложения:

1. **Народное хозяйство СССР в 1924—26 гг.**
Под редакц. Г. М. Кржижановского, В. А. Базарова, С. В. Бернштейн-Когана, Б. Б. Веселовского, В. Г. Громана, Н. А. Ковалевского, А. С. Мендельсона, С. Г. Струмилина и Г. В. Шуба. Разм. до 30 печ. лист. Ц. 7 р.

2. **Мировое хозяйство в 1926 г.**
Обзор под редакц. Л. Я. Эвентова и Н. В. Якушкина. Размер до 20 п. л. Ц. 4 р.

3. **Экономико-географические очерки СССР.**
17 книг, об'емом в 120 п. л. Ц. 13 р.

I. **Европейская часть СССР.**
Вып. 1. Северо-Западный район.
Вып. 2. Северо-Восточный район.
Вып. 3. Белорусская ССР и Западный район.
Вып. 4. Центрально-Промышленный район.
Вып. 5. Центр.-Черноземный район.
Вып. 6. Средне-Волжский район.
Вып. 7. Нижне-Волжский район.
Вып. 8. Вятско-Ветлужский район.
Вып. 9. Крым.
Вып. 10. Украина.
Вып. 11. Урал.

II. **Кавказ.**

III. **Северная Азия.**
Вып. 1. Обский, Кузнецко-Алтайский и Енисейский районы.
Вып. 2. Дальне-Восточный и Ленско-Байкальский районы.
Вып. 3. Якутская АССР.

IV. **Средняя Азия.**
Вып. 1. Казакская АССР (Западный, Восточный и Южный районы Казакстана).
Вып. 2. Средне-Азиатские республики (Узбекская ССР и Туркменская ССР).

4. **Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 год.**
Размер до 30 печатных листов. Ц. 5 р.

5. **Перспективный пятилетний план народного хозяйства.**
Размер до 50 п. л. Ц. 6 р.

В розничной продаже цена перечисленных приложений будет выше приблизительно на 40%.

Читатели, подписавшиеся на „Плановое Хозяйство“ со всеми приложениями и оплатившие единовременно полностью подписку, получают скидку в 10% с полной суммы стоимости этой подписки при непосредственном обращении в Издательство или его отделения.

Цена журнала „Плановое Хозяйство“ без переплета со всеми приложениями 55 р., со скидкой в 10%—49 р. 50 к.

Цена журнала „Плановое Хозяйство“ в переплете со всеми приложениями 59 р., со скидкой в 10%—53 р.

Издательство Госплана СССР „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Москва 19, Воздвиженка, 9. Тел. 1-35-42 и 2-30-85, доб. 153.

Принимается подписка на 1927 г. на новое издание:

Двухнедельный бюллетень Сектора Мирового Хозяйства Госплана СССР

„КОН'ЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА“

под редакцией: С. А. Фалькнера, Г. А. Фельдмана, Л. Я. Эвентова и Н. В. Якушкина.

Бюллетень выходит двумя сериями (А и Б) два раза в месяц.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 3.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. (с 1 апр. 1927 г. по 1 апр. 1928 г.) — 24 руб., на 6 мес. (с 1 апр. 1927 г. по 1 октября 1927 г.) — 13 руб.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ ПЕРВАЯ КОМПАНОВКА

„ПЯТИЛЕТНЕГО ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР НА 1926/27 — 1930/31 гг.“

Под редакцией С. Г. СТРУМИЛИНА.

ЦЕНА 8 р. 40 к.

Книга высылается немедленно по получении денег (пересылка за счет Изд-ва) или наложенным платежом (пересылка и расходы по наложенному платежу за счет заказчика).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 г. НА

„ТРАНСПОРТНУЮ ГАЗЕТУ“

Орган Народного Комиссариата Путей Сообщения

„ТРАНСПОРТНАЯ ГАЗЕТА“ всесторонне освещает деятельность всех видов транспорта СССР и знакомит читателя со всеми достижениями техники и экономики транспорта как у нас, так и за границей.

„ТРАНСПОРТНАЯ ГАЗЕТА“ дает все необходимые справки и разъяснения по вопросам, связанным с производственной жизнью транспорта, и является настольным руководством каждого транспортного работника.

„ТРАНСПОРТНАЯ ГАЗЕТА“ необходима всем учреждениям, предприятиям и организациям, соприкасающимся с транспортом, и всем частным лицам, интересующимся состоянием и работой нашего транспортного хозяйства.

„ТРАНСПОРТНАЯ ГАЗЕТА“ выходит 2 раза в неделю и стоит крайне дешево.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1	месяц	— руб.	40 коп.
3	„	1 „	20 „
6	„	2 „	30 „
12	„	4 „	50 „

Цена отдельного номера 5 коп.

ЦЕНА на ОБ'ЯВЛЕНИЯ:

Строка нонпарели позади текста — 1 руб., впереди текста — 2 руб. Сверх тарифа за объявления, согласно постановления СНК от 11/IV и 6/VI п. г., взимается 15% налога. При многократном печатании скидка по соглашению.

ПОДПИСКУ и ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Новая Басманная, № 2. комн. 147, тел. 1-87-60, доб. 4-22. Подписка принимается также во всех агентствах и магазинах „Транспечати“; во всех почтово-телеграфных конторах СССР, в киосках Контрагентства печати МОПа и др.